

St. Petersburg State University
Department of History
The Chair of Modern and Current History

**THE PROBLEMS OF
HISTORY OF RUSSIA AND
NORTH-EUROPEAN
COUNTRIES**

**FROM THE MIDDLE AGES
TO THE PRESENT DAY**

**(BY 90TH ANNIVERSERY OF PROF.
I. P. SHASKOLSKY BIRTHDAY)**

St. Petersburg
2009

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
РОССИИ И СТРАН
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ**

**ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШИХ
ДНЕЙ**

**(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И. П. ШАСКОЛЬСКОГО)**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009

ББК 63.3(0)

П78

Редакция: д.и.н., проф. Барышников В. Н., к.и.н. Бодров А. В., к.и.н., доц. Веригин С. Г., д.и.н., проф. Возгрин В. Е. (пред.), Гончарова Т. Н., к.и.н., доц. Заостровцев Б. П., д.и.н., проф. Кривошеев Ю. В., д.и.н., проф. Кротов П. А., к.и.н. Сидоренко Л. В., к.и.н. Шрадер Т. А., Эль-Ашкар А. Х.

Рецензенты: д. и. н., проф. Ушаков В. А. (СПбГУ)
канд. ист. наук Лихоманов А. В. (РНБ)

П78 Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). / Сост. В.Е. Возгрин. – СПб.: изд-во «АИК», 2009. - 360 с.

ISBN 978-5-94396-050-5

В книге представлены доклады и сообщения участников конференции, посвящённой памяти известного российского историка-скандинависта И. П. Шаскольского. Авторы рассмотрели в различных аспектах круг тем и проблем, которые были близки И.П. Шаскольскому как исследователю. Это политические, социальные, экономические и культурные аспекты истории Северо-Запада России, а также Финляндии и скандинавских стран. Материалы сборника включают также ряд сюжетов, имеющих отношение к истории войн, дипломатии, торгового мореплавания в бассейнах Балтийского и Белого морей.

Книга адресована специалистам и читателям, интересующимся историей северных регионов Европы и России с первой трети XVI в. до середины XX в.

The book presents the reports and presentations of the conference dedicated to the memory of the famous Russian historian I. P. Shaskolskiy. The authors reviewed the various aspects of the range of topics and issues which were close to rye I. P. Shaskolskiy as a researcher. It's political, social, economic and cultural aspects of the history of North-West Russia and Finland and the Scandinavian countries. Proceedings of the collection also includes a number of subjects relevant to the history of warfare, diplomacy, merchant shipping in the Baltic and White Seas.

The book is addressed to specialists and to readers interested in the history of the northern regions of Europe and Russia with the first third of the XVI century. until the middle of XX century.

ББК 63.3(0)

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2006 - 2008 гг.)", тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 "Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях".

ISBN 978-5-94396-050-5

© Исторический факультет СПбГУ, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба учёного и педагога, которому посвящён этот сборник, сложилась, можно сказать, счастливо. Главное - он не пострадал от сталинских репрессий, как многие его наставники и коллеги. Игорь Павлович Шаскольский прожил долгую жизнь, целиком посвящённую исторической науке. Для этого служения он был великолепно подготовлен. И. П. Шаскольский родился 31 октября 1918 г. в Петрограде, в семье коренных петербуржцев-интеллигентов.

Его мать принадлежала к дворянскому роду Малоземовых, отец-лютеранин был известен как владелец столичной аптекарской фирмы. Учился И. П. Шаскольский в знаменитой Петришуле, где блестяще овладел немецким языком - первым из иностранных, которые он изучал всю свою жизнь. 1936 - 1941 гг. будущий учёный провёл на историческом факультете Ленинградского университета, где учился сразу на двух отделениях - историческом и археологическом. Его наставниками в эти годы были такие личности, ставшие ныне легендарными, как С. Н. Валк, М. К. Каргер, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов, В. И. Равдоникас, М. Д. Приселков, А. Д. Люблинская и другие учёные мирового класса. Следует сказать, что благодаря этим преподавателям на факультете в предвоенные годы продолжилась научная и методологическая линия «петербургской исторической школы», несмотря на сталинский террор, от которого пострадали не только отдельные ленинградские историки, но и целые коллективы.

Научные интересы И. П. Шаскольского определились ещё в студенческую пору - это были проблемы, связанные с взаимными отношениями древней Руси со скандинавскими странами до XVIII в. включительно. Иными словами, от углублённого изучения «варяжского вопроса» до Великой Северной войны 1700 - 1721 гг. Уже на этом этапе научной деятельности И. П. Шаскольский основывал свои изыскания на ранее неис-

пользованных письменных источниках, что позволило ему выдвинуться в исторической скандинавистике на одно из первых мест - оттого, что он успешно продолжил великолепную традицию своих предшественников - таких, как Ф. А. Браун, Е. А. Рывдзевская и О. А. Добиаш-Рождественская. В результате, молодой, двадцатидвухлетний, учёный издал в 1940 г. свою первую монографию «Борьба русского народа за невские берега».

Затем круг научных интересов И. П. Шаскольского значительно расширился: он публикует ряд работ по истории финно-угорских народов Карелии, Прибалтики и Финляндии, их взаимоотношений со шведами и русским населением Северо-Запада. В условиях начавшейся войны (И. П. Шаскольский не мог быть призван по причине слабого зрения) учёный работал в противовоздушной службе университета и на строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом. Затем он был эвакуирован в Ярославскую область, где получил назначение заведующим одного из районных отделов образования. Вернувшись в Ленинград после снятия блокады, И. П. Шаскольский успешно закончил аспирантуру и в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII в.». Став старшим научным сотрудником Карело-финской базы АН СССР, он подготовил совместно с Р.Б. Мюллер и некоторыми другими коллегами монографию «История Карелии с древнейших времён до середины XVIII в.», к сожалению, не вышедшую в печатном виде по причине содержащихся в ней «политических ошибок» - случай в те годы нередкий.

В 1953 г. И. П. Шаскольский был принят на работу в ленинградский Музей истории религии и атеизма, а с 1956 г. - в Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Здесь он разворачивает широкую исследовательскую работу в области истории русско-шведских экономических отношений, а также экономических, военных и политических отношений России с Финляндией, прибалтийскими и скандинавскими странами,

здесь он защитил докторскую диссертацию. Появляются в его творчестве работы по такой острой теме, как норманнская теория, а также ряд публикаций, посвящённых исторической географии Северо-Запада России и близлежащих финно-угорских ареалов. Что же касается его научных позиций по отношению к «норманнской теории», то наиболее полно она была выражена им в статье, вошедшей в сборник «Исторические связи Скандинавии и России» в 1970 г.

К этому времени вышеперечисленные и многие иные работы И. П. Шаскольского создали ему широкую известность в научных кругах СССР и за рубежом, причём не только в скандинавских странах и Финляндии. Он много лет занимался преподавательской работой в Ленинградском университете, участвуя в воспитании нового поколения отечественных скандинавистов. Эту же задачу решали научные конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии, неизменным участником которых он являлся много лет.

Игорь Павлович был прекрасной души, добрым, отзывчивым и неизменно благожелательным человеком. Память о нём навсегда сохранится в сердцах его бывших учеников и коллег. И этот сборник - скромная дань благодарности Игорю Павловичу Шаскольскому.

Выбор статей в сборнике определялся кругом интересов учёного, памяти которого он посвящён. Иными словами, публикуемые материалы, так или иначе, имеют непосредственное отношение к истории стран Скандинавии, Финляндии или российского Севера.

Очерёдность расположения статей в сборнике - хронологическая. Поэтому одной из первых помещена коллективная публикация документов, относящихся к XVI в., автором самой идеи которой, а также главным ее разработчиком был И. П. Шаскольский (это - одна из последних его работ). Она вышла в свет в 1998 г. Сам он её в опубликованном виде уже не увидел.

Редакционная коллегия приняла решение о публикации этого небольшого по объёму труда по двум причинам. Во-первых, за прошедшие десять с лишним лет появились некоторые новые соображения, способные обогатить смысловое содержание статьи, а также заново пересмотреть и уточнить текст перевода (то есть, это не репринт, а новое, дополненное и исправленное издание). Во-вторых, она опубликована в сборнике, который, бесспорно более близок и доступен преподавателям и студентам исторического факультета, чем первое издание. А это значительно облегчит нашим коллегам-преподавателям и студентам использование ценных источников по истории Московского государства и стран Северной Европы, которым посвящена статья.

Несколько слов о её истории. И. П. Шаскольский обнаружил в 1980-х гг. зарубежную публикацию четырёх великокняжеских грамот, которые были совершенно неизвестны отечественной науке. Публикация их в переводе с датского языка начала XVI в. стала научной сенсацией, так как последние из давно известных великокняжеских грамот были введены в исследовательский оборот многие десятки лет тому назад. Таким образом, после долгого перерыва имел место настоящий прорыв в информативное поле Московского государства эпохи великого князя Василия III. Особая ценность опубликованных источников в том, что они содержат не некие общие, формальные и стандартные фразы, характерные для многих официальных документов, в том числе великокняжеских или более поздних царских грамот. Напротив, они изобилуют точными информативными данными, имеющими огромную ценность не только для специалистов по экономической истории, но и для учёных, изучающих политическое, социальное и культурное прошлое России и соседней Норвегии. Именно поэтому можно охарактеризовать эту публикацию как бесспорно первоклассный источник для настоящей и будущей историографии России XVI в.

Статья Е. И. Кобзаревой посвящена политической и дип-

ломатической истории русско-шведских отношений в 1670-х гг. Автор приходит к ряду важных выводов, имеющих отношение не только к непосредственному предмету исследования. Поскольку в указанный период возникла реальная угроза вторжения московских войск на территорию Швеции, Карл XI предпринимает энергичные попытки предотвратить вооружённый конфликт. В статье приводятся доказательства абсолютной незаинтересованности короля в войне с соседом - пример «восточной политики» второй половины XVII в., когда Швеция с трудом поддерживала свой статус балтийской великой державы. Денег в казне не самого богатого королевства едва хватало для сохранения обширных заморских провинций и заокеанских колоний, приносивших весьма скромные прибыли. Этот финансовый баланс был основан на экономике мирного времени, отчего и в дальнейшем Карл XII продолжал политику отца, по возможности избегая военной опасности. Но это ему, как известно, не удалось.

Тема внешней политики Карла XII получила дальнейшее развитие в статье В. Е. Возгриня, хотя она посвящена, в основном, южному направлению российских политических инициатив в 1700 - 1711 гг. Здесь на основе архивных и иных источников впервые раскрыт смысл и направленность многосторонних переговоров и иной политической деятельности представителей России, Швеции, Крымского ханства и Турции, связанные с основными событиями Великой Северной войны. В исследовании показана закономерность провала «черноморской» политики Петра I и конкретные причины полного отказа царя от её продолжения в дальнейшем.

Стремление России и Швеции гарантировать свободу и безопасность торгового мореплавания на Балтике в середине XVIII в., дипломатические инициативы этих стран в достижении общей цели освещены в статье М. Ю. Анисимова. Ситуация осложнялась военными действиями, в которых принимали участие Пруссия, Англия, Франция и Австрия, участвовавшие в

Семилетней войне 1756 - 1763 гг., а также в многосторонних и многоплановых политических акциях - как открытых, так и тайных. Несмотря на противодействие некоторых дипломатических служб, 9 марта 1759 г. в Санкт-Петербурге была заключена русско-шведская Конвенция о безопасности торговли на Балтийском море. Этот совместный документ елизаветинской эпохи имел не только экономическое, но и политическое значение в дальнейшем, когда, уже при Екатерине II, была опубликована известная Декларация о вооружённом нейтралитете 1783 г., в основу которой легли основные положения упомянутой Конвенции.

Эта императрица вообще почти постоянно уделяла внимание политическим отношениям со Швецией, иногда оставлявшим желать лучшего, особенно после 1738 г., когда к власти в Стокгольме пришли реваншистски настроенные представители «партии шляп». Как показано в статье С. И. Бугашева, они сразу же стали готовить войну с Россией, которая через три года и была развязана. Много позже, уже после того, как в 1766 г. «шляпы» были окончательно изгнаны из правительства, Екатерина II, опасаясь реваншистского рецидива, видела гарантию мира на Севере в поддержке своей политики многоопытной и искушённой дипломатией Англии, чего ей и удалось достичь. Автор статьи развернул широкую картину политического противостояния российско-английской дипломатии французским попыткам разрушить согласие между Швецией, Англией и Россией. И, в конечном счёте, версальские представители в Стокгольме были принуждены к отступлению. Тем не менее, подчёркивает исследователь, эта победа была для Екатерины неполной, поскольку императрице так и не удалось сколотить запланированный ею новый многосторонний Северный союз.

Дальнейшему развитию русско-шведских отношений, уже в ситуации открытой войны между соседними странами, посвящена статья Я. А. Сексте. Собственно, это исследование, в отличие от предыдущего, относится к жанру «чисто» военной

истории и призвано пролить свет на некоторые спорные вопросы русско-шведской войны 1788 - 1790 гг. Одним из основных сюжетов такого рода является избранная автором история Гогландского морского сражения в июле 1788 г., результаты которого («кто победил?») с екатерининских времён и до наших дней оцениваются российскими и шведскими исследователями прямо противоположным образом. Статья является, среди прочего, попыткой расставить и в этом вопросе все точки над «i».

Лакуну в богатой и многоплановой истории Крымской войны 1853 - 1856 гг. призвана заполнить статья Р. А. Давыдова на тему российской внешней торговли и судоходства в регионе Белого и Баренцова морей в военные годы. Архивные материалы, использованные исследователем, позволили ему сделать важные выводы. Оказывается, несмотря на блокаду российских портов, объявленную союзниками (и подкреплённую английской эскадрой, постоянно находившейся в устье Северной Двины), как местные владельцы мелких судов, так и крупные российские сухогрузы совершали коммерческие рейсы в соседнюю Норвегию, и лишь незначительное число их было захвачено неприятелем. При этом была выполнена важнейшая задача снабжения населения Архангельска и других городов продуктами питания, в первую очередь, норвежской рыбой, что избавило этот обширный край от продовольственных трудностей.

М. М. Сафонов углубился в своей статье в тайны Малого двора Екатерины Алексеевны, великой княгини, затем императрицы Екатерины II. Предметом этого интересного исследования, основанного на отечественной мемуаристике и архивных материалах, стала судьба одной из приближённых Екатерины, юнгферы М. П. Жуковой. История сугубо личного характера, она прекрасно характеризует мир интриг, свойственный едва ли не всем европейским дворам, прекрасно передаёт характеры и нравы екатерининской эпохи.

Учёный, давно и заслуженно пользующийся авторитетом в области исторического краеведения, Г. М. Коваленко посвятил

своё очередное исследование наследию шведских и финских учёных и путешественников, посетивших Новгород в XVIII - начале XX вв. и записавших свои впечатления о городе. Не ограничиваясь краткой, но ёмкой характеристикой наследия, оставленного северными гостями Новгорода, исследователь уделяет пристальное внимание личностям самих авторов. И ему удаётся вывести некие закономерности: со временем меняется как форма, так и содержание упомянутых записок, они зависят от уровня образованности и интеллигентности путешественников, их знания русского языка и т. д. Несколько выходя за рамки жанра, автор статьи помещает в неё информацию, совершенно необходимую для полного освещения избранной темы - имеются в виду археологические, топонимические, лексикографические изыскания, которые шведские и финские учёные проводили как в самом Новгороде, так и у себя на родине.

Более широкой теме - развитию российско-финских культурных связей на протяжении последних трёх столетий - посвящена статья К. С. Балашовой. Эта работа может оказаться полезной, прежде всего, для интересующихся историей советских (и финских прокоммунистических) общественных организаций, а также наведения так называемых «культурных мостов» в советский и постсоветский периоды.

На грани истории и этнографии выстроена статья Т. А. Шрадер о норвежских колонистах в России, основанная на архивных материалах и правовых актах XIX в. Здесь поэтапно раскрывается процесс колонизации этого региона, в том числе и в законодательном аспекте. Автор вводит в научный оборот документы различных ведомств российского правительства, а также приводит данные о конкретных колонистах, переселившихся в Россию, их численности, экономическом положении, профессиях и т. д.

Миф о русской угрозе в Скандинавии XIX - XX вв., причины его возникновения, история его развития во времени и т. д. разработаны в статье В. И. Мусаева. Основная тема работы

рассматривается в различных аспектах и на фоне не только идеологических, но и политических событий, явлений и процессов. Весьма положительной особенностью статьи является то, что автор не просто развенчивает «миф о русской угрозе», голословно утверждая его безосновательность, что, между прочем было характерно для советской исторической литературы, посвящённой схожим сюжетам. В. И. Мусаев выстраивает логическую цепочку доказательств, почему именно Россия в отдельные этапы её истории не могла быть заинтересована в захвате норвежской (у Мурмана) или каких-либо иных территорий сопредельной страны.

Дискуссия в правительственных кругах России конца XIX - начала XX вв. по поводу целесообразности русификации Финляндии - тема весьма сложная, как вообще вся проблема русификации населения имперских окраин. Известно, что этому процессу были подвергнуты в той или иной мере автохтонные народы Украины, Крыма, Сибири и т. д. И в каждом из отдельных случаев решение о русификации принималось в самых высших сферах. Согласно материалам автора статьи Д. И. Стогова, сама идея русификации финляндцев родилась в качестве ответа на стремление народа сохранить свою культурную Самобытность, невысказанную без культурной автономии великого княжества в составе России. Во время губернаторства в Финляндии Н. И. Бобрикова (1898 - 1904) процесс русификации достиг своего пика, сопровождаясь жестокими репрессиями в отношении «автономистов». В статье прослежен путь русификаторской идеи в дальнейшем, причины отступления от неё правительства после революции 1905 - 1907 гг. и, вторично, после убийства П. А. Столыпина, в своё время пытавшегося возродить законодательные и иные основы, на которые опиралась «финская» политика Н. И. Бобрикова.

А. В. Смолиным поднят тот же «Финляндский вопрос», но уже на следующем, послереволюционном, этапе, и в представлениях не российского правительства, а элиты белого дви-

жения. Да и рассматривался этот вопрос вчерашними царскими политиками под совершенно иным углом зрения: если раньше Финляндия считалась «подушкой Петербурга», то теперь с её территории планировалось силами белой армии нанести по ленинскому Петрограду смертельный удар. Более того, ведущие политики Финляндии (К. Г. Маннергейм) предлагали в этом походе военную помощь национальных вооружённых сил - но в обмен за полное и безоговорочное признание независимости Финляндии. Этот вариант решения «финляндского вопроса» серьёзно рассматривался элитой белого движения, но против него решительно выступил Русское политическое совещание в Париже, смотревшее на Финляндию как на самовольно отложившуюся территорию империи, с которой недопустимы никакие компромиссы. Но, как это весьма ярко показано в статье, по этому вопросу отсутствовало единство и в самом «белом стане», вплоть до тех пор (осень - зима 1919 г.), когда финская помощь утратила для белых всякую актуальность - стало слишком поздно.

Выбор Карелией пути дальнейшего политического развития в первые годы после Октябрьской революции стал темой статьи А. И. Бутвило. Этот выбор, как показывает анализ сложившейся в ту пору ситуации, сводился к дилемме: оставаться ли карелам в составе России (имперской или, в случае поражения белого движения, - советской) или же присоединиться к Финляндии, которая выражала заинтересованность. Однако в 1920 г. появился и третий путь: создания суверенного карельского государства, независимого, в частности, от Советской России. В конечном счёте, был избран совершенно иной путь: создания Карельской Трудовой коммуны в качестве «альтернативной Финляндии», то есть независимого государства с высококоразвитой экономикой и социальной сферой. Однако, судя по тому, что этот вариант был проведён в жизнь бежавшими из Финляндии «красными финнами», получившими в Карелии большой политический вес, дальнейшая судьба местного насе-

ления была predetermined.

В статье, посвящённой жизненному пути великой княжны Марии Павловны-младшей, выданной в 1908 г. за шведского принца, использована, главным образом, мемуарная литература. Автор статьи, О. Н. Кузнецова, попыталась увидеть шведский двор начала XX в. глазами русской княжны. В целом, эта скромная по тематическому охвату задача успешно решена.

Финская исследовательница В.-Т. Васара рисует в своей статье многоцветную картину финляндского общества после окончания гражданской войны, которая расколола нацию надвое - как и в России. Однако на этом сходство и кончается, так как в Финляндии политическая борьба мирного времени была намного сложнее, чем в СССР. В финской Первой республике традиционный национализм, ранее преследовавший цель освобождения, теперь превратился в ксенофобское и экспансионистское течение крайне радикального толка. В этот период особое значение в размежевании политических движений и тактике их борьбы приобретает «русский фактор», то есть, по праворадикальной терминологии, постоянная угроза с востока, постоянное стремление русских вернуть себе хотя бы часть утраченной Финляндии (кстати, заметим в скобках, 1939 г. показал, что эта идея была не так и беспочвенна. - В. В.). В.-Т. Васара считает, что «русский фактор» являлся ключевым элементом в идеологии и практической деятельности правых радикалов. К этому выводу она пришла, исследовав материалы таких организаций и политических движений, как Академическое карельское общество, крестьянское лапуаское движение и Патриотическое народное движение. Далее, автор утверждает, что «русский фактор» не являлся каким-то единым, односоставным элементом влияния, но его следует рассматривать как совокупность ряда геополитических, расовых и идеологических факторов, отнюдь не исключавших друг друга. Просто, в зависимости от сложившегося исторического контекста, эти факторы проявляются различными способами и с разной степенью относительного воз-

действия на финляндское общество.

Более широко, в масштабе всей Скандинавии, история межвоенного периода рассмотрена в статье М. А. Катцовой, посвящённой организации регионального сотрудничества стран Северной Европы. Здесь исследованы события, далеко отстоящие от нашего времени, но, тем не менее, избавившие от ошибок прошлого политиков, создавших в послевоенный период ряд ныне действующих северных международных организаций и институтов (важнейший из них - Северный Совет). Уже поэтому тема статьи весьма актуальна. Исследовав историю попыток организации северного сотрудничества, автор статьи позволяет читателю приблизиться к пониманию причин, по которым политическое «северное единство» оказалось столь непрочным в преддверии Второй мировой войны. Но кое-что удалось сделать и предвоенным политикам. Их важнейшим достижением на пути к северному сотрудничеству стало создание т. н. «сети стран Северной Европы».

Перу этого же автора принадлежит исследование на схожую, но более узкую тему - о роли Северного комитета сотрудничества социал-демократических партий и лидеров профсоюзного рабочего движения (СКС) в попытках стран Северной Европы сблизиться в межвоенный период. Соответственно и выводы здесь более локальные, что, впрочем, никак не отражается на их ценности. Тем более, что именно СКС играл важнейшую роль в процессе формирования государственной политики сотрудничества стран, в нём участвовавших. Эта политика, как упоминалось выше, в целом, провалилась. Однако, делает вывод М. А. Катцова, СКС, более чем какая-либо иная сила северного региона, способствовал формированию идеи северного единства. В дискуссиях, которые вели участники СКС, определялись (причём на высшем государственном уровне) основные направления и принципы северного единства, возрождение которого, наконец, состоялось в послевоенные годы.

История сотворения и, в дальнейшем, функционирования

марионеточного терийокского правительства в период «зимней войны» в последнее время стала достаточно хорошо известной. Однако весьма важные аспекты его поддержки не на государственном, а региональном уровнях донныне не становились предметом научного исследования. Эту лакуну заполнил С. Г. Веригин своей статьёй о роли Карелии, точнее, советских политических и идеологических институтов этой республики, в оказании всемерной помощи терийокским «правителям» Финляндии. В статье рассматривается как временный успех советской пропаганды среди населения региона и личного состава Красной армии, так и, вкратце, история бесславного конца терийокского правительства.

Целью исследования В. Н. Барышникова был поиск ответа на один из ключевых вопросов новейшей истории Финляндии - имелось ли к июню 1941 г. какое-то соглашение между ней и Германией, касавшееся будущего военного сотрудничества? В 1945 - 1946 гг., во время судебного процесса, финские военные преступники отвечали на него отрицательно, как, впрочем, и финские историки 1940 - 1950-х гг. Поскольку письменных источников, прямо указывающих на наличие такого соглашения, донныне не обнаружено, исследователю пришлось иметь дело с косвенными доказательствами, что значительно усложняло его задачу. И такие доказательства были обнаружены. Благодаря собранным по крупицам сведениям о секретных германо-финских переговорах в мае 1941 г., удалось определить их смысл: он касался совместных военных действий против СССР. Этот вывод был подтверждён рядом иных доказательств: велись переговоры о послевоенном пересмотре финско-советской границы (в пользу Финляндии, естественно), о совместных военных действиях на востоке и о допуске на территорию Финляндии германской армии. Как указывается в статье, эти планы были осуществлены: уже в июне 1941 г. в Финляндию были переброшены германские войска и корабли, с санкции финского президента немцы стали минировать выход из Финского залива,

а с началом войны начались систематические нарушения финско-советской границы. Таким образом, делает вывод автор статьи, летом 1941 г. явно имелись конкретные германо-финские договорённости на военном и политическом уровне.

Сборник завершается статьёй, подготовленной дочерью И. П. Шаскольского, Татьяной, которая впервые публикует материалы, имеющие непосредственное отношение к биографии Игоря Павловича. Речь идёт о жизненном пути его отца, который, несмотря на непростую судьбу, многое сделал для становления И. П. Шаскольского как человека и будущего учёного. В частности, именно благодаря своему отцу, Игорь Павлович впервые заинтересовался Севером и его людьми, что сказалось в дальнейшем и на выборе сферы научных поисков.

*Председатель редколлегии издания
Д.и.н., профессор кафедры истории Нового и новейшего
времени СПбГУ*

Возгрин В. Е.

PREFACE

The life of the scholar and teacher, to whom this book is dedicated, seemed to be lucky. The crucial point is that he didn't suffer during Stalin's repressions, as opposed to many of his tutors and colleagues. Igor Pavlovich Shaskolsky lived a long life, wholly dedicated to History. And he was well prepared for his mission. I. P. Shaskolsky was born at Petrograd in October 31, 1918 in native Petersburg's intellectual family.

His mother was the member of the noble family of Malozemovi, his father was known as the owner of the pharmaceutical company in Russian capital. I. P. Shaskolsky studied at the famous German school - St. Petri-Schule, where he learned fluently German language. In 1936 - 1941 future scholar was a student of the Historical department of Leningrad University, where he visited two sections - historical and archeological. His tutors were such legendary persons as S. N. Valk, M. K. Karger, V. V. Mavrodin, I. I. Smirnov, V. I. Ravdonikas, M. D. Priselkov, A. D. Lublinskaya and many other scholars of first class level. We should say, that these professors were responsible for continuing the line of so called "Petersburg's historical school" in spite of Stalin's terror, which led to destroying not only persons, but the whole groups of historians.

The historical interest of I. P. Shaskolsky was formed during his student's years. He chose to study the problems of relations between Ancient Russia and Scandinavian countries through XVIII-th century. Otherwise, from the "Norman question" till the Great Northern War of 1700-1721. Already during this period of his researching activity I. P. Shaskolsky based his investigations on unused earlier written sources that helped him to become one of the leaders in researching Scandinavian region. He continued magnificent tradition of his predecessors, such as F. A. Brown, E. A. Ryvdzevskaya and O. A. Dobiash-Rozhdenstvenskaya. As result in the age of 22 years young scholar printed in 1940 his first monograph - "The Struggle of the Russian People for Nevsky

Shores”.

Then I. P. Shaskolsky broadened his interests: he published several works about the history of the Finno-Ugric peoples of Karelia, Baltic region and Finland, their relations with Swedish and Russian population of the North-West region. During the Second World War (I. P. Shaskolsky wasn't mobilized because of his weak eyesight) the scholar worked in anti-aircraft service of the University and built defensive constructions near Leningrad. Then he was evacuated to Yaroslavl district where he was appointed the director of one of local educational services. After returning to Leningrad in 1944, I. P. Shaskolsky successfully ended post-graduate course and in 1947 defended his Candidate's thesis “The Struggle of Novgorod with Sweden and Norway up to sixties of XIII century”. Then he became the senior staff scientist of Karelian-Finnish department of Soviet Academy of Sciences and prepared with R.B. Muller and some other colleagues monograph “The History of Karelia from the Ancient Times till Mid-Eighteenth Century”. Unfortunately this book wasn't published because of political censorship.

In 1953 I. P. Shaskolsky began to work in the museum of history of religion and atheism in Leningrad. Then from 1956 he became the member of Leningrad department of Historical Institute of SAS. Here he started researching the historical problems of the relations between Russia and Sweden, also between Russian and Finland, countries of Baltic region and Scandinavia. Here he defended his doctor's thesis. He also published works that deals with so complicated problem as “Norman theory”, historical geography of the North-West region of Russia and nearly concentrated Finno-Ugric peoples. His attitude towards “Norman theory” was fully expressed in his article in the book “Historical connections between Scandinavia and Russia” (1970).

By this time I. P. Shaskolsky became well-known scholar in the USSR and abroad (even in non-Scandinavian countries). For many years he taught students in Leningrad University and prepared the new generation of Russian specialists in the history of

Scandinavian region. He was also the permanent member of numerous conferences, dealt with the problems of Scandinavian countries and Finland.

Igor Pavlovich was friendly, kind-hearted person of ready sympathy. The memory of him would live for ages in the hearts of his former followers and colleagues. And these collected articles are modest gratitude to immortal scholar Igor Pavlovich Shaskolsky.

The choice of the articles was based on the problems, which was studied by Shaskolsky. Otherwise, published materials are connected with the history of Scandinavia, Finland or Russian North region. The articles are given in chronological order. So the first one covers XVI-th century. The idea of this collective article was offered by I. P. Shaskolsky. It was one of his last works, appeared in 1998. Unfortunately, the scholar didn't see its printed version. The editorial board of this book decided to publish this small work for two reasons. First, during more than ten years after it had been written, some new and useful ideas have appeared. So it would be corrected edition, not reprinted. Second, new article would be published in a book, more available for lecturers and students of the Historical department. That means that it would be easier for them to use valuable sources on the history of Muscovy and the countries of Northern Europe.

Now few words about the history of this article. In 1980-s I. P. Shaskolsky found foreign publication of four documents of grand dukes, absolutely unknown in Russian history. Their translation from Danish language of XVI century became real sensation, because last foundation of such documents took place several decades earlier. So I.P. Shaskolsky made a great scientific breakthrough in the history of Muscovy during Basil III's reign. These documents are very valuable for researches because they contain precise information, useful for all researches of economical, political, social and cultural past of Russia and Norway. So we can characterize this publication as first-class source.

The article of E. I. Kobzareva covers political and diplomatic history of the Russian-Swedish relations in 1670th. Based on the archival documents the author comes to a number of important conclusions, concerning not only to a direct object of research. As during the specified period there was a real threat of intrusion of the Moscow armies on the territory of Sweden, Charles XI undertakes vigorous attempts to prevent a confrontation. The article proofs absolute disinterest of the king in war with the neighbour – an example of "east policy" of Sweden, hardly supporting the status of the Baltic great power in the second half of XVII century. Money in treasury not the richest kingdom hardly sufficed for preservation of extensive overseas provinces and the transatlantic colonies, bringing rather modest profits. This financial balance has been based on a peace-time economy. Because of that Charles XII continued a policy of his father, avoiding military danger whenever possible, that, as it is known, was hard to do.

The theme of foreign policy of Charles XII has got the further development in V. E. Vozgrin's article, though it is devoted, basically, to a southern direction of Russian political initiatives in 1700 - 1711. Here on the basis of archival and other sources the sense and an orientation of multilateral negotiations and other political activity of representatives of Russia, Sweden, the Crimean khanate and Turkey, connected with the basic events of Great Northern war, is opened for the first time. In the research the inevitability of a failure of the "Black Sea" policy of Peter I and the exact reasons of full refusal of the Tsar from its continuation further is shown.

Aspiration of Russia and Sweden to guarantee freedom and safety of trading navigation on Baltic in the middle of XVIII century, diplomatic initiatives of these countries in common aim's achievement are covered in the article of M. Y. Anisimov. The situation became more complicated because of military operations in which Prussia, England, France and Austria, the participants of Seven-year war of 1756-1763 took part, and also because of

multilateral and multiplane political actions - both opened, and secret. Despite counteraction of some diplomatic services, on March 9, 1759 in St.-Petersburg the Russian-Swedish Convention on safety of trade on Baltic Sea was concluded. This joint document of Elizabeth epoch had not only economic, but also political value: further it was used by Catherine II, when well known Declaration on the armed neutrality of 1783 has been issued. In its basis substantive provisions of the mentioned Convention have laid down.

This empress almost constantly paid attention to political relations with Sweden, sometimes leaving much to be desired, especially after 1738, when the representatives of revanchist “party of hats” have come to power in Stockholm. As shown in S. I. Bugashev's article, they at once began to prepare war with Russia, which was declared in three years. Much later after 1766, when «Hats» were definitively expelled from the government, Catherine II, being afraid of revanchist relapse, saw a guarantee of peace in the north region in support of her policy by the highly experienced diplomacy of England. And she managed to reach it. The author of the article has shown a wide picture of political opposition of Russian-English diplomacy to the French attempts to destroy the consent between Sweden, England and Russia. And, finally, the representatives of Versailles in Stockholm have been forced to retreat. Nevertheless, the researcher underlines that this victory was incomplete for Catherine the Great, as the empress did not manage to form new multilateral Northern union.

The further development of the Russian-Swedish relations, already in a situation of open war between neighbouring countries, is covered by the article of J. A. Sekste. Actually, this research work, unlike previous, concerns a genre of “purely” military history and urged to throw light on some questions at issue of the Russian-Swedish war of 1788 - 1790. As one of the basic plots author choose the history of Goglandsky sea battle in July, 1788, which results («who has won?») since Ekaterina's times and up to now are estimated by Russian and Swedish researchers exactly the opposite.

Unknown facts in a rich and multiplane history of the Crimean war of 1853 - 1856 appears in the article of R. A. Davydov, where he researches the problems of the Russian foreign trade and navigation in the region of White and Barents seas during the war. The archival materials used by the researcher have allowed him to draw the important conclusions. It appears, despite the blockade of the Russian ports declared by the allies (and supported with the English squadron which sailed in a mouth of the Northern Dvina river), both local owners of small ships, and large Russian dry-cargo ships made commercial voyages to nearby Norway, and only insignificant number has been grasped by the enemy. These ships helped to solve the problem of supply of the population of Arkhangelsk and other cities by a foodstuff (first of all by the Norwegian fish), that has prevented food difficulties in this vast region.

In his article M. M. Safonov has studied secrets of the Small court of Ekaterina Alekseevna, the grand duchess, and then empress Catherine II. The destiny of one of Ekaterina's confidants, M. P. Zhukova, became a subject of this interesting research based on domestic memoirs and archival materials. This history of especially personal character perfectly transfers characters and customs of an Ekaterina's epoch and characterises the world of intrigues, usual for all European courts.

The scholar, for a long time enjoying deserved authority in the field of local history, G. M. Kovalenko has devoted his new research to a heritage of the Swedish and Finnish scientists and the travellers who visited Novgorod in the XVIII - beginning of the XX centuries and wrote down their impressions about the city. Without being limited short, but the capacious characteristic of the heritage, left by northern visitors of Novgorod, the researcher pays steadfast attention to the authors. And he manages to deduce certain laws: both the form, and the maintenance of the mentioned notes varies through time; they depend on the level of erudition and intelligence of travellers, on their knowledge of Russian etc. The author of the

article also places in the article the information, absolutely necessary for full coverage of the selected theme - the archaeological, toponymic, lexicographic researches, which Swedish and Finnish scientists made as in Novgorod, and in the homeland.

Wider theme of the development of Russian-Finnish cultural connections throughout last three centuries is covered in the article of K. S. Balashova. This work could appear useful first of all for those, who is interested in Soviet (and Finnish procommunitistic) public organisations, and also for prompting so-called «cultural bridges» during the Soviet and Post-Soviet periods.

On the verge of history and ethnography T. A. Shrader's article about the Norwegian colonists in Russia, based on archival materials and legal certificates of the XIX-th century is built. Here process of colonisation of this region, including legislative aspect, reveals stage by stage. The author introduces into practice the documents of various departments of the Russian government. He also cites the data about the exact colonists who have moved to Russia, their number, an economic situation, trades etc.

Myth about Russian threat in Scandinavia in XIX - XX centuries, the reasons of its occurrence, history of its development through time etc. are developed in V. I. Musaev's article. The basic theme of the work is considered in various aspects and has as its background not only ideological, but also political events, phenomena and processes. A positive feature of the article is that the author not simply discredits «a myth about Russian threat», without adducing any proof (as it was in the USSR), but builds a logic chain of proofs why Russia in some stages of its history could not be interested in the capture of Norwegian (near Murman) or any other territories of the adjacent country.

Discussion in the governmental circles of Russia in the end of XIX - the beginning of XX centuries concerning the necessity of russification of Finland is a rather difficult theme, also as the general problem of russification of the population of imperial outlying districts. It is known that this process was used to some extent among

the native peoples of Ukraine, Crimea, Siberia etc. And in each case the decision on russification was accepted by the governmental circles. According to materials of the author of the article D. I. Stogov, the idea of russification of Finns appeared as the answer to aspiration of the people to preserve its cultural identity, inconceivable without a cultural autonomy of grand duchy as a part of Russia. During a governorship of N. I. Bobrikov (1898 - 1904) in Finland the process of russification reached its peak, being accompanied by severe repressions towards the supporters of autonomy. The way of further russification's idea, the reasons of deviation from it by the government after the revolution of 1905 - 1907 and after P. A. Stolypin's murder is tracked in the article.

A. V. Smolin has risen the same «Finnish question», but already on the following, post revolutionary stage, and in mind of not the Russian government, but the elite of white movement. And now former imperial politicians have changed their viewpoint: if earlier Finland was considered as “a pillow of Petersburg”, now from its territory it was planned by the forces of white army to strike Lenin's Petrograd a mortal blow. Moreover, leading politicians of Finland (like K. G. Mannerheim) offered in this campaign the military help of national armed forces - but in an exchange for full and an unconditional recognition of the independence of Finland. This variant of the decision of "the Finnish question» was seriously considered by the elite of white movement, but Russian political meeting in Paris has resolutely protested against it, looking at Finland as on autocratically separated territory of the empire and with whom any compromises are inadmissible. But, as it is brightly shown in the article, there was no unity on this question in «a white camp», even until the time (autumn - winter of 1919) when the Finnish help has lost its vital importance for white forces.

The choice of Karelia ways of the further political development in the first years after October revolution became a subject of the article of A. I. Butvilo. This choice, as shows the analysis of the situation, was reduced to a dilemma: whether Karelians should

remain as a part of Russia (imperial or, in a case of the defeat of white movement - Soviet), or to join Finland which expressed its interest in this case. However in 1920 there was also a third way: forming an independent from Soviet Russia Karelian state. Finally, absolutely other way has been chosen: formation of the Karelian Labour Commune as "alternative Finland", that is the independent state with advanced economy and social sphere. However, escaping from Finland "red Finns", received in Karelia the great political weight, has predetermined the further destiny of local population.

Next article, which deals the life of great duchess Maria Pavlovna Jr., married in 1908 for the Swedish prince, is based mainly on the memoirs. The author of the article O. N. Kuznetsova has tried to see the Swedish court of the beginning of XX century as through the eyes of Russian duchess. As a whole, this modest problem has been successfully solved.

The Finnish researcher V-T. Vasara in her article depicts a multi-colour picture of the Finnish society after the civil war which has split the nation in two - as well as in Russia. However the political struggle during a peace time was much more difficult, than in the USSR. In First Finnish republic traditional nationalism, earlier pursuing the aim of liberation, has turned now in xenophobia and the wish for expansion of extremely radical sense. During this period special value in delimitation of political forces and tactics of their struggle gets «the Russian factor», that is, according to right radical terminology, constant threat from the east, constant aspiration of Russian to return at least a part of the lost Finnish territories (by the way, events of 1939 have shown that this idea was not groundless. - *V. V.*). V-T. Vasara considers that «the Russian factor» was a crucial element in the ideology and practice of the right radicals. This conclusion was based on the materials of such organisations and political movements as the Academic Karelian society, rural lapuan movement and Patriotic national movement. The author also asserts that «the Russian factor» was not unified, but it should be considered as a sum of the geopolitical, racial and ideological factors connected

with each other.

More widely, on the scale of all Scandinavia, the history of the period between world wars is covered in the article of M.A. Kattsova, which deals with the organisation of regional cooperation of Northern Europe states. The events of this period helped to prevent the errors of the past, so after the Second World War the politicians formed a number of international organisations and institutes (major of them - Nordic Council). Already because of that the theme of the article is rather actual. Having investigated the history of numerous attempts to organise northern cooperation, the author of the article allows the reader to understand the reasons why political «northern unity» has appeared so fragile on the threshold of the Second World War. But we can tell about limited success in this period, made by politicians. Their major achievement on a way to northern cooperation was the creation of so-called «networks of countries of Northern Europe».

The same author also has a research on similar, but narrower theme – about a role of the Northern committee of cooperation of social-democratic parties and leaders of trade-union working-class movement (NCC) in attempts of the countries of Northern Europe to unite between the world wars. Despite the locality of the theme, the value of conclusions is of great importance. NCC played the major role in the course of formation a state policy of cooperation of the countries. This policy as it was mentioned above, as a whole, has failed. However, M. A. Kattsova thinks that NCC more than any other force of northern region promoted formation of idea of northern unity. In discussions which were conducted by participants of NCC, the basic directions and principles of northern unity were defined (and at the higher state level). This revival, at last, has taken place in post-war years.

The history of formation and functioning the puppet government in Teriyoki during the period of the “winter war” recently became enough well-known. However, prominent aspects of its support on regional level did not become hitherto a subject of scientific

research. This lacuna was filled by S. G. Verigin in his article about a role of Karelia, more precisely, the Soviet political and ideological institutes of this republic, in rendering of the help to Teriyoki's "governors" of Finland. The article covers as the history of the disgraceful end of the Teriyoki government, as the temporary success of the Soviet propaganda among the population of the region and staff of Red army.

V.N. Baryshnikov has tried to answer one of the key questions of contemporary history of Finland - whether there was by June, 1941 any agreement between Finland and Germany, concerning their future military cooperation? In 1945 - 1946 the Finnish military criminals answered it negatively as, however, the Finnish historians in 1940 - 1950-s. As there are no written sources directly pointing the presence of such agreement, the researcher had to deal with indirect demonstrations, which considerably complicated its problem. And such proofs have been found out. Thanks to some partial information about confidential German-Finnish negotiations in May, 1941, it was possible to define their sense: it concerned joint military operations against the USSR. This conclusion has been confirmed by a number of other proofs: Negotiations were carried on for post-war revision to the Finnish-Soviet border (in favour of Finland, of course), about joint military operations in the east and about the admission of the German army on the territory of Finland. As it is underlined in article, these plans have been carried out: in June, 1941 German armies and ships were thrown to Finland, from the sanction of the Finnish president Germans began to mine the passage from the Gulf of Finland, and after the beginning of the war regular infringements of the Finnish-Soviet border began. Thus, the author of the article concludes, that in the summer of 1941 there were exact German-Finnish arrangements on the military and political level.

The collection of articles ends with an article prepared by the daughter of I. P. Shaskolsky Tatyana who publishes for the first time the materials directly related to the biography of Igor Pavlovich. The

article deals with the life of the father of I. P. Shaskolsky. This man has made much for his son's formation as the person and the future scholar. In particular, thanks to the father, Igor Pavlovich has become interested for the first time in the North and its people. Further it influenced on a choice of sphere of scientific searches of I. P. Shaskolsky.

The chairman of an editorial board of the edition the professor of the chair of Modern and Current History of St. Petersburg State University

Ph. D. (History) Vozgrin V. E.

Перевод выполнен к. и. н. Л. В. Сидоренко

**К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ
РУССКО-НОРВЕЖСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 50-Х ГГ. XIII В.
(СПОР О ДАТИРОВКЕ И. П. ШАСКОЛЬСКОГО)*.**

Во внешней политике Новгородской земли первой половины - середины XIII в. Отношения с Норвегией, конечно, не играли главной роли, данное направление являлось сравнительно второстепенным. У Руси с этой страной имелось значительно меньше поводов для взаимных претензий, чем с той же Швецией - давней соперницей за доминирование в важнейших геополитических регионах - Приневье и Финляндии. Однако постепенно некоторое пересечение взаимных интересов намечалось и здесь. Причиной тому стало обострившееся соперничество на севере: на территориях, примыкающих к Полярному кругу, начались столкновения подвластной Новгороду корелы и норвежских сборщиков дани. Именно даннические платежи, являвшиеся для Новгорода основным признаком зависимости от него того или иного племени, той или иной земли¹, оказались главным яблоком раздора.

На рубеже XII - XIII вв. норвежцы уже были вынуждены содержать на востоке Халоголанда (самая северная провинция в средневековой Норвегии) морскую стражу. При этом важно подчеркнуть, что с коренным населением - саамами (норвежцы именовали их «финнами») отношения оставались в тот период мирными, и опасность нападения могла исходить лишь от более отдаленных соседей - новгородцев².

Последние именно тогда проникали на территорию Кольского полуострова (Терского берега), в том числе с целью сбора дани. Не случайно, среди немногих погибших в Липицкой битве (1216 г.) новгородцев летопись упоминает некоего «търьскаго даньника» Семена Петриловича³. Во второй половине XIII в. волость «Тре» (Терский берег) фиксируется в дого-

ворах Волховской столицы с князьями как принадлежащая Новгороду⁴.

Таким образом, с течением времени конфронтация с норвежцами на Крайнем Севере усиливалась. Подчиненные Новгороду карелы нападали и на норвежских сборщиков податей, и на саамов; иногда в этих набегах участвовали и сами новгородцы⁵. В тоже время не стоит преувеличивать значение подобных конфликтов, остававшихся к середине XIII в. Достаточно локальным явлением, которое не могло получить «большого значения для всей системы внешних отношений огромного Новгородского государства»⁶.

Тем не менее, занимавший в ту пору новгородский стол князь Александр Невский осознавал, что такое развитие событий в перспективе неизбежно приведет к крупному столкновению: колонизация земли саамов была одним из направлений внешней политики Великого Новгорода⁷. В будущем это могло бы стать причиной появления еще одного, враждебно настроенного соседа, который, конечно, объединился бы с давним врагом Руси - Швецией. Важно было не допустить этого, потому князь предпринял усилия с целью улаживания дела миром, с помощью переговоров и заключения соглашения, определявшего сферы влияния. Этим же возможно было обеспечить нейтралитет Норвегии в перманентном конфликте Руси со шведами. Последнее было особенно важно, учитывая то, что, как раз в этот период дочь Биргера была выдана замуж за сына Хакона Норвежского. Таким образом, Александр Невский дипломатическим путем стремился «не только упорядочить пограничье, но и установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому»⁸.

Последующие коллизии, связанные с русско-норвежскими дипломатическими контактами, оказались в последние десятилетия в центре достаточно оживленной научной дискуссии. При этом главным предметом для споров стала датировка переговоров: под сомнение в первую очередь были поставлены

выводы И. П. Шаскольского, в соответствии с которыми рассматриваемые события имели место в 1251 г. Необходимо подчеркнуть, что данная датировка основывается на тексте «Саги о Хаконе, сыне Хакона», созданной около 1265 г. исландским автором Стурлой Тордарсоном, и являющейся единственным сохранившимся источником о переговорах. И. П. Шаскольский не был первым историком, взявшим за основу хронологию саги. Еще Олоф Далин - шведский исследователь XVIII в. - по дате финального события всей дипломатической эпопеи - прибытия норвежского посольства в Вик (после 25 декабря 1251 г.) - относил контакты Новгорода и Норвегии к 1252 г.⁹ Эту точку зрения принял Н. М. Карамзин, упомянувший о переговорах под 1251 - 1252 г.¹⁰ Видимо, не будет преувеличением сказать, что эта датировка была общепринятой, но именно И. П. Шаскольский придал ей в полной степени завершенный характер, потому именно против его построений были направлены основные аргументы В. А. Кучкина и Т. Н. Джексона - исследователей, предложивших иную хронологическую трактовку событий. Ниже будут проанализированы ключевые моменты данной полемики.

Прежде всего, обратимся к тексту саги «Той зимой, когда конунг Хакон сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики послы конунга Александра из Хольмгарда. Звался Микьял и был рыцарем тот, кто предводительствовал ими. Жаловались они на то, что нападали друг на друга управляющие конунга Хакона на севере в Марке (правильно - Финнмарк, территория на севере Скандинавского полуострова. - *Авт.*) и восточные кирьялы, те что были обязаны данью конунгу Хольмгардов, так как они постоянно вели войну с грабежами и убийствами. Были там назначенные встречи и было принято решение, как этому положить конец.¹¹»

Из приведенного выше текста следует, что во главе новгородского посольства стоял некий рыцарь («*griddari*») Михаил. По мнению И. П. Шаскольского, это мог быть Михаил Федоро-

вич, происходивший из Ладоги и занимавший пост посадника в 1257 - 1268 гг. Основанием для таких умозаключений стало то, что Ладога - наиболее северный пригород Новгорода, потому Александр Невский мог посчитать ее жителя за «человека, лучше других знакомого со сложными отношениями Крайнего Севера»¹². Представляется все же, что долгое проживание в Ладоге вовсе не обеспечивало знакомства с проблемами «Терского берега», от которого этот город, расположенный в низовьях Волхова, удален на значительное расстояние. В тоже время, логичным было бы доверить руководство посольством человеку, доказавшему свою храбрость и выдержку, может быть лично близкому к князю. Потому, на наш взгляд, в данном случае более обосновано предположение Т. Н. Джаксон, утверждавшей, что автор саги имел ввиду другого Михаила - Мишу, участника Невской битвы, о подвигах которого повествует Житие Александра Невского¹³. Подчеркнем, что это ни в коей мере не нарушает выводов И. П. Шаскольского относительно датировки переговоров.

В противоположность этому, В. А. Кучкин, обосновывая датировку посольства 1257 г., пришел к выводу о том, что возглавить его должен был именно посадник, коим с конца 1255 или с начала 1256 г. являлся Михаил Степанович¹⁴. Однако представляется, что мнение, согласно которому во главе подобной дипломатической миссии должен был обязательно стоять именно посадник, не совсем убедительно: вместо него руководить делегацией вполне мог доверенный человек князя, тем более что у послов было еще одно, в высшей степени деликатное поручение.

Им предстояло выяснить возможность сватовства сына Александра Василия к дочери Хакона Кристине: «Было им также поручено, чтобы они повидали госпожу Кристин, дочь конунга Хакона, так как конунг Хольмгардов так повелел им, чтобы они спросили конунга Хакона, не отдаст ли он ту госпожу сыну конунга Александра.» Обсуждение гипотетического брака

давало надежду на более легкий ход переговоров и на большую крепость союза, в случае, если бы удалось достигнуть соглашения о его заключении. Успеху сватовства, как писал И. П. Шаскольский, могли помешать коллизии, последовавшие за вторжением на Русь Неврюевой рати 1252 г., или же отказ самого Ярославича от продолжения переговоров по этому поводу, в связи с тем, что необходимые договоренности были достигнуты и без династического брака¹⁵.

Т. Н. Джаксон и В. А. Кучкин выдвинули утверждение о том, что сватовство Василия к дочери норвежского правителя в ходе переговоров опровергает «раннюю» датировку. Доводом ученых является то, что старший сын Александра в 1251 - 1252 гг. «был еще не совершеннолетним, (ему было 11 - 12 лет. - *Авт.*), не имел удела, его брак с восемнадцатилетней Кристин не привел бы к созданию семьи»¹⁶. Оставляя в стороне вопрос о том, почему пусть даже не владевший «уделом» старший сын князя, имевшего на Руси огромное политическое влияние, не мог вступить в брак, сосредоточим внимание на слишком юном, по мнению Т. Н. Джаксон и В. А. Кучкина, возрасте Василия Александровича.

В этой связи уместно вспомнить драматические события 1233 г., когда должно было состояться венчание старшего брата Александра Невского Федора, доводившегося Василию родным дядей. Федор родился в феврале 1220 г.¹⁷, т. е. обзавестись семьей ему предстояло в возрасте тринадцати лет (кстати, на тот момент он не был самостоятельным правителем). Брак расстроился из-за скоропостижной смерти жениха. Примечательно, что летопись сообщает об уже *полностью подготовленной* свадьбе («...меды изварены, невеста приведена, князи позвани»)¹⁸, а не о сговоре, который, разумеется, должен был состояться задолго до этого. Возможный же брачный союз с норвежской принцессой вообще требовал долгих переговоров, которые решили бы все нюансы и продолжались бы не менее года - двух. Таким образом, сравнительная молодость Василия едва ли могла быть серь-

ёзным препятствием для сватовства, которое было лишь своего рода зондированием почвы.

Обратимся вновь к рассмотрению деятельности посольства. В тот же год (1251) в Новгород прибыли в свою очередь посланники короля Норвегии, и договор был закреплен: «Конунг Хакон принял такое решение, что послал он весной людей из Трандхейма, и отправились они на восток в Хольмгард вместе с послами конунга Александра. Возглавлял ту поездку Виглейк, сын священника, и Боргар. Отправились они в Бьёргюн и так по восточному пути. Прибыли они летом в Хольмгард, принял их конунг хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, что не должны были воевать друг с другом ни кирьялы, ни финны (саамы. - *Авт.*); но продержалось это соглашение с тех пор недолго. В то время было большое немирье в Хольмгарде. Пришли татары на государство конунга Хольмгардов, и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда. И когда они выполнили свои поручения, отправились они назад с востока с достойными дарами, которые конунг Хольмгарда посылал конунгу Хакону. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике.»

Переговоры шли трудно: у каждой из сторон имелись собственные интересы и взаимные претензии. Норвегия старалась зафиксировать на подконтрольной ей территории право на сбор дани как с саамов, так и с карел. Новгород не соглашался на какие-либо платежи последних в пользу соседа. В итоге все же удалось найти компромисс: согласно договоренностям, норвежцы, получали подати с саамов и «полукарел» - лиц, матери которых были выходцами из саамов¹⁹.

Как было сказано выше, известие саги об обстоятельствах свертывания брачного проекта Александра Невского И. П. Шаскольский связывал с Неврюевой ратью 1252 г.²⁰. Однако Т. Н. Джаксон и В. А. Кучкин поставили под сомнение

связь этих событий, и высказали еще один довод в обоснование собственной датировки норвежско-русских переговоров 1257 г. Исследователи полагают, что истинная причина расстройства свадьбы была иной: как раз в 1257 г. татарские чиновники предприняли первую попытку провести «число» в Новгороде, и Василий отказался подчиниться отцу, за что был лишен княжения и фактически сошел с политической сцены. Вспоминать в этих условиях о сватовстве уже не приходилось. Однако и в этом случае выводы исследователей не могут быть признаны совершенно бесспорными, и, как увидим ниже, этот, возможно, наиболее серьезный аргумент, предложенный учеными, так же может быть поставлен под сомнение.

Связано это с тем, что прекращение переговоров о брачном союзе с норвежской короной не в меньшей степени может быть увязано с «монгольским» фактором и в 1252 г., после Неврюевой рати. Сторонники «реванша», сопротивления по отношению к Орде - Даниил Галицкий, да и Андрей Ярославич, после поражения бежавший в Швецию - во многом ориентировались на помощь Запада, и контакты с европейскими странами в тот период, безусловно, должны были вызвать подозрение у ордынских властей. Потому Александр Невский вполне мог принять решение о прекращении сватовства именно под давлением татар, после того, как стал обладателем великого княжения Владимирского, т. е. как раз в 1252 г., на следующий год после столь интенсивного обмена посольствами с Норвегией²¹. Это же ставит под сомнение и еще один аргумент Т. Н. Джаксон и В. А. Кучкина, в соответствии с которым, не затронувший русского Северо-Запада набег Неврюя не мог бы оказать значительного воздействия на ход дипломатических контактов Новгорода и Норвегии²². Как было видно из вышеизложенного, влияние ханской власти на политический курс Александра Невского и находящегося по его управлению Новгорода после событий 1252 г. могло иметь не только военный, но и дипломатический характер, а потому высказанные по этому

поводу Т. Н. Джаксон и В. А. Кучкиным сомнения едва ли являются правомерными.

Впрочем, брак Василия был далеко не главной целью переговоров, и в целом дипломатические усилия Александра оказались успешными. Соглашение, достигнутое двумя договаривающимися сторонами, было зафиксировано в письменном виде (кстати, это, видимо, первый письменный договор между нашими народами), это так называемая «Разграничительная грамота», определявшая порядок сбора дани на спорных территориях. Текст этого документа сохранился в позднейшем списке, появление которого связано с другим новгородско-норвежским соглашением, относящимся к 1326 г. и выработанным на основе старого договора²³.

Таким образом, главным итогом посольств, переговоров, и, наконец, самого договора стало установление мира. Он не был окончательным, но на некоторое время регион все же получил стабильность. Александр Невский проявил себя в этих событиях как правитель, умеющий мыслить масштабно, на несколько ходов вперед. Его приемники далеко не всегда следовали этому примеру и часто не обращали внимания на то, что происходит в столь отдаленном регионе. Ярославич в этом смысле выгодно отличался. «Именно здесь Александр показал подлинно великим государственным деятелем, заботившемся не только о повсед-невных делах, но и об интересах всей страны в целом и о перспективах внешней политики русского государства.»²⁴ При этом необходимо подчеркнуть, что скептическое отношение к традиционной датировке посольства в Норвегию и ответной миссии в Новгород 1251 г., нашедшей твердое обоснование в трудах И. П. Шаскольского, без сомнения, нуждается в дополнительной аргументации.

¹Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII - XIII вв. Л., 1978. С. 16.

²Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические за-

писки. 1945. Т. 14. С. 39.

³Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее - НПЛ.). С. 57. - В списках Младшего извода Новгородской Первой летописи содержится упоминание «терьскаго даньника», но при этом отсутствует указание на его личное имя (Там же. С. 257).

⁴1264 г. - Договорная грамота Новгорода с Тверским князем Ярославом Ярославичем // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

⁵*Шаскольский И. П.* Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 114.

⁶Там же. С. 115.

⁷ *Шаскольский И. П.* Внешняя политика Новгородского государства в XIII в. (Основные направления) // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва 19 - 22 апреля 1988 г. Тез. докл. М., 1988. С. 116.

⁸*Пашуто В. Т.* Александр Невский. М., 1975. С. 122.

⁹См.: *Джаксон Т. Н., Кучкин В. А.* Год 1251, 1252 или 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // Восточная Европа в древности и средневековье. К 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. Москва 15 - 17 апреля 1998. М. 1998. С. 26.

¹⁰*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 42 - 43.

¹¹Здесь и далее текст саги приводится по изданию: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI - середина XIII в.). Тексты. Переводы. Комментарии. М., 2000. С. 203.

¹²*Шаскольский И. П.* Посольство Александра Невского в Норвегию. С. 114, прим. 1.

¹³*Джаксон Т. Н.* 1) Александр Невский и Хакон Старый: обмен посольствами // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. С. 135 - 136; 2) Исландские королевские саги о Восточной Европе... С. 209 - 210.

¹⁴*Джаксон Т. Н., Кучкин В. А.* Год 1251, 1252 или 1257? С. 27, 28. - Подчеркнем, что относительно личности главы русского посольства точки зрения Т. Н. Джаксон и В. А. Кучкина разнятся (см.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе... С. 209 - 210).

¹⁵*Шаскольский И. П.* Посольство Александра Невского в Норвегию. С. 114 - 115, 115 прим. 1.

¹⁶ *Джасксон Т. Н., Кучкин В. А.* Год 1251, 1252 или 1257? С. 27.

¹⁷ *Кучкин В. А.* Александр Невский - государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 19.

¹⁸ НПЛ. С. 72.

¹⁹ *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией. С. 59.

²⁰ *Шаскольский И. П.* Посольство Александра Невского в Норвегию. С. 114 - 115.

²¹ *Вершинский А. Н.* Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский. СПб., 2008. С. 27.

²² *Джасксон Т. Н., Кучкин В. А.* Год 1251, 1252 или 1257? С. 27.

²³ См. подробно: *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией. С. 38 - 61. - В науке существует точка зрения, согласно которой «Разграничительная грамота» не имеет прямого отношения к переговорам, инициированным Александром Невским, и в соответствии с этим, документ датируется более поздним временем (см.: *Линд Дж. Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские переговоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. № 6. (16). СПб., 1997; *Джасксон Т. Н.* Еще раз о датировке «Разграничительной грамоты» // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 16 - 18 апреля 1997 г. Материалы конференции. М., 1997).

²⁴ *Шаскольский И. П.* Посольство Александра Невского в Норвегию. С. 116.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации по теме «Государство, общество и церковь в средневековой Руси» (№ гранта МК - 1091. 2010.6).

ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ III СБОРЩИКАМ ДАНИ В ЛОПСКОЙ ЗЕМЛЕ

Недавно удалось обнаружить уникальный исторический документ - грамоты великого князя Василия III (отца Ивана Грозного) от 1517 г. Напомним, что для средневековой Руси грамоты глав государства - великих князей - документы особой важности, отражающие многие вопросы внутренней и внешней политики. Российские археографы придавали им большое значение и давно стремились их опубликовать; к настоящему времени все или почти все известные великокняжеские грамоты, хранящиеся в отечественных архивах, давно опубликованы. Тем более важно обнаружение текстов великокняжеской грамоты начала XVI в., хранящихся в зарубежных архивах. Это документы с богатым содержанием, охватывающим многие стороны жизни Крайнего Севера европейской России. И хотя обнаружены не подлинные русские документы, а лишь их список в переводе на датский язык (этот язык с 1397 г. был официальным языком Норвегии, подвластной в этот период датским королям), они имеют большую ценность для науки.

Сведения по ранней истории Лопской земли содержатся в норвежских источниках - в Исландских анналах. Там сообщается, что в середине XIII в. в пределах норвежской части лопарской тундры появились русские подданные карелы, которые стали нападать на норвежских сборщиков дани и отнимать у них собранную с лопарей дань. «В норвежской части тундры наступило “немирье”»¹. На норвежском языке земля лопарей носила название Финмарк. Марк (марка) означал - окраинная область. Термином «финны» с древности до недавнего времени норвежцы называли лопарей, Финмарком - лежащую на берегу Ледовитого океана северо-восточную область Норвегии и со-

седствовавшую с ней русскую часть Лопской земли (территорию Кольского полуострова). В средние века Лопская земля - область, населенная лопарями (Лапландия), - состояла из двух неравных частей: огромной Терской земли (бывшей Новгородской волости Тре или Тер²), охватывавшей весь Кольский полуостров, и Мурманского конца³ северо-норвежской области Финмарк, простиравшейся от русско-норвежской государственной границы у Варангер-фьорда и граничившей с северо-восточной областью коренной Норвегии Халоголанд.

Все лопарское население обязано было платить дань - регулярный побор в пользу государства. При этом особенностью Лапландии было двоеданство. Обложили лопарей данью в XIII в. оба соседних государства - Норвегия и Новгород, а после подчинения Новгорода власти московских великих князей в конце XV в. лопари стали платить дань и московским великим князьям, и владевшим с 1397 г. Норвегией датским королям. Специфика Лопской земли была в том, что здесь уплата дани не совпадала с подданством. Только по договору Новгорода с Норвегией 1326 г., разделившему государственной границей на юге Варангер-фьорда Лопскую часть на две части - Терскую землю и Мурманский конец, лопари Терской земли стали подданными Новгорода (с конца XV в. - Московии), а лопари Мурманского конца стали подданными Норвегии (с 1397 г. - Дании)⁴.

Перейдем теперь к публикуемым документам. Переводы грамот Василия III на датский язык хранятся в Норвегии и Дании. Четыре текста попарно в целом единого содержания, но несколько отличаются друг от друга. Их явно переводили в разных местах, иногда переставляя отдельные части текста, иногда опуская отдельные подробности. Дата составления документов совпадает - «7025 в июле лета по рождеству Христову 1517». Два оригинальных экземпляра перевода грамот хранятся в копенгагенской Королевской библиотеке⁵, два других в архиве северо-норвежского города Тромсё⁶. Для опубликования этих документов сделан перевод их на русский язык (попытка ре-

конструкции перевода документов выполнена петербургским историком, д. и. н. В. Е. Возгриным). В первой и четвертой небольших по размеру грамотах рассматривается вопрос о морских промыслах на побережье Кольского полуострова, во второй и третьей, значительно больших по размеру, даны указания о сборе дани с лопарей.

По своему археографическому типу вторая и третья грамоты могут быть означены как «наказная память». Они, по сути, являются инструкциями великого князя всея Руси Василия III его данщикам (сборщикам дани), собиравшим дань с лопарей. В этой инструкции даются указания, какие погосты должны объезжать русские, указываются лопарские селения и принадлежащие этим селениям участки тундры и лесотундры, с кого и в каком размере собирать дань, как вести себя данщикам с лопарями. Текст инструкции, особенно в его начальной части, имеет важное значение для исторической географии Крайнего Севера России. Поскольку грамоты явно составлялись в Москве, поразительно, что в начале XVI в. в столице России в правительственных учреждениях имелись такие подробные сведения об этих отдаленных регионах.

Немалый интерес представляет история публикации первой и четвертой грамот. Оба полных текста грамот Василия III от 1517 г. были включены в рукописный двухтомный фолиант «Speculum boreale», составленный норвежским губернатором Финмарка Хансом Хансеном Лилиешельдом в 1701 г. Х. Х. Лилиеншельд был родом из бергенской аристократической семьи, в 1672 г. в возрасте 22-х лет занял пост секретаря датско-норвежской резиденции в Швеции. В 1684 г. он получил пост губернатора Финмарка и оставался в этой должности до 1701 г. В 1703 г. Х. Х. Лилиеншельд умер в Копенгагене. Его перу принадлежит ряд рукописных прекрасно оформленных работ, среди которых выделяется упомянутое выше «Speculum boreale»⁷. В двух рукописных томах, красочно оформленных акварельными иллюстрациями, автор дает полную картину истории

Финмарка, жизни там людей, описывают фауну и флору этой удаленной от центральных областей Норвегии северной провинции. Во втором томе «*Speculum boreale*» представлены документы, касающиеся истории установления границ на севере, торговых отношений, развития налоговых и таможенных служб в приграничных районах Датско-Норвежского, Шведского и Русского государств. В настоящее время эта прекрасная рукописная книга хранится в архиве Королевской библиотеки в Копенгагене⁸.

В Норвегии в 1942, 1943 и 1945 гг. «*Lilienskiolds Speculum boreale*» была опубликована также в двух томах, и в этом издании во втором томе находим оба первых приводимых нами документа⁹. Эта публикация представляет собой полный печатный текст рукописи Х. Х. Лиленшельда, с указанием номеров страниц рукописного издания, с воспроизведением титульного листа рукописи и иллюстрациями к тексту, правда, выполненными в черно-белом варианте.

Третий и четвертый документы, хранящиеся в Государственном архиве г. Тромсё, являют собой рукописный перевод на датский язык «Выписки из Привилегии великого князя, пожалованной им диким лопарям с морского берега Норвегии». До настоящего времени неизвестна история попадания документа начала XVI в. в папку № 14 «Письменные источники 1610 - 1750 гг.», относящуюся к Финмарку. При этом необходимо подчеркнуть, что если согласно опубликованному двухтомному изданию «*Lihenskiolds Speculum boreale*» первый документ в рукописном варианте, хранящемся в Копенгагене, помещен во второй главе на с. 46 - 47¹⁰, а Инструкция в третьей главе на с. 423 - 430¹¹, то в документе из архива г. Тромсё оба текста написаны один за другим, причем вначале идет Наказная память, а затем текст, на полях озаглавленный «Пожалование финских морских берегов». К сожалению, на имеющейся в нашем распоряжении копии документа нет обозначения номеров листов.

№ 1

Вседоущий господин Василий, Божией милостью царь и господин всех русских, Великий князь Владимирский, Московский, пожаловал диким лопарям с норвежского морского побережья Терский (т. е. Trinniseray), Лафсонский (т. е. Layaune) и от того посада, что Touskage лопари, Стену Якобсену. И от посада Бабинского - Аскильду Нороахсену, а Терский - Одде Икайя, Меландиар Варе, а во всех угожьях и бухтах лопарей, который обращались ко мне с просьбой о покровительстве и признали его, и т. д. То жаловал я им их побережье от Бабинца (в тексте. Pasvig) до Obuski. На этом их морском берегу не имеют права ни карелы, ни новгородцы, шведы или кто-либо иной чужак вторгаться и пользоваться их средствами к существованию.

Точно так же наши княжеские сборщики дани не имеют права ловить рыбу с их больших ладей у Святого мыса или Светенес'а для их собственной выгоды или кто иной, имеющий большие ладьи, разве что для их собственного пропитания. Если кто-либо там будет поступать как-либо против этого письма, то он попадет в немилость мою, царя и великого князя всех русских, и будет мной наказан.

Писано в Москве в году 7025 в июле лета по рождеству Христову 1517,

№ 2

НАКАЗНАЯ ПАМЯТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЕГО
ФОГДАМ

Я, всемоущий господин Василий, царь, великий князь всех русских, всемилостивейше повелеваю моим лопарям, что когда наш сборщик дани прибудет к ним в Лапландию, предоставить ему нашу дань. Посему один из наших сборщиков отправится в Кандалакшу, и в Бабинец, в Losett - в Songjeld - и в Pazankov, в Нядаму, в Верхний Недрий - в Biochi, в Варяги и в Норвежский конец. И должен пробыть там до весны, и из Нор-

вежского поселения он должен снова вернуться в Варяги, а от туда в Москву, и в Мономас, и в Вадозеро.

А второй из наших сборщиков дани должен прибыть в Варсуги, и к Терскому погосту, и к Ловозеро, и к Koldai, и на Омбу (ниже вариант топонима - Вомба. - *Авт.*) и те наши сборщики дани не должны брать с собой людей числом более 4 каждому, и наши сборщики должны собирать дань с них в соответствии с записью в книгах. А они должны дать нашему сборщику подношение (подарок) в Кандалакшском погосте: 1 куницу или 10 белок, и переводчику должны они дать 1 белку; а из корма должны они давать ему и его людям 15 лососей, пока он не соберет нашу дань в Кандалакше, а когда он соберет нашу дань в Кандалакше, он должен прибыть в Бабинец, и они должны дать ему в подворную повинность 15 оленей, и от Бабинецкого погоста, и от Лофозера, Samalia, и Paskechu, от Нядамы, и от Верхнего Недри, и от Сусу-реки должны они дать от каждого погоста в подарок 1 лису или 21 белку и переводчику 1 белку, а на прокорм давать ему от каждого [погоста] 10 сигов и 1 щуку, а по скоромным дням они должны давать ему кроме 10 сигов другую еду - 1 zogumbud, который равен $7\frac{1}{2}$ части оленя. А кроме того должны они отправиться к Mardiske лопарям, а их сборщик дани должен собрать с них мою княжескую дань и также его собственный подарок и корма. А с Варяжского погоста должны [лопари] дать ему с каждого по 2 Lucheschof, 2 zurumbali мяса и [другое] пропитание, а в подарок они должны дать ему лису или 21 белку [и] переводчику 1 белку. Повару 1 белку, его двум помощникам 1 белку. А из Варяги он отправит-ся в Норвежский конец и должен прибыть туда к весне. И из Норвежского конца он должен вернуться к дню Ивана Купала назад в Варяги и следовать до Муткому и в Мономас, и те [лопари] должны дать ему в подарок по 1 лисе от каждого погоста или 21 белку, а его 2 слугам 1 белку да из кормов они должны дать ему как в Варягах, 4 zogumbali оленьего мяса. Затем же он должен направиться в Мономас, и к озеру Нядре, и к Коле-реке, и они

должны дать ему ладью и матросов и штурманов, сколько ему понадобится для того, чтобы везти казну. А у Ловозера они должны дать ему в подарок 1 лису или 21 белку. Переводчику и повару каждому по белке и его двум помощникам 1 белку, и из кормов должны они дать ему по мере возможности каждый сколько сможет. А из Ловозера должны они сопровождать его с моей казной до Кандалакши, на гра-ницу.

А того из моих сборщиков, что отправится в Варсуги, должны встретить терские лапландцы в Варсуги, и дать для провозу ему 15 оленей, и отправить его назад к этим, и он должен собирать с них дань в соответствии с записями в книгах, а подарки и корма он должен получать так же, как в Муткеме. Когда он отправится из этого Терского погоста, то должен послать терскую дань назад, к Варсуге реке, а сам ехать в Ловозеро, в Колу и Вамбе, а дань должен также собирать с них в соответствии с книгами, а из подарков должны они ему давать с погоста по 1 лисе или 21 белке.

А от Кольской долины должны они дать в подарок 1 куницу или 10 белок, переводчику и повару должны они дать от каждого погоста по 2 белки и его двум слугам 1 белку. Корма и подводная повинность - так же. И когда моя княжеская дань будет собрана, и наши сборщики будут покидать их землю, тогда они должны дать им в виде моей княжеской дани все вместе - каждый по возможности.

Там же, где наш сборщик не сможет собрать дань, оттуда они должны послать с недоимкой двух из своих слуг, а наш сборщик сам не должен ездить за этими остатками. Они не обязаны выплачивать таким сборщикам [по нормам] самых богатых *origellenris* в их присутствии, а наши сборщики не имеют права заточать [кого-либо] за эту дань. Я также милостиво соизволяю, что если кто-либо из наших сборщиков дани, направляется в Лопскую землю, то они обязаны везти свои личные пожитки и вещи своих людей на своих собственных лошадях. За счет лопарской же подводной повинности они не должны везти

с собой какие-либо товары в Россию. Точно так же они не имеют права принуждать их к передаче им их товаров силой или угрозами. А также нашим сборщикам дани запрещено, будучи там, ловить рыбу или охотиться в принадлежащих им [лопарям] лесах или полях и вообще возбуждать какое-либо озлобление - ни им самим, ни их слугам или родственникам.

Точно так же никакие иные пришлые в тех местах люди не должны подвергать порче ничего, что принадлежит лопарям. А тот из наших сборщиков налогов, что начнет собирать мою княжескую дань в Терском погосте или Ловозере, то этот сборщик не имеет права отправлять собранное в Мономас или Бабинец ни зимой, ни летом. Также указал я милостиво, что если кто-либо имеет недоимку в рубль (или больше, или меньше, или сколько бы там ни было), то судить его будет наш сборщик, и он обязан пригласить кого-либо из знатнейших, чтобы они присутствовали на разборе дела, и если они осудили виновного и приговорили его к выплате, то судья берет судебную пошлину в 2 алтына с рубля, а если вины они не обнаружат у обвиняемого, то они заплатят за это недоимку, что он должен. А сборщик не может задерживать обвиняемого своей властью или силой (wold). Если же будет доказано о ком-либо бесспорное воровство или грабеж, то судья должен приговаривать виновного к выплате того, что за ним ищется [brode = bryde?]. При убийстве и тому подобном судья должен начать разбор (а виновник посажен в железа) и сообщить об этом нашему подьячему (rentemester).

Если же найдено какое-либо похищенное имущество у кого-нибудь из его челядинцев, который er ferlcest (?), то это признавать воровством. Будет же оно найдено в усадьбе или брошенном доме, тогда это воровством не считать. Если краденое имущество будет найдено у кого-то, он может отказаться от этого, присягнув в присутствии не менее 10 человек, подтверждающих его правоту, или свидетельствовать о настоящем воре, тогда судья не присудит ему ничего за это; слуга сборщика

должен собрать среди жителей погоста сумму, равную украденной, если же это затянется после завершения суда, то уплатят вдвое, от тех же, кто помогает ведению дела, никакой платы с них не взимается. Если в погосте совершено убийство, а суда не было [виновного не нашли], то с него [судьи?] сборщиком налогов взимается 1/2 московского рубля. Если убитый будет найден и виновный сам признается, то судье положено пол-рубля за это [самоосуждение? самопризнание?].

Если кто-либо поймает вора с украденным добром, и снова его освободит, и сообщит об этом судье, и это будет доказано знатными людьми, что он самоосуждается, то поэтому никто не будет самоосужден (?).

Если кто-либо упадет с дерева и убьется, или сгорит на пожаре, или будет раздавлен возом, утонет, или будет разорван зверем, или вообще каким-либо образом умрет по собственной неосторожности от своего же деяния, или вообще какой-либо человек, убитый или утонувший, будет выброшен морем или рекой на [землю] какого-то посада, и разбирательство покажет, что здесь нет злого умысла, то не должно далее вестись дело или обвинение.

Наконец, я пожаловал им также их морской берег от Пас-залива до Омбы, на этом их берегу их не могут ни [селиться] карелы и т. д. и т. д. (см. с. 45 и 47).

Дано в Москве года 7025 в июле, лета господня 1517.

№ 3

ВЫПИСКА ИЗ ПРИВИЛЕГИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, ПОЖАЛОВАННОЙ ИМ ДИКИМ ЛОПАРЯМ С МОРСКОГО БЕРЕГА НОРВЕГИИ

Всемогущий господин Василий, Божьей милостью Царь и господин, Всероссийский великий князь.

Всемогущий господин Василий, Божьей милостью Царь и Господин Всероссийский, великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверс-кой,

Пермский, Вятский, Болгарский и Югорский, пожаловал диким лопарям с морского берега Норвегии Терские (двинские), Ловозерские уголья, и из тех угодий, по поводу которых [товские?] лопари Стеен Якобсен, и с погоста Бабинецкого [Аскильд?] Кьелль Новаксен, и с этого Ловозерского погоста Стореус Пординасен и с Терской (двинской) пустоши Лекайя Велендьярвасен и во всех лопарских местах [жительства] и именах, которые обращались ко мне с прошением и уведомлением. Когда же наши сборщики податей направляются к ним, чтобы собрать мою подать, то прибывают они в любое место и берут с собой многих из своих людей, которым необходимо довольное пропитание и другие расходы, не так, как это было раньше заведено. Но они за тот же счет привозят с собой свои товары, и кто бы ни привез к ним свою подать, ее сборщики принимают к себе, а их принуждают силой брать свои товары. Они же отбирают для себя у их жен и детей, родственников и прислуги, от всех их безмерные дары и приношения, отчего этим названным причиняется большое насилие и ущерб.

Таким же образом, когда они придут к этим, то в их соседстве и пребывании с их детьми, родичами и слугами они пользуются правом ловить там рыбу и бить зверя. Ибо с давних времен наши сборщики посещали различные свободные [уголья] беспрепятственно - там, где собирали нашу подать.

Я, всемогущий Царь, Великий князь всех русских, милостиво повелел моим лопарям, что когда мои сборщики придут к ним в Лопскую землю для сбора нашей подати, то тогда должны они, наши сборщики, отправляться в Кандалакшу и в Бабинец, и в Ловозеро, и в Санналь, и в Пасреки (Пас-реку), и в Нафдаум, и к Верх. Нядри, и в Волгюрку, и в Варяги, и в Сев. Конец.

А коли они обойдут Ва[...]рен и Сев. Конец, то должны возвращаться через Варяги, а из Варяга на Муткому, и к В[...]нетмасу, и на Владозеро.

А другой наш сборщик должен идти на Варсугур-конеп, и на Терский конец, и на Лофозеро, и в Колдал [Кольскую

долину?], и в Умбу. И эти наши сборщики не должны брать с собой больше людей, чем четверо на каждого.

И наши сборщики должны собирать подать у поименованных в соответствии с содержанием (т. е. зажиточностью. - *Авт.*) стойбищ, а когда с Кандалакшского конца будут давать нашим сборщикам дары товарами, то это должно быть 10 белок. А переводчику, который переводит, ему должны они дать 1 белку, и его повару 1 белку, и его людям и слугам 1 белку. Из еды будут давать они ему и его людям 15 лососей, пока они не соберут нашу подать в Кандалакше, а когда он соберет в Кандалакше мою подать, и должен будет идти в Бабинец, то они должны дать ему дорожное снабжение (т. е. транспортные средства. - *Авт.*). В мою княжескую подать - по 15 кун от концов Бабинецкого, и Лофозерского, и от Саннали, и от Пас-реки, от Нядаму, и с Верх. Недрий, а с Судц-реки должны они поднести ему дар от каждого конца 1 лису или 21 белку и переводчику 1 белку, его повару 1 белку и его двум слугам 1 белку. А на пропитание давать им с каждого дыма 10 сигов и 1 щуку, а по скоромным дням должны они давать ему за 10 сигов и другой корм 1 окорок (это половина задней части оленя), и к тому же должны так же давать Мардеские лопари, и наш сборщик должен собрать с них мою княжескую подать и его собственные дары и пропитание из того же расчета, а от варяжского конца должны они давать ему с каждого двух дымов по три окорока мяса и пропитание и в дар давать им лису или 21 белку ему. А переводчику 1 белку и его двум слугам 1 белку.

А из Варяг отправляться ему в Норвежский конец, и быть там весной, и оттуда возвращаться ему в Варяги в день Рождества Иоанна Крестителя, а оттуда в Муткому и в Мономасс. И они должны давать ему в дар 1 лису с каждого конца или 21 белку и его 2 слугам - 1 белку. И пропитание они должны давать ему как в Варягах три окорока оленьего мяса, а затем отправляться ему из Мономасса в Нядро, подняться по Коле-реке, и они должны снабдить его лодками и гребцами и рулевыми в

достаточном для него количестве, и собирать ему подать у Дадрозера. Они должны давать ему в дар 1 лису или 21 белку, переводчику и повару каждому по 1 белке и его двум слугам 1 белку. А на корм должны они давать ему из имущества то, что он предложит дать. А от Ладрозера сопровождать им его с моей податью до Кандалакшских рубежей.

А когда мой сборщик пойдет к рекам Варсуги, то должны терские лопари встретить его у Варсуги и предоставить ему тут же в дорожную нужду 15 оленей и везти его до Дира [...], он должен собрать мою подать у них в соответствии с богатством стойбищ, свой дар и корм в том же размере, что и в [...] Муткоме, и когда он отправится из Терского конца, то должен он отправить терскую подать назад, на Варсугу-реку. А самому ему идти на Лоф-озеро до Кёлдаль и на Вомбу и подать собирать равномерно с них, по богатству селений. А дару они должны дать ^c того конца 1 лису или 21 белку. А от Кёлдаля должны они дать ему в дар 1 куницу или 10 белок.

Переводчику и повару давать им от каждого конца каждому по белке, а его 2 слугам 1 белку. Корму и перевозных средств так же. И когда они соберут мою княжескую подать, а мои сборщики отправятся из этой земли, тогда должны они дать в числе моей княжеской подати дорожные средства по их потребности. А если в каких-либо местах наши сборщики не смогут собрать полностью нашу подать, то они должны послать за недоимкой 2 из их слуг, но сами отнюдь не должны наши сборщики туда отправляться за недоимкой и княжескую нашу подать не должны они платить нашим сборщикам в присутствии лучших (благородных. - *Авт.*) ориеллеров [?]. И не должны наши сборщики подвергать кого-либо заключению за старые долги.

А также милостиво повелеваю, чтобы каждому из наших сборщиков, отправляющихся в Лопскую землю, везти товары свои и своих людей на своих же собственных лошадях, а на лопарской скотине отнюдь не должны они возить с собой какие-

либо товары в Лопской земле. Точно так же не должны они наши сборщики, когда отправятся к ним, торговаться с ними, ловить рыбу или бить зверя на их собственных полях, водах и лесах или поступать там злонамеренно. Ни они сами, ни кто-либо из их людей или родственников не должны этого делать. Так же и иные пришлые люди не должны использовать свою силу (вариант - «власть». - *Авт.*) для присвоения того, что принадлежит лопарям.

Те же из наших сборщиков, что только начинают собирать наши подати на Терском конце и на Ловозере, не должны они сборщики идти на Мономасский и Бабинецкий концы ни зимой, ни летом этого года. Наряду с этим всемилостиво повелеваю, что если имеет кто-либо какой-нибудь денежное дело, касающееся переплаты или недоплаты до одного рубля, сколько бы там ни было, то разрешать эту тяжбу может наш сборщик. И если он рассудит за благо заняться этим делом и присудит должнику платить, то, как судья, имеет право на 2 алтына с рубля. А если они не смогут заставить виновного платить, тогда причисляется та сумма, что он должен, к его дани. Но сборщик не должен задерживать ответчика для отправления правосудия или уплаты [судебной] пошлины.

Если будут доказаны на ком-нибудь очевидные признаки воровства или грабежа, то судья должен заставить виновного платить: если есть истец, то истцу хлебное, а судье поло-вину от всего, что входит в иск. В случае убийства намеренного и непреднамеренного судья должен подвергнуть виновного суду, заковав его в железа и сообщив об этом нашему дьяку¹²; если будет обнаружено какое-либо добро украденное или пропавшее у кого-либо из его селения, тогда возбуждается дело по воровству. Если же обнаружится у кого-либо во дворе или внутри границ его удела [участка земли - *датс. odal*] что-нибудь, не числящееся в пропаже, то считать, что и воровства здесь не было. Если обнаружится у кого-нибудь украденное добро, а он отказывается от него в присутствии двух свидетелей

или людей, знающих настоящего вора, то судья не взыскивает с него ничего.

Сборщик должен прилагать все усилия к тому, чтобы получить недоимку до того, как будет оглашен приговор. По решению суда он вправе требовать двойной уплаты; за лжесвидетельство берет он 12 далеров (очевидно, имеется в виду 12 рублей. - *Авт.*). А когда приговор уже оглашен, то получает он вдвое; от тех же, кто почитается знатным, не берет он ничего. Если в какой-нибудь области приключится смертоубийство, а убивец не найден, то сборщик должен тогда получить за разбирательство 1 рубль Московский. Если они найдут убитого и сами свершат правосудие, от них судья имеет право на получение 1 рубля хлебных денег.

В случае, если сам судья поймает вора с украденным добром и отпустит его снова, то должно быть засвидетельствовано знатными людьми, сам ли судья свершил это или всё произошло помимо его воли.

Если кто-либо упадет с дерева и убьется до смерти, или сгорит в огне, или порежется косой, или утонет, или будет разорван зверем, или по иной какой неосторожности погибнет от дела собственных рук, или так же если кто будет раздавлен или утонет по причине ледохода, пришедшего с моря или речного в половодье, а расследование подтвердит, что свершилось это не по злоумышлению, то в таком случае не требуется отправление правосудия, ниже судебного решения.

№ 4

ПОЖАЛОВАНИЕ ФИНСКИХ МОРСКИХ БЕРЕГОВ

Я милостиво пожаловал им также их морской берег от Палиц-реки - Пасвиг, и до Умбуши - Умбо на этом их морском берегу, отчего не имеют права ни карелы, ни новгород-цы, ни шведы или какие иные иностранцы держать [эти места или] идти туда для добычи пропитания или смолокурения. Также не должны наши княжеские сборщики у Св. Носа¹³ с их большими

ладьями во время ловли рыбы для своей собственной надобности вытаскивать ладьи [на берег] или позволять кому бы то ни было [из неместных] рыбную ловлю с больших ладей для чего-либо иного кроме собственной нужды.

Кто в этих местах не подчинится этой грамоте или причинит им [сборщикам подати] ущерб каким-либо образом, то он имеет ожидать от Меня, Царя и Великого князя Всея Руси, Нашего наказания и Немилости.

Писано в Москве в году 7025

В июле месяце. По рождеству Христова году 1517.

¹ *Шаскольский И. П.* Сведения об истории Руси в X - XIV вв. в Исландских анналах // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XXV. СПб., 1994. С. 231 - 233

² *Шаскольский И. П.* О первоначальном названии Кольского полуострова // *Известия Всесоюзного Географического Общества.* Т. 84. Вып. 2. Л., 1952.

³ Мурманами, или урманями. в древней Руси называли норвежцев

⁴ *Ушаков И. Ф.* Кольская земля: Мурманск / Под. ред. И. П. Шаскольского. Мурманск, 1972. С. 14 - 37; *Шаскольский И. П.* 1) Договоры Новгорода с Норвегией // *Исторические записки.* Вып. 4. М., 1955. С. 39 - 69 2) Саамы (Лопь) // *Очерки истории СССР: Конец XV - начало XVII в. М., 1955. С. 649 - 652; Johnsen O. A.* Finmarkens politiske historie. Kristiania, 1923. S. 80 - 81.

⁵ Hans Hansen Lilienskiold «Speculum Boreale» - Thottske Samlinger (Den Kongelige Bibliotek, 949, 2°, Bd. 1).

⁶ Finmarkens Amts. Pakkesaker nr. 14 «Skrivelser fra forskjellige 1610-1750». - Statsarkivkontoret i Tromsø, J. nr 151/1961. AL/ASR

⁷ *Nissen Kr.* Amtmann i Finnmark Hans Hansen Lilienskiolds litterære arbeider // *Det kgl. Norske Videnskabers selskabs skrifter.* 1936. № 6. Trondheim, 1937. S. 3.

⁸ *Ibid.* S. 6.

⁹ Lilienskiolds *Speculum boreale* // *Finmark omkring 1700: Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk museum.* Bd. IV. 2-4 hefte. Første bind. Oslo, 1942-1943. Annen bind. Oslo, 1945.

¹⁰ *Ibid.* Første bind. S. 43 - 44.

¹¹ *Ibid.* Annen bind. S. 185 - 189.

¹² В подлиннике «рентеместер». В данную эпоху этот термин еще не принял более позднего значения «казначей»; здесь имеется в виду чисто административная должность дьяка соответствующего приказа.

¹³ Под строкой другим почерком приписано «Сультенеса».

ПРОРЫВ РОССИЕЙ «ВОСТОЧНОГО БАРЬЕРА» И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКО - ШВЕДСКОГО СОЮЗА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

На протяжении всего XVI в. имперская внешняя политика Габсбургов формировала в рамках концепции *Imperium Universalis* так называемый «восточный барьер» в составе Османской империи, Шведского королевства и Речи Посполитой. Целью данного барьера было предохранение Священной Римской империи и остальной «западной цивилизации от «восточного варварства» русских»¹. Географическим и геополитическим центром барьера стала Речь Посполитая, которая различными хитросплетениями своей международной политики стремилась сохранять постоянно разваливавшийся «восточный барьер», прилагая все возможные усилия по поддержанию дружественных отношений с Турцией и Крымом и умиротворяя Швецию².

Россия, в свою очередь, имела существенные противоречия со всеми участниками барьера. На юге Османская империя и Крымское ханство лишили Русское государство традиционных выходов к Черному морю. Швеция в ходе интервенции начала XVII в. и, по закрепившему ее результаты Столбовскому миру 1617 г., получила в свое распоряжение все российские выходы на Балтийское море. Другим фактором противоречий было русскоговорящее и православное население захваченных в ходе войн и интервенций у Московского государства земель. Это население оказывало существенное влияние на формирование внешней политики Москвы и обусловило стратегические приоритеты России.

На первом плане, в результате, стояли противоречия с Польско-Литовским государством - центральным членом «вос-

точного барьера», которое контролировало огромный массив русских, украинских и белорусских земель³. Стратегически верным решением со стороны московских правителей было воссоединение с этими землями перед вступлением в борьбу за Прибалтику и Причерноморье. Кроме того, Речь Посполитая оценивала «опасность со стороны Турции и татар менее значительно, чем со стороны ... России»⁴. Подобная оценка была взаимной и со стороны Московского государства. Именно Польско-Литовское государство было настроено наиболее враждебно и воинственно по отношению к Москве. Находясь в фарватере Габсбургской политики Imperium Universalis, Речь Посполитая, в отличие от Швеции и Турции, претендовала на включение в свой состав Московского царства, по уже отработанной с Великим княжеством Литовским схеме, с последующим уничтожением российской государственности⁵.

Именно поэтому Россия направила свои внешнеполитические усилия на расшатывание «восточного барьера» и создание коалиций с фланговыми государствами - Шведским королевством и Османской империей, - направленных против Речи Посполитой, - с тем, чтобы для начала увеличить свой ресурсный, человеческий и военный потенциал, а затем постепенно перейти к решению следующих задач. Можно также утверждать, что среди упомянутых выше противостоящих стран Россия и Польско-Литовское государство были наиболее внешне- и внутривитуполитически ослабленными на тот момент государствами. Отсюда вполне обоснованным станет тезис о том, что именно польско-московский конфликт мог иметь одним из последствий укрепление внутренних и внешних позиций государственной власти для победителя и также повлечь за собой дальнейшее ослабление проигравшего. Таким образом, можно заключить, что нестабильная Речь Посполитая, которая, к тому же, из-за не вполне адекватной внешней политики Сигизмунда III подвергалась татаро-турецким набегам и шведской интервенции и была выбрана Московскими государями как «слабое

звено» для прорыва «восточного барьера».

Наиболее явные внешнеполитические предпосылки для формирования российско-шведского союза (и, соответственно, распада барьера) сложились в 1610-х гг., когда были созданы предпосылки для создания Габсбургского блока и Антигабсбургской коалиции. Явно обозначив основных своих внешних врагов⁶, Сигизмунд III вел деятельность, направленную на обеспечение дипломатической поддержки со стороны католических государств, в особенности, - Габсбургов. Польско-Литовское государство стремилось получить денежные субсидии со стороны союзников, которые должны были обеспечить финансирование боевых действий на территории Московии. Стоит отметить, что за год до посольства в Испанию, в 1611 г., было подписано перемирие между Швецией и Польшей, которое не решило династических проблем между этими государствами. Более того, конфликт был законсервирован таким образом, что подтолкнул Швецию на налаживание связей с Московским государством. Для Речи Посполитой война на востоке должна была решить несколько проблем: с ее помощью Сигизмунд III стремился исправить внутривосточные проблемы, устранить затруднения, возникшие в ходе шведско-польских войн и получить ресурсную базу для назревающей в Европе войны.

Таким образом, создавались предпосылки для сближения Московского государства и Шведского королевства, хотя военные действия между ними продолжались вплоть до 1617 г. Кроме того, можно сказать, что если польская политика имела своей целью фактическое уничтожение русской государственности, то шведская ограничивалась только захватом прибалтийских земель в рамках концепции «балтийского домината». Поэтому было вполне логичным для московских государей, занявшись первоочередной задачей консолидации земель с преобладанием русскоязычного и православного населения, пожертвовав временно геополитическими интересами (выход к Балтийскому морю), вступить в союз с бывшим врагом для сов-

местной борьбы с Речью Посполитой, реально угрожавшей Москве и Стокгольму.

С экономической точки зрения, присоединение огромного массива русских, украинских и белорусских земель могло дать необходимые ресурсы и возможности для борьбы с «фланговыми» государствами: Швецией и Турцией, - что не только не отрицало возможности заключения с ними союзов, но и, наоборот, подразумевало их. Кроме человеческого ресурса также не стоит забывать и о финансовой составляющей конфликта. Ориентированность московского экспорта сырья на Европу ставила Российское государство в зависимость от Швеции, контролировавшей морские пути, в том числе, вокруг Скандинавии к единственному ориентированному на Европу морскому порту Московии - Архангельску. Соответственно, Москва нуждалась в Швеции для восстановления своей экономики.

В итоге, целый комплекс предпосылок обозначился при подписании в 1617 г. Столбовского мирного договора, обязывавший шведского короля и российского государя «стоять на польского короля заодно и не мириться одному без желания другого»⁷. Эту статью договора можно считать первым действительным шагом на пути к союзу.

Уже в 1619 г. во время осады Вены чехами под руководством графа Турна, Густав-Адольф уже «желал союза с царем против Польши... прислал в Москву великих послов Бремена и Горна с просьбою»⁸ отвести запорожских казаков от Польши. А в 1621 г. обострившиеся отношения России и Речи Посполитой привели к тому, что Густав-Адольф прислал посольство с предложением союза против поляков. Данные действия были во многом спровоцированы французской дипломатией⁹, которая стремилась к объединению Московского государства, Швеции и Османской империи (связи с которой не рассматриваются в данной статье) для прорыва восточного фронта Габсбургов. Исходя из желаний Антигабсбургской коалиции, имевшей уже вполне сложившиеся очертания, можно сделать

вывод о том, что европейские государства к 1620-м гг. не рассматривали Речь Посполитую как часть «восточного барьера» для России и, наоборот, пытались дипломатическими путями втянуть ее в конфликт в Европе против одной из стран барьера.

Результатом развития отношений между Московским государством и Речью Посполитой и вмешательства иностранных дипломатов стала эскалация конфликта. В 1619 - 1622 гг. между воеводами пограничных областей Польши и России, московским боярством и польско-литовским панством состоялась длительная «переписка» с оскорблениями друг друга и государей обеих стран¹⁰. В 1623 - 1631 гг. была прекращена официальная переписка¹¹. С другой стороны, медленное сближение России и Швеции в 1619 - 1623 гг. было во многом обусловлено общими успехами польско-имперского блока. Король Швеции, Густав-Адольф, не поддавался на уговоры представителей Голландии и Фридриха V Пфальцского помочь в борьбе с Империей непосредственно на территории Германии. Не сумев обеспечить тылы реальным союзом с Россией, шведы вполне обоснованно опасались выступления против них польских войск¹².

К 1626 г. шведы решились на возобновление военных действий против Речи Посполитой. Параллельно, король Густав-Адольф не оставлял попыток заключить союз с Москвой. В начале 1626 г. он отправил в Москву посольство под руководством Бремена и Унгерна. Для них была составлена инструкция, по которой было необходимо убедить царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета в том, что Швеция ведет войну не только с Польшей, но и с Империей Габсбургов, потому что та стоит за поляками и в случае победы предусматривалось, что территории Дании, Швеции, а также России отойдут к Речи Посполитой как к ближайшему союзнику Империи, и повсюду будет насаждено католичество. Король предложил царю примкнуть к Антигабсбургской коалиции и поднять на войну крымских татар и казаков Запорожья¹³, придерживавшихся в тот момент пророссийской внешнеполити-

ческой линии. Шведы получили сдержанный отказ. Канцлер Швеции Аксель Оксеншерн предполагал, что это вызвано тем, что, согласно шведскому союзному плану договора, Россия должна была воевать с Польшей, а Швеция - с Империей, не оказывая помощи Москве. Это стало причиной второго посольства, которое предложило новые условия союза. Шведское посольство в Москву 1626 г. под руководством Ю. Бенгарта и А.-Л. Д. Рубцова вновь пыталось побудить московских государей начать войну с Польшей для пересмотра результатов Деулинского перемирия¹⁴. В данном случае уже имелись в виду совместные боевые действия русских и шведских войск. Царь и патриарх ответили вежливым отказом, но сообщили, что в войну готовы вступить в случае, «если хотя и малая неправда объявится от польского короля»¹⁵.

Причинами отказа были экономическая, военная и внутривосточная неготовность, и, следовательно, правительство выбрало тактику невступления в войну до наступления благоприятного момента. В результате, на первых этапах Тридцатилетней войны, Михаил Федорович и Филарет ограничивались внешнеэкономической поддержкой воюющей Швеции, предоставляя ей многочисленные льготы в торговле зерном, пенькой и другими товарами. Развитие ситуация получила только в конце 1620-х гг., события которых выходят за рамки данной статьи.

В заключении стоит подвести некоторые итоги. Нужно отметить, что наступление относительной внутривосточной стабильности после окончания Смуты и внешнеполитическая обстановка в Европе (начало Тридцатилетней войны) создали предпосылки для Московского государства, позволившие к 20-м гг. XVII в. прорвать «восточный барьер». Россия с готовностью пошла на сближение со Швецией и к 1629 г. сложился полноценный военно-экономический блок, направленный на противодействие Польше и Империи. Даже отказ от прямого военного участия в конфликте обусловил серьезный военно-поли-

тический успех. Угроза с Востока заставила поляков подписать со шведами Альтмаркское перемирие 1629 г., которое подтвердило шведские завоевания в Польше вдоль побережья Балтийского моря и позволило Густаву-Адольфу начать военные действия в Германии. Страх перед московскими армиями и русско-шведским союзом в целом был настолько велик, что поляки отказали императору Фердинанду I в конце 1630 г. в военной помощи, а потом запретили даже набирать наемников на территории Польши.

В дальнейшем стало очевидно, что прорыв барьера и российско-шведский союз сыграли важнейшую роль в становлении Московского государства, частично обеспечив ослабление королевской власти в Речи Посполитой, упадок которой стал очевиден уже в 1640 - 1650-х гг., когда восстания на Украине привели к отторжению части Польско-Литовского королевства в пользу России.

¹ См. *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война. Л., 1947. С. 10.

² Отрывки из дневника польского сейма 1605 г., относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. СПб., 1872, Т.1. С. 117 - 128.

³ *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. Л., 1976. С. 409.

⁴ Оценка материалов по истории Лже-Дмитрия, найденных в Копенгагенском Архиве // Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб., 1896. С.151.

⁵ Письмо Генриха фон Логау к императору Рудольфу II. Сборник материалов по русской истории XVII в. СПб., 1896. С.56.

⁶ Инструкция Самуилу Грушецкому // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 3., М., 1847. С. 1 - 8 [В речи для испанского короля 1612 г. вполне четко обозначены притязания Сигизмунда III на шведский престол (титулатура «король Польский и Шведский») и описание войны с Московией как «всем Христианским Державам полезную»].

⁷ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1995. Т. 9. С. 102.

⁸ Там же. С. 142.

⁹ Стоит отметить, что французские дипломатия и агентурная сеть, руководимые Ришелье, во многом определяли направление внешних политик

многих стран. Например, можно указать на деятельность французских двойных посольств (Деэ и Шарнасе), «негласные» посольства Русселя и др.

¹⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С.164 - 172.

¹¹ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. 2. С.117.

¹² *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544 - 1648). Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб., 1894. Т. 2. С. 174 - 183.

¹³ *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. С. 179.

¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп.. 1. Д. 2. Л. 267 - 278, 339, 340; См. также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С.142 - 143.

¹⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 143.

«ВОЙНА ПОДСТУПИЛА К ГОРЛУ»: РУССКО-ШВЕДСКИЕ ПОГРАНИЧНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1676 г.

В 1675 г. началась Европейская коалиционная война, Швеции и Франции противостояли участники Габсбургской коалиции. Австрийская монархия, Бранденбург, Дания, Соединенные Провинции стремились вернуть себе земли, захваченные шведами в Европе. Как было прекрасно известно в Европе, в руках шведов оставались территории, присоединенные ими после завершения войны с Россией по Столбовскому договору 1617 г.: Ижорская земля (Ингерманландия), Карельский уезд. Русским удалось, в результате войны со Швецией, в соответствии с Валиесарским перемирием 1658 г., добиться временного возвращения этих земель, но затем пришлось вновь отдать их Швеции по Кардисскому миру 1661 г. Бранденбург, Дания и Соединенные Провинции прилагали все усилия с целью втянуть Россию в войну, чтобы против Москвы была направлена часть шведских войск: Русское государство все в большей мере становилось реально действующим фактором в системе международных отношений. В результате, в 1676 г. для ведения переговоров на русско-шведскую границу выехали московские представители.

Как развивались события во время состоявшейся там встречи? Переговоры 1676 г. привлекали к себе внимание Г. В. Форстена и К. Цернака¹. Вслед за ними И. П. Шаскольский отмечал: «Главным политическим вопросом переговоров вновь стал вопрос о заключении союза обоих государств»². Однако исследователи практически не обращались к русской документации посольства.

В Швецию неоднократно поступали сведения о намерении русских под давлением Бранденбурга и Дании начать вой-

ну. Шведский король Карл XI опасался этого больше, чем чего-либо другого³. 17 сентября 1675 г. на границу с Россией было снаряжено посольство во главе с членом Риксрода Э. И. Крейцем, чтобы подтвердить Кардисский мир, добиться выполнения всех условий последнего⁴.

В Россию продолжала поступать информация о победах участников Габсбургской коалиции, которые собирались начать военные действия в Лифляндии. После затишья, в феврале 1676 г. Коалиционная война возобновилась, шведам пришлось перебросить в ту часть Померании, которая оставалась под их властью, новые силы. В борьбу включилась Дания. Находившийся в Москве в конце 1675 г. - первой половине 1676 г. посол Соединенных Провинций К. фан Кленк вновь пытался убедить Россию воевать против Швеции.

С вступлением на престол в феврале 1676 г. Федора Алексеевича основным направлением внешней политики России, как и раньше, оставалось южное (с 1672 г. шла русско-польско-турецкая война). На Дунае собрались османские войска, решался вопрос о том, куда они пойдут (со временем они стали продвигаться к Чигирину)⁵. В связи с этим Русское государство испытывало сомнения относительно возможности оказания давления на Стокгольм.

Тем не менее, весной в Москве стали готовиться к отправлению посольства для встречи со шведами в составе окольничего И. В. Бутурлина, думного дворянина И. А. Прончищева, дьяков. Назначение не имеющего опыта ведения дипломатических переговоров Бутурлина главой посольства отразило тот факт, что их результатам не придавали большого значения. Отъезд послов неоднократно откладывался.

Когда переговоры начались, 5 августа, Крейц, согласно шведским протоколам, беседовал с Бутурлиным, который якобы откровенно говорил о том, что происходило при русском дворе. Царь молод, Бутурлин и другие участники посольства (вероятно, до отъезда послов из Москвы) советовали ему не слишком

размышлять о вмешательстве в войну на стороне Дании и Бранденбурга, которые преследовали свои интересы. В протоколах отмечено, что Бутурлин достаточно сказал, чтобы шведы могли понять ситуацию. Подобное высказывание вполне соответствовало умонастроениям при русском дворе⁶.

В конце апреля фан Кленку обещали, чтобы на время проведения переговоров со Швецией на границе будут держать вооруженные силы, чтобы Австрийская монархия (потенциальный союзник России по борьбе с Турцией) и ее союзники «были во успокоении», но не рассчитывали на использование русских войск⁷. Русские не собирались предпринимать военных акций против Стокгольма.

Первоначально предполагалось, что послы будут добиваться заключения союза России, Речи Посполитой и Швеции против Турции - весной в Москве питали опасения относительно возможности вступления поляков и шведов в союз против России. В середине мая в Москве, скорее всего, под влиянием фан Кленка решили спешно внести в наказ изменения, с чем связана дополнительная задержка с отправлением послов. Им следовало в качестве компенсации за неправильное написание царского титула просить Ингерманландию, Карелию, Лифляндию⁸. В то же время у нас нет оснований полагать, что русские рассчитывали на территориальные уступки со стороны шведов. Очевидно, речь шла о дипломатических играх⁹.

Тем не менее, уже в мае шведам, по разным каналам получавшим сведения о намерениях России, казалось, что «до войны и реального кровопролития остается немного шагов». Крейц стремился выиграть время, чтобы справиться с претензиями русских¹⁰.

18 - 26 июля он и его спутники добивались подтверждения мира, а также рассмотрения ряда конкретных вопросов. Русские предложили заключить союз, к которому присоединилась бы Варшава. Шведские послы отказались обсуждать это предложение, говоря, что не имеют соответствующих полномо-

мочий. Они сказали, что король напишет полякам по поводу союза (за этим высказыванием не стояло никаких реальных обязательств). Русские послы объявили, что о союзе «говорено доволно», пора перейти к рассмотрению других вопросов¹¹. Шведские послы заподозрили, что все идет к разрыву отношений¹². После этого якобы последовала конфиденциальная беседа послов с Бутурлиным. Этот последний, согласно шведскому протоколу, заявил, что на царя оказывают давление противники Швеции с целью поссорить Москву и Стокгольм.

Видимо, после 26 июля русские послы направили отписку царю о ходе переговоров. 10 августа Федор Алексеевич послал грамоту, в которой санкционировал обсуждение вопроса о государевой чести, а 12 августа он велел прекратить переговоры о заключении союза¹³.

8 августа, видимо, уже получив сведения об июльских поражениях шведов в войне с Данией, русские предъявили список обид, в основном касавшихся царского титула, и потребовали территориальных уступок¹⁴. Когда шведы отметили, что этим обвинениям можно было бы не придавать такого значения, Прончищев подчеркнул, что царь обладает абсолютной властью, чтобы все решать по своему усмотрению, в том числе вопрос о войне и мире. Тем самым делался намек на существующую разницу между мнением царя и мнением бояр, хотя дальше указывалось на серьезность нанесенных Федору Алексеевичу и его предкам оскорблений. 12 августа Крейц вместе со своей делегацией объяснил несостоятельность сделанных обвинений. Согласно шведским документам, Бутурлин признал, что будет неприятно, если король начнет давать разъяснения, и нежелательно, чтобы возник конфликт. А 14 августа он просил простить русское правительство за то, что шведам была прислана письмо с упреками в адрес короля¹⁵. Конечно, шведам при составлении протоколов надо было показать, что они сделали все возможное, чтобы убедить русских в отсутствии преднамеренного желания оскорбить царя, но, видимо, русские, действительно, почувство-

вали бесосновательность своих претензий. Записи повторяли упомянутые высказывания Бутурлина от 5 августа о расстановке сил при русском дворе. Неясно, почему Бутурлин столь усердно противопоставлял мнение царя и бояр. Возможно, он хотел показать, что царь в любом случае может начать войну против Швеции и тем самым оказать дополнительное давление на Стокгольм.

13 августа Крейц всерьез рассчитывал, что приведенные аргументы будут приняты и на этой основе переговоры продолжатся¹⁶, однако 14 августа русские вернулись к прежним требованиям. Получив письмо послов от 13 и 14 августа, Карл XI выразил готовность выплатить часть той суммы, которую русские требовали в качестве компенсации за Ингерманландию¹⁷.

Шведы попросили прервать съезды на десять недель, чтобы списаться с королем, затем они сократили срок до четырех недель, до 12 сентября¹⁸. Переслать за это время письмо королю, который воевал с датчанами на Сконе, было невозможно. Шведы боялись, что, если переговоры будут прерваны, русские могут начать военные действия. В конечном счете, шведской делегации был предоставлен месячный перерыв. Послы были удовлетворены получением передышки, потому что могли списаться с начальниками пограничных крепостей.

В сентябре русское посольство узнало о новых поражениях Карла XI. 13 сентября, хотя шведы не получили писем от короля, Бутурлин и Прончищев потребовали продолжения переговоров и уступки земель, настаивая, что царю было нанесено оскорбление. Переговоры возобновились. Крейц, согласно шведским протоколам, выразил надежду, что Бог научит царя править, что царь научится обращаться с боярской думой и боярами - располагать честным советом и господами¹⁹. Согласно статейному списку, русские послы уверенно, несмотря на полную абсурдность своих утверждений, отметили все аргументы шведов: «в томъ великомъ деле щитятца они (шведы. - *Е. К.*) все неправдою...»²⁰. Крейц, учитывая переброшку русских войск на

границу, боялся, что начнется война²¹.

Когда 21 сентября состоялся очередной съезд, русские были убеждены, что ответ от короля уже пришел и что комиссары просто скрывают этот факт. Бутурлин и Прончищев говорили, что знают, где находится Выборг, что русские могут легко добраться до Упсалы. «А как по воли ево всемогущево спалитца огонь военной, то впервыхъ онъ, праведной судья, взыщеть со шведовъ»²². Этот съезд, как и последующий, состоявшийся 2 октября, не дал никаких результатов. С точки зрения шведов, продолжение переговоров стало бессмысленным, хотя царь, учитывая, что шведы терпят поражения, хотел выиграть время и требовал, чтобы русские послы не давали шведам разъезжей грамоты (неясно, на что надеялся Федор Алексеевич: добиться уступок или повысить свой статус в глазах потенциальных союзников)²³. 5 октября шведы сняли в посольском шатре ковры со стола и стен, вынесли стулья и уехали со своим обозом²⁴.

Во время переговоров стала очевидна неправомерность предъявленных русскими обвинений. Тем не менее, они упорно настаивали на своём. Однако, учитывая слабость своих позиций, послы порой, видимо, в какой-то мере давали Крейцу понять, что выполняют волю царя, а сами расходятся во мнении с самодержцем. Встает вопрос, насколько царь и бояре действительно считали нужным оказывать давление на Стокгольм. Благодаря давлению, которое оказывали русские, осенью Карл XI ограничил переброску войск, направляемых против Бранденбурга, чтобы использовать их в случае нападения русских. Это способствовало, среди прочего, тому, что курфюрст одержал ряд побед.

¹ *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1899. Июнь; *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhundert. Giessen, 1958. Teil 1.

² *Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 297.

³ Карл XI - Таубе Я. И. 21 января 1676 г. // Riks Arkivet (далее сокращенно

- RA). Riks Registraturet. V. 421. S. 247.

⁴ Карл XI - Крейцу Э.И. 15 сентября 1675 г. // RA. Riks Registraturet. V. 412. S. 551.

⁵ *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672 - 1681) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 125.

⁶ Шведский протокол переговоров И. В. Бутурлина, И. А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого с Э. И. Крейцем, Г. фон Тизенгаузеном, Клинкстедом (дальше для краткости - шведский протокол). 5 августа 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 488.

⁷ Статейный список пребывания в России К. фан Кленка. Запись 29 апреля 1676 г. // РГАДА. Ф. 50 (Сношения России с Голландией). Оп. 1. 1675 г. № 3. Л. 634 - 640.

⁸ Выписка из наказа И. В. Бутурлину. 19 мая 1676 г. // РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 262.

⁹ Наказ И. Бутурлину. [Без даты; после 17 февраля 1676 г.] // Там же. Л. 103-114.

¹⁰ Крейц Э.И. - Карлу XI. 20 мая 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.

¹¹ Статейный список И. В. Бутурлина. Запись 18, 20, 26 июля 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 5. Л. 1 - 48. См. также статейный список в составе посольской книги: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 101. Л. 107 - 122 об.

¹² Протокол переговоров 19 июля // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 262.

¹³ Грамоты Федора Алексеевича И. В. Бутурлина, И. А. Прончищева. 10, 12 августа 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 101 – Посольская книга. Л. 248, 263.

¹⁴ Статейный список И. В. Бутурлина, И. А. Прончищева, Л. Голосова, Меньшого с Э. И. Крейцем (дальше для краткости - статейный список). Запись 8 августа 1676 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 5. Л. 53 - 63. Список «обид» также сохранился в переводе на шведский язык (Форстен Г. В. Указ. соч. 321).

¹⁵ Шведский протокол. 14, 18 августа 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 474, 526.

¹⁶ Крейц Э. И. - Карлу XI. 13 августа 1676 г. // Ibid. V. 93.

¹⁷ Карл XI - Крейцу Э. И. 16 сентября 1676 г // Ibid. V. 97. S. 11-14.

¹⁸ Крейц Э. И., Тизенгаузен Г. - Бутурлину И. В., Прончищеву И. А. 14 ав-

густа 1676 г. Перевод 18 августа // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1676 г. № 3. Л. 173.

¹⁹ Шведский протокол. 13 сентября // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 95. S. 662.

²⁰ Статейный список. Запись 13 сентября 1676 г. // НИОР РГБ. Ф. 28. № 85. Л. 301 об.

²¹ Крейц Э. И. - Карлу XI. 14, 17 сентября 1676 г. // RA. Diplomatica. Muscovitica. V. 93.

²² Отписка И. В. Бутурлина Федору Алексеевичу. 15 августа 1676 г. Копия // НИОР РГБ. Ф. 28. № 85. Л. 350.

²³ Грамота Федора Алексеевича И.В. Бутурлину. 23 сентября 1676 г. (получена 30 сентября). Копия // Там же. Л. 368 - 368 об.

²⁴ Статейный список. Запись от 5 октября 1676 г. // Там же. Л. 380.

ЧИСЛЕННОСТЬ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ

Миновавший 300-летний юбилей битвы под Полтавой 27 июня (8 июля) 1709 г. придавал мощный импульс изучению этого великого события в истории Отечества. Нет необходимости перечислять в краткой статье все вышедшие в немалом количестве из печати новые исторические труды - книги, статьи, публикации документов. Выпущенные в последние годы работы историков чётче обозначили остающиеся расхождения между исследователями - спорные вопросы и сюжеты, требующие дальнейшего углублённого изучения.

Один из важнейших обсуждавшихся вопросов - какова была численность регулярной русской кавалерии в битве.

В. А. Артамонов в новейшей монографии, увидевшей свет в декабре 2009 г. справедливо отметил, что у отечественных и зарубежных историков ныне нет разногласий насчёт численности шведской кавалерии, брошенной Карлом XII в битву. Это 7800 всадников (109 эскадронов). Кроме того, полк валахов (около 1000 конников) действовал на отдельном направлении вдоль Ворсклы против южной стороны ретраншемента, в котором укрывались русская пехота и артиллерия¹.

Напротив, относительно количественного состава русской регулярной конницы вообще и на разных этапах битвы сохраняется разница в выводах.

Полтавский историк В. А. Молтусов, автор выпущенной к 300-летию юбилею монографии, сделал заключение, что она насчитывала от 9000 до 9500 всадников (с учётом потерь в сражении у редутов)². Однако историк не использовал ведомости унтер-офицерского и рядового состава регулярных кавалерийских полков и «шквандронов» (полки половинного состава), участвовавших в Полтавской битве. Эта ведомость опублико-

вана практически одновременно в юбилейном 2009 г. в монографии автора настоящей статьи³ и в сборнике документов, посвящённом первой половине Великой Северной войны (за 1700 - 1709 гг.)⁴. В ведомости также указано количество убитых в баталии отдельно по полкам. Многолетнее изучение этого источника привело автора к однозначному выводу, что в этом документе из Походной канцелярии А. Д. Меншикова (командовавшего в битве кавалерией) перечислены все кавалерийские части, реально принимавшие участие в битве. В ведомости приведена численность нижних чинов 23 драгунских, 3 конно-гренадерских полков, Генерального «шквадрона» (драгунский полк половинного состава) и ещё одного «шквадрона», соединённого из двух, - всего 20 106 нижних строевых чинов. С офицерским составом части регулярной кавалерии, сосредоточенные Петром I для битвы, имели, по расчётам, 21 044 всадника; потери погибшими в битве указаны на копии этой повреждённой ведомости - 625 конников⁵.

В. А. Артамонов согласился с выводами автора настоящей статьи, сделанными на основании ведомости, опубликованной в 2009 г. Он повторил данные, что на второй, решающей фазе баталии, на шведов на правом и левом крыльях русской пехоты двинулись в двух линиях соответственно 7709 и 4459 всадников - всего 12 168 кавалеристов нижних чинов⁶.

В силу сказанного, заключение В. А. Молтусова о численности русской кавалерии, вытянувшейся на поле перед ретраншементом для решающей схватки, следует охарактеризовать, как носящее приблизительный, оценочный характер. Наглядно видно, насколько существенно документ, изданный в 2009 г., позволяет уточнить представление о соотношении сил русской и шведской кавалерии на главной фазе битвы.

В новейшей юбилейной литературе выявились два различных подхода к определению численности и состава русской регулярной кавалерии, задействованной на первой фазе битвы - в сражении при редутах. Автор статьи полагает, что рвавшееся

вперёд 16-тысячное шведское войско у редутов встретила вся регулярная конница - 21 000 всадников⁷. В. А. Молтусов считает, что там шведам дала продолжительное сражение кавалерия в составе только 16 драгунских полков⁸. В. А. Артамонов придерживается такого же мнения, что и В. А. Молтусов. Историк полагает, что в прогалине между двумя лесными массивами, которую перекрывала поперечная линия из 6 редутов, большому количеству коней разместиться было невозможно. К тому же, как считает историк, часть конных полков необходимо было иметь при ретраншементе и вместе с войсками гетмана И. И. Скоропадского вблизи балки Побыванки. При определении численности конных полков, бившихся со шведами при редутах, В. А. Артамонов сослался на часто публиковавшийся чертёж из Походной канцелярии Петра I⁹ (см. иллюстрацию). На чертеже, действительно, показаны стоящие за редутами в три линии конные полки: в первой - шесть полков, во второй и третьей - по пять. Первая линия конных полков была поставлена, согласно чертежу, вполне разумно за проходами между шестью редутами, вытянутыми в линию в открытом проходе между лесом близ селения Яковцы и лесом у Малых Будищ.

Автор статьи при подготовке монографии полагал, что на этом чертеже, кстати, воспроизведённом в книге¹⁰, остальные конные полки просто не дорисованы. Этот чертёж явно не закончен. Он носит неофициальный, подготовительный характер. Где находились другие кавалерийские полки, участвовавшие в баталии, на чертеже, к сожалению, не обозначено. Надо обратить внимание, что в другом, более авторитетном источнике, - официальной гравюре 1709 г. с планом битвы, к которой была приклеена реляция, русские конные полки показаны по-иному. Во-первых, на этой, подчеркиваю, официальной печатной гравюре полков изображено не 16, но 17. Во-вторых, они вытянуты за поперечными редутами не в три, но в две линии: в первой 9, во второй - 8 полков. Именно в таком порядке они показаны на этой гравюре уже после отступления от линии поперечных

редутов на противоположный конец поля, где они выстроили свои боевые порядки вдоль балки Побыванки¹¹.

Где были в это время другие конные полки? Если все 17 конных полков по велению царя оставили линию редутов и отошли на противоположный северный край поля, как быть с утверждением генерала Л.-Н. де Алларта, командовавшего в битве пехотной дивизией. Генерал писал позднее: «... а кавалерии такой дан был указ, что ежели неприятель за нею погонитца, то б уступала до самага ретранжамента, а ежели он ещё и далее за нею пойдет, чтоб она роздвинулась направо и налево перед ретранжементам, дабы ис пушек по ним стрелять было можно, как то и случилось»¹².

Таким образом, Л.-Н. де Алларт утверждал, что некоторая часть сражавшейся при редутах кавалерии, отступила «налево», то есть к югу от ретраншементов. В этом случае 17 конных полков, отошедших первоначально на северный край поля к балке Побыванке, следует считать переместившимися «направо» от ретраншементов. Однако эти отступившие к южной стороне ретраншементов полки на обоих чертежах не показаны. Может быть, в этом сокрытии информации играли роль пропагандистские соображения? В официальных российских публичных пропагандистских материалах о битве прослеживается отчётливое стремление затушевать то большое численное превосходство над шведами, которое удалось создать Петру I перед битвой. Так, в шведскую боевую линию включено значительно больше боевых частей, чем было в действительности, не названа численность многих российских резервов, не указано место их расположения и т. д.

На взгляд автора, к южной стороне ретраншементов отступили после баталии у редутов те пять драгунских полков, которые очень оперативно, «в мгновение ока» (выражение Петра I), были использованы против не прорвавшихся за линию из шести поперечных редутов шести батальонов под командованием генерал-майора К. Г. Рууса. Это были Каргопольский

(710 чел.), Троицкий (771), Смоленский (992), Ямбургский (617) драгунские полки и объединённый Воронежско-Раненбургский «шквандрон» (503) - всего 3593 всадника¹³. Приведённое выше соображение В. А. Артамонова, что большему числу полков, чем 16, было невозможно разместиться при редутах в ходе состоявшейся там ранним утром баталии, непонятно. В поле, начинавшемся за редутами, можно было без труда выстроить вообще всю российскую кавалерию. Задние линии в этом случае служили бы резервом. Это хорошо видно на всех исторических картах и планах, близких по времени создания к состоявшейся битве. На поле за редутами, как говорится в источниках, вообще было место стоянки российской кавалерии. Одной из задач редутов, сооружённых на вероятном месте наступления шведской армии, было как раз прикрытие от неожиданного нападения лёгкого походного лагеря регулярной конницы. Полезно привести здесь, к примеру, свидетельство участника баталии князя Б. И. Куракина, тогда подполковника гвардии, написавшего в записках о выдвигении армии и расположении её на месте будущей битвы. Из его описания ясно, что вся кавалерия оставалась на поле за редутами, перед ретраншементом - земляным лагерем русской пехоты и артиллерии. В дневнике сказано: «... потом, осмотря место за полмили до Полтавы и до обоза неприятельского, перешли; и пехота, учиня ретраншемент, стала; а конница, учиня редут, стала в одну линию на правую сторону от траншея инфонтерии...»¹⁴.

Как показал ранее автор статьи, ещё шесть полков, отступили после сражения у редутов дальше на север, поближе к украинским войскам гетмана И. И. Скоропадского. Украинские казаки размещались, главным образом, за балкой Побыванкой. Упомянутые шесть драгунских полков (свыше 4000 боеготовых всадников) образовали тактический резерв, которым командовал генерал-майор князь Г. С. Волконский¹⁵.

Таким образом, автор считает, что в сражении на линии редутов шведам противостояли не 16 и не 17, но 29 полков и

«шквандронов» русской кавалерии - это заключение хорошо обосновывается введёнными в научное обращение источниками. Следовательно, шведскую кавалерию (7800 всадников), атаковавшую ранним утром 27 июня 1709 г. в великой тесноте в проходах между редутами, встречала практически вся сосредоточенная под Полтавой российская регулярная конница - округлённо 21 000 всадников. Таким образом, численное превосходство над шведской кавалерией было на этой фазе битвы велико - в 2,7 раза. Этот вывод важен для понимания природы победы русского оружия при Полтаве. Конечно, часть кавалерии, стоявшая в удалённых от шведов линиях, может быть, на этом этапе битвы ещё не успела ни скрестить шпаг, ни вступить в перестрелку с неприятелем, но её пребывание на месте развернувшейся баталии очевидно.

Изучение великой битвы 1709 г. далеко от завершения. Вместе с тем введённые в научное обращение новые источники позволяют считать численность российской кавалерии, действовавшей на первой и второй фазах баталии, в сражении у редутов и потом на поле за ними, равной 21 000 всадников. Против шведов действовали 26 конных полков и 3 «шквандрона»; ещё небольшое количество регулярной конницы пребывало в резерве и в битву не вступило.

¹ *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009. С. 531 - 532.

² *Молтусов В.А.* 1. Русская кавалерия в Полтавском сражении // Военно-исторический журнал; Старый цейхгауз: Специальный совместный вып. 2009. С. 35; 2. Полтавская битва: уроки военной истории. 1709 - 2009. М., 2009. С. 346.

³ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб., 2009. С. 386 - 387.

⁴ Северная война 1700 - 1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сб. документов. М., 2009. Т. I. С. 524 - 525.

⁵ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). С. 148 - 152.

⁶ *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы.

С. 562.

⁷ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). С. 208.

⁸ *Молтусов В.А.* 1. Русская кавалерия в Полтавском сражении. С. 32; 2. Полтавская битва: уроки военной истории. 1709 - 2009. С. 299.

⁹ *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. С. 545, 625.

¹⁰ См. воспроизведение чертежа: *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). С. 210 - 211.

¹¹ См. воспроизведение чертежа: «Совершенная виктория»: К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 215.

¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 314. Л. 78 об.

¹³ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). С. 218.

¹⁴ Русско-шведская война. Записки кн. Б. И. Куракина 1700 - 1710 // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 322.

¹⁵ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). С. 219 - 220.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПОЛТАВЫ

Южная политика Петра I формировалась в противостоянии сразу двум противникам - крымскому и турецкому. Впрочем, задачи российских политиков нередко облегчались отсутствием единства между Бахчисараем и Портой. Так, когда в ходе Первого азовского похода (1695) хан Селим-Гирей, намереваясь встретить русское войско на подступах к Азову, вывел своих конников за Перекоп, то его практически силой лишили возможности руководить обороной Крыма - ради очередного похода, предпринятого новым султаном Мустафой II (1695 - 1703 гг.). Селим - Гирей подчинился, но во время отсутствия хана пали Таганрог и Кази-Кермен и был сожжён Шах-Кермен. Перешеек же удалось удержать только отчаянной храбростью наскоро собранного ополчения.

На следующий, 1796 г., черноморско-азовская твердыня была сдана неприятелю. Так Москва впервые в своей истории получила выход в море, являвшееся, по сути, заливом великого Средиземноморского бассейна. Это было серьёзно: теперь было очевидно, что русские закрепляются на берегах Чёрного моря, имея далеко идущие планы. Мустафа II приказал казнить командированных в Азов пашей. Но вскоре к султану вернулась его обычная беспечность.

В противоположность султану, царь Петр беспечным не был. И ещё труднее было бы обвинить его в бездеятельности. Едва добившись первых успехов на берегах Азово-Черноморского бассейна, он принялся буквально вращать в новые, пока весьма ограниченные участки прибрежной суши. Так, им было весьма оперативно «произведено укрепление устья Дона, проведены мероприятия по заселению города Азова, усилены крепостные сооружения Казыкермана и других приднепровских

городков. Царь совершил плавание по Азовскому морю для выбора гавани, удобной для будущего флота. Такое место было найдено у мыса Таганрог. Энергично начал создаваться флот».¹ Однако, эти приготовления делались в расчёте на более или менее дальнюю перспективу, поскольку в марте следующего, 1697 г., царь выехал в составе Великого посольства на Запад, имея в планах подготовку широкомасштабной экспансии совсем в ином – балтийском направлении.

Но незадолго до начала этой более чем двухлетней поездки, Пётр обезопасил себя с юга, заключив в Вене анти-турецкий наступательный союз с Австрией и Венецией, тогда находившимися в состоянии войны с Османской империей. Согласно Венскому трактату, союзники не имели права вступать с турками в сепаратный мир, а в военных действиях должны были согласовывать оперативные планы² - в дальнейшем этот пункт имел большое значение не только для Порты, но и для Крыма. Однако уже через год стало известно, что Вена ведёт со Стамбулом сепаратные переговоры о мире. В июле того же года Пётр прибыл в Австрию, где на встрече с цесарем Леопольдом I узнал, что готовящийся мир предусматривает возврат воюющих сторон на старые позиции без выигрышей и потерь. Иными словами, имелся в виду мирный договор на основе классического принципа *uti possidetis ante bellum* или взаимного признания прав по положению, существовавшему до войны.

Но это никак не устраивало царя, только-только начавшего разворачиваться на юге. И он стал готовить новую, уже дипломатическую агрессию, направленную даже не против Турции, но однозначно против Крымского ханства

То, что Пётр I был категорически против *любого* мира с турками, было ясно ещё на его первой встрече с Леопольдом. Тогда он вообще высказался против каких бы то ни было мирных переговоров с черноморскими мусульманами. Он понимал, что захвачено ещё слишком мало, чтобы торговаться о каких-то политических уступках со стороны противника на условиях

возврата ему его же бывших крепостей и территорий. Первым объектом захвата логично становилась Керчь, без овладения которой Азов мало что значил. Ведь он находился в устье Дона, а требовалось запереть Керченский пролив и остаться единственным властителем Азовского моря - маленького, но вперые собственного, московского. Царь этого и не скрывал от австрийцев. Его посланцы утверждали на переговорах, что «не усмиря татар и не имея в их землях крепости не возможно к миру приступить и со стороны Его Царского Величества тем довольство воспрять».³

Затем, уже на стадии обмена проектами текста нового договора, московская сторона уточнила, что мирные переговоры с Турцией совершенно невозможны без уступки ими Керчи, в противном случае «Его Царскому Величеству и при получении мира никакая будет польза и непременно противу тех (татарских - В.В.) набегов надобно иметь войска».⁴ То есть, было принято вполне определённое решение «ногою твёрдой стать при море». Вернее даже двумя, второй опорой должен был стать собственно Крымский полуостров.

Наступила осень 1698 г., и переговоры были продолжены в небольшом городке Карловицах (Славония), в резиденции сербского православного митрополита. Переговоры шли между Портой с одной стороны, и «Священной лигой» (антитурецкая коалиция, с 1686 г. состоявшая из России, Австрии, Венеции и Польши) - с другой. Здесь тот факт, что царю мало Азова, и он разлакомился уже на Керчь, впервые был раскрыт и доведен до сведения турецких дипломатов российским послом П. Б. Возницыным. При этом неожиданном демарше буквально остолбенели не только турецкие чиновники,⁵ но и представители других стран-участниц переговоров, ничего не знавшие о подробностях предварительных контактов Петра с Леопольдом. Тем не менее, работа конгресса продолжилась, что показательно само по себе.

Следует отметить, что исход этих переговоров в пользу московских его участников был предрешён не только слабостью

политики и военными поражениями Турции, но и тем, что посредниками в Карловицах выступали Англия с Голландией. От таких арбитров Оттоманской Порте ждать беспристрастной объективности не приходилось, так как эти морские державы, готовясь к войне с Францией (то есть, к так называемой войне за Испанское наследство), были заинтересованы во всемерном ослаблении традиционного союзника французов - Стамбула.

Возможно, впрочем, что, даже поддерживая врагов Турции на переговорах, эти посредники всё же поостереглись бы содействовать Москве, и без того столь угрожающе усилившейся в последнее время. То есть, нейтрализовали бы результаты русских захватов на юге хотя бы репарациями, на выплату которых Порты, вроде бы соглашалась. Польза же от такого компромисса была бы немалой. Ведь взамен исчез бы новый источник конфликтов, каким явно грозило русское присутствие в Причерноморье. А в этом были заинтересованы, пожалуй, все участники конгресса - понятно, кроме русских. Но эту проблему решили не здравые рассуждения, а соображения совсем иного рода.

Дело в том, что русский уполномоченный на Карловицком конгрессе, думный советник П. Б. Возницын, явился на переговоры с огромной «собольей казной», что на современном языке означало бы несколько десятков драгоценных шуб из баргузинского соболя, предназначенных для подкупа. Иностранные переговорщики, среди которых были весьма благородные особы (в том числе два герцога), принимали московские одеяния, не слишком ломаясь, - что было в ту эпоху также в порядке вещей. Не совсем обычным было другое: на подкуп пошёл и *посланец самой Порты*, А. Маврокордато, которого сердобольный Возницын наделил шубой «ради студёной погоды» - пример коррумпированности султанских чиновников, попавший, кстати, даже в общие справочные пособия (См., например, в: Дипл. словарь. Т. II. С. 30).

В результате *таких* переговоров (они завершились в

январе 1699 г.) Турция не могла не проиграть: её лишили ряда территорий в Европе. Венеция получила земли в Греции и Далмации, Австрия - в южной Венгрии, Польша - в Подолии. Что же касается Москвы, то было решено заключить перемирие с Портой на два года, при этом Азов оставался за Москвой, как и более мелкие городки на Днестре и в других местах Крымского ханства: Таван, Арслан-Кермен, Кыз-Кермен и Шан-Гирей.⁶ За эти два года стороны должны были договориться об окончательном решении спорных вопросов (о городах, прежде всего) с заключением постоянного мира или же дальнейшим продлением перемирия.

И 13 июля 1700 г. после дополнительных уточнений и был подписан новый договор, получивший название Константинопольского (далее его содержание по публикации в: ПСЗ, IV, 1830, № 1804). По статье 2 «у Днестра реки поселенные Тавань и Кизыкермень и Нустрет Кермень и Сагин Кермень городки да разорятся с тем уговором, дабы везде на тех местах городкам и накакому поселению не быть, а реченные места со своими землями... во владение Оттоманского государства... да возвратятся». Далее, России передавались Азов и прилежащие городки, которые русские успели выстроить после захвата крепости, а также земли, попавшие между этими городками (ст. 4).

Султан обязывался удерживать крымских татар от набегов. Кроме этого ущемления собственной внешней политики, Крым терял традиционные "поминки" (к тому времени они достигали 90 000 курушей), ежегодно получаемых им от Москвы. Впрочем, и с севера запрещалась не только прямая агрессия "Москвичей и Казаков". Кажется, впервые царь обязался, что не позволит казакам «с чайками и с суды водяными... выходить на Чёрное море...» (ст. 8). Кроме того, Пётр обязывался не строить новых крепостей вблизи границ Крыма (имелась в виду некая разделительная нейтральная полоса к северу от ханства), а также морских военных кораблей в бассейне Азовского и Чёрного морей. Но обязывался он опять-таки не перед Крымом, который

не мог, таким образом, защищать в будущем и это своё жизненное (в буквальном смысле слова) право на безопасность своих границ.

Разочарованный условиями договора, Селим-Гирей оставил престол, рекомендовав на ханство своего сына Девлета. Всево Девлет-Гирей II правил два срока с шестилетним перерывом (1699 - 1703, 1708 - 1713 гг.) - не считая кратковременного, на протяжении нескольких месяцев, возврата на престол в 1716 г.

Этот хан, крайне обеспокоенный условиями мирного договора, оставлявшими Крым беззащитным и будучи неплохо осведомленным о довольно зыбком положении Петра в эпоху стрелецких и казацких мятежей, а также широкого старообрядческого движения, предлагает султану воспользоваться ситуацией и, не упуская времени, дополнить внутренние шатания в России мощным ударом извне. Далее он обосновывает совершенную необходимость такого удара, доказывая, что новая русская армия не в пример техничнее и многочисленнее старого стрелецкого воинства, что царь, «...несмотря на заключенный в Карловиче двухлетний мир, строит с великим прилежанием флот, также и новые города и крепости на Днепре и на других реках. Всё сие довольно свидетельствует, что он не имеет никакой склонности к содержанию мира, и для того должен султан, окончивши войну с цесарем, весьма того наблюдать, чтобы новый [царь] не привел Оттоманские порты в крайнее опасение, ибо российскому войску тогда уже нетрудно будет в одну кампанию всем Крымом прежде завладеть, нежели Порты на помощь придти сможет. Итак требует крайняя нужда, чтоб или постоянный мир заключить или, не допуская приращения неприятельских сил, начать наискорейше войну. А буде султан сомневается, что подлинно всё так, как он объявляет, то просит, чтоб послан был один из верных и надёжных султанских служителей в Крым, который бы российские приуготовления мог своими глазами видеть и подать султану о всём точную ведомость».⁷

К этому его призывали, в частности, турецкие христиане, наиболее активным и авторитетным из которых был иерусалимский патриарх Досифей, чья постоянная резиденция находилась в Стамбуле. Так, он писал 1 сентября 1701 г. Петру (перевод современный):

«Ещё же, если святой Бог благоволит в сердце величайшего твоего царства произвести какое-либо движение в здешние страны, то мы советуем с полнейшей уверенностью, три вещи Одна - это то, что первым действием должно быть уничтожение Таврониса (т. е. Крымского ханства - *В.В.*) и Буджака, и вообще татар. И причина очевидна для величайшего твоего царства, однако назовём её и мы, что если их не будет посредине, то на помощь твоему царству придут богданы, влахи, сербы, болгары и прочие, со своим имуществом, и жизнью, и душой, но если татары останутся на своём месте и со своей силой, то ни один из тех не может двинуться со своего места и противостоять язычникам хотя бы взглядом. С другой стороны Тавронис имеет различные гавани, и есть также и Озу (т. е. Очаков. - *В.В.*), и у кораблей величайшего твоего царства будут крепости безопасные, надёжные и многочисленные...»

Далее патриарх упоминал, что через Черное море ходят сотни судов, перевозящие из Северного Причерноморья и Крыма продовольствие, столь необходимое Стамбулу. Каковой торговый путь также легко можно пресечь, даже не имея корабельного флота, а используя мелкие гребные и парусные суда-кайки или шлюпки с галерами, отчего турецкая столица ослабнет: «...хлеб для Константинополя идёт с Чёрного моря, и кайки могут воспрепятствовать его подвозу и в Константинополе от голода будут есть друг друга, и если даже тамошним христианам придётся худо, всё же дети их останутся христианами».⁸

Пётр, начав к тому времени Северную войну, не имел возможности воспользоваться этим советом Досифея до 1711 г., когда он направил войско к «влахам» напрямую, через Днестр и Прут, что без поддержки с моря окончилось катастрофой

Прутского поражения.

Через два года после заключения Константинопольского мира, в 1114 г. хиджры (точнее, 26 февраля 1702 г.) Хаджи Селим-Гирей в четвёртый раз стал ханом. Причина проста: уже в годы первого своего правления, Девлет-Гирей II не считал нужным скрывать своего раздражения султанским двором. Причин тому было за последнюю четверть уходящего XVII в. Предостаточно, но если Селим-Гирей покорно склонялся перед волей Порты, то его сын был всё же из другого теста. Ободрённые безнаказанностью русские выстроили ещё одну крепость, Каменец, уже на бесспорно крымской территории, в 20 часах езды от Ор-Капу, причём с явно агрессивной целью. Значение Каменца как базы для экспансии было понятно, в частности, польским современникам этих событий: «А для того, чтобы город этот мог им служить защитой и прибежищем в военное время, они переступили границы Крыма и наполнили город людьми, оружием и пушками в изобилии».⁹ Девлет-Гирей писал в эти месяцы султану: «Все народы знают и всем известно, что они (т.е. русские. - *B.B.*) ищут предлога и способа, как бы отнять у нас землю нашу и властвовать на Чёрном море полными хозяевами». Но Ахмед III не только не придал значения предостережению хана, но и публично обозвал крымско-татарских политиков «изобретателями и лжецами». Видя это, Девлет-Гирей прибег к последнему средству и отправил к султану группу московских пленников. «Те рассказали последнему, что они в самом деле намереваются завоевать всю землю Крымскую...».¹⁰ Порта игнорировала и этот аргумент.

Тогда Гирей решился на отчаянный шаг. Считая, что враждебное Крыму кольцо далее может лишь сужаться, он выступил против силы, мешавшей ему это кольцо разорвать, - против Турции. Хан собрал огромную рать из собственно крымских и ногайских татар, ему обещала помочь и Сечь, но туркам удалось опередить выступление союзного войска - как мы помним, в 1703 г. Девлет-Гирей был низложен. Вышедшие было за Пере-

коп, крымскотатарские конники вынуждены были тогда разойтись по домам.

Любопытно, что с отставкой Девлет-Гирея крымцы отнюдь не успокоились. Напротив, недовольство отставкой популярного хана стало причиной нового мятежа, хотя восставшие преследовали и вторую политическую цель - уничтожение новых русских опорных пунктов на северной границе ханства. Как сообщал 11 января 1703 г. своему правительству посол в Турции П. А. Толстой, «...татары, желая своего хана, забунтовали... и на турецкие города, на Измаил и Кили калга-султан пришёл войною великою, и Бабадагский сераскир Черкес Юсуф-паша о том Порте писал, что уже он сидит от татар в осаде, и чтоб ему прислали на помощь ратей, и ныне зело многочисленные рати в те страны (то есть, в том направлении. - *В.В.*) посылают... говорят, что для усмирения татар, обаче опасно, чтоб не учинили какова урона незапно... народная же молва, что бутто хотят с нами (то есть, с русскими. - *В.В.*) разорвать мир».¹¹

Инцидент этот был исчерпан довольно быстро. К Дунаю подтянулось несколько десятков тысяч турецких войск, и крымские татары вернулись домой. Но поток ханских грамот о московских нарушениях мира отнюдь не иссяк. Просто теперь их стал писать Хаджи Селим-Гирей, этот благонравнейший из подданных султана, и в более молодые годы старавшийся не причинять Порогу Счастья лишних беспокойств. И он добился того, чего не удалось его беспокойному сыну. Как бы в противовес всё более укреплявшемуся Москвой Азову турки начали строить севернее Керчи, невдалеке от известных нефтяных источников, новую крепость, (её так и называли Ени-Кале). Правда, строительство было закончено уже при другом султани, Ахмеди III (1703 - 1730 гг.), да и хан к тому времени сменился: в декабре 1704 г. семидесятиррёхлетний Хаджи Селим-Гирей «подобрав полы своей жизни, устремился в рай горного Эдема».

В последний период своего правления Хаджи Селим ни разу не был замечен в новых попытках сотрудничества с запо-

рожцами, хотя поводов к этому было вполне достаточно. Особенно большой соблазн вмешаться в украинские дела возникал у хана с каждым новым казацким мятежом, а их в эти годы было немало. Цепь русских военных городков и крепостей, все дальше спускавшаяся к югу, беспокоила запорожцев не меньше, чем татар. Особенно их раздражал Каменный Затон, воздвигнутый у самой Сечи. Гетман И. С. Мазепа, бывший тогда ярым врагом Запорожья и послушным проводником украинской политики Петра I, писал в 1703 г. в Москву: «Не так страшны они, запорожцы... и пересылки с ними хана крымского, как то дело рассудить надобно, что чуть не вся Украина запорожским духом дышит».¹²

И в самом деле, отношение украинского народа ко всему, что несла с собой московская власть, весьма сложное в год Переяславской рады, со времен Б. Хмельницкого стало вполне определенным. И такие признанные лидеры народного восстания, как К. Гордиенко и П. Сорочинский, опирались в основном на голытьбу (по которой больше всего ударили новые порядки), находя в этой беспокойной массе всегдашнюю поддержку.

В антифеодальной и национально-освободительной (антирусской) этой борьбе четко прослеживаются две традиционные черты. Это ее общенародность - как в свое время Пётр Дорошенко был связан со Степаном Разиным, так и теперь от запорожцев протянулись нити ко всему населению Право- и Левобережной Украины, а позднее - также к булавицам на Дон.¹³ И, во-вторых, видное место в этом движении, по-прежнему, отводилось Крымскому ханству.

Особенно усилилась последняя тенденция после того, как стало известно, что царь, будучи не в силах самостоятельно подавить украинское восстание, зовет помощь из-за рубежа; с запорожцами теперь должны были воевать их старинные недруги - поляки. За это Петр обязался отдать Польше все Правобережье вместе с Белой Церковью.¹⁴ После чего состоялась рада, на которой казаки решили войти в союз с ханом, а К. Гордиенко

сообщил в Бахчисарай, что Сечь согласна вместе с татарами «Москву воевать».¹⁵ Это решение рады позже подтвердил и П. Сорочинский, прибывший в Бахчисарай для конкретных переговоров. Более того, запорожцы, как бывало и раньше, обратились к хану с просьбой принять их в подданство, и дело оставилось лишь в ожидании разрешения Стамбула.¹⁶ Заметим, что все эти события произошли до "измены" И. С. Мазепы и вопреки его внешне промосковской политике. А также вразрез с собственными устремлениями этого гетмана к политической независимости.

Наиболее компетентные из старых исследователей делали вывод о том, что на рубеже XVII и XVIII вв. Украина и Крым, эти сравнительно скромные по размерам государственные образования, разработали в противовес России, Польше и Турции, стремившимся их подавить, общие линии в политике, причём схожие интересы усиливали их взаимоотношение.¹⁷ Этот процесс шёл вопреки грозным приказам Москвы, все более привыкавшей смотреть на Украину как на свою вотчину, а во многом - благодаря им. Появляется плеяда талантливых лидеров казачества, предвидевших скорую гибель Сечи, если отношения с царями и далее будут развиваться в прежнем направлении. Эти кошевые атаманы (выше были названы лишь немногие из них) использовали каждый год мирной передышки перед близившейся войной и временное уменьшение числа царских войск на Украине (много солдат потребовал шведский фронт) для установления все новых связей с соседями - «басурманами». Их поддерживало всё население, - в ту пору утихшие от звона сабель степи покрылись сотнями чумацких возов с солью, телегами с хлебом, гуртами скота, тянувшимися в Крым и из Крыма.

Нельзя сказать, что Москва, Варшава и Стамбул пассивно наблюдали за таким развитием украинско-крымскотатарских отношений. Турки и поляки пытались расстроить крепнувшие мирные связи исподволь: первые - через своих людей при ханском дворе, членов дивана, подбивавших Гирея на новые

походы против украинцев, вторые - используя прямые контакты с царем и Мазепой. Впрочем, гетман и сам осознавал губительность для своей власти на Украине, для её абсолютизации политического, экономического и культурного сближения украинцев с крымскими татарами, достигшего своего апогея на закате истории Войска Запорожского. Ради этого гетман был готов жертвовать не только военным и политическим, но и экономическим укреплением Украины, которое нёс с собой мир. Так, он откровенно указывал: «А миру запорожцам с Крымом никогда не иметь, и остерегать того накрепко, чтоб из малороссийских городов в Крым с торгами, запасами и всякой живностью не ездили и лошадей в Крым не продавали».¹⁸ Не менее истеричны и царские указы того периода: для Петра оживившиеся контакты между соседями были как нож острый, и он всячески стремился их пресечь.

Может возникнуть предположение, что подобная политика царя, Мазепы и поляков, одинаково враждебная татарам и вольному казачеству, была вызвана исключительно опасением больших крымских набегов. Но мы видели, что в конце XVII в. они уже стали, по сути, достоянием истории. Дело здесь было в другом: Москва боялась объединения двух неподконтрольных ей сил. Поэтому и царь, и Мазепа предлагали казакам жёсткую альтернативу: борьба Сечи с Крымом или железный занавес между ними, третьего дано не было. Ниже мы увидим, с какой последовательностью эта линия проводилась в жизнь.

Союз шведов с Бахчисараем приобрел в их глазах актуальность лишь весной 1708 г., когда стала готовиться их русская кампания. Вновь ставший ханом Девлет-Гирей II, тепло принявший шведского гонца и немедленно начавший готовиться к походу, обеспечил себе для этого поддержку запорожских казаков. Более того, он через своих стамбульских друзей склонял к совместному выступлению султана, а также продолжал укреплял собственные связи с польским королем Станиславом и гетманом И. С. Мазепой. Поэтому к началу 1709 г. Крым мог

уверенно обещать Швеции помощь уже собственным войском, в которое входили нашедшие в Крыму приют после разгрома К. Булавина 8 000 казаков под руководством Игната Некрасова.¹⁹ При этом 2 000 некрасовцев изъявляли желание выступить против петровских войск, недавно разоривших Дон, немедленно и на любых условиях.²⁰

Опираясь на поддержку казаков, хан, таким образом, вновь декларировал открытое неповиновение Турции и даже противодействие политике Стамбула - к тому времени султан Ахмед III занял целиком нейтральную к русско-шведской войне позицию. И если шведы выбрали в Восточном походе путь не на Санкт-Петербург и не на Москву, а на Украину, то это лишь в расчете укрепиться за счет татар и казаков, а никак не турок. Между тем весь 1708 г. Девлет-Гирей никак не мог двинуться с места - и всё по той же, старой причине категорического запрета турецкого султана, который никак не находил в себе духовной силы для столь решительного шага.

Весной 1709 г. шведы сообщают Девлет-Гирею, что Сечь с ними заодно, и спрашивают о видах и сроках помощи из Крыма.²¹ В целом же шведы были в такой помощи уверены: «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходили на Москву. Теперь они пойдут туда с нами»²² - такие письма шли в Стокгольм из шведской армии на Украине весной 1709 г. Уверенность шведов в помощи крымских татар вскоре стала ещё больше - султан согласился смотреть на выступление Девлет-Гирея сквозь пальцы, а в начале мая и в самом Стамбуле началась погрузка пушек и боеприпасов на корабли - Турция отправляла их на всякий случай поближе к Украине.²³ Казалось, ничто не могло помешать осуществлению плана двойного удара по войску Петра I, задуманного шведским королем и крымским ханом заодно с казаками Сечи и Дона. А ведь угроза была нешуточная: если под Полтаву Карл XII привел 17 000, а Петр - 40 000 солдат, то татарское войско превышало 40 000, не считая осевших в Крыму беглых казаков, что в решающем сражении

могло резко склонить чашу весов в пользу шведов.

Тем не менее, план этот был сорван.

Той же весной царь отправился в Азов, где стал демонстративно вооружать свой флот и строить новые военные корабли, явно готовясь к захвату проливов. Турки, естественно, были возмущены такой подготовкой к нарушению Константинопольского договора. Султан начал переговоры с Петром, направив в Азов, где тогда находился царь, своего кападжи-пашу, чиновника, представлявшего при бахчисарайском дворе персону самого султана. В ходе этих встреч Петр не только *сжег на глазах у турка свой Азовский флот*, но и передал ему *крупную сумму золотом* и отпустил с ним совершенно²⁴ *безвозмездно* большую группу пленных янычар.²⁵

В чем был смысл этого малообъяснимого, казалось бы, поступка царя?

Дело в том, что Петр не мог обезвредить силой ни Девлет-Гирея, ни Карла XII, ни султана. Поэтому он решил подкупить одного из противников, чтобы разорвать это враждебное России кольцо. До того он уже пытался передать деньги хану, но недооценил целеустремленность и патриотизм Девлет-Гирея - тот с презрением отклонил такое предложение.²⁶ Позже царь направил в Бахчисарай дворянина В. Блеклого, снова с деньгами и с письмами канцлера Г. И. Головкина и посла в Турции П.А. Толстого, в которых предлагалось выдать некрасовцев на расправу. Но хан и это предложение отверг, хотя по Константинопольскому договору должен был поступать прямо противоположным образом.²⁷

Но если крымский татарин отказался торговать интересами своей родины, то в совершенно ином качестве проявили себя турки. В Азове, как указывалось выше, был куплен кападжи-паша; а в Стамбуле с такой же легкостью П.А. Толстой купил великого визиря Чорлулу-Али-пашу и других придворных,²⁸ и султан тут же направил в Бахчисарай категорический запрет выступления крымцев против России. Второй важный

пункт султанской грамоты запрещал хану принимать запорожцев в крымское подданство.²⁹

Однако само это ходатайство запорожцев стало последней каплей, переполнившей чашу терпения грозного царя. Вскоре из-за предательства одного из сечевых полковников, Галагана, увёдшего свой полк в расположение российской армии, войско казаков несколько ослабело. И, главное, в нем наметился внутренний раскол. Царь воспользовался этим и нанес решающий удар; казаки потерпели поражение. Торжествующие победители сожгли ряд городов, в том числе Чигирин и Сечь. Были взорваны или сожжены даже небольшие казацкие крепости и селения, ограблены не только частные дома, но и *церкви* - дело для московских «православных» привычное.³⁰ Твёрдость, с которой царь проводил на Украине массовые репрессии, являются характерной чертой в его южной политике, поэтому остановимся на них подробнее.

О знаменитой кровавой вакханалии, устроенной петровскими солдатами в области Войска Запорожского и в других украинских землях, написано немало. Поэтому мы не будем здесь приводить данные о числе зверски убитых женщин и детей, о количестве казаков, с которых заживо содрали кожу или посадили на кол в Батурине - городе, практически стёртом с лица земли петровскими солдатами, *все жители* которого (включая грудных детей) были преданы мучительным казням. Приведем лишь одно свидетельство современника, человека XVIII в., которого жестокостью было трудно удивить. Он признал, что того, что устроили на Украине русские, «и в поганстве (т. е. в языческие, дикие времена. - *В.В.*) за древних мучителей не водилось» (цит. по: Эварницкий, там же). После этого три полка полковника П. Яковлева направились в Сечь. По пути первой была выжжена Келеберда, затем русские после упорного боя взяли Переволочную. Все жители обоих местечек были казнены (в живых осталось 12 человек). Штурм Сечи продолжался 4 дня, 19 мая 1709 г. её взяли и Запорожье как таковое перестало су-

ществовать. При этом попавших в плен «казаков и старшин вешали, им рубили головы, оскверняли могилы старых запорожцев».³¹

Узнав об украинской резне, султан, очевидно, утратил веру в возможность победы над московским войском и снова запретил хану вмешиваться в северные дела. Иным было настроение у Девлета - он пускает в ход интригу, прося помочь ему сераскира Бендер, одного из турок, бывшего его политическим единомышленником, а главное, обладавшего большим весом при султанском дворе. Сераскир вошел в контакт со Стамбулом, и вскоре великий визирь сообщил ему, что султан одобрит выступление Крыма, но лишь в том случае, если Турции будет гарантирована выгода от будущей победы над русскими шведско-татарского войска. То есть, если Карл XII и Девлет предварительно заключат с Турцией договор, согласно которому мир с царем они не подпишут, пока в трактат не войдет пункт об ограничении дальнейшего продвижения русских на юг. Согласно турецким и шведским источникам, Турция более всего опасалась сепаратного шведско-русского мира - тогда она осталась бы с Россией один на один.³²

В те же дни к хану прибыли гонцы из Сечи. В марте месяце они доставили в Крым письма Мазепы, призывавшего хана соединиться с ним в рядах шведской армии. Вместе с тем они привезли письмо от канцлера шведского короля, Т. Пипера, содержание которого подтверждало смысл ситуации, изложенной казаками. А именно, швед призывал хана «воспользоваться моментом и ситуацией для того, чтобы выступить против общего врага».³³

Весть об ответе Турции пришла к хану, когда он вопреки приказу султана *уже вывел* свою конницу к Днепру, разбив по пути несколько русских городков.³⁴ Затем крымское войско разделилось надвое, причём меньшая часть остановилась в Кобыляках, а большая прошла к р. Самаре - об этом сообщили два перебежчика из шведско-запорожского лагеря.³⁵ При этом Мазе-

па сообщил в крымский лагерь, что он в дальнейшем надеется на покровительство и защиту хана, обещая доставить в Крым какое-то «богатое вознаграждение» за это.³⁶ Но татары оставались, ожидая решения вопроса о новом договоре. Шведы передали свое согласие на предложение султана, хан - тоже, но, пока турки вели эту мелочную торговлю, русские воспользовались в отсутствие татар своим более чем двойным численным превосходством. Грянула Полтавская битва и разом все переменяла...

Но и после поражения шведов крымскотатарская рать оставалась в своём лагере на берегу Днепра. Она не сдвинулась с места до августа,³⁷ неизвестно чего ожидая. Скорее всего, хану попросту не верилось, что полтавская катастрофа необратима; возможно, он надеялся, что всё ещё можно исправить, что Карл и Мазепа ещё вернутся, ведя за собой уцелевших казаков, шведов и янычар - как знать?

В августе 1709 г. Петр посылает своих дипломатов в хану для ведения переговоров, целью которых было якобы укрепление мира с Крымом. Однако отношение Гирея к царю остается прежним и после Полтавы, когда перед Россией начинают заискивать иные державы. Он отказался от любых переговоров с царскими посланцами. Оказывается, речь шла вовсе не о мире - по словам шведских свидетелей те «...с присущей этой нации дурацкой дерзостью [mit der nation ordinaire dumdreistigkeit] предложили хану содействовать выдаче Его Величество (т. е. Карла. - В.В.) и казаков, находящихся в Крыму».³⁸ Более того, по некоторым авторитетным свидетельствам, Пётр предлагал хану вообще переметнуться в русский лагерь, обещая ему золотые горы: «...я тебя облагодетельствую, я поставлю тебя начальником над великой Тартарией в земле Казани, многочисленным народом, над которым ты будешь полновластным правителем».³⁹ Естественно, петровским посланцам в Бахчисарае, по выражению Клинковштрёма, «тут же заткнули рот и отослали назад».⁴⁰

Турецкий историк передаёт речь, которую Девлет-Гирей держал перед султанским двором в ноябре 1710 г. Она примечательна тем, что содержит, кажется, первое предостережение насчёт новых планов российской империи в отношении Крыма, Босфора, и даже Балкан, впоследствии, как известно, подтвердившееся. Хан, в ответ на упрёки стамбульского двора насчёт враждебности по отношению к русским (с которыми у Порты был мирный договор), холодно заметил: «...этот гяур (т. е. Пётр. - В.В.) - коварный и хитрый гяур. Если, ещё полагаясь на его мир, не будет обращено внимания на донесения и рапорты, то результат будет очень печальный. Ведь Крымские владения отныне надо считать уже потерянными; да и Румелия-то того и гляди что выйдет из вашей власти. А у этого гяура цель составляет Стамбул. Что он в эти страны идёт, в этом и не сомневайтесь: он заодно с вашею райёю».⁴¹

Такого рода помощь, предложенная ханом своему шведскому союзнику, выявляет взгляд Гирея на перспективы дальнейшей политики противников Петра. Хан, безусловно, придерживался всеобщего (и, в целом, верного) мнения о короле шведов - гениальном полководце, но слабом, если не бездарном, политике. Девлет-Гирей считал, что место Карла - в главной армии Швеции, от которой его отделяла добрая тысяча миль, а не в Османской империи, от которой и более квалифицированные бахчисарайские политики не могли добиться хотя бы позволения принять участие в боях шведов на Украине. Король должен был стать во главе своего главного войска, донныне не знавшего поражений и проявить во всём блеске сильную сторону своей незаурядной личности, ведя шведов от победы к победе, а не тупить перо в бесплодной переписке с султаном. Эта мысль Гирея, при всей её несложности, была пока недоступна Карлу.

Кроме того, Девлет-Гирей предлагал в качестве эскорта при путешествии короля через охваченную войной Польшу, ни много, ни мало, 40 000 крымских всадников. Это было, мягко

выражаясь, многовато для сопровождения монарха в любой, самой опасной ситуации. Хан явно рассчитывал поучаствовать в первом же ударе шведской армии, обретшей своего славного короля-героя, на восток. И этот план был совершенно прозрачен для всех – как сторонников, так и противников Гирея.

Проведав об этих замыслах крымского владыки, встревожился царь Пётр, несмотря на свою крайнюю заинтересованность в удалении Карла из Турции (до него доходили вести, что швед постоянно побуждает турок к новому походу на русских). Не возражая против турецкого эскорта, он послал в Стамбул протест против крымского сопровождения, понимая, чем грозит ему появление нескольких десятков тысяч татар в Польше или Северной Германии. Султан, согласившийся было на план Гирея, протест царя отклонил. Но Пётр выставил ультиматум: если король не будет удалён из Турции, то русские войска тут же пойдут с Украины к турецким границам, вдоль которых возведут свои крепости. Султан счел себя оскорблённым подобным вмешательством в его внутренние дела, а хан, раздувая этот гнев, склонял его к объявлению России войны.

И вскоре она действительно началась, известная Русско-турецкая война 1710 - 1711 гг. Причём целиком по инициативе Девлет-Гирея, о чём знала вся Европа, проникавшаяся всё большим уважением к незаурядному политическому дару этого государя.⁴² Он же и начал военные действия, вступив на Украину вместе с находившимися в Крыму шведами, украинцами, донскими и кубанскими казаками.

В конце декабря 1710 г. Девлет-Гирей во главе основной группы своего войска (40 000 сабель) за 22 дня достиг р. Самары, с ходу взял Новосергиевскую крепость, а затем, воспользовавшись растерянностью русских - и крепость Водолагу. Этот молниеносный успех был бы вряд ли возможен, если бы крымским татарам не оказывало помощи украинское население, доведённое конфискациями, пытками, казнями и другими репрессиями до шокового состояния, и видевшее освободителя в

любом противнике петровских карателей. Заметим, что по контрасту с русскими, крымским татарам было «от хана и сына его жестоко приказано, дабы черкасам (т. е. украинцам. - В.В.) разорения и грабежу не чинить, и в полон их не иметь, и не рубить, а брать только один провиант, живность и фуража, а людей не брать».⁴³

Имело значение и то, что к хану присоединилось около 3 000 запорожцев. С другой стороны, сопротивление российских войск было ослаблено необходимостью биться на двух южных (т. е. не считая польско-шведского) фронтах - пока хан выбивал русские гарнизоны на Левобережной Украине, его калга с почти таким же количественно войском вошёл в пределы Правобережья, создав угрозу западному флангу русской армии на Украине.

Подойдя к Харькову, Девлет-Гирей несколько задержался в ожидании подкрепления со стороны кубанских своих подданных-ногайцев. Однако Петру удалось натравить на ногайские кочевья орду союзного ему калмыцкого хана Аюки, после чего кубанским татарам стало не до походов - нужно было своих спасать.⁴⁴

В то же время калга-султан продвигался всё дальше на север Правобережной Украины. Его почти 40-тысячное войско было усилено 5 000 польских противников царя и почти тысячей шведов. Кроме того, не менее важную политическую роль играло участие в походе запорожского генерального писаря Ф. Орлика. Дело было не только в том, что под его командой находилось 8 000 казаков. Огромное значение имела и популярность ближайшего сподвижника бывшего гетмана среди украинского населения в целом. И этот выдающийся политик сумел найти нужные слова, обращаясь к соотечественникам с призывом бороться, не щадя сил, против «московской неволи, сломаия прав и вольностей войсковых, несказанных тягостей, налогов и мучительства».⁴⁵

Между тем, в конце 1710 г. Пётр принял окончательное

решение о новом направлении вооруженного вторжения на турецкие территории. Будущая война планировалась им с невиданным размахом. На второй план отошли даже приоритетные ранее строительство новой столицы и ее укрепление. Так, были вдвое уменьшены нормы рабочей силы, отсылавшейся на строительство Петербурга и других городов и крепостей в Прибалтике. Царь планировал вести широкое наступление на Турцию сразу на трех направлениях - Балканском, Кавказском и Крымском. Это была первая (и, к сожалению, не последняя) попытка «освобождения христианских братьев», сербов, греков, болгар, молдаван и так далее, которая должна была прикрыть истинную цель большой войны. Истинной же целью этой и некоторых других войн России, было овладение Проливами, без чего становилась невозможной дальнейшая политическая и экономическая экспансия России. И в этой войне царю должны были помочь сами «освобождаемые» славяне и греки: теперь, «в отличие от XVII в., кругозор русского правительства охватывал все антиосманские силы от Италии и Балкан до Кавказа».⁴⁶

Для этого были широко распространены манифесты, призывавшие христиан на всей огромной территории Османской империи к мятежам и всяческой помощи идущим с севера избавителям от османского ига. Эти листки печатал и царь, и обещавшие ему помощь господари Валахии и Молдавии.⁴⁷ Стратегическая цель, поставленная на этот раз царем, была абсолютно невыполнима - слишком неравным было соотношение сил. Ее можно было бы назвать фантастической, если бы не одна деталь. Уже не первое десятилетие, начиная с происков авантюриста Ю. Крижанича, и, даже ранее того, зарубежные единомышленники великорусских лидеров упорно убеждали их в том, что стоит московитам появиться на Балканах, как под ногами мусульман буквально вспыхнет земля.

Заметную роль в этом идеологическом давлении на правящую верхушку Московского государства играли Иерусалимские патриархи. Являясь оберегателями христианской перво-

святыни, они жили практически постоянно в Стамбуле, что было понятно, так как и Иерусалим находился на территории Османской империи.

Петровская эпоха «захватила» двух Иерусалимских владык, Досифея и Хрисанфа, из которых несравненно более значительную роль в ее истории сыграл первый. Досифей (Нотару) (1641 - 1707, избрание 1669). Он был, безусловно, яркой личностью. В 1690-х гг. патриарх ужесточил борьбу за монопольное положение православной церкви среди нетюркского населения Османской империи, направленную, что характерно, не против «врагов веры христианской», а против христиан же - правда, католического исповедания (в том числе и армянских подданных султана). Он не был первооткрывателем этой необычной политики. Так обстояло дело уже в первой половине XVII в., когда мощь московского государства, а с ним и единокрвной русской православной церкви неизмеримо возросли. А когда «русская дочь стала богаче своей греческой матери, последняя могла ожидать от нее такой поддержки на старости лет. Тем более, что и у русских были веские основания ненавидеть католический Запад. Они были еще большими ортодоксами, чем греки, с порога яростно отвергая любые поползновения к союзу с остальным христианским обществом - он неизбежно внес бы в сердце русской церкви яд схизмы».⁴⁸

Но патриархи Иерусалимские, понимая, что московские подаяния из жалости - и унижительны и негарантированы, стали сами активно оказывать посильную помощь русским единоверцам, надеясь на заслуженную таким образом благодарность. И не без оснований, поскольку их положение давало уникальную возможность существенно помочь Москве в ее давних счетах с «погаными», действуя в их же метрополии. Помощь эта ограничивалась двумя, но весьма важными направлениями: военно-политической разведкой и раздуванием внутренних конфликтов в Турции.

Но он не ограничился постоянным снабжением Москвы

нужной ей информацией да раздуванием среди своей паствы ненависти к соседям-католикам. Досифей, известный в православном мире как чрезвычайно образованный ученый, талантливый богослов и эрудированный историк церкви, был ещё и смелым политиком. Используя свое положение в церковной иерархии и личный авторитет, он брался поучать московских царей, причем в делах, весьма далеких от духовной жизни. Алексей Михайлович прислушивался к голосу из далекого Константинополя, а после его смерти, в период двоецарствия, это влияние ещё более возросло. Чтобы оценить его, достаточно ознакомиться с властно-поучающим обращением патриарха к юным братьям-царям, относящемуся к сентябрю 1691 г.: «Если вы, божественные самодержцы, оставите Святую Церковь, то какая вам похвала будет... Так если хотите предлагать о Иерусалиме, то в случае отказа уже не заключайте мира, а начинайте войну. Теперь время очень удобное; возьмите прежде Украину, потом требуйте Молдавию и Валахию, также Иерусалим возьмите - и тогда заключайте мир. Нам лучше жить с турками, чем с французами, но [ведь это же] вам не полезно».⁴⁹

То, что Петр довольно рано понял, чем Досифей привлекал покойного отца, показывает его инструкция отъезжающему в Турцию графу П. А. Толстому: посол должен был во всех важных делах советоваться с патриархом. Последнему же царь писал, что его полномочный представитель будет слушать святого отца, «как и прежние наши послы, будучи там, учинили». А в середине 1704 г. царю приходит письменный отзыв патриарха о своем престарелом ученике, который «поступал зело хорошо, зане чего не разумел, нас вопрошал и познавал, и что мы ему возвещали, слушал».⁵⁰

На последние годы жизни патриарха приходится самый яркий период его деятельности. Он создает обширную сеть агентов из завербованных им греков-фанариотов. Посредством этой сети Досифей также распространял антитурецкие и антикрымские подрывные материалы собственного сочинения. Некоторые

исследователи вообще считают его самым влиятельным политическим агентом Петра I в Османской империи, включая Крымское ханство.⁵¹ Не оставляя своими заботами русского посла, он по-братски поделился с ним своими агентами и в дальнейшем оказывал столь же неоценимые услуги в разноплановой деятельности П. А. Толстого. Поэтому своими успехами (действительно, феноменальными) граф во многом был обязан патриарху.⁵²

В пользу принятого Петром решения о новой войне с Турцией говорил и некоторый разлад в лагере его будущих противников, наступивший в начале 1711 г. Прежде всего, был сорван намеченный на это время совместный крымско-казацкий поход на север. Когда хан в январе разбил походные лагеря в нижнем течении Днепра и у Казикермена, то запорожцы Ф. Орлика, нарушив договорённость, туда не явились. После чего Гирею не оставалось ничего иного, как вместо совместного удара в направлении мощной группировки русских, оборонявшей Воронеж, удовлетвориться захватами мелких крепостей (всего в этом походе было разорено несколько городов и 200 деревень русских новопоселенцев), да отправкой в Крым пленных, которых к концу марта набралось 10 000 человек.⁵³ А затем домой вернулось и само ханское войско.

Через месяц, 23. 02. 1711 г., Пётр подписал «объявление» насчёт начинаемой им войны с Турцией.⁵⁴ Одновременно царь сделал попытку переманить на свою сторону беев, мурз и вообще весь народ собственно Крыма, а также заперекопские орды, предложив им предать родину и своего государя. При этом он соблазнял этих ханских подданных какими-то «свободами» и другими благами, которых и природные-то русские никогда не имели, в противном случае грозя страшными репрессиями.⁵⁵ Понятно, что крымские татары, народ, свободный в принципе, на царские обещания не поддался, не нашлось и отдельных, единичных выродков-предателей.

Основные русские силы двинулись на юг ещё в феврале 1711 г. (донские казаки несколько раньше), а после того, как

петровские солдаты устроили в турецком городке Исакчи «великую резню, так что только некоторые остатки от меча бежали»,⁵⁶ из Стамбула на север отправилось подкрепление приграничным гарнизонам и полевой армии - 18 000 янычар с 500 пушками. Так началась эта война, плохо подготовленная Петром политически, бездарно осуществлявшаяся стратегически и окончившаяся знаменитым «Прутским котлом» 1711 г. Эта чисто военная катастрофа, едва не перечеркнувшая и все приобретения Северной войны,⁵⁷ стала поражением всей многолетней «южной политики», проводимой Петром на протяжении более десятка лет.

Подведём итоги южной политики Петра. Её генеральная линия была проста и явна всем. Требовалось укрепиться на берегах Черного моря, а также в балканских княжествах с тем, чтобы развить дальнейшую экспансию по направлению двух черноморских государств - Крымского ханства и Османской империи. При этом царь игнорировал тот факт, что Россия, глубоко увязшая в Северной войне, была неспособна на масштабные стратегические акции на южном фронте. Страна и народ были обескровлены рекрутскими наборами и военными расходами, а попытки удешевить южные походы за счёт оккупированных территорий вызывали сопротивление местного населения (Украина, Кубань, Буджак). Репрессии против него стоили дополнительных расходов в живой силе и материальных средствах, не решая проблемы. Прутская катастрофа лишь поставила точку в попытках решать геополитические проблемы чисто насильственным путём, опираясь на военную силу и, в известной степени, пренебрегая дипломатическими методами и средствами. Сказалась в этом поражении Петра и недооценка своих политических противников, наиболее выдающимся среди которых был Девлет-Гирей.

В результате трезвой оценки своих тяжёлых ошибок и промахов на юге, Пётр был вынужден в 1711 г. свернуть всю черноморскую программу своей политики, никогда более к ней

не возвращаясь.

¹ *Орешикова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I СПб. 1887. С. 124 - 128 (Далее: ПБП).

³ Там же. С. 259.

⁴ Там же. I. С. 262.

⁵ Возницын весьма живо описывает искреннее изумление турок таким неслыханным по дерзости, попросту несбыточным требованием: «И когда турецкие послы то услышали, в великое изумление пришли и вдруг во образе своём переменялись... И, немалое время молчал и с собою шептал, говорили, что они того не чаяли... И как тот Керчь отдать? Он стоит на устье Чёрного моря против Тамани, и царскому величеству отнюдь не пристоеен, и держит врата всего Чёрного моря и Крымского острова, и град тот великой. И не обмолвился ли он в имени или в ином чём?» (Памятники дипломатических отношений России с державами иностранными. Т. IX. СПб., 1868. Стб. 253 - 261).

⁶ ПБП. Т. I. С. 271-273.

⁷ *Соймонов Ф.И.* История государя Петра Великого (Отдел рукописей РНБ. Ф. IV. 736/1. Л. 68 об.) (далее: ОР РНБ).

⁸ Цит по: *Яламас Д. А.* Иерусалимский патриарх Досифей и Россия 1700 - 1706 гг. // Россия и христианский Восток. Вып. II - III. М., 2004. С.483 - 485.

⁹ *Лехно*, Давид бен-Элиезер. Дебар Сефетаим [Устное Слово]. СПб., 1882. С. 24. (далее: Лехно), 1882.

¹⁰ Там же. С. 24 - 25.

¹¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1703. Д. 2. Л. 5 - 10.

¹² Цит по: *Львов Л.* Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1896. С. 21. (далее: Львов, 1896).

¹³ Подробнее см.: *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697 - 1710 гг.). Л., 1986. С. 223. (далее: *Возгрин*, 1986).

¹⁴ Казачьим кругам стало известно, что царь «по прошению примасову (т. е. архиепископа Польши. - *В.В.*) и великого гетмана... ту часть Украины им паки возвратить обещал, и Белую Церковь отдать объявил» Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 83. Оп. 1. К. 8. № 7. Л. 2. (далее: АСПБИИ)

¹⁵ *Шутой В. Е.* Позиция Турции в годы Северной войны 1700 - 1709 гг. // Полтавская победа. М., 1959. С. 124.

-
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е.х. 2. Л. 126 об.
- ¹⁷ *Львов*, 1896. С. 13 - 14
- ¹⁸ Летопись событий в Юго-западной России в XVII в. / Составил Самоил Величко, бывший канцелярист Канцелярии Войска Запорожского. Киев, 1851. Т. III. С. 38.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е. х. 2. Л. 369 об.
- ²⁰ Булавинское восстание (1707 - 1708) // Труды Историко-археографического института Академии наук СССР. Т. XII. Вып. 2. М., 1935. С. 327.
- ²¹ *Nordberg G.A. Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden, mit Münzen und Küpfern. Bb. I - II. Hamburg, 1745 - 1746. B. II. S. 130.* (далее: Nordberg, 1945).
- ²² *Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark, 1702 - 1709. Stockholm, 1913. S. 165.*
- ²³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е. х. 2. Л. 138.
- ²⁴ Эта жертва была для такой важной акции не из чрезмерных. Знаменитый Азовский флот по причине спешки строился из сырого дерева и уже через два года стоял наполовину погружённым в воду и гнилым из-за течей; его и до 1709 г. разбирали на дрова. А в этом году, при окончательной ликвидации флота, в память о нём была сохранена лишь «Крепость», корабль, на которой российский посол Е. И. Украинцев отправлялся с первым визитом в Стамбул (*Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 135*).
- ²⁵ Подр. см. в: *Возгрин*, 1986. С. 226.
- ²⁶ *Adlerfeldt C. Karl XII's Krigsföretag. Stockholm, 1919. S. 402.*
- ²⁷ РГАДА, Ф. 123. Оп. 1709. Е.х. 2. Л. 5 - 11.
- ²⁸ Всего в Стамбул было отправлено 5 500 рублей золотом и на 10 000 рублей собольих шкурок (Секретная дача годовая туркам - РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е.х. 2. Л. 62).
- ²⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1709. Е.х. 2. Л. 138.
- ³⁰ *Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. I - III. СПб., 1892 - 1895. Т. III. С. 442 - 443.*
- ³¹ *Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007. С. 230.*
- ³² *Nordberg, 1745. B.II. S. 7 - 8.*
- ³³ *Ibid., B. I. S. 902.*
- ³⁴ *Sven Lagerbergs Dagbok under vistelsen hos Tartarhanen Dowlet-Ghierey 1710-1711. Utg. av Magnus Lagerberg. Göteborg, 1896. S. 22.*
- ³⁵ Об этом царю сообщили два перебежчика из шведско-запорожского лагеря (Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 – ию-

ль 1709) // Труды Императорского Русского военно-исторического общества. 1909. Т. III. С. 206; 207 - 208. См. также в: Lagerberg, 1896. S. 22.

³⁶ Nilsson S. A. De svensk-turkiska förbindelserna före Poltava // Scandia, Bd. XXII, h. 2. Stockholm - København - Oslo, 1953 - 1954. S. 153.

³⁷ Det Svenska Riksarkivet. Otto Wilhelm Klinkovströms bref. S. 1 rev. (далее: SRA OWK).

³⁸ Ibidem.

³⁹ Цит. по: *Лехно*, 1882. С. 27-28.

⁴⁰ SRA OWK. Otto Wilhelm Klinkovströms bref. S. 1 rev.

⁴¹ Цит. по: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII ст. Одесса, 1898. С. 17).

⁴² Подр. см.: *Возгрин В. Е.* Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник, Т. XXIX. Таллин, 1985. С. 74.

⁴³ Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция). Материалы, извлеченные из архивов Государственного, Военно-Ученого... Генерального Штаба Полковником А. З. Мышлаевским. СПб., 1898. С. 222). (далее: Мышлаевский, 1898).

⁴⁴ ПБП. Т. XI. Вып. I. С. 401.

⁴⁵ *Мышлаевский*, 1898. С. 228.

⁴⁶ *Артамонов В.* Национальный характер и история // *Стили мышления и поведения в истории мировой культуры*. М., 1990. С. 80.

⁴⁷ ПБП. Т. XI. Вып. 1. С. 151 - 153, 338 - 339; *Manifestul de unire cu Rusia al lui Dumitru Cantemir, domnul Moldavei // Documente privitoare la istoria Romanilor, XIII, Bucuresci, 1886. Suppl. I : I, № 594, и др.*

⁴⁸ *Runciman C.* Das Patriarchat von Konstantinopel vom Vorabend der türkischer Eroberung bis zum Griechischen Unabhängigkeitskrieg. München, 1970. S. 229).

⁴⁹ Цит по: *Гражуль В. С.* Тайны галантного века. М., 1997. С. 11. Досифей и позже не оставлял Петра без ценных советов. Так, он поучал молодого царя, как обращаться с казаками, чтобы в них прибавилось преданности Москве, позже излагает свой план реорганизации российского войска и службы в южных крепостях. Он сообщает конкретные сроки и способы нанесения военного и экономического ущерба крымским татарам и туркам, призывает умножать южный флот и всячески укреплять новозавоеванный Азов, от которого и до Стамбула «рукой подать». (Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1669 –

1707) / Сообщил Н. Ф. Каптерев // Чтения в Императорском Обществе истории и древней России при Московском университете. 1891, кн. II. С. XI, 57. (далее: Каптерев, 1891.).

⁵⁰ Цит. по: *Каптерев*, 1891. С. 49.

⁵¹ *Лорд Кинросс*. Расцвет и закат Османской империи. М., 1999. С. 393.

⁵² *Zinkeisen J. W.* Geschichte des Osmanisches Reiches in Europa. Bd. V. Gotha, 1856. S. 304 - 306; *Шевченко І.* Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття / Переклад с англ. Марії Габлевич. Львів, 2001. С. 223. См. также переписку Досифея с Петром, опубликованную в: ПБП. Т. I. С. 470 - 472, 472 - 473.

⁵³ *Anecdotes de sejour du Roi de Suede a Bender ou letters de Mr le Baron de Fabrice pour servir d'eclaircissement a l'histoir de Charles XII* / Перевод с французского сделан в 1793 г. Л.Г. Катушкиной. Hambourg, 1760. № 12).

⁵⁴ ПБП. Т. XI. Вып.1. С. 85-86.

⁵⁵ «...ежели вы, усмотря нашу правость, с нашими войсками битися не будете, но похочете под оборону нашу поддаться и пришлёте для того немедленно к нам, ради договору, от себя знатных людей, и будете обще с нами против турок и протчих подданных Турских битися, то мы примем вас как приятелей, во оборону свою и не велим ваойскам нашим вас разорять... но больше вам вольности и свободы позволим, нежели вы имели под Турскою областью». В противном случае «...повелим вас огнём и мечом разорять» (ПБП. Т. XI. Вып.1. С. 95 - 97).

⁵⁶ *Лехно*, 1884. С. 33,

⁵⁷ Находившийся близ Прута во время подготовки мирного договора Карл XII, энергично поддерживаемый Девлет-Гиреем, настойчиво предлагал туркам включить в текст трактата добровольный отказ русской стороны от всех шведских территорий, захваченных в Лифляндии, Ижорской земле и Карелии. И Порта была готова эти предложения принять в качестве неперемennого условия мира.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВЛИ НА БАЛТИКЕ В ГОДЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Семилетнюю войну 1756 - 1763 гг. Россия вела в союзе с Австрией и Францией против Пруссии, на стороне которой была Англия. К антипрусскому союзу присоединилась и Швеция, которая начала боевые действия против прусских войск в Померании.

Пруссия не только не имела возможности противостоять на Балтике русскому и шведскому флоту, но и, прежде всего, не могла помешать морским коммуникациям русской и шведской армии, действовавшим против нее в Померании и Восточной Пруссии. Берлин обратился за помощью к своему союзнику - Лондону, располагавшему сильным флотом. Англичанам нужно было выполнять союзный договор, и в Британии стали разрабатывать планы отправки на Балтику военной эскадры в помощь Пруссии. Это серьезно обеспокоило Петербург и Стокгольм, и они стали искать меры противодействия этим намерениям англичан.

13 марта 1758 г. в русские дипломатические представительства в Европе был разослан циркулярный рескрипт «О свободе коммерции на Балтике». Провозглашалось, что Россия будет защищать свободную торговлю и в условиях войны, разрешая торговать даже с прусскими владениями, контролируемые Фридрихом II. Запрещалось только перевозить на судах войска и боевые припасы, «а наипаче в такие места и крепости, кои осаждены будут».¹ В таком случае, суда и груз будут конфискованы.

Обращает на себя внимание тот факт, что этот рескрипт был отправлен тогда, когда русский канцлер граф А. П. Бесту-

жев-Рюмин был свергнут и арестован по приказу Елизаветы Петровны. Руководство же внешней политикой страны перешло в руки вице-канцлера графа М. И. Воронцова, в основном интересовавшегося не дипломатическими хитросплетениями, как Бестужев, а вопросами внешней торговли. Вероятно, именно поэтому вопрос о свободе торговли даже для прусских граждан оказался для русского правительства важнее необходимости экономического ослабления своего военного противника. Но и сама по себе идея была продуктивной, - Россия представляла перед Европой защитником свободной торговли на Балтике для всех стран и обвиняла англичан в намерении её нарушить, раз они отправляют эскадру на Балтику для перехвата русских и шведских транспортов.

Швеция, будучи в военном и политическом отношении слабым государством, шла в фарватере России, и нововведение также приняла.

26 апреля 1758 г. в Стокгольме русским посланником Н. И. Паниным, шведским президентом канцелярии (канцлером) бароном А. И. фон Хёпкеном и его заместителем сенатором К. Экебладом была подписана совместная декларация о «защите» торговли и судоходства на Балтике.

В первой статье этой декларации Россия и Швеция гарантировали свободный вход и выход из балтийских портов всем судам всех наций, за исключением судов, перевозящих войска противника или направляющихся в осажденные союзниками порты.

Во второй статье союзники уведомляли, что обеспечат торговлю на Балтике так же, как и в мирное время, и будут препятствовать тем, кто стремится помешать этой свободе.

В третьей статье прямо упоминалось намерение англичан отправить эскадру на Балтику, что рассматривалось союзниками, и, прежде всего - Россией, как намерение действовать вопреки провозглашённой Петербургом свободе мореплавания в Балтийском море. Кроме того, в этой же статье упоминалось, что

посылка эскадры будет расценена Елизаветой Петровной как разрыв Лондоном всех прежних русско-английских договоров. Россия и Швеция обещали предпринять все усилия, чтобы отговорить Лондон от таких намерений.

Если же английская эскадра всё-таки была бы отправлена на Балтику, то договаривающиеся стороны в этом случае должны готовить свой флот «для защищения и безопасности мореплавания в Балтийском море против тех, которые покусились бы несправедливым образом препятствовать оному».² Россия должна была направить к острову Готланд 15 линейных кораблей и 4 фрегата, а Швеция к тому же месту - 10 линейных кораблей и 4 фрегата. Обе эскадры будут действовать совместно, руководить ими будет старший по чину из двух командующих, но важнейшие общие решения будут приниматься на совместном военном совете. Если Лондон откажется от отправки своей эскадры, то флоты союзников могут разойтись. При этом русская эскадра направится на охрану шведских транспортов, следующих в Померанию, а шведы обязались принимать русские военные корабли в своих портах и оказывать им помощь. Если же английская эскадра выйдет из Британии на Балтику, союзные флоты должны перекрыть пролив между датскими островами Зеландией и Драгом и, в случае необходимости, начать бой с английской эскадрой.³

Этой декларацией оказались недовольны датчане, которые попросили шведов и русских подыскать другое место для действий своих эскадр, и в июне Елизавета согласилась пойти им навстречу и отодвинуть от датских берегов место возможного сосредоточения русского и шведского флота.⁴

Сложности пришли и с другой стороны. Подписав декларацию, шведы почти сразу же предприняли односторонние действия, идущие вразрез с совместным заявлением. В Стокгольме был издан указ о запрете всем торговым кораблям входить в прусские порты и о конфискации судов и товаров, принадлежащих подданным Фридриха II.

Россия отнеслась к такой мере с пониманием. Панину предстояло добиться только того, чтобы запрет на торговлю с прусскими портами не распространялся на русские торговые суда. Посланник в первых числах июля 1758 г. ходил по этому вопросу разговаривать с Экебладом, заменявшим уехавшего в свои имения Хёпкена, и просил исключить из запрета посещения прусских портов русские суда. Экеблад ответил, что кораблям русских подданных не стоит усиливать своего врага, Фридриха II, торгуя с ним, ведь обе страны стремятся вывести Пруссию из войны. Тем более, не стоит торговать со Штеттином, учитывая то, что разговоры о его осаде шведскими войсками ведутся среди союзных дворов с самого начала Семилетней войны. Дипломатичный отказ Экеבלада Панин в июле пытался смягчить, предлагая шведам не распространять свой запрет на те суда, которые вышли из русских портов до объявления блокады, но тоже ничего не добился. К Экебладу в начале августа с такой же просьбой - освободить уже вышедшие русские суда от запрета - обращался и австрийский посланник в Стокгольме граф Гоес, но, как он сообщил Панину, также получил отказ. Конфиденциально Экеблад говорил Панину, что в интересах всех союзников ослабить прусского короля, а намерение России сохранить довоенную торговлю может быть расценено союзниками как покровительство Фридриху II.⁵ Панин от имени своей государыни отверг подобные домыслы.

18 августа Панин сообщил в Петербург, что разговаривал по поводу исключения русских судов из шведской блокады прусских портов с вернувшимся Хёпкеном. Шведский канцлер ответил, что этот указ был составлен в его отсутствие, и составлен некорректно. Запрет на торговлю не распространялся на все прусские порты, а только на побережье померанского залива Гроссе Гафф. Теперь же, по словам Хёпкена, в связи с новым взятием шведами порта Пенемюнде на о. Узедом, необходимости в такой блокаде нет, как и вообще в необходимости досмотра судов, и он будет срочно писать письмо к шведскому

командующему в Померании генерал-лейтенанту Гамильтону, чтобы шведы пропускали русские суда. По словам Хёпкена, этот указ был принят для того, чтобы помешать английским и голландским кораблям поставлять в Прусскую Померанию свинец.⁶ Отметим, что Хёпкен не обещал отменить этот указ, и говорил только о письме к адмиралам о пропуске русских судов.

В марте 1759 г. в Петербург из Стокгольма и Гамбурга дошли новости о том, что Англия согласовала с Пруссией способы оказания ей помощи на Балтике. С мыслями об отправке туда английской эскадры было покончено, Англия не желала воевать с Россией и вредить своей же торговле с ней. Лондон и Берлин сошлись на том, что англичане отправят на Балтику несколько своих каперов, которые будут действовать под прусским флагом. В рескрипте Панину отмечалось, что для России эти англо-пруссские планы опасности не представляли, но могли угрожать снабжению воюющей русской армии и помешать планам совместной русско-шведской осады Штеттина.

Учитывая, что и датчане, по-прежнему, проявляли недоброжелательство Стокгольмом, который не отменил запрет на морскую торговлю с Пруссией даже для русских кораблей, не говоря уже о датских (датчане рассматривали это как нарушение своих прежних торговых договоров со шведами), Россия в этих новых условиях решила приложить усилия для урегулирования торгового мореплавания на Балтике и его защиты. С этой целью, в дополнение к прошлогодней русско-шведской декларации о свободе мореплавания на Балтике, Россия предложила Швеции подписать новую конвенцию, к которой могли бы присоединиться и другие страны. С предложением об этом Петербург обратился к Швеции, Дании и Франции. Специально для датчан прежняя конвенция была переписана, и новый проект провозглашал защиту торгового мореплавания от всех каперских и военных кораблей, которые будут ей препятствовать.⁷

В апреле Петербург сообщил Панину, что, по известиям берлинских газет, из Штеттина действительно вышли в море 8

каперов под прусским флагом. В связи с этим командующему русским флотом вице-адмиралу А. И. Полянскому было приказано выйти из Ревеля и оттеснить каперов в порт базирования. Также планировалось в случае, если каперы попытаются вернуться обратно, блокировать устье Одера и не выпускать их оттуда в следующий раз.

Шведы в балтийских делах всё больше ориентировались на Россию, тем более что их односторонняя инициатива - декларация о запрете торговли с Пруссией - осложняла отношения с соседями. Хёпкен ещё в феврале 1759 г., жалуясь Панину на постоянные протесты датчан, заявил, что полагается на волю Елизаветы Петровны, которая и должна решить, отменить ли шведский запрет. В этом разговоре Хёпкен вновь слагал с себя ответственность за издание этой декларации и обвинял в этом сенаторов, которые таким неловким способом просто хотели перехватить несколько английских кораблей, следовавших в прусские порты с грузом свинца, так как свинец по Утрехтскому трактату не являлся товаром военного назначения, а других законных способов задержать их у шведов не было.⁸

Елизавета соизволила отклонить шведскую декларацию (за что позже датский посланник в Стокгольме просил Панина передать императрице благодарность его короля⁹) и, воспользовавшись тем, что не была связана Утрехтским договором, предложила Швеции подписать новый вариант конвенции о свободе мореплавания, который позволил бы считать свинец военными припасами.

Хёпкен согласился с этим и сообщил Панину, что в соответствии с решением Елизаветы уже отправил шведским адмиралам приказ об отмене декларации о запрете торговли с прусскими портами. Кроме того, он сообщил Панину, что прусским каперам приказано захватывать только шведские суда и суда «римского императора, яко великого герцога Тосканского»¹⁰ и в доказательство своих слов предоставил русскому посланнику полученную из Лондона копию инструкции для

каперов, подписанную Фридрихом II и его министрами Г. Подевильсом и К. В. Финком фон Финкенштейном. Англичане, таким образом, по-прежнему, избегали каких-либо действий, которые могли бы быть восприняты как враждебные по отношению к России. При этом с другим прежним своим союзником - австрийцами, англичане не церемонились.

Необходимость согласования действий союзников привела к заключению совместной Конвенции о безопасности торговли на Балтийской море. Это позволяло закрепить провозглашенные ранее декларацией условия обеспечения торговли на Балтике на уровне обязательного к соблюдению международного договора и привлечь к нему другие государства.

Конвенция была заключена 9 марта 1759 г. в Санкт-Петербурге шведским посланником в России, бароном М. Поссе, и российским канцлером, графом М.И. Воронцовым, и впоследствии ратифицирована монархами обеих стран. Судя по документам совместных конференций Поссе и Воронцова, первоначальный проект составляли шведы (взяв за основу прежнюю русско-шведскую декларацию), а русские предложили свой контрпроект, самым существенным отличием которого от шведского варианта было исключение из текста всех упоминаний об Англии и английском флоте. Вместо этого в русском варианте, который и был подписан, стояли слова «посторонняя держава» или «какая-либо держава». Также к упоминаниям о противодействии флоту «посторонней державы» были добавлены и упоминания о противодействии активности каперов.

В преамбуле конвенции говорилось, что договаривающиеся стороны намерены «пламя войны сократить», и что был бы причинен вред всей Европе, «если ли бы распространением войны на Балтийском море торговля и мореплавание на оном каким опасностям и несходством [были] вовсе подвержены».

Первая статья конвенции декларировала, что, несмотря на войну, Россия и Швеция не только не намерены пресекать торговлю с прусскими землями, но, наоборот, намереваются по-

ощрять её. Любые торговые суда любых стран могут беспрепятственно входить в любые порты прусского короля. Разрешение не распространялось на блокированные порты и гавани осажденных крепостей, и корабли, перевозящие войска или «заповедные товары», то есть товары военного назначения.

Во второй статье говорилось, что если даже пруссакам разрешено свободно торговать по всей Балтике, то тем более разрешается торговля всем остальным странам, а Россия и Швеция обязуются не препятствовать ей и защищать торговые корабли от каперов.

В третьей статье стороны обязались отвращать какую-либо другую державу от намерения отправить на Балтику флот или каперов, так как такие действия идут вразрез со свободой торговли в регионе.

Следующие статьи повторяли положения декларации о том, что, если эта держава не отменит своё решение об отправке военных кораблей, то обе стороны обязуются отправить совместный флот против них. Число кораблей с русской и шведской стороны, а также все условия их совместных действий были идентичны соответствующим статьям предыдущей декларации.

В заключительных статьях конвенции Россия и Швеция гарантировали, что, если из-за заключения этого договора один из двух союзников ухудшит свои отношения с третьей стороной, то вторая будет оказывать ей любую поддержку, в том числе и военную (в случае открытого нападения на неё).

Срок действия конвенции распространялся на всё время войны с Пруссией, и, после ратификации Елизаветой и Адольфом I Фредриком, предполагалось обратиться к Дании и Франции с приглашением присоединиться в качестве главных договаривающихся сторон.

Франция и Дания ответили согласием. От имени короля Людовика XV французский посол в Петербурге маркиз де л'Опиталь вместе с канцлером Воронцовым и шведским посланником Поссе подписали «акт приступления» Франции к

конвенции 27 октября (7 октября) 1759 г.

Датчане также подписали акт присоединения, обязавшись выставить то же количество кораблей, что и шведы. Однако в этом акте датчане не упоминали о шведском дворе, что очень задело Стокгольм, и тот поднял скандал. Австрийский посланник в Стокгольме граф Гоес говорил советнику русского посольства А. С. Стахиеву, что датчане вообще присоединились к договору исключительно из-за давления французов.¹¹ Из-за шведских протестов Копенгаген внёс в текст нужные соседям слова, но, после шведской ратификации, несмотря на давление французов, стал затягивать обмен ратификационными грамотами, стараясь лавировать между воюющими коалициями. Однако, в конечном итоге, и Дания стала полноправным участником конвенции.

Практических действий от участников конвенции не потребовалось, - английская эскадра так и не вошла в Балтийское море, и датчанам так и не пришлось соединять свою эскадру со шведской и русской, как это предусматривалось их обязательствами, а русские и шведы не вступали в боевые действия с английским флотом.

Возможно, что русско-шведская конвенция о свободе коммерции оказала воздействие на решение англичан не отправлять свой флот на Балтику, но куда явственнее её воздействие на знаменитую екатерининскую декларацию о вооруженном нейтралитете. Интересно, что в архивной описи копия этой русско-шведской конвенции 1759 г. названа «декларацией о вооруженном нейтралитете», хотя в самой конвенции таких слов тогда не было, а сами дипломаты тех лет называли её просто «морской конвенцией». При сопоставлении с екатерининской декларацией елизаветинская конвенция сходится по основным пунктам: третьи государства имеют право торговли с воюющими и свободного плавания у их берегов, их товар не может быть конфискован, если он не имеет военного назначения, в блокированные порты вход запрещён. Сближает их и

общая антианглийская направленность, и то, что участники конвенции - Россия, Франция, Швеция и Дания - поддержали принципы вооружённого нейтралитета 1780 г. Характерно для обоих документов и стремление российской стороны предстать в них защитником торговых интересов нейтральных государств.

Русско-шведская конвенция 1759 г. отличается тем, что не делает разницы между воюющими странами и нейтральными, разрешая свободно торговать даже своему противнику в Семилетней войне. Екатерининская декларация 1783 г. выводит воюющие страны за рамки свободы торговли, что, естественно, более логично, и неслучайно именно эта декларация легла в основу международного морского права в отношении нейтральных государств.

Но, очевидно, что именно опыт русско-шведской конвенции о свободе торговли на Балтике лёг в основу екатерининской декларации о вооружённом нейтралитете. Следует отметить, что подписывал первую русско-шведскую декларацию 26 апреля 1758 г. с русской стороны посланник в Стокгольме Н. И. Панин, в будущем ближайший советник Екатерины II по внешнеполитическим вопросам. Панин также был в курсе всех обстоятельств подписания морской конвенции 9 марта 1759 г. Он и ранее признавался одним из вдохновителей екатерининской декларации о вооружённом нейтралитете 1783 г., а теперь были обнаружены новые аргументы в пользу такой точки зрения.

Таким образом, можно утверждать, что внешнеполитические успехи екатерининского царствования имеют свои корни в эпохе елизаветинской дипломатии.

¹ Архив внешней политики России (АВПРИ). Ф. 96, Сношения России с Швецией. Оп.1. 1758 г. Д. 2. Л. 63 - 63 об.

² Там же. Д. 4а. Л. 9 об.

³ Там же. Д. 3. Л.306 - 315.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 129.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 544.

⁶ Там же. Л. 590 - 590 об.

⁷ Там же. 1759. Д. 1. Л. 34 - 37 об.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 82 - 83.

⁹ Там же. Л. 250 об.

¹⁰ Там же. Л. 220 - 221.

¹¹ Там же. 1760. Д. 3. Л. 270.

АНГЛО-РУССКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ШВЕЦИИ В КОНЦЕ 60-х - НАЧАЛЕ 70-х гг. XVIII в.

С 1764 г. императрица Екатерина II и Н. И. Панин, руководивший в этот период внешней политикой России, приступили к созданию так называемой Северной системы.¹ В самом широком смысле Северная система была задумана как противовес сложившемуся на юге Европы католическому франко-испанскому альянсу. Ядро новой системы должен был составить договор России с Пруссией, а далее планировалось включить Данию и Британию как активных союзников, а Швецию, Польшу и Саксонию привлечь в качестве пассивных членов. Панин рассчитывал с помощью Пруссии, Британии и Дании держать у власти в Швеции и Польше группировки, выгодные России. В этой ситуации, когда Россия фактически получила бы гегемонию на Балтике, мир на севере можно было считать гарантированным.²

Сотрудничество с Англией являлось важной частью Северной системы, и нигде это не проявилось так очевидно, как в Швеции. «Мы стараемся предотвратить создание Северного союза, выгодного Англии...», написал герцог де Шуазель, глава французского кабинета, в 1768 г. о ситуации в Швеции.³ Французское правительство обнаружило в это время, что Британия и Россия находятся на грани создания могущественной лиги из северных государств. Разрушение данного плана являлось основной целью энергичного вмешательства Франции в шведскую внутреннюю политику. Франция традиционно имела значительное влияние на это северное государство.

В 1720 г. в Швеции была принята новая конституция, и монархия потеряла большую часть политической власти. Реальная власть оказалась в руках диет, корпоративных собраний четырех сословий: дворянства, духовенства, буржуазии и крестьянства. Вместе они составляли шведский парламент (риксдаг).

Наибольшим влиянием обладало шведское дворянство. Исполнительная власть в перерывах между сессиями риксдага находилась в руках консервативного Сената (риксрода). В этой государственной системе король имел малое значение. Если он выражал несогласие с каким-либо законопроектом, его подпись могли просто заменить печатью.

До конца 1730-х гг. вождем дворянства и главой шведского правительства был граф Арвид Горн. Граф придерживался английской ориентации и поддерживал дружественные отношения с Россией. На риксдаге 1738 г. победили противники Горна, реваншистски настроенные круги дворянства, а также крупное купечество, недовольное засильем англичан в экономической жизни страны. Оппозиция рассчитывала при поддержке Франции восстановить прежнее международное положение державы и вернуть утраченные в Северной войне владения в Прибалтике. Так образовались две дворянские партии: сторонников Горна стали именовать «колпаками», а их противников - «шляпами».

Придя к власти, «шляпы» стали усиленно готовиться к войне с Россией. Война была объявлена в 1741 г. и закончилась поражением для Швеции. В годы Семилетней войны Швеция действовала на стороне французского союза и участвовала в дорогостоящей и неудачной интервенции в Пруссию. Основным оппонентом «шляп» оставались «колпаки», активно субсидируемые Россией и Британией. Более 25 лет партия «шляп» удерживала власть, но в середине 1760-х г. наступил последний и неотвратимый кризис.⁴ «Шляпы» потеряли власть ещё в 1760 г., но сохраняли значительное влияние до 1765 г. Однако репутация Версаля при шведском дворе стала постепенно приходить в упадок.

В шестидесятые годы XVIII столетия Россия, Франция и Британия были готовы истратить много энергии и ресурсов в Швеции. Тревога России коренилась в уязвимости её северо-западных границ. Екатерина II полагала, что изменения, внесён

ные в шведскую конституцию 1720 г. слишком ослабили корону и позволили одной из партий, в данном случае антирусски настроенной партии «шляп», приобрести решающий вес в Сенате. России было выгодно поддерживать равновесие между короной, Сенатом и сословиями, тем самым, обеспечивая пассивность Швеции. Русский посол И. А. Остерман получил инструкцию добиваться сохранения этого равновесия в том виде, как оно было сформулировано в конституции 1720 г., одновременно укрепляя влияние России на противоположную «шляпам» партию «колпаков».⁵

Перманентным соперником России в Швеции, как и во всей северной и восточной Европе, являлась Франция. В то же время, Стокгольм занял более высокое место в приоритетах Версаля. Сокращение влияния Франции в Польше и явная летаргия турок привели Шуазеля к мысли, что Швеция наиболее многообещающая арена для антирусских действий. Французское вмешательство побуждало английский кабинет внимательно следить за состоянием шведской политики. Эту функцию выполнял талантливый английский дипломат Джон Гудрик. Он был направлен в Стокгольм в 1758 г., чтобы подтолкнуть Швецию к подписанию мира с Пруссией. Гудрика называют одним из наиболее образованных английских дипломатов XVIII века.⁶

Английские министры признавали необходимым действовать против Франции повсюду, где её влияние могло усиливаться, но госсекретарь лорд Сендвич первоначально не собирався вмешиваться в шведские дела, так как это требовало денег для различных взяток и субсидий. В течение лета и осени 1764 г. Гудрик убеждал Сендвича, что возможный франко-шведский договор предоставит шведский флот в распоряжения Шуазеля. Этот аргумент оказался сильным. Осенью 1764 г. госсекретарь согласился поддержать созыв диет и тратить деньги на равных условиях с Россией, хотя Панин посылал Остерману, российскому послу в Стокгольме, в три раза больше средств.⁷

Сендвич сообщал английскому послу в Петербурге Букингему в ноябре 1764 г., что «избрать маршала диеты, приоб-

рести большинство голосов в тайном комитете и не допустить Швецию принять последние предложения Франции, вот существенные вопросы, в решение которых оба двора (английский и русский) совершенно согласны; министр Его Величества (сер Джон Гудрик) постоянно получал приказания относиться САМЫМ дружественным образом к русскому министру графу Остерману...».⁸

Гармония с русским послом была особенно важна для Гудрика, так как он располагал относительно небольшими средствами в столице, где деньги были всемогущи, в этих случаях он зависел от личного кредита Остермана.⁹ Гудрик и Остерман тесно сотрудничали, проводя каждый свою линию: британский дипломат стремился разорвать союз Швеции с Францией, а российский старался добиться победы партии «колпаков» и пересмотра шведской конституции. Оба были щедро снабжены средствами, чтобы платить «пенсии» шведам, готовым идти на сотрудничество.¹⁰ Гудрик, кроме того, любезно передавал Остерману перехваченную переписку Стокгольма с Парижем и Петербургом, снабжая Россию ценной информацией о тайных контактах Франции с придворной партией королевы Луизы Ульрики.

Панин рассматривал британского посла как удобного представителя своей страны, когда Петербург не хотел действовать публично. Британия и Россия должны были гарантировать финансовые средства, чтобы удерживать Швецию вне французского лагеря. Однако в Лондоне постоянно возникали подозрения, что Россия хочет переложить бремя расходов на Британию. Букингем сообщал, что «Панин намеривается возложить большую часть затрат для Северной системы на Англию».¹¹ Даже в моменты наибольшего доверия между Гудриком и Остерманом, Сендвич подозревал Россию в подобных намерениях.¹²

Все шведские партии изо всех сил стремились избежать созыва парламента, но острый финансовый кризис в Швеции сделал это необходимым, и в январе 1765 г. риксдаг наконец-то был созван. Триумф «колпаков» в риксдаге в 1765 г. состоялся не толь-

ко благодаря русским и английским деньгам: французский посол Бретейль потратил еще больше средств для поддержки «шляп». ¹³ Оба министра сыграли важную роль в формировании верной стратегии «колпаков». В 1766 г. «шляпы» были окончательно изгнаны из правительства. Теперь Екатерина II могла, как она считала, навязать Швеции политический курс в интересах России. Линия русской дипломатии в Стокгольме в эти годы тесно согласовывалась с Лондоном, хотя державы имели несколько различные цели. В этом смысле их деятельность иллюстрирует политику Северной системы на практике.

«Колпаки» считали идеалом государственного устройства модель Великобритании. Они предприняли ряд непопулярных экономических мер с целью улучшить жалкое финансовое положение королевства. «Колпаки» продолжали получать обильные субсидии из России, так же, как их противники тянулись к золотому потоку из Версаля.

В 1766 г. правительство Швеции подписало договор о дружбе с Британией. В этом же году лорд Крэфтон сообщал Гудрику, что «он должен помочь мистеру Остерману в его намерениях создать союз дворов России и Швеции». ¹⁴ В августе 1766 г. лорд Шелберн открыто хвастался французскому поверенному Дюранду, что на Севере формируется лига в качестве противовеса Фамильному пакту. ¹⁵ В целом существовала благоприятная ситуация для создания англо-русско-шведского союза. Будущее французских отношений со Швецией оказалось в опасности.

В 1760-х гг. роль монархии вновь стала возрастать. Наследник кронпринц Густав проявил себя как сильный государственный деятель. В 1766 - начале 1767 гг. королевская семья, до сих пор дистанцировавшаяся от обеих партий, заключила союз со «шляпами». В это же время Шуазель пришел к мысли, что Франции следует изменить свою шведскую политику. Правильная стратегия, по мысли герцога, - в усилении власти короля, чтобы шведское государство выздоравливало от межпартийной

борьбы.¹⁶

Он выразил свои идеи в послании лидерам «шляп» в марте 1767 г. Шуазель предлагал тщательно подготовиться к проведению очередной сессии риксдага, склонить на свою сторону армию и военно-морской флот, даже арестовать, если будет необходимо, членов риксрода; разработать новую конституцию и при поддержке Франции принять её. Угроза со стороны России не должна пугать «шляп», так как Екатерина II глубоко увязла в польских проблемах.

Послание герцога отличалось точной оценкой шведской ситуации и во многом пророческими советами. Шуазель, прежде всего, произвел дипломатическую замену. Бретейль был отозван и в Стокгольм направлен аббат де Прат, вместе с очередной субсидией в размере 30000 ливров для поддержки «патриотов», как теперь Шуазель стал называть партию «шляп». Франции также необходимо было добиться согласия шведской королевской семьи. Аббат сумел получить аудиенцию королевы и изложил проект Версаля. Королева согласилась с этим предложением, но не хотела ждать 1770 г., когда должна была пройти сессия, а предлагала действовать осенью.

Следующим шагом Шуазеля была попытка заручиться поддержкой кронпринца. Де Прат имел беседу с Густавом и убедился в его лояльности. Давление французского кабинета осенью 1768 г. было чрезвычайно сильным. «Из казны французского двора текли субсидии для партии шляп, которые могли противодействовать русской и английской поддержке колпаков...» - считает Эрик Леннрут.¹⁷

Осенью 1768 г. важные перемены произошли в британском дипломатическом ведомстве. Лорд Шелберн оставил южный департамент в октябре, его место занял лорд Веймут. Этот последний не отличался трудолюбием, хотя именно южный департамент считался основным.¹⁸ В северный департамент пришел лорд Рошфор. Он был опытным дипломатом, служил в Турине, Мадриде и Париже. Назначение Рошфора

значительно усилило министерство. В отличие от своего предшественника, Рошфор получил назначение за свои профессиональные качества, а не как представитель своей политической группы. Рошфор отдавал всё свое внимание европейским делам. Этому также способствовало учреждение в январе 1768 г. поста третьего государственного секретаря по американским делам. Им стал лорд Хилсборо.

Появление Рошфора в офисе способствовало укреплению единства в контроле над британской внешней политикой. Безразличие Веймута к выполнению своих официальных обязанностей было катастрофическим. Трудно найти другой случай, когда глава основного дипломатического министерства заявлял бы, что «британский госсекретарь должен как можно больше слушать и меньше говорить».¹⁹ Веймут с удовольствием уступил инициативу своему коллеге. В результате, Рошфор получил контроль над обоими департаментами, и некоторое время был де-факто «иностранным секретарем».

«К осени 1768 года британская дипломатия опасно дрейфовала в сторону рифов. Рошфор немедленно попытался предотвратить кораблекрушение»,²⁰ полагает М. Робертс.

Георг III даже заметил по этому поводу, что «рвение Рошфора делает его нетерпеливым».²¹ Успех нового министра не был полным, но он пытался укрепить британские позиции новым континентальным союзником и преодолеть опасную изоляцию, которая ощущалась в период кризиса вокруг Корсики.²²

Шуазель, хорошо осведомленный о трудностях России в Польше и воодушевленный началом новой русско-турецкой войны, стремился увеличить проблемы Екатерины II политическим переворотом в Стокгольме. Прибытие нового французского посла графа де Модены в октябре 1768 г. было предвестником нового дипломатического наступления Франции.²³ Из его инструкций стало ясно, что Шуазель хочет осуществить свои планы до созыва регулярной сессии риксдага. Однако

«шляпы» не одобряли радикальные меры, предлагавшиеся Францией и поддерживаемые шведской королевской семьей. Лидеры «шляп» хотели принудить риксрод созвать внеочередную сессию и легально провести реформу правления. Модена был вынужден согласиться с этим планом и старался привлечь к такому решению шведскую королевскую семью.

12 декабря 1768 г. Густав предстал перед Сенатом и огласил королевское требование о внеочередном созыве диет. «Первое выступление Густава как политической фигуры оказалось удачным», - полагает Э. Леннрут.²⁴ Король дал три дня для ответа, страна оказалась в состоянии конституционного кризиса. Вначале риксрод, поддержанный русским и английским послами, проявил намерение поднять брошенную перчатку. С 15 по 21 декабря Швеция не имела законного правления, но затем стало ясно, что большинство политических сил и армия на стороне короля. Сенат капитулировал и согласился созвать риксдаг 19 апреля 1769 г.

Решение Сената рассматривалось как триумф политики Шуазеля и серьёзное поражение англо-русской дипломатии. Французский министр опасался как дипломатического давления на Швецию, так и прямого иностранного вмешательства. Рошфор писал послу в Стокгольм: «я информирую вас, что Его Величество считает необходимым поддерживать партию, связанную с интересами Великобритании... Его Величество хочет действовать рука об руку с российской императрицей в достижении такого влияния в этом королевстве, которое обеспечит выполнение нашей общей цели - сохранения спокойствия в данном районе».²⁵

Шуазель нервничал, так как сессию планировали проводить в Норчёпинте, балтийском портовом городе, и англичане вполне могли направить туда свой военно-морской флот. Герцог дал указание послу в Париже Шатело выяснить английские намерения. В январе французский посол имел несколько встреч с Рошфором. Шатело сделал вывод, что Британия не станет

прибегать к крайним мерам, но исключить возможность крупной субсидии для «колпаков» было нельзя. Шуазель предупредил Модену, что возможно будет необходимо арестовать весь риксрод. Франция также опасалась, что Россия может уговорить Британию принять более активное участие в северных делах.

Между тем, Рошфор попытался разъяснить смысл английской дипломатии в Швеции. 24 марта 1769 г. он провел беседу с Шатело. Госсекретарь заявил, что Англия хочет мира, она не может оставаться равнодушной к действиям Франции в этом государстве.²⁶ Рошфор отрицал особый английский интерес и главной озабоченностью своего правительства назвал возможность русско-шведской войны. В этом случае, Великобритания, безусловно, направит свой флот на Балтику, предупредил Рошфор.²⁷ Очевидно, основной целью Рошфора было усыпить французское внимание.

Тем временем, выборы в шведский парламент шли под аккомпанемент усиливающегося золотого дождя. Гудрик продолжал тратить значительные суммы для защиты интересов своей страны. 7 марта 1769 г. он распорядился выплатить 12 000 фунтов.²⁸ Рошфор сообщал Гудрику в марте: «намерением Его Величества являются совместные с Россией действия в поддержку общей партии в Швеции и оказание денежной помощи для этих целей».²⁹ К середине февраля 1769 г. Франция издержала на эти цели 750 000 ливров, а Россия к апрелю - свыше 930 000 рублей.³⁰

Однако Шуазель не был введен в заблуждение. В ответном письме Шатело он сомневался, что английская политика на Севере будет умеренной, как указывал Рошфор.³¹ Но эти опасения оказались напрасными. 19 апреля 1769 г. риксдаг был созван и «колпаки» оказались в меньшинстве. Это была явная победа Шуазеля. В мае 1769 г. партийная борьба завершилась отстранением министров-«колпаков» и заменой их на представителей партии «шляп», но уже через несколько месяцев союз «шляп» и двора выглядел нетвердо. Обласканные Фран-

цией «патриоты» вовсе не собирались отдавать власть и не торопились проводить реформы, на которых настаивал Шуазель. Герцог с сожалением понимал, что может потерпеть неудачу в своей главной цели - укреплении шведской короны.

Он предпринял новую инициативу. «Шляпам» был предложен союз с Версалем, предусматривавший выплату 150 000 ливров в год на протяжении девяти лет. Обязательствами шведской стороны было оказание военной помощи и невступление в иные союзы.³² Предложение, конечно, предусматривало принятие новой конституции. Однако шведы потребовали большие финансовые средства за изменение государственной системы. Это было слишком даже для Шуазеля. Он направил специальное послание, осуждающее нынешние власти. «Франция никогда не станет данником Швеции!» - заявил герцог.³³ Данные обстоятельства позволяли Остерману при поддержке британских и датских союзников вести борьбу против изменений в существующей конституции и возобновления договорных отношений Швеции с Францией.

Худшие опасения Франции подтвердились, когда завершилась сессия 30 января 1770 г. С горечью в сердце принц Густав писал: «Ни один предыдущий парламент не разрушал столь много торжественных обещаний и не терял так много блестящих возможностей... Мы проиграли конституционную битву».³⁴

М. Робертс полагает, что диеты 1769 г. завершились «частичной победой» Британии и России.³⁵

Однако неудача Франции была не столь глубокой. Реформа управления только откладывалась. Через два года она будет с успехом осуществлена молодым Густавом по рецептам Шуазеля. В отношении предполагавшегося Северного союза Версаль достиг своей цели. Англо-французское противостояние в Швеции носило принципиальный характер, но оба двора не собирались доводить дело до серьёзного ухудшения отношений. Екатерина Великая, хотя и не смогла в полной мере реализовать свои замыслы, в частности, осуществить проект Северного

союза, однако сумела добиться стабилизации внешнеполитической обстановки на севере Европы. Сотрудничество Лондона и Санкт-Петербурга в шведских делах оказалось, в целом, полезным и результативным.

¹ Классическими работами на эту тему являются: *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762—1774). СПб., 1896; *Александров П. А.* Северная система. М., 1914; *Roberts M.* British Diplomacy and Swedish Politics 1758-1773, London, 1980; *Metcalfe M.F.* Russia, England and Swedish Party Politics, 1762-1766. Stockholm. 1977.

² *de Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С.312.

³ *Memoires du duc de Choiseul 1719-1785 / Ed. J. Russell, 1853, London. P. 244.*

⁴ *Андерсон И.* История Швеции. М., 1951. С. 275.

⁵ Рескрипт Остерману в Стокгольм, 13/14 августа 1762 г.// Сборник русского императорского исторического общества, СПб., 1873, Т. XLVIII., С.70.

⁶ *Roberts M.* British Diplomacy and Swedish Politics 1758-1773. P.305.

⁷ *Scott H. M.* British foreign policy in the age of American revolution. Oxford, 1990, P. 84.

⁸ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. //Сборник русского императорского исторического общества. СПб., 1873, Т. 12., С. 186.

⁹ *Scott H. M.* British foreign policy in the age of American revolution. P. 84.

¹⁰ См.: *Metcalfe M. F.* Russia, England and Swedish Party Politics, 1762-1766.

¹¹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. //Сборник русского императорского исторического общества. Т. 12. С. 188.

¹² Там же. С. 196-197.

¹³ *Roberts M.* British Diplomacy and Swedish Politics 1758-1773. P.436-437; *Metcalfe M. F.* Russia, England and Swedish Party Politics, 1762-1766. P. 140-141.

¹⁴ *British Diplomatic instructions 1689-1789. Ed. J. F. Chance and L. G. W. Legg, London, 1934, V. 5. P. 172.*

¹⁵ *Ramsay J. F.* Anglo-French relations 1763-1770: A study of Choiseul's Foreign Policy. Berkeley, 1939, P. 192.

¹⁶ *Ibid.* P.194.

-
- ¹⁷ Леннрут Э. Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя. СПб., 1999. С. 23.
- ¹⁸ *Brooke J.* The Chatam Administration 1766-1768, London, 1956. P. 375.
- ¹⁹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Сборник русского императорского исторического общества. Т. 12. С. 369.
- ²⁰ *Roberts M.* Splendid Isolation 1763-1780. Reading, 1970. P. 7.
- ²¹ Correspondence of King George III from 1760 to December 1783. Ed. J. Fortescue, London, 1928. V. 2. P. 370-371.
- ²² *Black J.* Natural and Necessary enemies: Anglo-French relations in the eighteenth century. London, 1986. P. 90.
- ²³ *Roberts M.* British Diplomacy and Swedish Politics 1758-1773. P. 265-274.
- ²⁴ Леннрут Э. Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя. С. 42.
- ²⁵ British Diplomatic instructions 1689-1789. V. 5. P. 189-190.
- ²⁶ *Ramsay J. F.* Anglo-French relations 1763-1770: A study of Choiseul's Foreign Policy. P. 198.
- ²⁷ Ibid. P. 199.
- ²⁸ British Diplomatic instructions 1689-1789. V. 5. P. 192-193.
- ²⁹ Ibid. V. 5, P. 191-192.
- ³⁰ *де Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 348.
- ³¹ *Ramsay J. F.* Anglo-French relations 1763-1770 P. 205.
- ³² Ibid. P. 217.
- ³³ Ibid. P. 219.
- ³⁴ *Bain R. N.* Gustavus III and his contemporaries, 1746-1792: An overlooked chapter of eighteenth century history. London, 1894, V. 1. P. 51.
- ³⁵ *Roberts M.* British Diplomacy and Swedish Politics 1758-1773. P. 323.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788 - 1790 гг.: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ И ШВЕЦИИ XVIII в.

История XVIII века - это во многом история крупных войн, охвативших территорию почти всей Европы. В результате вооружённых столкновений ряд государств, игравших ведущую роль в европейской внешней политике, потеряли свой высокий статус «великих держав» в военно-политическом отношении, превратившись в заурядные европейские страны, уступив свои позиции «государствам-новичкам».

Территориальный спор за доминирующее положение в Балтийском регионе в XVIII веке вылился в три войны между Швецией и Россией: в 1700 - 1721 гг. («Северная война»), 1741-1743 гг. и 1788 - 1790 гг.

История участия России в решении восточного вопроса или в разделах Польши - более разработанный сюжет, чем история отношений России и Швеции.

Борьба этих двух держав за акватории Финского залива и Балтийского моря, финляндские и прибалтийские территории началась давно, она имела особое значение со времен Петра Великого и кончилась присоединением к России Финляндии до р. Торнео в начале XIX в.

Этот военный конфликт оказался последним всплеском военно-политической активности Швеции, который заставил Россию на некоторое время с опаской смотреть в сторону шведской Финляндии, но в то же время кардинально не изменивший ситуации на севере Европы. Мощь России усиливалась, и помешать этому процессу Швеция была уже не в состоянии.

В русско-шведской войне 1788-1790 гг. Россия оборонялась. Императрица Екатерина, занятая войной с Турцией, не желала войны со Швецией.

Мало того, наступательные действия Густава III в пределах русской Финляндии, угроза Фридрихсгаму, Выборгу, Нейшлоту, Вильманстранду, Ревелю, Кронштадту и даже Петербургу - могли иметь для России крайне опасные последствия в то время, как на Севере почти не было войск, когда там не доставало военных запасов, когда почти все силы и средства находились в распоряжении князя Г. А. Потемкина для борьбы с Османской империей.

Густав III и Екатерина II на севере располагали весьма незначительными военными средствами. Тем не менее, русско-шведская война 1788 - 1790 гг., не приведшая к изменению государственных границ Швеции и России, достойна особого внимания.

Крайняя опасность, угрожавшая тогда российской столице, необыкновенное напряжение сил, которое потребовалось для обороны, взаимоотношения русского кабинета с Аньяльской конфедерацией в Финляндии и действия русского флота в упорной борьбе на море - всё это увеличивает интерес историков к событиям этой войны.

Важно отметить, что русско-шведская война 1788 - 1790 гг. происходила в условиях назревавшего общеевропейского кризиса. Этот кризис был связан с соперничеством ряда европейских государств в борьбе за перераспределение территорий на континенте. А вспыхнувшая в 1789 г. Великая Французская буржуазная революция заставила не некоторое время многие европейские страны объединиться для борьбы с революционной Химерой и начавшейся французской экспансией.

Интересно, что именно трудности во взаимоотношениях Екатерины и Густава, просчеты екатерининского кабинета в формировании русско-шведских отношений в период 1770 - 1780 гг., неприятие внутренних реформ в Швеции императрицей, а также «задорный» нрав шведского короля и его желание усилить шведское могущество путем ослабления восточного соседа определили дальнейший сценарий действий, кото-

рый вылился в полномасштабное столкновение.

Русско-шведская война состояла из трёх военных компаний: 1788 г., 1789 г. и 1790 г., которые отличались интенсивностью военных действий сторон.

В конце июня 1788 г. в Швеции ожидали начала войны. В прессе Стокгольма шведские вооружения объяснялись как необходимая мера, чтобы оградить финляндские границы от нападения русской армии. Королю был необходим любой предлог для начала военных действий. Поэтому и пресса особым образом подготавливала шведскую общественность к неизбежности конфликта с Россией. Екатерина приказала пограничным частям не отвечать на провокации шведской стороны. Россия уже воевала с Турцией и вести военные действия с двумя неприятелями одновременно не желала. Шведский флот 9 июня вышел в море, но тайна военных планов была настолько хорошо сохранена, что о цели похода никаких сведений не было ни у рядовых шведов, ни у офицеров и командного состава армии и флота.

28 июня (8 июля) произошел известный инцидент в Пуумала, когда полковник Берндт Иоганн Хастфер, командир Саволакской бригады, атаковал финские войска переодетым в русскую форму шведским отрядом. Интересно, что одежду для этого отряда сшил Линдبلاد, портной стокгольмской оперы.

Этот инцидент был немедленно использован в качестве предлога для начала военных действий против России. Через неделю после инцидента в Пуумале Густав послал Екатерине дерзкий по содержанию ультиматум. Однако, императрица его отвергла, объявив Швецию ответственной за развязывание войны.

Вопрос о том, кто сделает первый выстрел, был крайне важен для шведского монарха. От этого зависела судьба всей кампании и, что самое главное, вопрос о союзнической помощи, которая была Густаву обещана в том случае, если Россия окажется инициатором нападения.

Интересно, что историк Г. Рейн ничего не говорил о том,

что шведы устроили этот маскарад в Пуумала.

Несмотря на то, что именно Густаву было выгодно использовать любую возможность для начала военных действий, прямых доказательств шведской диверсии нет. Информация об агрессивных планах короля в отношении русских частей в Финляндии распространялась представителями оппозиционных сил. Эту информацию подтверждает, например, полковник Р. Монтгомери¹. Зато полковник К. Стединк, начальник Саволакской бригады, в своих мемуарах прямо говорил о поручении короля любыми способами вынудить русских первыми открыть огонь². Ту же самую мысль сам король выражает в письме к генералу Г. М. Армфельду, талантливому полководцу и своему близкому другу.

Несомненно, авантюра Густава стала достоянием общечеловечности Швеции и России и сыграла злую шутку с королевскими планами в течение кампании 1788 г.

Обман получил негативную оценку в лагере шведского короля и не воспрепятствовал Дании исполнить свои обязанности перед Россией и вступить в войну против Швеции. Отсутствие боеприпасов, продовольствия, обмундирования, а также слаженных действий сухопутной шведской армии и флота в первые дни войны перечеркнули план молниеносного захвата русских крепостей Нейшлота и Фридрихсгама. Генерал-лейтенант Пипер писал графу К. Г. Армфельду: «Это неслыханно: собрать большое войско, не приняв предварительных мер для прокормления его»³. Король топтался на месте и терял драгоценное время на бесперспективную осаду крепостей, которые можно было легко обойти. Тем временем началось противодействие планам короля со стороны офицеров финляндской армии. Они составили т. н. Аньяльскую конфедерацию и отправили Екатерине послания с заверениями в дружбе к России и нежелании продолжать военные действия. Это был пример саботажа офицерами финляндской армии прямых приказов короля.

Таким образом, попытка короля взять Нейшлот и проложить себе дорогу к Ладожскому озеру, Вильманстранду и Выборгу, а затем и к Петербургу закончилась неудачей. Тем не менее, Нейшлотская крепость осаждалась шведами и попытки русских доставить её гарнизону продовольствие не увенчались успехом: 25 лодок с мукой и зерном попали в руки к шведам.

На море Россия была лучше подготовлена, чем на суше. Русская эскадра адмирала Грейга, назначенная к отплытию в Средиземное море для участия в турецкой кампании, осталась на Балтике.

И по числу кораблей, и по величине судов, русский флот был несколько сильнее шведского. И если матросы и солдаты были на нём большей частью неопытными, то офицеры (в числе которых было много иностранцев), без сомнения, могли поспорить в боевой выучке с командирами шведских судов.

Уже 26 июня/7 июля 1788 г. шведский флот под командованием герцога Карла Сюдерманландского получил депешу от короля с известием о начале войны, а на другой день близ о. Нарген в Финском заливе шведами были взяты в плен 2 русских фрегата «Ярославец» и «Гектор». Их командиры, ничего не знавшие о начавшейся войне, вынуждены были спустить флаг перед превосходящими силами противника⁴.

22 июня эскадра Грейга была готова к отплытию и ждала только попутного ветра. Екатерина надеялась на флот гораздо больше, чем на сухопутное войско: «надобно употребить в пользу превосходство нашего флота против неприятельского, и, разбив его на море, идти к Стокгольму»⁵.

6/ 17 июля утром оба флота встретились между островом Стеншером и мелью Кальбо-да-Грунт в семи милях от о. Голланды. Шведский флот состоял из 15 линейных кораблей, 8 фрегатов и нескольких прочих судов. Среди них были и взятые у русских фрегаты «Гектор» и «Ярославец»⁶. Русский флот был несколько сильнее и состоял из 17 линейных кораблей, 8 фрегатов и нескольких мелких судов⁷. Пушек на шведских кораблях

было почти на 200 меньше, чем на русских: на шведском - около 1200, на русском - более 1400⁸. Впрочем, В. Чистяков сделал вывод о преобладании в шведском флоте кораблей и пушек⁹.

К ночи, после окончания сражения, шведские корабли спустились по ветру, постепенно ослабевавшему. Адмирал Грейг велел прекратить пальбу по причине плохой видимости неприятеля. Русские сохранили за собой место сражения и могли считаться победителями, кроме того, был захвачен в плен вице-адмиральный корабль «Принц Густав» вместе с адмиралом графом Вахмейстером.

Этот факт стал поводом для историков рассматривать Гогландскую битву как блестящую победу русского флота. Но русский корабль «Владислав» был также захвачен шведами и уведен в Свеаборг. Помимо невыгодной позиции «Владислава» во время боя, Грейг приписывал потерю корабля «нерадению» некоторых русских офицеров. Особенно Грейг жаловался на командиров кораблей «Дерис», «Иоанн Богослов» и «Памяти Евстафия» Коковцева, Вальрота и Баранова. Уже 14 июля в журнале Адмиралтейств-коллегии был читан рапорт адмирала Грейга, в котором подробно излагались действия командиров трёх кораблей, не вступивших в сражение¹⁰.

Под судом оказался даже контр-адмирал фон Дезин. Окончательное решение было следующим: «высочайшая конфирмация: Коковцева, по лишении чинов написать в матросы на Черное море вечно; Вальрота тоже написать в матросы, а Баранова исключить из службы и впредь в оную к никаким делам не определять»¹¹. Случай с кораблем «Владиславом» был очень важен как для Грейга, так и для императрицы в деле определения бесспорного победителя в сражении 6/17 июля. Если бы не пленение русского корабля, то шведы должны были бы согласиться с фактом поражения. Теперь же и те, и другие утверждали, что они остались победителями и убеждали в этом общственность своей страны.

Итак, шведы считали себя победителями, и Густав приказал во всех церквях Стокгольма отслужить благодарственный молебен. В шведских газетах, а также других печатных изданиях, были опубликованы подробные бюллетени о ходе боя¹². С особой торжественностью король раздал знаки отличия офицерам, участвовавшим в сражении. Затем с такою же пышностью было совершено погребение убитых командиров. После чего трофеи, флаги и вымпелы с плененного «Владислава» были отправлены с торжественной процессией из Финляндии в Стокгольм, где они 29 июля/9 августа были выставлены на балконе королевского дворца и затем сданы в арсенал.

До сведения Екатерины дошли впоследствии подробности такого торжества. Императрица отреагировала на это следующим образом: «Пусть хвастает, как хочет; сам выйдет смешным в глазах людей беспристрастных»¹³.

После Гогландского сражения шведский флот удалился в Свеаборг, был заперт там русскими кораблями и до конца кампании 1788 г. в море не выходил.

В августе Густав получил известие о деятельности офицеров финляндской армии, которые саботировали приказы короля и составили т.н. Аньяльскую конфедерацию. В переписке некоторых офицеров с Екатериной II стал очевидным факт нежелания шведских воинов продолжать войну и стремление отделить Финляндию от Швеции. В этот момент для Густава единственным выходом из весьма сложной ситуации стало вступление Дании в войну против Швеции на стороне России.

Патриотические настроения и антисепаратистский настрой как нельзя лучше продемонстрированы в «оде полкового священника Густава Энзеля» и «Письме из Финляндии Густава Энзеля» от 14 сентября 1788 г. Автор был агрессивно настроен по отношению к сепаратистам и говорил о движении в Финляндии как о факте отвратительном, призывая риксдаг осудить изменников¹⁴.

Народ предпочел монархию преобладанию аристокра-

тического начала, определив, в конечном счёте, судьбу и конфедератов, и короля. Чем сильнее становились военно-политические позиции Густава, тем более безнадежным казалось сопротивление финляндских оппозиционеров. В конце 1788 г. Императрица советовала мятежным финляндцам подумать о мерах спасения и не рассчитывать на помощь России¹⁵.

Командующий датскими вспомогательными войсками принц Карл Гессенский действовал очень осмотрительно и воевал без особого рвения. Английский посланник в Копенгагене Элиот потребовал от датской стороны немедленного прекращения военных действий. Он предупредил принца Гессенского, что в противном случае Англия и Пруссия предпримут решительные меры в отношении Дании. После чего датское правительство было вынуждено пойти на перемирие, которое закончилось выходом из войны¹⁶.

Императрица пыталась «оторвать» Англию от союза с Пруссией, рассчитывая на здравомыслие таких видных политических деятелей в английском парламенте, как Фокс и герцоги Девонширский и Портландский. В письме С. Р. Воронцову, русскому полномочному послу в Лондоне, она заранее благодарит его за ту услугу, которую он мог бы оказать России «коль скоро успеет отвести Англию, по крайней мере, по отношению к северным делам, от системы прусской»¹⁷.

Подобная внешнеполитическая ситуация и установившееся равновесие сил на военном театре в Западной Швеции и Финляндии помогла Густаву перегруппировать свои силы и подготовиться к главному удару по оппозиционерам, который он нанес на риксдаге в Стокгольме зимой 1788 - 1789 гг.

Адмирал С. К. Грейг рассчитывал получить десантный отряд и зимой напасть на Свеаборг с суши и уничтожить шведские корабли, стоявшие в гавани, считая это единственной возможностью причинить врагу серьёзный урон.

Но обстоятельства сложились иначе: адмирал серьёзно простудился и скончался 15 октября на адмиральском корабле

«Ростислав». Императрица плакала, сказав своему секретарю Храповицкому, что это «огромная потеря, государственная потеря»¹⁸. Место адмирала Грейга на посту командующего флотом и Ревельской эскадрой занял адмирал В. Я. Чичагов.

27 ноября Чичагову дано было повеление принять в свое ведение Ревельскую эскадру и приготовить её к будущей кампании на море. Ранее, 21 сентября, эскадра вице-адмирала Круза перешла от Красной горки на Кронштадтский рейд. Архангельская эскадра контр-адмирала Повалишина 23 сентября соединилась с эскадрой вице-адмирала фон Дезина. В соединенной эскадре было 7 российских кораблей, 2 фрегата, 1 катер, 3 датских корабля и 1 фрегат. Отряду кораблей под командованием фон Дезина ещё Грейгом было предписано занять пост между южной оконечностью о. Эланд и шведским берегом, где стараться блокировать шведские корабли у Карлскроны, оставаясь в крейсерстве до середины ноября. Вопреки приказу, фон Дезин 20 октября на совете объявил о своём решении идти на зимовку в Копенгаген. Это привело к тому, что шведский флот, дождавшись ухода русской эскадры в Ревель, покинул Свеаборг и 27 ноября вошел в Карлскронскую гавань. После того, как по пути в Копенгаген фон-Дезин посадил три корабля на мель, 17 декабря его эскадра была передана под командование контр-адмирала Повалишина¹⁹.

План русской кампании 1789 г. предполагал:

1) Сухопутным войскам идти от Абборфорса береговой линией на Ловизу, Борго и Гельсингфорс, овладеть Свартгольмом.

2) Флот гребной должен был содействовать операциям армии и сообразоваться с действием парусного флота, а при победе над гребным неприятельским флотом должен был распространить свои поиски до Ботнического залива.

3) Зимующая в Ревеле эскадра должна была занять пост у Гангута для высадки сухопутного десанта в тылу шведской армии. Копенгагенская же эскадра предназначалась для содейст-

вия датчанам, если бы они склонились к продолжению неприязненных действий против Швеции. Также она должна была захватывать шведские коммерческие суда, а когда прибрежные воды вскроются, то блокировать Карлскрону, в ожидании прибытия на соединение с нею главной российской эскадры из Финского залива.

4) Главная корабельная эскадра должна была состоять из 15 кораблей и других судов. Ей надлежало сразиться со шведским флотом, занять о. Готланд и обратить свои действия на берега Швеции. Резервная эскадра должна была содействовать гребному флоту. Архангельскими же кораблями предполагалось заменить российские корабли в датских водах для преследования шведских коммерческих судов²⁰.

23 марта 1789 г. был подписан указ о «пожаловании контр-адмирала Козлянинова в вице-адмиралы и препоручении ему начальства «над эскадрою нашею при Копенгагене находящуюся»²¹.

В свою очередь, шведы готовили в Карлскроне 21 линейный корабль и 9 боевых фрегатов, 3 больших фрегата в Гетеборге, на некоторые было назначено 17,5 тысяч человек. В Свеаборге зимовало 75 судов шведского гребного флота. Общее число судов равнялось 140. Количество шведских войск в Финляндии было доведено до 24 тысяч, учитывая и галерные экипажи (это не считая 2,5 тысяч выздоравливающих). Таким образом, у шведов было 52,5 тысяч человек против 68 тысяч русских. Преимуществом шведов было то, что флот сконцентрировался в Карлскроне и представлял собой силу, собранную в единый кулак²².

В кампании 1789 г. оба государства вновь сделали ставку на военно-морские силы. На сухопутном театре военных действий в Финляндии серьезных крупномасштабных операций не последовало (сражение при Кюро 31 мая 1789 г., стычка близ Давидштадта и Уддисмальма 17/28 июня, сражение при деревне Паркумаки 8/ 19- 9/ 20 июля).

Командующим русского галерного флота был назначен принц Нассау-Зиген.

После долгой подготовки двух флотов последовало их столкновение между островом Борнхольмом и шведским берегом (сражение при Эланде). Оно закончилось отступлением шведского флота, возвратившегося в Карлскрону, чем и завершились его военные действия в кампанию этого года.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» говорилось о том, что шведский флот «скрылся в порт свой: почему и остается каждому беспристрастному судить, имел ли причину король шведский торжествовать сие происшествие, как победу, им одержанную»²³. Ф. Веселаго утверждал, что в Эландском сражении потерь с обеих сторон не было²⁴. Можно сделать вывод, что сражение при Эланде не может быть названо ни победой русских, ни победой шведов. Попытки уклониться от серьёзного сражения отмечены с обеих сторон. Однако шведы не смогли воспрепятствовать соединению Кронштадтской эскадры с Копенгагенской (Зундской). 21 июля/1 августа Чичагов соединился с Козляниновым. Это было равносильно победе.

Главные действия морской кампании этого года происходили около берегов Финляндии, близ границы, где должны были встретиться не только галерные флоты воюющих держав, но и сухопутные войска. Там находились командующие - Густав III и граф Мусин-Пушкин, адмирал К. С. Эренсверд и принц Нассау-Зиген.

13/24 августа произошло сражение при Свенскунде (Рончесальме) между двумя галерными флотами. Сражение длилось 10 часов. Шведы сражались весьма храбро и причиной их поражения стало внезапное появление русских кораблей. Шведский галерный флот оказался наголову разбит и спасся только под защитой крепости Свартгольм²⁵.

Екатерина писала к графу П. Д. Еропкину об этом событии следующее: «и шведского галерного флота не более, сказывают, осталось, как разве четвертая доля, которая загнана в реку

Кюмень»²⁶.

Екатерина писала об этой победе своим частным корреспондентам, немцам М. Гриму и Циммерману по почте, чтобы в Европе эти письма читали. Густав велел опубликовать в «Гамбургской газете» рассказ о бывшем сражении, что вызвало резкую критику короля со стороны принца Нассау-Зигена²⁷.

Принц Нассау-Зиген вновь намеревался использовать галерный флот с целью преследования короля до пограничного городка Ловизы. Но страшная буря, продолжавшаяся с 31 августа по 2 сентября, воспрепятствовала исполнению этого намерения и причинила флотилии значительные повреждения, так что многие галеры должны были отправиться в Фридрихсгам для починки. Между тем, граф В. П. Мусин-Пушкин в Финляндии бездействовал, и Екатерина обрушивалась на весь командный состав Финляндской армии с резкой критикой - об этом свидетельствовал М. Гарновский, поверенный в делах князя Г. А. Потемкина²⁸. Окончание кампании 1789 г. походило на конец предыдущей. Не заключив формального перемирия, воюющие стороны прекратили военные действия, удалившись на зимние квартиры.

Зимой 1789 - 1790 гг. Швеция продолжала вооружаться. На верфях строились туремы и канонерские лодки для галерного флота. К кампании 1790 г. готовились еще 4 линейных корабля. Зима была необыкновенно теплой, что давало возможность не прекращать строительные работы на верфях Карлскроны²⁹. Денег на вооружение не хватало, но король надеялся на долгожданную помощь союзников. Дворянские и промышленные круги Швеции негодовали по поводу огромных военных затрат и бесперспективности войны. И у России были трудности в подготовке к третьему походу. В Петербурге с самого начала войны желали мира со Швецией и надеялись на скорое окончание конфликта.

К следующей кампании вместо Мусина-Пушкина командующими Финляндской армии назначены были Игельстром и

Салтыков.

И Швеция, и Россия продолжали войну лишь с большим трудом. Обе державы решились возобновить военные действия в 1790 г. только в надежде на то, что победа на море даст возможность заключить мир. Ситуация благоприятствовала шведскому королю. Необыкновенно теплая зима позволила флоту выступить гораздо раньше обычного.

В Финляндии шведы успешно действовали в стычках при Кернакоски и Пердакоски 4/15 апреля 1790 г. Стединк разбил русских при Партимени 23 апреля/4 мая 1790 г. Граф Армфельт был разбит русскими при Савитайпале 24 мая/4 июня. Те средства, которыми располагали Стединк и Армфельдт в Финляндии, не позволяли им действовать столь успешно, как предполагал король.

Хотя в 1790 г. русские корабельный и галерный флоты несколько запоздали в своих приготовлениях к походу, но количественно они были равносильны шведским военно-морским силам.

Основные события снова происходили на морском театре военных действий.

3 мая 1790 г. произошло сражение корабельного флота шведов с эскадрой адмирала Чичагова близ Ревельского рейда. У шведов было 22 линейных корабля, 4 фрегата, 2 брандера. У русских – 10 линейных кораблей и 1 фрегат, но они сражались под защитой береговых батарей.

Шведский флот вновь не смог помешать соединению Ревельской и Кронштадтской эскадр. Шведы в этом сражении потеряли два линейных корабля³⁰. Во многом причиной этой неудачи стали плохие погодные условия.

23 мая 1790 г. произошла Кронштадтская битва. Это сражение длилось около двух дней. В сражении участвовал шведский король с гребными судами. Шведы оказались запертыми в Выборгском заливе. Русские не решались атаковать, видя, что положение короля и так безвыходное³¹. Большинство

офицеров и брат короля герцог Карл были за скорейшую капитуляцию. Король высказал следующую мысль: бросить корабли и идти по суше на соединение с сухопутной армией у Кюмени. Но решено было дерзко прорываться на кораблях, идя на малых парусах вдоль вражеской линии. Несмотря на потери (7 линейных кораблей, 2 фрегата и много мелких судов), шведские корабли благополучно вышли из Выборгской бухты.

Шведский корабельный флот устремился к Свеаборгу, где был заперт русскими кораблями. Шведская галерная флотилия спаслась в Свенсксунде.

Именно здесь произошло решающее сражение кампании 1790 г. Шведский флот состоял из 190 судов, русский - из 230. Когда русские суда галерного флота принца Нассау зашли в залив, ветер дул со стороны Фридрихсгама и сильнее раскачивал галеры, чем корабли. Он не давал русским прицелиться в неприятеля, а шведы успешно расстреливали мелкие русские суда из орудий крупного калибра. Началась буря, которая способствовала разгрому русского галерного флота. В этом сражении потери русских были огромные: 55 судов, до 4000 убитых и раненых, в плен взято 279 русских офицеров, 6200 солдат и матросов. Нассау едва спасся бегством, оставив шведам флагманский корабль.

Но продолжать военные действия ни русские, ни шведы уже не желали.

Турция не исполнила обязательств, данных шведскому королю, оставив его без денег. Пруссия в это время уже вела переговоры с императором, которые привели к заключению договора в Рейхенбахе в июле 1790 г., по которому Леопольд обязался заключить мир с Портой на условии статус кво³².

После подписания договора в Рейхенбахе австрийский император не имел претензий к Густаву. Сам Густав не имел надежд на продолжение войны собственными силами, без участия Пруссии и Англии. Общее замирение Австрии и Турции, а также готовность последней примириться с Россией, подтолк-

нули короля к началу переговоров о мире.

Несмотря на то, что переговоры затянулись и в любой момент могли закончиться продолжением военных действий сторон, мирный договор между Россией и Швецией был подписан в Вереле 3 августа 1790 г. на принципах *status quo ante bellum*³³.

¹ *Överste R. Montgomery's berättelse. Bidrag till Konung Gustav III's historia. Del. 1. Stockholm., 1861. S. 325-326.*

² *Memoires de Stedingk. I. S. 80-83.*

³ Цит. по: *Брикнер А. Г. Конфедерация в Аньяла в 1788 г. Материалы для истории присоединения Финляндии к России // Журнал Мин. Народ. Просвещ. СПб., 1877. №10. С. 694.*

⁴ *Записки Храповицкого, от 1 июля // Русский архив. М., 1901. Кн. II, №7, 8; Брикнер А. Г. Война России со Швецией 1788-1790 гг. // Журнал Мин. Народного просвещения. СПб., 1869. №2. С. 130.*

⁵ *АВПР. Ф.5. Секретные мнения КИД. Оп.1. Д. №587/1788 г. Протоколы Совета. Л.116.*

⁶ *Головачев В. Действия русского флота в войне против шведов 1788-1790 // Морской сборник. СПб., 1863. Т. 66. №5. С. 214-215.*

⁷ Там же. С. 219.

⁸ *Соколов А. // Морской сборник. СПб., 1849. Т.2. №5. С.323-331.*

⁹ *Чистяков В. «День Сыся Великого» // Морской сборник. СПб., 1988. №7. С. 80.*

¹⁰ *Материалы для истории русского флота. СПб., 1890, Ч. XIII. С. 462.*

¹¹ Там же. С. 495-498.

¹² *Anekdoter hörande till kampanie i Finland / Hemliga handlingar hörande till Sveriges Historia efter konung Gustaf III: s antrände till regeringen. Stockholm, 1821. S. 82-83.*

¹³ *Записки Храповицкого, 6/ 17 августа.*

¹⁴ *АВПР. Ф. 5. Секретные мнения КИД. Оп. 1. Д. №587 (1788). Напоминание недовольным в государстве. Л. 221-224.*

¹⁵ *Брикнер А. Г. Конфедерация в Аньяла в 1788 г. Материалы для истории присоединения Финляндии к России. С. 743.*

¹⁶ *История внешней политики России XVIII в. От Северной войны до войны России против Наполеона. Под ред. А.В. Игнатьева и др. М., 1998. С. 131; См. Также: Lecky E. H. History of England in the XVIII-th century. Vol. VI. London, 1899. P. 96-98.*

-
- ¹⁷ Переписка Екатерины Великой с графом Воронцовым С.Р. // Русский архив. СПб., 1879. Кн.1. С. 145-149.
- ¹⁸ Записки Храповицкого. 15 окт. С. 121.
- ¹⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. С. 423-424.
- ²⁰ Высочайший рескрипт гр. Мусину-Пушкину от 27 ноября 1788 г. // Морской сборник. СПб., 1871. Т.115. №8. С. 3-4.
- ²¹ Высочайший указ Адм.-Коллегии, 23 марта 1789 г. / Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890.С. 499.
- ²² Головачев В. Действия русского флота в войне со шведами в 1788-1790 гг. // Морской сборник. СПб., 1871. Т. 115. №7. С.3.
- ²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1789. С.1021.
- ²⁴ *Веселаго Ф.* Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856. СПб., 1871. С. 8-9.
- ²⁵ ЦГАВМФ. Ф. 172. Канцелярия генерал-фельдмаршала от флота Чернышова И.Г. Оп.1, Д. 371 б. Рапорт вице-адмирала принца Нассау-Зигена. Л. 426-431.
- ²⁶ Письма и рескрипты императрицы Екатерины II к графу П.Д. Еропкину // Русский архив. 172. кн.1. С. 325-326.
- ²⁷ Письмо принца Нассау-Зигена к Густаву III, королю Швеции от 20 сент. 1789 г. /Записки гр. Сегюра (1785-1789) // Русский Архив. 1907. №10. С. 408.
- ²⁸ Записки М. Гарновского. 7 сент. 1789 г. // Русская Старина. 1876. Т. XVI. С. 416.
- ²⁹ Из исторических записок И. А. Эренстрема // Русская старина. СПб., 1893. №7-9 . С. 209.
- ³⁰ Всеподданнейшее донесение адм. Чичагова, 1790 г. 5 мая / Материалы для истории русского флота. Ч. XIV. С. 46-49.
- ³¹ Действия русского флота против шведского, в продолжении трех военных кампаний // Отечественные записки изд. П. Свиньиным. СПб., 1825, LVII. С. 58.
- ³² История Пруссии. Сочинение Пелица. Ч.1. М. 1838. С. 370.
- ³³ РГИА. Ф. №1329. Оп. 1. Манифест Екатерины II о заключении мира со Швецией. Дан в Царском селе августа 13 дня 1790 г. Д. № 170. Л. 55-56.

КРАТКИЙ ОБЗОР СУДОХОДСТВА И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ В ЕВРО-АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В годы Крымской (Восточной) войны российские власти были не в состоянии организовать оборону всего побережья Белого и Баренцева морей, но комплекс мероприятий по защите Архангельска оказался эффективным. Ни в 1854 г., ни в 1855 г. английские и французские военные суда не рискнули углубиться в устье Северной Двины. Русские артиллеристы на о. Мудьюг, команды канонерских лодок неоднократно вступали в перестрелки с вооруженными шлюпками и десантами противника, пытавшимися проводить промерные работы на фарватерах. Задача защиты Архангельска - крупнейшего административно-экономического и культурного центра Евро-Арктического региона была успешно выполнена. Морской порт, адмиралтейство, правительственные учреждения и частные предприятия в течение двух навигаций исправно работали в нескольких десятках верст от английских и французских военных судов.

В данном сообщении, ограниченном известным объемом, не рассматриваются военные действия на Белом море и у Мурманского берега Кольского полуострова (высадки английских и французских десантов, обстрелы прибрежных селений и др.).¹ В нем кратко охарактеризована деятельность беломорских портов и, главным образом, Архангельска в условиях войны, в навигации 1854 и 1855 гг.

Блокаду беломорских портов в 1854 г. вполне можно назвать «*странной*» (аналогично устоявшемуся термину «*странная война*»²).

Во-первых, она была официально объявлена лишь 1 (13) августа,³ хотя появление судов английской эскадры на бере

Северной Двины впервые замечено 14 (26) июня.

Во-вторых, даже после объявления блокады судам нейтральных стран разрешался беспрепятственный выход из Архангельска еще в течение полумесяца - до 15 (27) августа. К этой дате к Архангельскому порту одних только иностранных торговых судов пришло 599, а отошло 600. Последним иностранным судном, покинувшим Архангельск 12 (24) августа, был назван американский барк «Ламп Лайтер». О закрытии навигации Архангельского порта сообщили в С.-Петербург; соответствующая информация появилась в «Морском сборнике».⁴ Но с подведением итогов чиновники поторопились. После того, как английская и французская эскадры покинули Белое море, судоходство возобновилось, и фактически навигация закрылась 8 (20) ноября.⁵

В-третьих, частные суда жителей Архангельской губернии беспрепятственно совершали плавания в норвежскую провинцию Финнмарк для ведения меновой торговли на протяжении всей навигации. Правительства Великобритании и Франции согласились на это благодаря настойчивым требованиям властей Швеции и Норвегии, опасавшихся голода в Финнмарке, сильно зависевшего от поставок хлеба из России. Свой интерес к русско-норвежской торговле соединенные королевства Швеция и Норвегия подкрепили организацией визита в Архангельск норвежской военной шхуны.⁶

Десятки русских судов совершили благополучные плавания в Норвегию и только некоторые из них по надуманным предложениям были ограблены, уничтожены и захвачены неприятелем.⁷ За навигацию 1854 г. поморскими жителями Архангельской губернии привезено к Архангельскому порту из Норвегии и с российского Мурманского берега рыбы сушеной 7 590 пудов, соленой - 43 947 пудов. Объявлено ими для вывоза в Норвегию разных товаров на 161 835 руб. 60 коп.⁸

Вероятно, в Великобритании посчитали, что «строгая» блокада беломорских портов принесет вред, в первую очередь,

интересам британских подданных, не только ведущих торговлю через беломорские порты, но и живущих в Архангельске и Онеге, и поэтому затягивали с объявлением блокады в 1854 г.⁹

Торговля с Россией через беломорские порты была давней и выгодной. В год начала Крымской войны российское и иностранное купечество торжественно отметили в Архангельске 300-летие «открытия» англичанином Р. Ченслером морского пути в Россию, главным следствием которого стало основание в 1584 г. города и порта. Основание в 1780 г. другого беломорского города-порта Онеги в значительной степени ассоциируется с деятельностью английского авантюриста - «зловредного бродяги» Гома.¹⁰

В секретном письме из канцелярии Военного министерства 27 мая (8 июня) 1854 г. архангельскому военному губернатору, главному командиру Архангельского порта Р. П. Боилю, сообщили о полученном частным образом сведении из Лондона, что Архангельск не будет подвержен блокаде. В Великобритании будто бы были слишком заинтересованы в поставках овса через порты Севера России и что для транспортировки его «нанято в Голландии большое число кораблей». Р. П. Боилю, между прочим, указали, что по получении этой информации в С.-Петербурге возникла идея ограничить экспорт хлеба за границу через Архангельск, что было бы «весьма чувствительно для неприятеля». Однако император Николай I, «принимая во внимание, что запрещение отпуска из Архангельска овса и вообще хлеба причинило бы в сем городе значительное расстройство торговли, высочайше повелеть соизволил: вывоз овса из Архангельского порта оставить незапрещенным».¹¹

Согласно информации, *официально* представленной в Архангельскую таможенную, из 619 иностранных торговых судов, покинувших Архангельский порт в навигацию 1854 г. в условиях войны с Великобританией, в Англию ушли - 211, в Шотландию - 65 кораблей!¹² Можно предположить, что какая-то часть иностранных кораблей, объявивших о том, что они идут в Гол-

ландию (а таких было 231) также разгрузилась в портах Великобритании.

Всего же через Архангельскую таможенную в навигацию 1854 г. было отпущено товаров на сумму 3 980 109 руб. 90 коп., в т. ч. 297 852 четвертей ржи на 1 185 955 руб. За «привозные и отвозные товары» поступило пошлин 152 265 руб. 20 ³/₄ коп., а вместе с карантинными, ластовыми и др. сборами - 177 534 руб. 8 ¹/₂ коп.

В 1855 г. блокада беломорских портов была объявлена существенно раньше - 30 мая (11 июня). Никакого исключения для свободного прохода в Норвегию и обратно частным судам жителей Архангельской губернии сделано не было. В условиях, когда воюющим сторонам стало казаться, что широкомасштабные военные действия не ограничатся Крымом и Кавказом и закончатся не скоро, различные самоограничения в пользу нейтральных держав для правительств Великобритании и Франции, вероятно, стали казаться неприемлемыми.

За навигацию 1855 г. поморскими жителями Архангельской губернии было привезено к Архангельскому порту из Норвегии и с Российского Мурманского берега рыбы сушеной 4 620 пудов и соленой 8 565 пудов. Объявлено ими для вывоза в Норвегию разных товаров на 28 982 руб. 50 коп. В Архангельскую таможенную за привезенные и вывезенные товары поступило пошлин вместе с карантинными, ластовыми и др. сборами - 45 497 руб. 96 ¹/₄ коп. - существенно меньше, чем в предыдущем году.¹³

«Ни нейтральные корабли, ни российские суда не могли ни привозить, ни вывозить товаров без явной опасности попасться в руки неприятелю», - говорилось в отчете Архангельской таможни.¹⁴

¹ Подробнее о военных действиях на Русском Севере в годы Крымской войны см. следующие публикации автора данной статьи в хронологическом порядке: *Давыдов Р. А.* Кола глазами неприятеля. К 150-летию сожжения Колы английским пароходом «Миранда» // Наука и бизнес на Мур-

мане. 2004, № 4 (43). С. 17-20; *Давыдов Р. А.* «Мы должны были возвратиться на фрегат не без чувства досады...» (Высадка английского десанта у Кузомени 4 (16) июля 1855 г. и действия сил крестьянского сопротивления) // II Ушаковские чтения: Материалы научно-практической межрегиональной историко-краеведческой конференции памяти профессора И. Ф. Ушакова / Научн. ред. А. В. Воронин. Мурманск, 2005. С. 127-134; *Давыдов Р. А., Попов Г. П.* Оборона Русского Севера в годы Крымско-войны: хроника событий. Екатеринбург, 2005.

² Период Второй мировой войны с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. историки называют «странной войной». «Странность» заключалась в том, что Великобритания и Франция, объявившие войну фашистской Германии, избегали широкомасштабных военных действий, хотя и располагали силами и возможностями для их проведения. Действия вермахта также отличались пассивностью. Противостоящие стороны формально находились в состоянии войны, но по разным причинам и до определенного времени, не были заинтересованы в её эскалации и скорейшем завершении.

³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 37-37 об. Текст письма об объявлении блокады был подготовлен 31 июля (12 августа), передан представителям архангельских властей 1 (13) августа 1854 г.

⁴ Там же Л. 58; Морской сборник, 1854. № 10. Официальные статьи и известия. С. 105.

⁵ ГААО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 415. Л. 12 об.

⁶ Военная шхуна «Слейпнер» (другой вариант написания по-русски - «Слипнер») находилась в Архангельске 23-24 августа (4-5) сентября 1854 г. Она доставила в Архангельск нового консула Флейшера. Примечательно, что как новый консул, так и командир шхуны барон де-Ведель-Ярлберг, ранее служили в российском Балтийском и Черноморском флотах, а консул был еще и награжден за участие в десантной операции «в деле против горцев» орденом Св. Станислава 3 степ. с бантом (Морской сборник, 1854. №10. Официальные статьи и известия. С. 106-107; Общий морской список. Ч. X. Царствование Николая I. Д-М. СПб., 1898. С. 27; Ч. XII. Царствование Николая I. Т-Ю. СПб., 1900. С. 165).

⁷ *Давыдов Р. А.* Захват англо-французскими военно-морскими силами русских шхун «Волга» и «Двина» на Белом море в 1854 г. и бедствия их владельцев в плену и после освобождения // III Ушаковские чтения: Сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Воронин. Мурманск, 2006. С. 160-172.

⁸ ГААО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 415. Л. 20–20 об.

⁹ К. Маркс обратил внимание на язвительный комментарий «Morning Herald» заявления первого лорда адмиралтейства Дж. Грехема (Graham), сделанного в палате общин о том, что блокада Архангельска в 1854 г. не планируется: «В Архангельске стоит дом, принадлежащий канцлеру казначейства». См.: *Маркс К.* Образование особого военного министерства в Англии. Военные действия на Дунае. Экономическое положение // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 11. М., 1958. С. 261.

¹⁰ Подробнее см.: *Огородников С. Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С.193-198; *Трофимов П. М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961. С. 83-86.

¹¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 20. - 20 об.

¹² Там же. Ф. 786. Оп. 1. Д. 415. Л. 19 об.

¹³ Там же. Д. 423. Л. 17 об. - 18.

¹⁴ Там же. Л. 18.

ЕКАТЕРИНА II И ДЕЛО КАМЕР-ЮНГФЕРЫ М. П. ЖУКОВОЙ

С камер-юнгферой М. П. Жуковой был связан первый скандал при Малом дворе великой княгини Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II. История эта и по сей день остается темной. Екатерина не захотела рассказать о своей «подруге» правду. В своих «Записках» императрица намеренно писала двусмысленно, когда речь шла о характере отношений между великой княгиней и ее юнгферой.

В автобиографической записке второй половины 1750-х гг., эта история рассказана так. В. кн. Петр Федорович любил ее страстно. Но после того, как жених перенес оспу, Екатерина стала думать о том, не следует ли ей вернуться на родину. Среди русских горничных невесты была одна, чей «чрезвычайно веселый характер ей нравился больше других». Между ними возникла «дружба». Но она «не могла далеко зайти». «Однако, как ни была невинна эта симпатия, ибо назвать ее привязанностью было бы слишком сильно, она возбудила подозрения матери» невесты - Иоганны Елизаветы. Послушная дочь пообещала уменьшить «милости к этой девушке». После свадьбы мать мемуаристки собралась уезжать. Накануне отъезда она имела разговор с императрицей Елизаветой. Для блага дочери Иоганна Елизавета просила удалить от Екатерины этого ребенка по той причине, что «было бы опасно терпеть... любимиц». Но почему она находила это опасным, и в чем именно мать Екатерины подозревала свою дочь, мемуаристка не разъяснила. Она лишь завершила, что и сама не знала этого. Горничную удалили, когда великая княгиня поехала провожать мать. День спустя императрица рассказала невестке о разговоре с Иоганной Елизаветой. «Несколько дней спустя» исполнявшая обязанности обер-гоф-

мейстерины М. А. Румянцева получила отставку. Удалить и ее просила мать Екатерины.¹ Ко времени свадьбы к ней приставили камер-фрау М. И. Крузе. Она запретила слугам тихо говорить с госпожой. Начались преследования Екатерины, надзор усилился. Но она тайно содержала девушку и выдала ее замуж.

В первой редакции мемуаров, начатых в 1771 г., рассказывается: жених говорил с невестой только об игрушках и солдатиках. С ним Екатерина скучала, она «старалась развлечься, резвясь в своей комнате с горничными». Они были некоей компенсацией за невнимание жениха. Больше всех среди них ей нравилась М. П. Жукова. После ночной прогулки с горничными мать устроила дочери скандал. Екатерина уложила горничных спать на полу, они спорили о разности полов. Большинство из них было в величайшем недоумении. «Что меня касается, - писала Екатерина, - то могу поклясться, что хотя мне уже исполнилось 16 лет, но я совершенно не знала, в чем состояла эта разница». Мемуаристка особо подчеркнула: ее общение с горничными было целомудренным.

После свадьбы Екатерина осталась такой же невинной, как и ее супруг. «Я ничего на этот счет не знаю», - заметила мемуаристка. Перед отъездом матери у нее был разговор с императрицей. Екатерине так и не удалось узнать, о чем же они говорили. Пока великая княгиня провожала мать, Жукову увезли. Шептались, что она сослана. Екатерине запретили говорить об этом. Никто не знал настоящей причины, но полагали, это произошло от того, что Екатерина была к ней «привязана и ее отличала». На следующий день императрица «стала страшно поноситься Жукову, говоря, что у нее были две любовные истории». Елизавета утверждала: мать Екатерины просила удалить девушку. Мать заявляла, что Екатерина «по молодости... привязалась к ней», но эта девушка недостойна ее привязанности. Елизавета «говорила с такой горячностью и гневом, что была совсем красная, с горящими глазами».

Екатерина старалась оправдаться. Она не знала, какого

поведения была Жукова. Екатерина «отличала эту девушку и любила ее не чрезмерно, без влечения и склонности, а единственно потому, что она была веселее и менее других глупа и, по правде говоря, очень невинна». В Жуковой пытались увидеть некую развратительницу высоконравственной великой княгини. Екатерине показалось странным, чтобы ее мать стала просить императрицу удалить девушку. Ведь достаточно было поговорить об этом с самой дочерью. Однако она «никогда ни слова не говорила» дочери «об этой привязанности». Екатерина так и не узнала, действительно ли мать говорила с Елизаветой о Жуковой. Но сомневалась в том, что такой разговор имел место, ибо «зачем было матери причинять» дочери «столь гласное огорчение, когда она могла бы прекратить все одним материнским словом».

Не стоит удивляться, что Екатерина позволила себе усомниться в правдивости слов Елизаветы. «Единственным преступлением» Жуковой было расположение к ней Екатерины и ее привязанность к госпоже, «которую в ней предполагали».

Последующие события подтвердили это предположение: «все, кого только могли заподозрить в том же, подвергались ссылке или отставке в течение 18 лет». Екатерина нашла гвардейского сержанта С. Д. Травина, который согласился поехать в Москву, чтобы жениться на Жуковой. Но когда императрица узнала об этом, она приказала отправить новобрачных в Кизляр. Екатерина утверждала, что она никогда не могла понять причину такого приказа, «если не считать, что тут был просто каприз».²

Ранее удаление Жуковой было представлено как дело рук матери. Теперь же Екатерина утверждала, что мать с ней никогда не говорила и что Елизавета эту просьбу выдумала. То есть в первом случае Жукова - жертва беспочвенных подозрений матери непонятно в чем, возможно, в лесбиянстве. Во втором же она - жертва каприза самодержицы. Отставка Румянцевой здесь никак не связана с Жуковой. Об усилении надзора сказано

мимоходом.

В редакции середины 1790-х гг., история Жуковой рассказана многословно, но намеренно неясно. Инфантильный жених вел себя глупо. Когда же невесте дали горничных, Екатерина «то и дело пела, танцевала и резвилась в ...комнате с минуты пробуждения до самого сна». Жукова, «будучи умнее, веселее и откровеннее остальных, начинала уже входить... в доверие».

Но когда госпожа поручила ей заведовать бриллиантами, Румянцева приказала именем императрицы отнять ключи от бриллиантов у Жуковой и отдать Шенк. Шенк же донесла матери Екатерины о ночной прогулке с горничными. В день свадьбы к Екатерине назначили камер-фрау Крузе. Она уже наводила ужас на всех женщин. Когда Екатерина подошла к одной из них, та попросила к ней не приближаться, потому что ей было запрещено говорить с великой княгиней вполголоса. После свадьбы Румянцеву уволили. Проводив мать, Екатерина не застала у себя Жуковой. Сообщили, что девушка уехала к своей матери. Елизавета изумила Екатерину тем, что в присутствии 30 человек заявила, что удалила от нее Жукову по просьбе матери. Мать боялась, чтобы дочь «не привязалась слишком сильно к особе, которая этого так мало заслуживала, и после этого стала поносить бедную Жукову с заметной злобой». «По правде говоря, - резюмировала мемуаристка, - я ничего не поняла из этой сцены и не была убеждена в том, что утверждала императрица». Девушку удалили от двора единственно за то, что она за свой общительный характер нравилась великой княгине, больше чем другие. Екатерина говорила себе: зачем же поместили к ней эту девушку, если она этого не была достойна. «Мать могла только полагаться на вздорные рассказы Шенк». «Я никогда не могла выяснить, действительно ли мать, - писала Екатерина, - просила императрицу удалить от меня эту особу». Она «никогда рта не открывала относительно этой девушки». Но одного слова было бы достаточно, чтобы остеречь дочь от «этой привязанности, в

конце концов очень невинной». Елизавета тоже могла бы взяться за дело не так круто. Девушка была молода, стоило только подыскать ей подходящую партию», а вместо того с ней поступили столь грубо.

Екатерина послала с камердинером денег, но Жукова уже уехала с матерью в Москву. Она приказала переслать ей деньги через ее брата, но выяснилось, что ему также приказано выехать вместе с женой в полевой полк. «В настоящее время, – писала Екатерина, – мне трудно найти всему этому сколько-нибудь уважительную причину, и мне кажется, это значит зря делать зло их прихоти, без малейшего основания и даже повода». Екатерина отыскала для Жуковой «приличную партию»: гвардии сержанта, дворянина, имевшего состояние С. Д. Травина. Он отправился в Москву. Жукова приняла его предложение. «Его сделали поручиком в одном полевом полку, как только императрица об этом узнала, она сослала их в Астрахань. Этому преследованию еще труднее найти основания».³

Во второй редакции никак не объяснено, почему Крузе вдруг стала притеснять девушек, увольнение Румянцевой также никак не связано с делом Жуковой. Ранее Елизавета Петровна была представлена как тиран-самодур. Здесь же императрица – добрая женщина, которая очень любит Екатерину. Жукову не сослали, а просто удалили. Елизавета ссылается на просьбу матери, а та, вероятно, поверила вздорным рассказам Шенк. Но в чем Иоганна Елизавета подозревала ее остается нераскрытым. Тут нет намека на лесбиянство. Отношение Екатерины к Жуковой характеризуется словом «привязанность». Что двигало Елизаветой Петровной, остается неясным. Неизвестно, обращалась ли к ней мать Екатерины со своей просьбой.

Итак, три текста – три интерпретации дела Жуковой.

В РГАДА сохранилось дело М. П. Жуковой. Впервые на него обратил внимание К. А. Писаренко. Он был убежден в том, что Екатерина стала жертвой «обыкновенной шайки вымогателей». Но она не хотела никак признаться в этом и старалась вну-

шить читателю мысль о том, что Елизавета удалила девушку по подозрению в лесбиянстве. Ученый полагал: Жукова «умудрилась за несколько месяцев выцыганить у... госпожи приличный гардероб». Гардероб состоял «из самар, кафтанов, шлафоров, полушлафоров, юбок, корсетов и прочих женских уборов (всего тридцать три наименования. - *М.С.*)». Кроме того Жукова получила «два позолоченных образа с драгоценными камням, два золотых перстня и одно золотое кольцо». ¹

Мы бы очень недооценили Екатерину II, если бы могли представить, что у нее можно было просто так что-то «выцыганить». Еще труднее представить ее жертвой «обыкновенной шайки вымогателей».

К. А. Писаренко обнаружил важнейшие документы, которые приоткрывают «технологию» политического успеха Екатерины. Дело Жуковой, по сути, первое публичное столкновение императрицы Елизаветы и великой княгини Екатерины, жены наследника престола. Материалы этого дела - важнейшее материальное свидетельство борьбы Екатерины Алексеевны за престол.

Дело в том, что еще за год до этих событий Елизавета была озабочена тем, что ее будущая невестка имела большие долги. Императрице не нравилось, что она тратила деньги на подарки. Великая княгиня с помощью подарков задабривала тех, кто был поставлен осуществлять надзор над ней: Румянцеву, Крузе. С помощью щедрых подношений она превращала врагов в друзей и делала их своими послушными орудиями.

В этой связи крайне важен следующий отрывок из наброска к мемуарам. Екатерина пишет: одна из приставленных к ней женщин передавала «обо всем, что я делала, покойной императрице Елизавете и перестала это делать, когда я ее привлекла к себе подарками и хорошим обращением, - мне это всегда удавалось со всеми шпионами, которых ко мне приставляли, и вследствие этого приема и многих других у меня оказалось после смерти этой императрицы шестьсот тысяч долгу (между

тем, как на свои удовольствия я получала тридцать тысяч рублей)».⁴

«Многие другие» приемы, о которых упоминает Екатерина, заключались в том, что она щедро одаривала своих лакеев, которые тщательнейшим образом собирали секретную информацию обо всем, что происходило в ближайшем окружении Елизаветы. Очевидно, Жукова была одной из тех, чьи тайные услуги щедро оплачивались госпожой.

Екатерина в своих «Записках» тщательно скрывала, как она боролась за российский трон. Поэтому ей пришлось делать вид, будто бы она не знала, за что арестовали ее камер-юнгферу. Очевидно, Елизавете, которая старалась следить за каждым шагом опасной невестки, стало известно о щедрых подарках Екатерины своей слуге.

28 сентября 1745 г. кабинет-секретарь И. Мещеряков получил приказ взять Жукову под стражу, когда Екатерина поедет провожать мать. Его появление в комнатах Екатерины было внезапным. Жукову вместе с матерью и сестрой отправили в Москву и поместили в с. Покровском. Подарки Екатерины оказались в руках следствия. Конечно, мемуаристка не могла забыть о том, что ей было приказано Елизаветой составить подробную опись вещей, подаренных камер-юнгфере. Мещеряков прислал из Москвы опись вещей Жуковой, с ее собственными отметками об их происхождении. Екатерина была уличена. Императрица не конфисковала подарки, но потребовала, чтобы ей показали драгоценности. Она хотела убедиться, насколько щедро невестка оплачивала услуги своей служанки.

Императрице было чего опасаться. Не случайно 30 сентября удалили Румянцеву. Недаром была назначена новая камер-фрау Крузе. За Екатериной установили неусыпный контроль. Она описывала его в автобиографической записке, но делала вид, будто не понимает, чем эти репрессии были вызваны. Основания для опасений у Елизаветы были серьезные. В лице невестки она имела очень опасную соперницу.

Но в деле Жуковой осталось не проясненным одно обстоятельство. Екатерина в «Записках» писала, что нашла ей жениха, чтобы устроить ее судьбу. Однако из дела явствует, что сама Елизавета рекомендовала матери Жуковой как можно скорее выдать дочь замуж! Если бы Жукова была просто «бессовестной служанкой», которая «выцыганивала» у госпожи драгоценности, то кажется странным, что в качестве «кары» для вымогательницы назначается замужество. Не менее странным представляется, если агентессу, щедро оплачиваемую за выполнение тайных поручений, наказывают женихом!

Когда появилась кандидатура Травина, Жукова попыталась увильнуть от замужества, мол, денег на венчанье нет. Но государыня пригрозила, и Жукова была вынуждена согласиться. Травина произвели в поручики и послали служить в Кизляр. После свадьбы Жуковы, мать Мария Николаевна и ее родственницы были освобождены, но им запретили посещать столицы во время пребывания там двора.⁵

История с навязанной высочайшей волей свадьбой, не свидетельствует ли о том, что Жукова не хотела связывать жизнь с мужчиной? И если это так, то только лишь сбором секретной информации занималась «любимица» Екатерины? Не выполняла ли она и роль наложницы великой княгини, не желавшей появления наследника и поэтому избегавшей сексуального общения с законным супругом и мужчинами вообще? Во всяком случае, ранняя автобиографическая записка, где история Жуковой рассказывается в контексте интимно-лирических отношений с мужем, а точнее говоря, отсутствия оных, позволяет допустить и такое толкование.

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 484-485, 498.

² Там же. С. 65-82.

³ Там же. С. 229-239.

⁴ РГАДА. Ф. 8. Оп. 1, № 193 а. Л. 1-130; Писаренко К. А. Повседневная жизни русского двора в царствовании Елизаветы Петровны. М., 2003. С.

815.

⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 502-503.

НОВГОРОД ГЛАЗАМИ ШВЕДСКИХ И ФИНСКИХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII - НАЧ. XX вв.

Выявление и исследование комплекса сведений о Великом Новгороде в памятниках европейской письменности свидетельствует о наличии постоянного и живого интереса европейцев к его прошлому и настоящему. Вполне естественно, что уже в древности наиболее ценными и достоверными знаниями о Новгороде располагали его ближайшие соседи шведы.

Можно сказать, что Новгород - самый известный в древнескандинавской письменности город Восточной Европы. Его особое значение для скандинавов отразилось в их представлении о месте Новгорода в политической структуре Древнерусского государства. Опередив Киев в контактах с варягами, он вошёл в традицию исландских королевских саг как столица Руси и ее важнейший торговый центр.¹

Первым шведским «кремленологом» считается автор «Истории о Великом княжестве Московском», очевидец и «репортер» русской Смуты Петр Петрей, проживший в России в общей сложности около четырех лет.²

С военным присутствием шведов в Новгородских землях в 1611 - 1617 гг. было связано появление первых планов Новгорода, которые были представлены шведским археологом Туре Арне на XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 г.³ Эти планы являются самыми древними из известных планов Новгорода и имеют большое значение для изучения топографии города.

В XVIII в. Новгород становится для европейцев объектом научного интереса. Во второй половине столетия в шведской Финляндии была опубликована первая университетская диссертация по истории Новгорода «De Holmgardia».⁴ Ее авторами были преподаватели университета Або (Турку) Алгот Скарин и

Юхан Бильмарк. Их работа представляла собой первую попытку обобщить сведения скандинавских источников по истории Новгорода. В целом, их выводы соответствовали оценке Новгорода в скандинавской письменности.

Знаток русской истории в Финляндии был выдающийся ученый, Хенрик Габриель Портан. В конце 1770-х гг. он составил краткий курс русской истории для студентов Абоского университета.⁵ В изложении легенды о призвании варягов, следуя в общем русле норманнской теории, он выступил против крайнего норманизма и подверг концепцию о длительной зависимости Древнерусского государства от варягов. В приложениях к комментированному изданию «Хроники епископов Турку» он опубликовал текст Ореховецкого договора между Новгородом и Швецией. Портан одним из первых обратил внимание на то, что уже на заре христианства существовали интенсивные культурные связи между финнами и новгородцами. Подтверждением этого служат списки русских слов, которые сильно напоминают финские слова с соответствующим значением, которые он приводит в своих работах «История собирания финских святынь» и «О началах финских диалектов».⁶

Автором очень интересного непредвзятого описания Новгорода первой половины XIX в. является Аделаида фон Хаусвольф - дочь шведского офицера Густава фон Хаусвольфа, взятого в плен во время русско-шведской войны 1808 - 1809 гг. Почти пять месяцев вместе с отцом она прожила в Новгороде. Все это время она вела дневник, в котором подробно и детально описала повседневную жизнь русского провинциального города начала столетия.⁷

В конце столетия в Новгороде побывал шведский журналист Вальдемар Ланглет, совершивший путешествие по России верхом на лошади. Он проявил «пристальный интерес к изучению своеобразных старинных церквей этого древнего города, представляющих уникальную ценность для истории искусства».⁸

В 1891 г. в Новгороде несколько месяцев жил студент Хельсинкского Александровского университета Юхо Кусту Паасикиви, ставший впоследствии премьер-министром и президентом Финляндии. Он ходатайствовал перед консисторией университета о выделении ему денежных средств на поездку в Новгород. Однако его просьба не была удовлетворена. Тогда он взял в долг деньги у купца К. В. Куннаса и в конце весеннего семестра выехал в Новгород.⁹ Отсюда он отправил пять репортажей в газету «Uusi Suometar»¹⁰, в которой они были опубликованы во второй половине 1891 г.¹¹

Новгородские репортажи Паасикиви представляют новый уровень восприятия Новгорода иностранными наблюдателями. Это было обусловлено тем, что он знал русский язык и сравнительно долго жил в Новгороде, общался с его жителями.

Если финны обращали свои взгляды на Новгородские земли в поисках своей прародины, то для шведов Новгород был частью древней скандинавской державы Великой Свитьод (Stora Svitjod), расположенной одновременно в Европе и в Азии. Во второй половине XIX столетия норманнский вопрос становится в Швеции научной проблемой. Им занимались А. Фрюксель, Г. Гейер, Ф. М. Францен, Х. Йерне. Они изучали эту проблему с позиций лингвистики и археологии. Первым ученым, исследовавшим ее с позиций топонимии, был шведский славист Рихард Экблум, искавший в новгородской топонимике следы шведского влияния. С этой целью в 1909 - 1911 гг. он несколько раз приезжал в Новгород.

Экблум занимался научными изысканиями «как на месте, то есть в Новгороде и его окрестностях, на юго-западе Новгородской губернии, в регионах, примыкающих к Санкт-Петербургу и Пскову, а также в библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы, где обнаружил сотню топонимов, восходящих к этим двум корням». Чтобы получить информацию о местах, где он не смог побывать, он вел переписку с мест-

ными священниками и учителями.¹²

Результатом его лингвистических экспедиций в Новгородский край стало исследование «*Rus- et vareg dans les noms de lieux de la region de Novgorod*» («Русские и варяжские корни в топонимике Новгородской области»), в котором он доказывал скандинавское происхождение многих русских географических названий этого региона. При этом местные названия от корня *рус-* он считал доказательством расселения скандинавов на этой территории.

В 1911 г. в Новгороде состоялся XV Археологический съезд, в работе которого приняли участие финские и шведские археологи Ю. Айлио, К. Я. Аппельгрэн и К. Сойккели, Т. Арне, Г. Хальстрем и О. Альмгрэн. По всей вероятности, это был первый опыт научных контактов российских и скандинавских «новгородоведов».

Научные контакты, прерванные революцией, репрессиями и «холодной войной», возобновились во второй половине 1950-х гг. В 1956 г. в Новгороде побывал финляндский швед, секретарь Общества древностей Финляндии Карл Мейнандер. Он назвал Новгород «настоящим Эльдorado для археологов» и предположил, что его будущее связано с развитием туризма.¹³ Спустя полвека британский славист Саймон Франклин отметил, что «современный Новгород стал «Меккой европейских археологов», окном в прошлое России, которое пропускает свет в живую библиотеку потерянных некогда сокровищ».¹⁴

¹ Мельникова Е. А.: 1) Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976. С. 149; 2) Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984. С.127–133.

² *Tarkiainen K. Petrus Petrejus - Sveriges första krenalög // Stora oredans Ryssland. Petrus Petrejus ögonvittnesskildring från 1608. Oskarhamn, 1997.*

³ *Арне Т. Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью (1611-1617) // Труды XV Археологического съезда. Т.1. М.,*

1914; *Семенов С. В.* Малоизвестные планы российских городов XVI-XVIII столетий // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 2005.

⁴ *Scarlin A., Bilmark J.* De Holmgardia. I-IV. Aboae, 1750 - 1759.

⁵ *Портан Х. Г.* Основные черты русской истории. М., 1982.

⁶ *Lagus E.* Något om Porthans finsk-ryska ordjämförelser. SSLF. 36. 1897. S. 175-176.

⁷ *Adelaide fon Hauswolf.* Journal hållen under resor i Ryssland då jag följde min far i hans fångenskap 1808-1809. Uddevalla, 2007.

⁸ *Langlet V.* Till häst genom Ryssland. Stockholm, 1898. S. 418.

⁹ *Polvinen T., Henkkilä H., Immonen H. J. K.* Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. I. 1870-1918. Helsinki, 1989. S. 20-22.

¹⁰ «Uusi Suometar» - ведущая и самая крупная по тиражу финноязычная газета Великого княжества Финляндского, выходившая в Хельсинки в 1869-1919 гг.

¹¹ *Paasikivi J. K.*: 1) Kirje Novgorodista // Uusi Suometar. 26.07.1891; 2) Helsingistä - kansanopetus Venäjällä // Uusi Suometar. 16.09.1891; 3) Käynti Venäläisessä luostarissa // Uusi Suometar. 24.09.1891; 4) Venäläisten keskellä // Uusi Suometar. 14.10.1891; 5) Kun tarkastaja kävi // Uusi Suometar. 11.11.1891.

¹² *Ekblom R.* Rus- et vareg dans les noms de lieux de la region de Novgorod. Uppsala, 1915. P. 2.

¹³ *Meinander C. F.* Novgorod i dag och för tusen år sedan // Nordenskiöld-samfundets tidskrift. XVI. Helsingfors, 1956. S. 88.

¹⁴ *Франклин С.* Новгород: погребенные сокровища // Чело. 2002/2. С. 54.

КЕМ БЫЛИ НОРВЕЖЦЫ-КОЛОНИСТЫ В РОССИИ?

Изучение феномена второй родины, истории народов, обосновавшихся в другой стране, в последнее время привлекает внимание исследователей, в частности, относительно процесса поселения и жизни российских немцев. Этот вопрос в значительной степени затрагивает Россию, в которой по тем или иным причинам проживали и проживают этносы, создавшие свои этнокультурные очаги среди чуждого для них окружения. В XIX в. в России проживало значительное количество переселенцев из Германии, Греции, Китая и других стран. Одним из примеров переселения на Севере России является колонизация Кольского полуострова норвежцами и финляндцами. Автор статьи на фоне общероссийского процесса колонизации, на базе архивных документов и с помощью правовых документов XIX в. поэтапно раскрывает законодательный процесс колонизации этого региона, вводит в научный оборот документы различных ведомств российского правительства, приводит фактический материал о росте численности колонистов на Мурмане и ряд имён колонистов как первых лет колонизации, так и последующих.

Первая мировая война. Военные действия в Европе подошли к западным границам России, в южных районах которой проживало большое количество земледельцев немецкой, шведской и других национальностей. В самом начале войны, 10 октября 1914 г. Министерство Внутренних дел обратилось в Совет Министров с предложением «О мерах к сокращению немецкого землевладения и землепользования», в котором говорилось о том, что Российское правительство обратило внимание на необходимость упорядочения иностранного землевладения, и сокращение его дальнейшего роста. Инородческим колонистам, с 1871 г. получившим статус поселян-собственников, предостав-

лялись всевозможные льготы, они заселяли окраины, отношения их с местной властью были отличны от русского населения. В данном документе указывалось, что ещё в 1892 г. вступили в силу первые ограничения. В вину инородцам ставилось «Отсутствие стремления слиться с окружающим населением, сохранение своей обособленности, отчуждённость от русского народа». Далее в документе написано, что «хотя они и приняли российское подданство, но по политическому убеждению, языку, обычаям и религии тяготеют к своим зарубежным сородичам и центрам иноземной цивилизации. Это относится и к потомкам, и через несколько поколений».¹

В документе основное внимание уделялось немецким землевладельцам. В 1916 г. в Петрограде был создан «Особый комитет по борьбе с немецким засильем», в задачу которого входило следить за ходом работ по применению правительственных законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. об ограничении иностранного землевладения в России, о работе Крестьянского банка, о продаже земель с торгов и ликвидации недвижимого имущества граждан национальностей воюющих держав.² Эти законы касались землевладения подданных воюющих держав и иностранцев, состоящих в русском подданстве: выходцев-поселян-собственников (бывших колонистов), поселенцев, иностранных хлебопашцев, проживавших в пределах 100-верстной полосы от устья Западной Двины вдоль Балтийского моря с его заливами до реки Торнео со всеми расположенными против этой полосы островами.³

11 февраля 1915 г. был послан циркуляр Министерства иностранных дел в Земский отдел Петроградской губернии о бдительном отношении к лицам немецкого происхождения,⁴ и сразу же были собраны подробнейшие статистические сведения по всем немецким колонистам, проживавшим в губернии.

Не остались без внимания и инородческие поселения Северных районов России, несмотря на то, что соседнее норвежское государство было нейтральным и между двумя стра-

нами граница была мирной. Но в северных водах курсировали подводные лодки Германии, да к тому же перед самым началом войны в донесениях с посыльного военного судна «Бакан», патрулировавшего северные территориальные воды России, неоднократно встречалось сообщение о том, что иностранные траловые суда и норвежские рыболовецкие суда, заходившие в территориальные воды России, своей базой сделали о-в Кильдин, где поддерживали отношения с колонистами, братьями Эрик-сенами. В связи с этим архангельский губернатор Бибиков послал прошения о запрете содержания на Кильдине базы для рыболовства.⁵ И не случайно в деле «Статистические сведения по рыболовству в водах Архангельской губернии, 22 VI 1910 - 17 IV 1917» содержатся подробные сведения от 1915 г., заключенные в таблицы следующего содержания: «О распределении колонистов на Мурмане», «Ход колонизации Мурмана с места первоначального жительства колонистов», «Распределение колонистских промысловых хозяйств по национальности, виды промыслов и типы организации» и «Распределение Мурманских промысловых хозяйств по становищам» (см. приложения №№ 1, 2, 3, 4).⁶ С целью определения статуса норвежских колонистов необходимо совершить экскурс в историю процесса колонизации в России.

Колонизация северного побережья Кольского полуострова началась значительно позже, чем централизованное заселение пустующих земель в центральной и южной России. Политика освоения необработанных, но плодородных просторов Украины и Поволжья берет начало в царствование Екатерины II, и проводилась она довольно интенсивно в конце XVIII-начале XIX вв. В 1762 г. Екатерина II издала Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России, и о свободном возвращении в своё отечество русских людей, бежавших за границу». В 1763 г. помимо указов «О позволении иностранцам, выходящим в Россию, строить и содержать по их законам церкви в тех местах, где они поселиться пожелают» и

«Об учреждении канцелярии опекунства иностранных колонистов», императрицей опубликован Манифест «О дозволении выезжающим поселиться, в которых губерниях они пожелают, и дарованных им правах»

Не остались без внимания Екатерины II и земли далеко на Севере. Так в деле под названием «Краткое историческое известие о заведении и запусении купеческих верфей на Двине в Архангельской губернии» имеются сведения о том, что императрица заботилась об учреждении сельдяного промысла в Архангельске. В 1763 г. она поручила рижскому генерал губернатору гр. Бауну приискать кого-либо из рижских граждан и отправить в Голландию для вывоза оттуда охотников заняться ловлею и приготовлением сельдей на Белом море и у архангельских берегов.⁷ Но, по-видимому, желающих переселиться в Голландии не нашлось. Поселения колонистов в начале XIX в. подразделялись на колонии южного края России (Новороссийская губ., где были размещены и шведские крестьяне с острова Дагё, (у берегов Эстонии)); колонии саратовские и колонии северные под Санкт-Петербургом. Опекали иностранных поселенцев на казённых землях при Екатерине II - Канцелярия опекунства иностранных колонистов, при Павле I - Экспедиция государственного хозяйства и сельского домоводства,⁸ а по губернскому управлению северных колоний - Палата Государственных имуществ по хозяйственному её отделению.⁹

Все поселенцы на казённых землях принимали российское подданство. Присягу на подданство каждый осуществлял по своей вере и обрядам. Колонистами в Империи признавались только те люди, которые занимались сельским хозяйством, независимо от того, на каких землях они жили, то есть крестьяне или ремесленники «в земледельческом состоянии нужные».¹⁰ Все колонисты в России свободно исповедовали свою веру, могли распоряжаться своим имуществом, а при выезде за пределы России выплачивали трёхгодовую подать с нажитого капитала, Отводили для поселения только удобные для землеполь-

зования земли, неудобные отдавались в общинное пользование всего населённого пункта. Земли отводились в вечное потомственное владение, но не в личную, а общественную собственность каждой колонии, причём колонисты не имели права без разрешения начальства ни продавать, ни уступать её. В то же время, для улучшения своего хозяйства, они могли приобретать землю у частных лиц и пользоваться ею как частной собственностью. Колонисты Империи имели право торговать, продавать свои изделия, вывозить их за границу, но переезжать из одной губернии в другую могли только с разрешения Министерства Государственных имуществ.¹¹

В Историческом обозрении пятидесятилетней деятельности Министерства Государственных имуществ указывалось, что все узаконения, определявшие права колонистов, их льготы и внутреннее устройство колонистской администрации состоялись в XVIII и первых сорока годах XIX столетия. Узаконения эти настолько соответствовали в первое время условиям жизни колонистов, что колонии быстро развивались, умножаясь числом и зажиточностью. Однако впоследствии, когда жизнь колоний стала более многосложной, узаконения о колонистах, вошедшие в свод законов, перестали соответствовать требованиям времени, так как изолировали колонистов и мешали им слиться с общим населением Империи.¹²

Но вернёмся к колонистам далёкого Севера, на Мурманское побережье. Прежде всего, необходимо сказать, что в XIX в. в Норвегии отмечался интенсивный выезд населения в Америку. Уже с середины 1840-х гг. на Запад эмигрировали несколько сот жителей страны, число эмигрантов росло, и по статистическим данным до 1850 г. из Норвегии выехали 15 000 человек. С начала 1860-х гг. в Америку ежегодно выезжали до 5-6 000 норвежцев. В 1882 г. страну покинули 1,5% населения, или 29 000. Выезжали из различных областей страны не только беднейшие слои крестьянского населения, которые могли собрать деньги только на билет, но и представители других сословий. В

Норвегии был эмиграционный бум.¹³

В середине 1850-х гг. несколько норвежских семей обратили свой взор на Восток, на район, расположенный рядом с Норвегией, куда не надо было совершать опасный путь через океан.

Как же развивались события?

В деле «О переселении в Кольский уезд Архангельской губернии из Норвегии колонистов (1861-1868)» представлено большое количество документов, главным образом, переписка между начальником Архангельской губернии Арендаренко с вице-консулом Норвегии Лоренцом Далем, с Министерством Государственных имуществ, переписка указанного Министерства с Департаментом внутренних сношений Министерства иностранных дел, с Первым департаментом Министерства Государственных имуществ,¹⁴ Архангельской палатой Государственных имуществ. Император на представленном ему заявлении о переезде норвежцев сделал помету «опросить, что решено по сему представлению».¹⁵ Так что вопросу поселения норвежцев на Кольском полуострове правительственными органами было уделено достаточное внимание.

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу колонизации северных районов, надо подчеркнуть, что автор статьи поставила задачу как можно шире осветить судьбы преимущественно норвежских колонистов. В самых ранних документах отражены имена первых поселенцев, которые встречаются и в более поздних материалах. Представляет интерес, по возможности, проследить жизнь и деятельность некоторых из них.

26 апреля 1858 г. от начальника Архангельской губернии на имя министра Государственных имуществ было отправлено послание, в котором было указано, что некоторые норвежские семейства желают переселиться в Кольский уезд с предложением развития там хлебопашества, о чём губернатора уведомил русский вице-консул в Норвегии Л. Даль.¹⁶ В Министерстве Государственных имуществ выразили недоверие относительно

возможности хлебопашества на Кольском полуострове и запросили губернатора обосновать это предложение. В октябре 1858 г. губернатор ответил, что для развития хлебопашества в Кольском уезде он считает полезным переселение норвежских семей, которых вице-консул рекомендовал как искусных земледельцев. Норвежцы уже побывали на Кольском полуострове и нашли места для поселений, и «если они не займутся хлебопашеством, то оживят промышленность», добавил Арендаренко.¹⁷

По требованию Министерства Государственных имуществ губернатор затребовал у Л. Даля сведения о числе норвежцев и условиях, необходимых для поселения. Летом 1859 г. вице-консул ответил, что 7 норвежцев изъявили желание поселиться, а просили они принятия в подданство России, чтобы жить в Русском Финмаркене; достаточный отвод земель с лесом; о выдаче без процентов денег взаимобразно; о даровании льгот в платеже податей; освобождения от рекрутской повинности; уравнивании в правах с другими жителями; дозволения посещать норвежскую церковь; права вернуться в Норвегию, если не будет успеха в деле. Наконец, они просили выдать денег для покупки скота и леса для строительства домов.¹⁸

Если мы сравним требования норвежцев с теми льготами, которыми пользовались иностранные колонисты в России уже на протяжении почти столетнего периода, то ясно, что норвежцы были прекрасно знакомы с документами, регулировавшими жизнь колонистов в России.

1/13 января 1860 г. российский генеральный консул в Христиании Мелехин направил посланнику России в Стокгольме Г. Дашкову своё мнение о возможности переселения норвежцев в Россию. Во-первых, консул считал, что соображения о переселении заслуживают внимания, во-вторых, не видел выгод от проекта заселения норвежцами северо-запада Поморья. Переселенцы требуют больших льгот, безвозмездного отвода им земель, денежной помощи. Норвежцы, утверждал он, не любят ни России, ни её правительственной системы, резко отличаю-

щейся от их образа правления, посему очевидно, что они желают переселиться только в надежде, что на чужбине от них потребуется меньше труда для пропитания себя, чем в их отечестве. Эта надежда, продолжал консул, основывается на точных данных и верных оценках местных выгод представляемым нашим Поморьем, о которые норвежцы знают, по-видимому, лучше самих туземцев. Мелехин выразил сомнение в подлинной преданности будущих переселенцев и высказал предположение, что высшие власти Норвегии не одобряют проекты этих переселений, а финмаркенские - открыто упрекают Даля за содействие переселенцам.¹⁹

Небезынтересно и мнение управляющего Министерством Государственных имуществ от 14 августа 1860 г. Во-первых, писал он, земледелие на Севере невозможно, а норвежцы хотят заниматься рыболовством и звероловством. Во-вторых, норвежцы выгод России не обещают. В-третьих, столетний опыт колонизации южного края России людьми, не менее деятельными и способными, чем норвежцы, достаточно доказал, что улучшения, приносимые колонистами, вовсе не прививаются к местному населению. Он полагал отказать норвежцам в их просьбе даже на условиях, установленных для колонистов в Уставе о колониях. Но всё же со стороны правительства, считал он, не может быть препятствий к переселению норвежцев в бывший Кольский уезд Архангельской губернии с принятием русского подданства и с водворением их на землю, приобретённую ими в частную собственность или на казенных землях с согласия крестьянских обществ. Льготы же по податям и освобождение от рекрутской повинности могут быть им предоставлены, как всем переселенцам внутри России.

Заключение же Архангельской палаты государственных имуществ было в целом основано на параграфах Устава о колониях Свода закона от 1857 г.

Все указанные выше предложения и мнения высокопоставленных особ легли в основу Высочайше утверждённого 31

августа 1860 г. положения Комитета министров.²⁰

Уже 3 декабря 1860 г. начальник Архангельской губернии сообщил министру Государственных имуществ о том, что новый российский консул в Вадсё Расмус Холмбое, нашёл дела в большом беспорядке, не обнаружил писем губернатора за 1858 и 1859 гг., но что он выдал виды на жительство норвежцу Ивану Яковлеву Юка, шведу Маурицу Бергстрёму и финляндцу Фоме Матвееву Тарменину, которые просили его разрешить переселиться в Земляную губу на Рыбачьем полуострове для занятия промыслом и огородничеством, не предъявляя при этом никаких требований. Переселенцы проживали в Кемском уезде с лета 1860 г., так как им надо было использовать короткое лето для обустройства. Кроме того, норвежец Линдруп подал прошение о «производстве торговли».²¹ В другом письме губернатора в то же Министерство от 28 октября 1861 г. указано, что пристав 5 стана Кемского уезда донес ему, что на разных становищах мурманского побережья поселились 5 норвежских и 3 финляндских семейства, пожелавшие остаться в Кемском уезде, причём норвежские семейства готовы принять подданство.²²

В переписке между Сельскохозяйственным департаментом Министерства Государственных имуществ с Первым департаментом того же Министерства от 10 января 1863 г. Подробно обсуждалось мнение бывшего начальника Беломорской экспедиции Данилевского относительно колонизации, а также различные предложения по этому поводу. Оба департамента сходились во мнении, что хлебопашество на севере невозможно, а условия переселения, указанные Высочайшим повелением от 31 августа 1860 г., не соответствуют цели учреждения из норвежцев образцовой колонии на Вайда Губе. Они склонялись к предложению Данилевского о создании образцового рыболовецкого хозяйства с помощью известного промышленника, кольского мещанина норвежца Суля. Департамент сельского хозяйства предлагал отводить норвежцам земли безоброчно, не только с льготами от податей и освобождением от рекрутства,

но и с денежными пособиями.²³

В представленном в этот период Архангельской палатой Министерства Государственных имуществ документе « О пользе заселения» подчёркивалось, что Повеление от 31 августа 1861 г. о норвежских переселенцах на финляндцев не распространяется. Со всеми надо поступать по общим правилам для причисления к казённым селениям, а для водворения финляндских выходцев необходимо войти в сношения с главным начальством Великого княжества Финляндского.²⁴ По распоряжению товарища министра Государственных имуществ норвежских колонистов причисляли к сословию государственных крестьян. Если же они купят землю, то причислять их следует к сословию крестьян, проживающих на собственных землях.²⁵

И уже 5 января 1862 г. кемский земский суд представил именной список норвежцев и финляндцев, желающих водвориться на казённых землях-

Кондрат Линдруп с семьёй, мещанин из Вардё

Ерик Гансен с семьёй, крестьянин уезда Вадсё

Уле Ульсен Улемиан с семьёй, норвежский подданный

Мауриц Бергстрём с семьёй, норвежский подданный

Матеас Петерсон, который желает приписаться в мещане г. Кола.

(Здесь и далее транскрипция имён в соответствии с источниками. - *Т.Ш.*)

Все указанные в списке были причислены к Ведомству государственных крестьян Кемского округа, и только через год, 19 марта 1863 г. норвежские переселенцы подали в Архангельскую палату Государственных имуществ просьбу о позволении их колонизации на Мурманском берегу. В документе было указано, что они согласны принять подданство России по установленной присяге и поселиться в указанных местах, где удобно заняться рыбным промыслом и сельским хозяйством, как главную цель колонизации. Местность не должна входить в лопарскую область. Приобрести в частную собственность

участки они не имели возможности, но могли пользоваться участками из платежа оброка, какой будет назначен по закону или особому решению высшего начальства. Все переселенцы считали законными условия, на коих должно быть основано их причисление к государственным крестьянам. Через год, 17 марта 1864 г. еще один норвежец, Эрик Андерсен Бедин, был приведён в российское подданство.

По распоряжению властей государственный землемер должен был составить план с нарезкой на свободных землях наделов по 15 десятин на душу и сообщить об удобствах отведённой земли.²⁶

Но в этот период возник ряд трудностей в связи с тем, что Печенгское сельское управление вынесло приговор крестьян (лопарей) Печенгского общества об отказе принять норвежского подданного Христиана Ольденбурга из-за дурного поведения. По мнению же архангельского чиновника Шелонина, это нежелание было высказано «по наущению кольских жителей, которые обируют лопарей», а, в свою очередь, коляне разбивали промысловые суда норвежцев и не давали им хлеб за деньги. Норвежцы и финляндцы, по сообщению чиновника, просили поселить их в Ура-губе, где они могли заниматься акульим и тресковым промыслами и скотоводством. С той же просьбой поселенцы обратились к другому чиновнику уже в 1864 г. 19 сентября 1864 г. в министерство государственных имуществ поступили сведения от архангельского губернатора, что от 32-х норвежских и финляндских семейств поступили жалобы о стеснении их русскими промышленниками. В места колонизации был направлен Аман, кемский полицейский надзиратель, владевший норвежским языком, который, после того как ознакомился с ситуацией, представил «Статистическую ведомость финляндцам, шведским и норвежским подданным, прибывшим в Россию».²⁷

При анализе этой ведомости автор сделала выборку некоторых данных с целью показать из каких мест прибыли норвежцы и шведы и как они обустроили свою жизнь. Получается

следующая картина - всего в 1864 г. на мурманском побережье проживали 16 семей поселенцев из Норвегии и Швеции и 16 семей из великого княжества Финляндского.

Выходцы из Тронхейма:

1. Уле Ульсен Лиан, жена, приёмный лопарский сын, имел дом, скотину, 2 ёлы (лодки. - *Т.Ш.*), поселился в Вайдо-губе в 1860 г.

2. Христиан Ольденбург, холост, проживал в доме О. Гутормсена, имел 1 ёлу, поселился в Печенгской губе в 1861г.

3. Христиан Вольден, семья, 5 детей, имел дом, скотину, 1 ёлу, поселился в Печенгской губе в 1863г.

4. Елев Андерсен Даль, семья, 2 детей, имел деревянный дом, скотину, 2 ёлы, поселился в Печенгской губе в 1861г.

Выходцы из Бергена:

1. Оле Гутормсен, семья, 1 сын, имел дом, скотину, 1 ёлу, поселился в Печенгской губе в 1863 г.

2. Герман Петерсен, холост, работник у О. Гутормсена, поселился в Печенгской губе в 1864 г.

Выходцы из Вардё:

1. Дрейр Ольсен, семья, 2 сына, жил в доме финн-ляндца И.Э. Ванга, поселился в Земляной губе в 1863 г.

2. Ганс Гансен Винтер, семья, 1 дочь, имел землянку, скотину, поселился в Мотовском заливе в 1862 г.

Выходцы из Вадсё:

1. Анна Ороярви, в услужении у финляндца Гиландера, поселилась в Вайда-губе в 1864 г.

2. Андрей Ларсен, семья, 6 детей, имел дом, скотину, поселился в Печенгской губе в 1863 г.

3. Андерс Нильсен, холост, проживал с матерью в веже у Г. Винтера, имел скотину, поселился в Мотовской губе в 1862 г.

Выходец из Тромсё:

Ганс Иоган Гансен, холост, имел избу, 1ёлу, поселился в Печенгской губе с 1863 г.

Выходцы из Шведского королевства:

Из города Голоранда:

1. Мауриц Бергстрём, семья, 5 детей, имел скотину, 2 карбаса, строил ёлы, поселился в Малой Мотовской губе в 1862 г.

2. Нильсен Петерсон, семья, 4 детей, имел дом, скотину, 1 ёлу, поселился в Печенгской губе в 1863 г.

3. Андреас Бергстрём, семья, 1 сын, имел дом, скотину, 1 ёлу, поселился в Печенгской губе в 1863 г.

Город Гонфен:

Эрик Бедин, холост, работник у финляндца С. Карлсена, поселился в Печенгской губе в 1861г.

Итак, все переселенцы, которые прибыли на Мурман с семьями успели построить дом, обзавестись скотиной и большинство имели лодку для промысла. У переселенцев, помимо недружелюбного отношения со стороны колян и лопарей, были трудности в получении разрешения на рубку леса, так как лесничий находился в Ковде, в 600 верстах от местоположения колоний.

Число переселенцев из Норвегии и Великого княжества Финляндского постепенно увеличивалось. По данным Архангельской палаты Государственных имуществ на мурманском берегу насчитывалось 175 человек (105 муж. и 73 жен.), а по колониям распределялись следующим образом: в Урской губе 88 человек, Земляной губе - 32, Лицкой губе - 13, Вайда-губе - 22, по реке Печенге - 8, Воръеме - 4, на Зубовских островах - 8 человек.²⁸ Часть населения жила в рубленых домах, часть в землянках с чугунными или каменными печами. Занимались они акульим и рыболовным промыслом. Скотоводство было в цветущем состоянии, а все овощи выращивали в открытом грунте.²⁹

3 декабря 1868 г. министр внутренних дел объявил сенату Высочайше утвержденное 22 ноября того же года Положение Совета министров «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии»,³⁰ которое существенно отличалось от известного нам положения от 1860 г. В нём рус-

ские норвежские, финляндские и лопарские переселенцы уравнивались в правах, получали льготы бывших государственных крестьян. Реформа 1861 г. в России уже состоялась, а с 1871 г. все колонисты получили официальный статус поселян-собственников с уравнением в правах с российскими крестьянами.

В докладе начальника Архангельской губернии в министерство Внутренних дел от октября 1870 г. было указано, что на мурманском побережье царит «безначалие»: русские колонисты испрашивали у кольского уездного исправника разрешение на поселение, а финны и норвежцы приезжали и селились, а когда им не нравилось, уезжали без объявления. Наделы в 15 десятин на душу из-за неудобства земель найти было трудно, и тогда начальство предложило каждому колонисту усадебной оседлости в постоянное пользование от $\frac{1}{4}$ до 1 десятины, в соответствии с размером колонии и количества удобных земель. Ряд колонистов строили себе там заводы для переработки рыбы.

В этом докладе колонисты были подразделены на три группы:

I группа - русские, финны и норвежцы, которые не получали пособий, обустроились, разработали сенокосы, огороды, были трудолюбивы, занимались промыслом, на них можно было положиться.

II группа - русские и норвежцы, бедняки, прожившие дома, которые желали получить денежное пособие от правительства в размере 150 рублей. Они не могли прочно водвориться, и, по мнению губернатора, их надо задерживать на старых местах проживания.

III группа - русские и норвежские торговцы, которые для вида построили себе дома, а записались в колонисты, чтобы воспользоваться привилегиями для торговли. Ряд купцов из Вардё и Вадсё записали своих родственников в колонисты. Они вредны, привозят спиртное, спаивают промышленников и колонистов, выменивают промысел.³¹

Вопрос развития виноторговли в этих районах был под-

робно освящен в ряде публикаций.³² Можно лишь сказать, что центром отпуска рома в российские колонии был город Вадеё, где им торговали 12 фирм, а также российский консул. Зимой ром перевозился на Кольский полуостров на оленях и складировался, до появления у берегов Мурмана промышленников из Беломорья, у колонистов Кнудсена, Штура, Оскара, Фредриксена и Шершеда. Около Цып-Наволока весной собиралось до 1500 рыбаков - какое же количество рома надо было припасти чтобы обеспечить их всех?

А продавали ром значительно дешевле, чем в Архангельске - за ведро вина в Архангельске платили 4 рубля, на Мурмане за ведро рома - 2 руб. 50 коп.³³ По всей вероятности, разгулу торговли спиртным способствовало то, что в «Положении о льготах, представленным переселенцам на Мурманском берегу» от 14 мая 1876 г.³⁴ в п. 15 было обозначено: «Торговля крепкими напитками на Мурманском берегу остаётся свободно впредь до иного распоряжения, свободно от акциза и таможенной на привозимые напитки пошлины». а губернаторское начальство должно было устанавливать правила,³⁵ которые, оно, по-видимому, не устанавливало. Лишь через десять лет вышло Высочайше утверждённое мнение Государственного совета «О воспрещении привоза спиртных напитков на Мурманский берег».³⁶

Но вернёмся к Положению от 1876 г., в котором были опубликованы новые правила для переселенцев на Севере. Это, прежде всего, касалось рекрутской повинности - они освобождались от назначения на действительную службу и зачислялись в запас флота, при этом жребий за них в призывных пунктах вынимали как за отсутствующих. Кроме того, была официально утверждена процедура принятия присяги иностранцами на Мурмане. Церемония проходила следующим образом – переселенцы оглашали присягу на верность престолу перед местным старшим приставом или мировым посредником, которые должны были эти объявления представлять архангельскому губернатору.

До утверждения присяги властями, пристав выдавал от себя квитанцию о её принесении, квитанция эта являлась удостоверением личности колониста. Переселенцам дозволялось давать присягу в избранном ими для оседлости месте.³⁷

В 1899 г. в отношении процедуры присяги возникла обширная межведомственная переписка. Дело было в том, что между архангельским губернатором и местной Казённой палатой возникли разногласия по поводу причисления норвежца Тура Турсена в колонисты в Цып-Наволоке, где он проживал в течение 15 лет. В мае 1899 г. управляющий архангельской Казённой палатой обратился с отношением в департамент окладных сборов относительно правомерности считать русскими подданными детей колонистов-норвежцев, рождённых до зачисления их в колонисты. В своём обращении он ссылаясь на порядок принятия российского подданства колонистами в других регионах России. В установленном порядке только глава семьи должен был лично обратиться в министерство Внутренних дел, которое принимало или отклоняло просьбу. Колонист в центральной России получал право получить гражданство только после пятилетнего пребывания в стране. На Мурмане в колонисты зачислялись все члены семьи, волостное правление заносило новых колонистов в посемейные списки. Дети норвежцев зачислялись в колонисты до достижения совершеннолетия, а затем, на основании закона от 14 мая 1876 г. зачислялись в запас флота, хотя не являлись действительными российскими подданными, то есть не принимали лично присяги. Многие главы семейств умерли, писал управляющий, а рождённые до зачисления отцов продолжали жить на Мурмане, не имея на то законного права.³⁸

В переписку по этому вопросу был вовлечен ряд министерств, и, наконец, в письме министерства Внутренних дел на имя министра финансов от 23 ноября 1900 г. читаем:

1) Вступление на Мурман в русское подданство иностранцев, прибывающих из-за границы, производится не в об-

щем порядке, а на основании 849 т. Закона о состоянии, т. IX Свода законов изд. 1899 г.

2) Дети иностранных Мурманских колонистов, родившиеся до вступления отцов в русское подданство, и лично верноподданнической присяге не выполнявшие, подлежат действию той же статьи.

3) Затруднительно исключить зачисленных не по закону из посемейных списков, поэтому определить Казённой палате неправильность, все случаи довести до сведения местного губернского начальства, от которого зависит допускать этих детей к присяге на верность, если к этому не встретятся препятствия.³⁹

В том же 1899 г. тот же управляющий писал, что пункт 14 закона от 14 мая 1876 г. не соответствует Общему положению крестьян. Он указал, что на основании пункта б статьи 1 и статей 3, 5, 11 и 13 Закона о колонистах последние принадлежат к крестьянскому сословию. Далее, по статье 141 Общего положения о крестьянах в общество крестьян могут вступать и лица бывших податных сословий. По новому закону разрешение на открытие факторий на Мурмане давалось не только крестьянам, но и купцам, почётным гражданам и даже дворянам. И все они на основании пункта 14 указанного положения должны быть приписаны к крестьянскому обществу. Но ответа на выше указанные несоответствия в законах управляющему архангельской казённой палаты получить так и удалось.

Но вернёмся к Положению от 14 мая 1876 г., к пункту 13, по которому колонисты из иностранцев, вступившие в российское подданство, знающие русский язык, могли быть избраны в волостные старшины, кандидаты в старшины, сельскими старостами, волостными судьями и так далее, по проживании в России не менее трёх лет. Но не прошло и шести лет, как 12 марта 1882 г. архангельский губернатор передал в правительство предложение организовать на новых основаниях управление Мурманским берегом. Он просил отменить право ко-

лонистам быть избранными во все общественные организации.⁴⁰ В приложении к письму должностное лицо мечтает с помощью заселения мурманского побережья русскими «довести его до населённости и богатства» северных округов Норвежского королевства. Далее губернатор пишет, что годы 1868-1882, прошедшие после принятия русского подданства, не переродили норвежцев, они тяготеют к соотечественникам, они - агенты норвежских купцов и промышленников.⁴¹ Что же касается правления и суда Мурманско-колониистой волости, где проживало наибольшее количество иноземных переселенцев, то автор послания предлагал эти органы упразднить, ссылаясь на то, что старшина Урской колонии Бергстрём, кандидат старшин из Вайда-губа Юль и старшина Зубовских Опен настолько плохо работали, что с октября 1880 по июнь 1881 г. не было получено ни одного донесения в Колу, а волостной суд из-за дальности расстояний тоже работал плохо. В том же документе указано, что мировой посредник решил упразднить волостное правление и волостной суд, учредив чиновника по колониистским делам.⁴²

И всё же, несмотря на определённую нестабильность и трудности, предоставляемые для переселенцев льготы привлекали население из России и Норвегии. В деле «О колонизации Мурманского берега» в документе Министерства внутренних дел от 17 октября 1911 г. «О мерах к упрочению преобладания русского элемента среди оседлого населения на Мурмане» приведены следующие статистические данные о народонаселении:

На Мурманском побережье (не считая Колы) проживало в:

1881 г. - 880 душ, из них 90 на Вост. побережье, 790 - на Зап. побережье

1897 г. - 1589 душ, из них 810 на Вост. побережье, 1270 на Зап. побережье

1908 г. - 627 семей, из них 268 на Вост. побережье, 317 на Зап. побережье, в Александровске – 41.

1910 г. - 3020 чел. оседлого населения.⁴³

Что же касается национального состава, то складывалась следующая картина:

В 1908 г. из 627 семей было русских 272 (44%), корелов и лопарей 79 семей (12,5%), не русских 277 семей (43,5%).

На Западном Мурмане русских 79 семей (25%), корелов и лопарей 65 семей (20,5%), не русских 173 (34,5%) всего 317 семей.

В 1909 г. на Мурмане зачислено русских 37 семьи, корелов - 4, норвежцев - 2, зырян - 1, эстонцев - 1.

В 1910 г. на Мурмане 672 семьи, из них русских 313 (46,5%), не русских, корелов, лопарей-369 семей (53,5%).⁴⁴

За каждой «душой» и «семейством», сухо обозначенных в статистических сводках, стояли люди, с их планами, надеждами, умением или неумением наладить жизнь в пустынной местности. Среди норвежских переселенцев были представители различных сословий различных возможностей. По положению все переселенцы получали ссуды, но не все могли возратить их государству. В письме министра финансов в Министерство внутренних дел от 18 апреля 1881 г. читаем, что среди переселенцев 27 семейств не смогли выплатить ссуды на сумму 2430 руб. 76 коп. По Положению Комитета министров и императора эта сумма была списана. Среди задолжников было 12 норвежцев, имена которых встречались ранее: Уляев Андреев Даль, Ганс Свенсен, Нильс Лаврусов Гальт, Ула Ульсен Лион, Нильс Петерсон, Карл Нюгрэн, Сиферт Ольсен Руалсен, Карл Оскар Гансен, Зристиан Ольдербург, Абрам Лаури, Андерс Халонен, Густав Стольд.⁴⁵

От чиновника по крестьянским делам Александровского уезда в адрес Комитета для помощи поморов Русского Севера поступило ходатайство о помощи двум семьям - вдове колониста Антона Якобсена, имеющей 3-х малолетних детей, из колонии Оленья губа Галле Бригитте Якобсен и вдове из колонии Гаврилово Татьяне Редькиной. В документе указано, что первая получила пособие в 60 руб., вторая 120 руб., а по негра-

мотности Галле Бригитты, по её просьбе, расписался колонист Мартин Фредриксен.⁴⁶

В конце 1870-х гг. в становище Фильманское поселился норвежец Оскар Кнудсен. В первые годы XX в. он стал центральной фигурой переписки нескольких российских ведомств. Дело в том, что Архангельское управление разрешило ему отвести земельный участок в 1200 кв. сажен под усадьбную оседлость на арендной основе на 3 года в нескольких стах саженей от храма Св. Бориса и Глеба. Завязалась переписка между Российскими консульствами в Вардё и Гаммерфесте, обер-прокурором Синода, Лесным департаментом, министерством Земледелия и Государственных имуществ и Архангельским Управлением государственных имуществ. Переписка длилась более двух лет. Во многих посланиях высказывались неприязненные мнения о деятельности инородческих переселенцев, их обвиняли во многих грехах. Но встречается и самокритичное замечание: «Правда, мы сами виноваты, так как пренебрегли могущественными орудиями ассимиляции - воинская повинность и школы. Мурманские колонисты освобождены от набора в армию и флот, а на Мурмане нет русских школ с обязательным обучением в них иностранных детей».⁴⁷

Одно из отношений сопровождалось выполненным от руки планом того места, где О. Кнудсен построил себе дом.⁴⁸ О. Кнудсен построил себе добротный двухэтажный дом с 8 комнатами, местом для лавки, жилья для рабочих. В его планы входило соединить усадьбу с норвежской телефонной сетью, договорившись об этом с ближайшей норвежской администрацией. Центральные российские власти опасались влияния О. Кнудсена на православных лопарей, хотя местный священник на него не жаловался. В одном из документов было замечено, что «хотя лопари и православные, и говорят по-русски, но норвежская мопета имеет больше веса чем русская».⁴⁹ Кончилось дело тем, что О. Кнудсену в аренде было отказано, так как церковь видела в этом «нравственную опасность для погоста и сохранения рус-

ского языка среди лопарей». ⁵⁰

Школ на Мурманском побережье не существовало. Но желание у колонистов обучать своих детей русскому языку было Свидетельством этому является непродолжительная деятельность школы-интерната в г. Александровке (1900-1902 гг.). Финансировал школу-интернат Комитет для помощи поморам Русского Севера, а также фирма В. Мейера в г. Вардё, производившая закупки одежды для детей. ⁵¹ В школе учились 8 мальчиков из ближайших колоний, среди них был сын норвежского колониста Людвиг Маттисен, 11 лет, и финского колониста Яков Коряйнен, 10 лет, оба с Торос-острова. Из протокола заседания педагогического совета Александровского городского училища от 2 октября 1902 г. узнаём, что Людвиг поступил в школу, совершенно не зная русского языка, но очень скоро научился говорить «к великой радости своего отца, одного из лучших промышленников в окрестности Александровска». Необходимо отметить, что когда стало известно об организации такой школы, в Комитет поступило множество писем от норвежских и финских колонистов, в которых выражалась просьба принять их детей в русскую школу, даже за плату. Но у Комитета не было достаточно средств для расширения школы, а местные русские власти не создавали школ-интернатов, где могли бы вместе учиться дети русских, норвежских и финских колонистов.

Правда, некоторые колонисты самостоятельно овладевали русским языком. Примером может служить семья Эриксонов, поселившаяся на острове Кильдин в 1880-е гг. и впоследствии успешно развивавшая своё хозяйство. После событий 1917 г. члены семьи разделили в СССР участь многих иностранных поселенцев различных национальностей. История семьи Эриксонов подробно отражена в работах норвежского историка У. Сеттера. ⁵² Архангельская администрация не уделяла внимания состоянию вероисповедания колонистов Мурманска. В отчёте Комитета помощи поморам Русского Севера читаем, что в

западную часть Кольского полуострова, где около 60% населения исповедовало лютеранство, один раз в несколько лет из Петербурга направлялся пастор, который в течение 2-3 недель объезжал более половины мурманского побережья, крестил давно родившихся детей, венчал их родителей, отпевал давно скончавшихся.⁵³ В Петербурге же опасались, что предполагаемое учреждение самостоятельного протестантского прихода еще более сплотит и обособит инородческий элемент.⁵⁴

Так кем же были норвежцы-колонисты на Мурмане? Можно сказать, что эта небольшая группа норвежцев, поселившаяся на землях России, несколько запоздало разделила судьбы многих иностранных переселенцев из Европы, которые с конца XVIII и до начала XX вв., создав очаги своей культуры, обрели в России свою вторую родину. Причины их миграции в эту страну были самыми различными - войны, бедность, гонения за веру. Но колонии, в частности, немцев, были многочисленными, и они были далеко от отчизны. Имея определённые льготы, хорошие для земледелия пашни, они успешно развивали свои хозяйства. Все они по русским законам были причислены к крестьянскому сословию. И, безусловно, некоторые покидали Россию, следуя законам о колонистах.

Несколько иное положение было у норвежцев. На побережье Кольского полуострова не было земли годной для хлебопашества. Поэтому не было возможности создать там характерные для остальной части России колонии. И, конечно, все кто стремился поселиться на Мурмане, планировали заниматься там рыбным и звериным промыслом. Правительство это прекрасно понимало, но всё же руководствовалось при разрешении им поселиться на этих землях законами о колонистах и приписывало норвежцев в сословие крестьянства. Льготы, которые государство им предоставляло, устраивали переселенцев, умение организовать свою жизнь помогало им добиваться успехов в развитии своих хозяйств.

Но у них рядом была их отчизна, поддерживались связи с

родственниками, и это не способствовало тому, чтобы норвежские переселенцы считали Россию своей второй родиной. Начиная с 1880-х гг. в России развивались определённые процессы в отношении «немецкого засилья», они доходили и до берегов Баренцева моря. Кампания против инородцев в России, раздуваемая некоторыми газетами, достигла своего апогея с началом Первой мировой войны.

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1284. Оп. 190. № 286. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.

² РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. № 16.

³ *Дякин В. С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война, 1914-1918. Сборник статей. М., 1968. С.25.

⁴ Архив Санкт-Петербургского института Российской истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 1155. Л. 1.

⁵ Российский Государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 417. Оп. 1. № 4295. Л. 409, 435, 437.

⁶ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. № 243. Л. 30об. -31, 32 об. -33, 34 об.-35, 36.

⁷ Архив Санкт-Петербургского института Российской истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 1155. Л. 90.

⁸ Полное собрание законов Российской Империи (далее ПСЗ). Т. XVI, 1830. № 11879, 1763. Т. XIV, 1830. № 17865, 1797

⁹ Свод Законов Российской Империи 1857 г. Т. 12. Ч. 12 (Устав о колониях иностранцев в Империи). Раздел I, параграф 51.

¹⁰ Там же. Раздел II. Параграф 110.

¹¹ Там же. Параграфы 114, 120, 124, 125, 126, 156, 159, 160, 166, 170, 377, 423, 435.

¹² Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837-1887. Ч. II. Санкт-Петербург, 1887. С.128).

¹³ *Norges historie / Red.K.Mykland.* Bind 11. Oslo. J.W.Cappelens forlag A/S. 1979. S. 66-67.

¹⁴ Первый департамент курировал процесс колонизации в России в целом.

¹⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. № 37604. Л. 44.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 16, 16 б.

-
- ¹⁸ Там же. Л. 40-42.
- ¹⁹ Там же. Л.73-74.
- ²⁰ ПСЗ. Т. XLII. Отд. II. № 36122а, 1867. Дополнение XXXV т. Второго собрания законов Российской Империи.
- ²¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. № 37604. Л. 117,123.
- ²² Там же. Л. 136.
- ²³ Там же. Л. 143,163.
- ²⁴ Там же. Л. 217.
- ²⁵ Там же. Л. 228, 259.
- ²⁶ Там же. Л. 260-262, 267 об.
- ²⁷ Там же. Л. 198-206 (См. приложение 5).
- ²⁸ Там же. Ф. 1284. Оп. 190. № 286. Л. 1 об.
- ²⁹ Там же. Ф.383. Оп. 24. № 37604. Л. 298-299.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ РГИА. Ф.1284. Оп. 190. № 286. Л. 176, 177, 178 об., 179.
- ³² *Бондарук Р. В., Давыдов Р. А.* Алкоголь как инструмент экономической экспансии (в контексте российско-норвежских отношений XIX-начала XX вв.) // Материалы II Международной научно-практической конференции «Алкоголизм и наркомания в Евро-Арктическом Баренцрегионе» 28 ноября - 1 декабря 1996г. Архангельск, 1996. С. 13-17; *Попов Г. П., Давыдов Р. А.* Мурман. Очерки истории края XIX - начала XX вв. Екатеринбург,1999. С. 41-43, 64-70.
- ³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. № 286. Л 233.
- ³⁴ ПСЗ. Т. LL. Отд. 1. 1876. № 55934
- ³⁵ Там же. С. 499.
- ³⁶ Там же. Т. VI. 1886. № 3442.
- ³⁷ РГИА. Ф.383. Оп. 24. № 37604. Л. 304.
- ³⁸ Там же Ф.573. Оп. 12. № 13236. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Л. 18.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 391. Оп.1. № 2. Л. 72.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Л. 82 об.
- ⁴³ Там же. Ф.1284. Оп. 190. №286. Л. 379.
- ⁴⁴ Там же. Л. 380 об.
- ⁴⁵ Там же. Л.375.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 116. Оп. 1. № 19. Л. 24, 25 (рис 1).
- ⁴⁷ Там же. Ф. 797. Оп.70. III отд. 5 ст. № 221. Л. 5.

⁴⁸ Там же. Л. 19 (рис. 2).

⁴⁹ Там же. Л. 18.

⁵⁰ Там же. Л. 17.

⁵¹ Там же. Ф. 116. Оп. 1. № 19. Л. 10.

⁵² *Saether O.* Om norske kolonister på Murmankysten // *Naboer ved Ishavet. Gløtt fra norsk russisk samkvem gjennom tiden.* Ottar, Tromsø-Univ. Tromsø, 1977. S. 52-66; *Nordmenn på Murmankysten - Familien Eriksen på Kildin* // *Norland Fylkesmuseum årbok*, 1981. S 58-78; *Семья Эриксен с острова Кильдин* // *Скандинавские чтения* 1998. СПб., 1999. С. 211-216; *Семья Эриксен на Кильдине. После 1920 года* // *Скандинавские чтения* 2000 г. СПб., 2002. С. 365-380.

⁵³ РГИА. Ф. 116. Оп. 1. № 19. Л. 27, 49 об. 52.

⁵⁴ Там же. Ф. 797. Оп. 70. III отд. 5 ст. № 221. Л. 4.

МИФ О РУССКОЙ УГРОЗЕ В СКАНДИНАВИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

Миф о русской угрозе в Северной Европе, появившийся во второй четверти XIX в., оказался чрезвычайно устойчивым. Своим появлением он в значительной степени был обязан британским политикам, которые таким образом стремились предотвратить распространение влияния своего основного геополитического соперника в этом регионе. В 1830-х гг. начали циркулировать безосновательные, но упорные слухи о русских притязаниях на Северную Норвегию. Поводом для них послужили переговоры между представителями России и Шведско-Норвежского королевства о доступе финских лопарей к берегу Ледовитого океана для ловли рыбы на территории норвежской провинции Финнмарк.

Переговоры не имели никаких последствий, однако сам факт этих переговоров породил слухи о территориальных претензиях России. Распространению этих слухов в немалой степени способствовала британская дипломатия, которая приписывала русским намерение захватить незамерзающие бухты Варангер-фьорда якобы для создания там военно-морской базы. Начало слухам положил доклад британского вице-консула в норвежском городе Хаммерфест Д. Р. Кроу, который был отправлен английскому посланнику в Стокгольме и вызвал там волну страхов перед русской угрозой. Кроу продолжал посылать подобные донесения и после того, как в 1844 г. был назначен английским генеральным консулом в Христиании (Осло).¹ Схожие мысли развивал шотландец С. Лейнг, который в 1836 г. направил в Лондон свой доклад о посещении Северной Скандинавии. В этом докладе он утверждал о стремлении Российской державы к Атлантике.²

«Финмаркский вопрос» продолжал эксплуатироваться во время Крымской войны, причем сторонники присоединения Швеции к антироссийской коалиции старались убедить британских представителей в том, что русские притязания на Финмарк представляют угрозу не только для Скандинавии: создание «северного Севастополя» в Варангерской бухте будет опасно и для самой Великобритании.³ Король Оскар I все же не решился нарушить шведский нейтралитет.⁴ Однако 21 ноября 1855 г. шведский король заключил оборонительный союз с Англией и Францией, получивший известность как «ноябрьский трактат».⁵

Согласно этому договору, западные державы гарантировали территориальную целостность Соединенных королевств от покушений со стороны России. Страх перед Россией был одним из основных мотивов, побудивших шведское руководство к подписанию ноябрьского трактата. В Петербурге известие о ноябрьском трактате было воспринято с замешательством, и ведущие деятели правительства говорили о нем как о выражении оскорбительного и безосновательного недоверия к России.⁶ Российский МИД, впрочем, в своем официальном заявлении удовлетворился шведскими заверениями о том, что этот трактат имеет сугубо оборонительный характер.⁷

Итоги Крымской войны были неудачными для России. Одним из условий Парижского мирного договора 1856 г., завершившего войну, была демилитаризация Аландских островов, что отвечало интересам Швеции. Беспочвенность слухов об агрессивных намерениях России, впрочем, уже тогда была очевидна для трезвомыслящих наблюдателей. В 1867 г. Норвежский языковед и этнограф Я. А. Фриис совершил путешествие по Кольскому полуострову и Карелии. По возвращении он обратил внимание норвежских властей на то, что Кольский залив и другие бухты на Мурманском побережье фактически являются незамерзающими круглый год. Если русские власти хотели бы построить военно-морскую базу на севере, то им совершенно необязательно было прилагать усилия для завоевания

чужой территории.⁸

Слухи о русской опасности продолжали муссироваться в Скандинавии и в дальнейшем. Поддержанию страха перед ней способствовали начавшиеся с конца XIX в. попытки имперских властей ограничить финляндскую автономию, которые в некоторых кругах северных стран истолковывались как начало русского наступления на Скандинавию.⁹ Кроме того, противники разрыва шведско-норвежской унии использовали «русскую угрозу» как средство запугивания сторонников независимости Норвегии. Они утверждали, что разрыв унии чреват для Норвегии пограничным конфликтом с Россией, и Норвегия в одиночку не сможет противостоять русскому давлению.

Шведско-норвежский посланник в Петербурге допускал, что у российских властей сохраняется стремление захватить незамерзающие гавани на севере, и подчеркивал, что Норвегия, оставшись одна, не сумеет противостоять нажиму со стороны России. В январе 1900 г. шведский правый политик и историк Х. Йерне написал в газете «Свенска Дагбладет», что Норвегия должна предвидеть сложный пограничный конфликт с Россией, если шведско-норвежская уния перестанет существовать. Возможно, Норвегия будет поставлена перед неожиданными требованиями.¹⁰

К началу XX в. относятся выступления шведского учёного и общественного деятеля Свена Хедина, известного своей неприязнью к России. В 1905 г. С. Хедин опубликовал серию статей в английской газете «Таймс». Их основной тезис заключался в том, что Россия, потерпев неудачу, в результате поражение в войне с Японией, в своем стремлении утвердиться как военная держава на Тихом океане, переключит свое внимание на Север и будет искать выход к Атлантике через скандинавское побережье. Исходя из этого, Хедин предостерегал норвежцев против увлечения «сепаратистскими фантазиями». В Норвегии высказывания Хедина были встречены в целом негативно, но в правых кругах они имели некоторый резонанс. В частности,

норвежская консервативная газета «Афтонпостен» постоянно писала о возможности русской агрессии против Северной Норвегии. В связи с выступлениями Хедина норвежское правительство по собственной инициативе заявило, что, насколько ему известно, Россия не имеет завоевательных планов в отношении Норвегии.¹¹

Следует заметить в этой связи, что известное недовольство российско-норвежской границей в стратегическом аспекте действительно имело место в России еще со времен заключения пограничного трактата 1826 г. О неудовлетворительности конфигурацией границы высказывались как в Министерстве иностранных дел, так и в Военном министерстве. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин в 1900 г. составил доклад, в котором, помимо прочего, содержалась стратегическая оценка границ Российской империи. Комментируя границы со Скандинавией, Куропаткин отмечал, что граница со Швецией–Норвегией в общем и целом удовлетворительна, кроме участка на крайнем севере, где она оказалась несколько искусственной, так как предоставила все побережье Норвегии и отрезала Финляндию от моря: «положение на этом участке нашей границы не может впредь считаться нормальным». Военный министр делал, впрочем, оговорку, что это обстоятельство не может служить основанием для предъявления территориальных претензий к Норвегии: «Хотя с нашей стороны и естественно желание исправить здесь нашу границу, но выгоды от сего исправления слишком незначительны, чтобы могли стать поводом к борьбе».¹² В российском МИДе, особенно по мере того, как грядущий разрыв между Норвегией и Швецией просматривался все более явственно, все чаще высказывалось мнение о необходимости «округления» границы с Норвегией, но до предъявления конкретных требований норвежской стороне дело не доходило.

Что касается вопроса о незамерзающем порте на Севере для России, то к концу XIX в. в правящих кругах империи осоз-

нали, наконец, необходимость иметь на арктическом побережье военно-морскую базу, имеющую беспрепятственный выход в океан, незамерзающую и связанную с центром железной дорогой. Одним из сторонников ее основания был министр финансов С. Ю. Витте. Однако места, подходившие для этого, имелись и на российской территории. По заданию императора Витте в 1894 г. обследовал Мурманское побережье и рекомендовал использовать удобную Екатерининскую гавань Кольского залива.

Замыслы Витте противоречили мнению начальника Генерального штаба генерала Н. Н. Обручева и поддерживавших его Военного и Морского министерств, которые выступали за строительство главной базы русского флота в Либаве на Балтике.¹³ Витте (несмотря на сохранявшийся в то время напряженный характер российско-британских отношений) исходил из того, что в грядущей войне союзником России будет именно Великобритания, противником же - Германия. В этом случае Либава оказывалась бы бесполезной, а база на Мурмане была бы необходима для поддержания связей с англичанами. Однако недостаток средств и сильная оппозиция в Морском министерстве, которое сумело убедить нового императора Николая II отдать предпочтение Либаве, помешали тогда осуществлению плана создания сильной военно-морской базы на Мурманском берегу.¹⁴ Хотя в 1899 г. на Мурмане был основан порт Александровск (ныне г. Полярный), строительство железной дороги к Мурманскому берегу тогда начато не было, а без железнодорожного сообщения с центром нормальное функционирование базы флота было бы невозможным.

По мере обострения шведско-норвежских отношений и усиления в Норвегии настроений в пользу разрыва унии со Швецией жупел русской угрозы все активнее использовался противниками расторжения унии как инструмент запугивания норвежцев. Утверждалось, в частности, что Петербург намеренно поощряет норвежский сепаратизм. Обвинения российского руководства в интригах, направленных на то, чтобы подтолк-

нуть Норвегию к разрыву унии, звучали задолго до 1905 г. Еще в 1892 г. в норвежской прессе появились сообщения о том, что норвежские левые радикалы из партии Венстре получали финансирование из России, а деньги якобы переводились через французскую миссию в Стокгольме. Высказывались подозрения по поводу связей с Венстре российского консула в Норвегии А. Тёттермана.¹⁵

Незадолго до описанных событий схожие обвинения в адрес русских высказывал С. Хедин. «Санкт-Петербургские ведомости» цитировали слова С. Хедина о том, что «могучие силы энергично работают в пользу разъединения скандинавских государств... Россия применяет здесь свои старые известные методы». Комментируя эти заявления, газета писала: «Пусть он укажет хоть один факт, хоть малейший признак, указывающий на прямое или косвенное участие России в настоящем шведско-норвежском конфликте».¹⁶

В действительности отношение российского руководства к движению за независимость в Норвегии было поначалу весьма сдержанным. Присущие этому движению радикализм и республиканские тенденции никак не могли вызывать особый энтузиазм в Петербурге. Кроме того, отделение Норвегии от Швеции могло явиться стимулом для усиления сепаратизма в Финляндии и на других национальных окраинах Российской империи. Наконец, нельзя было исключить возможность того, что молодое Норвежское государство могло оказаться под чрезмерным влиянием какой-либо великой европейской державы, настроенной не слишком дружелюбно по отношению к России - Великобритании или той же Германии. Газета «Слово», в частности, предостерегала, что разрыв шведско-норвежской унии чреват нарушением политического равновесия в Скандинавии.¹⁷

Российские дипломаты предпочитали уклоняться от определенных высказываний по поводу шведско-норвежского кризиса. Шведский посланник в Петербурге Х. Врангель в своем донесении в Стокгольм 14 апреля (н. ст.) 1905 г. отмечал, что

его попытки выяснить у российского министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа позицию России в случае возможного провозглашения независимости Норвегии не имели успеха.¹⁸ А через несколько дней после заявления норвежского стортинга о разрыве унии со Швецией (7 июня н. ст. 1905 г.) В.Н. Ламздорф заявил Врангелю, что Россия не признает временное норвежское правительство, чей «революционный характер слишком очевиден, чтобы вызвать какую-либо симпатию с российской стороны».¹⁹ Лишь со временем российское руководство пересмотрело свою позицию и начало действительно склоняться к поддержке норвежской независимости. Позиция России диктовалась интересами собственной безопасности. В лице независимой и дружественной Норвегии царское правительство рассчитывало найти противовес антирусским тенденциям в политике Швеции. Нейтральный статус Норвегии должен был гарантировать Россию от возможного появления в опасной близости от Русского Севера британской или немецкой военно-морской базы.

Россия первой из великих держав признала независимость Норвегии после того, как были завершены шведско-норвежские переговоры и 26 октября (н. ст.) между двумя странами было подписано соглашение о расторжении унии. 16 (29) октября 1905 г. В. Н. Ламздорф сообщил главе норвежского МИД Й. Лёвланну о том, что российское правительство «признает Норвегию в качестве совершенно независимого государства во всей ее территориальной целостности и заявляет о своей готовности незамедлительно войти в официальные сношения с Норвегией».²⁰

Формулировку «во всей ее территориальной целостности» (“dans toute son intégrité territoriale”), по мнению некоторых исследователей, нельзя считать случайной. Она должна была рассеять слухи о том, что Россия якобы собиралась предпринять против Норвегии враждебные действия в случае разрыва шведско-норвежской унии или эскалации конфликта между Швецией и Норвегией.²¹ Из донесений русских дипломатов, относивших-

ся к тому периоду, явствует, что эти слухи исходили от противников независимости Норвегии, которые таким образом пытались запугать норвежцев перспективой изоляции перед лицом могущественного восточного соседа и тем самым предотвратить отделение Норвегии от Швеции.²² Российское правительство постаралось парализовать подобные попытки, составив форму признания норвежской независимости таким образом, чтобы она устраняла любые превратные толкования политики России в отношении Норвегии.

19 октября (1 ноября) правительственное сообщение о признании Норвегии было опубликовано в «Правительственном вестнике». 20 и 26 октября (2 и 8 ноября) состоялся обмен нотами между Россией и Норвегией об установлении дипломатических отношений. Россия была первой державой, признавшей независимость Норвегии и установившей с ней официальные дипломатические отношения. 22 октября (4 ноября) Ю. В. Ф. Якхельн был назначен временным поверенным в делах Норвегии в России.²³ Он оказался первым норвежским дипломатическим представителем за границей. Чуть позже действительный статский советник А. Н. Крупенский (бывший советник посольства в Риме) был назначен российским посланником в Норвегии, а спустя еще некоторое время Н. Пребенсен стал норвежским посланником в России.²⁴ 7 (20) декабря 1905 г. А. Н. Крупенский был на первой аудиенции у Й. Лёвланна, во время которой он заверил норвежского министра иностранных дел, как тот на следующий день доносил В.Н. Ламздорфу, «в неизменно дружеских чувствах России, выразившихся еще столь недавно в поспешности, с которой Государь Император изволил признать независимость Норвегии и предупредительном подтверждении, по высочайшему повелению в телеграмме Вашего Сиятельства, неприкосновенности норвежской территории».²⁵

Подписание российско-британского договора от 18 (31) августа 1907 г. о разделе азиатских сфер влияния стало оче-

редным источником для беспокойства в Норвегии. Некоторые норвежские газеты писали, что, так как теперь путь к морю через Персию для России закрыт, то нельзя исключить, что под пристальным вниманием с российской стороны снова окажется Северная Норвегия.²⁶ Эти опасения окончательно развеялись после завершения строительства Мурманской железной дороги, которое было начато в феврале 1915 г. и закончено к началу зимы следующего года.

Сообщение о постройке Мурманской дороги было встречено в Норвегии с облегчением, многие норвежские наблюдатели толковали это как окончательное доказательство того, что у России нет планов овладения незамерзающими гаванями в Норвегии. Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов в речи в Государственной Думе 9 февраля 1916 г. утверждал: «Мы не стремимся к каким-либо аннексиям в направлении наших северных соседей». А в сентябре того же года Норвегию посетил П. Н. Милюков. В своих интервью для прессы он заверял норвежцев, что скандинавские страны могут быть уверены в том, что «продвижение русских к морю» направлено не на север, а на юг.²⁷

После 1917 г. в Норвегии страхи перед Россией окончательно отошли на задний план: их заслонили опасения перед экспансионистскими устремлениями нового Финляндского государства.

¹ *Нильсен Й. П.* Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): Соседство без страха? // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 8.

² *Eriksson S.* Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm, 1939. S. 8.

³ *Ibid.* S. 277.

⁴ Шведский нейтралитет в ходе Крымской войны, впрочем, трудно назвать объективным. Английская эскадра под командованием адмирала Ч. Нэпира, направляясь на Балтику, в конце апреля 1854 г. посетила стокгольмский рейд. А шведский король тайно предложил англичанам

использовать шведские гавани в качестве баз для развертывания своих военно-морских сил на Балтике.

⁵ *Eriksson S.* Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. S. 289;

Jensen M. Norges Historie. Unionstiden 1814–1905. Oslo-Bergen, 1963. S. 97.

⁶ *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 172;

Нильсен Й. П. Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917). С. 8.

⁷ *Eriksson S.* Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. S. 355.

⁸ *Nielsen J. P.* Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord? // *Historisk Tidsskrift*. 1991. No 4. S. 84.

⁹ *Jensen M.* Norges Historie. Unionstiden 1814–1905. S. 195.

¹⁰ *Нильсен Й. П.* Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917). С. 11–14.

¹¹ Там же. С. 16–17.

¹² Цит. по: Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2003. С. 19.

¹³ *Jungar S.* Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. S. 48.

¹⁴ *Ганелин П. Ш. С. Ю.* Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 гг. // Исторические связи Скандинавии и России. IX – XX вв. Л., 1970. С. 144–145.

¹⁵ *Åselius G.* The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994. P. 163–164.

¹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 апреля.

¹⁷ Слово. 1905. 25 мая.

¹⁸ *Jungar S.* Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Tsar-diplomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905. Åbo, 1969. S. 86.

¹⁹ *Ibid.* S. 87.

²⁰ Признание Россией Норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958. С. 54.

²¹ *Lindberg F.* Kunglig utrikespolitik. Studier i svensk utrikespolitik under Oscar II och fram till borggårdskrisen. Stockholm, 1966. S. 148.

²² Признание Россией Норвежского независимого государства. С. 41–42, 45–46. По поводу этих слухов норвежская газета «Тронхеймс Adresseavis» писала в сентябре 1905 г.: «Вредом для нашего отечества являются всякие газетные статьи и рассуждения о желании России захватить часть Северной Норвегии. Это не норвежский, а шведский страх перед Россией занесен к нам шведскими газетами. В конце концов, такие неосновательные обвинения дружелюбно расположенного к нам народа могут оказаться вредными, так как русское правительство может поверить, что

Норвегия враждебно настроена по отношению к России».

²³ Признание Россией Норвежского независимого государства. С. 56, 59–60.

²⁴ *Danielsen E.* Norge – Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917–1940. Oslo, 1964. S. 31.

²⁵ Признание Россией Норвежского независимого государства. С. 81.

²⁶ *Berg R.* Norsk utenrikspolitikks historie 1905–1920 // Høyskolesenteret i Rogaland. Skrifter nr 4. 1994. S. 58.

²⁷ *Нильсен Й.П.* Старая Россия и новая Норвегия. С. 24–25.

ДИСКУССИИ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РУСИФИКАЦИИ ФИНЛЯНДИИ В ВЫСШИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ РОССИИ КОНЦА XIX - НАЧ. XX ВВ.

В начале XX в. одним из важнейших вопросов, стоявших перед Российским правительством, был так называемый «финн-ляндский». Требование частью финского общества широкой автономии вплоть до полного отделения от России логическим образом объективно противоречило официальной политике государственной власти Российской империи. И, что вполне естественно, часть российских государственных сановников выступали за русификацию¹ Финляндии и за полное включение финляндской территории в общую систему власти страны.

Великое княжество Финляндское вошло в состав Российской империи в результате Русско-шведской войны 1808 - 1809 гг., и в 1809 г. Александр I фактически закрепил за Финляндией положение автономного Великого княжества. Особый статус Финляндии в составе Российской империи способствовал тому, что в тогдашней юриспруденции, как отечественной, так и зарубежной, велась дискуссия, является ли собственно Финляндия суверенным государством, или же это всё-таки неотъемлемая часть России? Точки над *i* в определенной степени расставила докторская диссертация известного ученого барона Вольфа фон дер Остен-Сакена «Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве» («Die staatsrechtliche Stellung des Grossfürstentums Finnland im Russischen Reiche»). Работа была представлена на факультет политических наук Тюбингенского университета на немецком языке и успешно защищена. Позже работа была переведена на русский язык².

В. Остен-Сакен, как об этом писал в те же годы видный

русский правый политик П. Ф. Булацель, «фактически доказал, что Финляндия есть лишь область Русской Империи, что Финляндия вовсе не составляет особого государства и что власть Совета Министров и генерал-прокурора Правительствующего Сената распространяются и на финляндские губернии»³.

Опираясь на утверждения барона В. Остен-Сакена, значительная часть правительственных чиновников конца XIX - начала XX вв. вынашивала идею постепенной ликвидации финляндской автономии и её русификации. Традиционно принято считать, что и представители монархических партий (например, черносотенцы) выступали с русификаторской позицией по финляндскому вопросу. Еще начиная с 1920-х гг. в историографии высказывалось мнение о том, что «чёрные силы» - объединенное дворянство и черносотенные организации - разрабатывали правительственную политику по угнетению «инородцев», в том числе и финнов⁴. Насколько справедлива эта точка зрения, мы постараемся показать в настоящей статье.

В 1898 г. Финляндским генерал-губернатором и командующим войсками Финляндского военного округа был назначен генерал-адъютант Николай Иванович Бобриков (1839 - 1904). Находясь на посту Финляндского генерал-губернатора, Н. И. Бобриков последовательно отстаивал тезис о единой и неделимой России при господствующем положении русского народа. 3 февраля 1899 г. не без влияния генерал-губернатора вышел царский Манифест о порядке издания в Финляндии общих государственных законов. Тогда же были изданы «Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». Законы для Финляндии теперь должны были издаваться императорской властью.

Н. И. Бобриков также добился того, что в 1901 г. в Финляндии была ликвидирована самостоятельная армия, и финнов стали призывать на общих основаниях в русскую армию. В делопроизводство Сената был введён русский язык, основана

«Финляндская газета», учебные заведения поставлены под бдительный контроль империи, «нелояльные» учителя устранены и т. д. Н. И. Бобриков боролся с финской националистической прессой, а многие газеты ликвидировал; в 1902 г. он испросил особые полномочия и на основании их выслал за границу в административном порядке многих финских общественных деятелей.

Курс Н. И. Бобрикова на сближение Великого княжества с остальной империей и на фактическую русификацию Финляндии вызвал резкую антипатию у представителей финской интеллигенции, как правило, националистически настроенной. 3 июня 1904 г. он был смертельно ранен в здании финского Сената в Гельсингфорсе сыном финляндского сенатора-шведа Эйгеном Шауманом.

Многие консервативные политики и общественные деятели конца XIX - начала XX вв. солидаризировались с политикой Н. И. Бобрикова. Поддерживал его, в частности, редактор-издатель «Гражданина», известный консервативный деятель князь В. П. Мещерский, который в 1902 г., после убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина, даже рекомендовал Николаю II кандидатуру Н. И. Бобрикова на должность министра внутренних дел⁵.

Политику генерала впоследствии одобряли министр внутренних дел В. К. Плеве и такие консервативные периодические издания, как «Новое Время», «Московские Ведомости» и др. Император Николай II также положительно отзывался о деятельности генерал-губернатора. Получив известие об убийстве Н. И. Бобрикова, царь написал в своём дневнике: «Утром с прискорбием узнал, что Бобриков тихо скончался в час ночи! Огромная трудно заменимая потеря!»⁶.

Революция 1905 - 1907 гг. вынудила императора пойти на серьёзные уступки относительно управления Финляндией. В результате этих уступок реализация практически всех русификаторских начинаний Н. И. Бобрикова была фактически при-

остановлена или же свёрнута вовсе. Манифестом 22 октября 1905 г. было приостановлено действие всех законов, оспаривавшихся финляндцами, начиная с манифеста 3 февраля 1899 г. Мало того, 7 июля 1906 г. император утвердил новую финляндскую конституцию и избирательный закон, основанный на всеобщем избирательном праве и пропорциональном представительстве.

Изменение в политике Николая II относительно Финляндии вызвало бурное обсуждение в правомонархических салонах. Как известно, именно в этих, своего рода неформальных структурах с участием высших правительственных сановников, во многом решались важнейшие политические вопросы⁷. В своих письмах видный участник салона известного идеолога монархизма генерала Е. В. Богдановича, барон Н. Д. Остен-Сакен, высказывал супруге генерала А. В. Богданович свои соображения по финляндскому вопросу, отмечая непоследовательность правительственной политики в отношении Финляндии. К точке зрения барона А.В. Богданович отнеслась с пониманием и одобрением⁸.

В статье 2 проекта Основных государственных законов Российской империи было записано: «Великое Княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». Н. Д. Остен-Сакен предлагал вторую статью изъять, считая, что имперские законы должны иметь преимущество перед местными (как это было в тогдашней Германии). Тем более, по его мнению, это касалось Финляндии⁹. Барон при этом заметил: «Я не посягаю на финляндское законодательство вообще, но, по силе вещей, объединение некоторых законов (как, например, закон морского права, торгового мореплавания, уголовные) настоятельно напрашивается»¹⁰. Таким образом, в отличие от тогдашней правительственной политики, Н. Д. Остен-Сакен предлагал сохранить основные положения законов 1899 г. относительно Финляндии.

На решение финляндской проблемы наложил свой отпечаток период думской монархии. Попытки ограничить финляндскую автономию во многом были связаны с тем, что многие политически неблагонадежные элементы находили себе поддержку в Финляндии. Премьер П. А. Столыпин, выступая в 1908 г. на заседании Государственной думы, особо отметил, что на территории Финляндии «готовились и организовывались <...> многие из тех покушений, которые имели место в Петербурге»¹¹.

Руководствуясь подобными доводами, П.А. Столыпин в некоторой степени попытался вернуться на путь, оставленный в 1905 г. Для разработки законов и мероприятий, касающихся Финляндии, при Совете министров было образовано Особое совещание по делам Великого княжества финляндского под председательством П.А. Столыпина. В его состав входили также член Государственного совета В. Ф. Дейтрих, министр юстиции И. Г. Щегловитов и Финляндский генерал-губернатор генерал Ф. А. Зейн¹².

Подготовленный Особым совещанием правительственный документ, внесённый в Думу 14 марта 1910 г., вызвал многочисленные протесты среди думской оппозиции, однако был принят большинством. Одобренный также и Государственным советом, документ стал законом 17 июня 1910 г.¹³ Теперь финнский сейм сохранял только совещательный голос во всех существенных вопросах, как общеимперского, так и внутреннего законодательства (государственный бюджет, воинская повинность, законы о печати, о собраниях и союзах, о народном образовании, о полиции и т. д.). Эти вопросы непосредственному разрешению сейма теперь не подлежали и должны были разрешаться законодательными учреждениями России¹⁴. До издания новых законов в силе, однако, оставались старые, и фактически особых перемен в Финляндии не произошло.

Финляндский законопроект породил бурные дискуссии в монархических кругах. Некоторые правые высказывались про-

тив намерений правительства. К примеру, князь В. П. Мещерский выступил в 1910 г. за предоставление широкой автономии Финляндии, полагая, что националистическая политика П. А. Столыпина по отношению к финнам приведет к еще большим сепаратистским настроениям в самой Финляндии. Мнение В. П. Мещерского вызвало ожесточённую критику со стороны значительной части правых¹⁵.

Ставший премьером после трагической гибели П. А. Столыпина В. Н. Коковцов, судя по высказываниям современников, воспринимался ими (например, А. В. Богдановичем) как «сторонник финнов», назначение которого «повергнет в уныние всех преданных Царю людей»¹⁶. И действительно - постепенно пошёл процесс отступления от столыпинской политики в отношении Финляндии.

В период Первой мировой войны Финляндия уже фактически проявила себя как суверенное государство, провозгласив нейтралитет. В правых кругах, которые, как известно, в ту пору уже не имели столь широкого влияния на императорскую политику, как ранее¹⁷, тем не менее, финляндская проблема вновь стала предметом обсуждения. Так, в салоне тогдашнего премьера Б. В. Штюрмера относительно «финляндского вопроса» участники дискуссии сочли необходимым «не изменять курса правительственной политики в этой области» и стоять «за неуклонное требование выполнения населением Финляндии наравне с жителями России натуральной и денежной на нужды войны повинности»¹⁸. Однако Февральская революция 1917 г. и последующие события, вплоть до полного провозглашения независимости Финляндии, окончательно поставили точку на всех разговорах и дискуссиях по финляндскому вопросу.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что фактически политика Николая II относительно Финляндии, по признанию современников, отличалась непоследовательностью. То же самое можно сказать и об отношении к финляндскому воп-

росу в высших правительственных кругах в целом. «Сколько раз изменялось отношение к нему (финляндскому вопросу. - Д. С.) русского правительства - и как быстро происходили эти перемены!», - восклицали журналисты «Вестника Европы»¹⁹. Попытки русификации Финляндии, предпринимавшиеся генерал-губернатором Н. И. Бобриковым, оказались только попытками, хотя в свое время они практически полностью одобрялись в правительственных кругах. Революция 1905 - 1907 гг. и последующие события вынудили правительство перейти от «кнута» к «прянику», и, несмотря на некоторые непоследовательные шаги П. А. Столыпина, направленные на закрепление положения Финляндии в составе Российской империи, объективно Финляндия всё более и более, буквально с каждым годом, обособлялась от России, и закономерным итогом этого процесса явилось её полное отделение от России в революционном 1917 г.

¹ Под русификацией мы понимаем не только и даже не столько введение русского языка, русских обычаев и культуры на территории Финляндии, но, прежде всего, органическое включение органов управления Финляндии (в том числе армии и полиции) в общую систему власти Империи.

² *Остен-Сакен В. фон.* Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. Пер. с нем. бар. В. дер Остен-Сакена. СПб., 1910.

³ *Булацель П. Ф.* Прощение. Его Высокопревосходительству Председателю Совета Министров П. А. Столыпину. Просит защитник Николая Максимовича Юскевич-Красковского – присяжный поверенный П. Ф. Булацель. СПб., [1909]. С. 3.

⁴ *Балабанов М.* Царская Россия XX века (накануне революции 1917 года). Харьков, 1927. С. 93–94.

⁵ Письмо Николая II В. П. Мещерскому 5 апреля 1902 г. // *Oxford Slavonic Papers.* 1962. Vol. 10. P. 130.

⁶ Дневники императора Николая II. М., [1992]. С. 212.

⁷ О салонах и их политическом значении подробнее см.: *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX—начало XX в.). СПб., 2007. С. 8—9; 290—292.

⁸ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 191. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

¹¹ Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 года // Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. / Предисл. К. Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. М., 1991. С. 133.

¹² *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья дума. М., 1968. С. 46.

¹³ *Окраины России.* 1911. № 33-34. С. 458.

¹⁴ *Балабанов М.* Царская Россия XX века. С. 94.

¹⁵ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 452. Л. 184.

¹⁶ Там же. Д. 453. Л. 144.

¹⁷ Подробнее о влиянии правых на политику Николая II в период Первой мировой войны см.: *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны... С. 189-289.

¹⁸ Показания С. П. Белецкого ЧСК // Падение царского режима. Стенограммы допросов и показаний ЧСК Временного правительства (1917 г.) / Под редакцией П. Е. Щеголева. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 384-385.

¹⁹ Хроника. - Внутреннее обозрение // Вестник Европы. СПб., 1911. Кн. 12. Декабрь. С. 372-373.

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ (1918 - 1919 гг.)

Революция и Гражданская война в России привели к распаду государства на ряд независимых национальных образований. В этих условиях белое движение, представлявшее консервативно мыслящую часть российского общества, выступило за воссоздание «единой и неделимой» России. Знаменосцем этого лозунга, в понимании его приверженцев, был монарх.¹ В то же время идея «единой и неделимой» России приходила в противоречие как с «Декларацией прав народов России», принятой Советским правительством, так и с «Четырнадцатью пунктами» президента США В. Вильсона. В этих документах провозглашались права народов на самоопределение, вплоть до отделения и образования независимых государств. Однако в основе этих идей лежали различные идеологические посылки. Таким образом, программа белого движения приходила в противоречие с новыми реалиями, наметившимися в международных отношениях в ходе русской революции и в преддверии окончания Первой мировой войны. Русскому национальному движению предстояло действовать в совершенно новых внешних и внутриполитических условиях. Смогла ли политическая элита старой России, выросшая в рамках великодержавия и на великодержавной психологии, решать вставшие перед ней вопросы на новом витке исторического развития? На этот вопрос я и попытаюсь ответить в этой статье.

В Российской империи Великое княжество Финляндское занимало особое место, пользуясь в разное время большей или меньшей степенью автономии. Для России это был важный военно-стратегический и экономический плацдарм. В дореволюционном общественном мнении Финляндия рассматривалась

как составная часть империи, хотя и с особым статусом.² Поэтому выход ее из состава России крайне болезненно воспринимался людьми, воспитанными на идее единства империи.³

Одним из первых свой взгляд на проблему независимости Финляндии в январе 1918 г. высказал посол во Франции, правый кадет В. А. Маклаков в связи с признанием ее суверенитета Парижем. В специальной записке, поданной французскому правительству, он обратил внимание на то, что «<...> полное отделение Финляндии несовместимо с жизненными интересами России по соображениям как государственной обороны, так и экономическим, требующим свободного и беспеченного выхода ее как в Балтийское море, так и на мурманский берег. <...> связь между Россией и Финляндией не может быть расторгнута без согласия законной русской государственной власти <...> Россия же, оправившись от теперешнего положения, будет стремиться вернуть себе утраченные позиции на Финском заливе».⁴ В этом заявлении обращает на себя внимание мысль о том, что Россия и Финляндия составляют единое военно-стратегическое и экономическое пространство, и рано или поздно Россия вернет себе утраченные позиции, если такое разделение произойдет.

По мере разрастания Гражданской войны в России в антибольшевистском движении стала постепенно выкристаллизовываться идея о нанесении решающего удара по символу революции - Петрограду - с территории Финляндии, но для этого требовалось признать ее государственную независимость. Одним из первых о суверенитете Финляндии заговорил бывший премьер-министр царского правительства А. Ф. Трепов. В его планы входило с помощью финской армии взять Петроград и восстановить династию. В качестве компенсации за поддержку он предлагал отдать Финляндии Восточную Карелию и Кольский полуостров.⁵ В связи с этими территориальными уступками встает вопрос об искренности заявлений Трепова. В ноябре 1918 г. член Особого комитета по делам русских в Финляндии,

организации, созданной для помощи русским беженцам с согласия и при поддержке правительства страны, барон М. А. Таубе составил записку о восстановлении государственности в России, послание, которое предназначалось представителям Антанты в Стокгольме.⁶ В нем он, в частности, предлагал после разгрома большевизма восстановить территориальную целостность России и воссоздать монархию как традиционную форму государственного устройства. Да и сам Трепов на одном из заседаний комитета говорил, что единственно приемлемым лозунгом является возрождение единой России и установление в ней твердой власти⁷.

Следовательно, независимость и территориальные уступки у группы Трепова играли роль дымовой завесы, а за ней стояла все та же единая Россия.

Стараниями одного из лидеров «Национального центра» П. Б. Струве, прибывшего в Финляндию в начале декабря 1918 г., и бывшего министра исповеданий Временного правительства кадета А. В. Карташёва вскоре у руководства Особым комитетом стали кадеты. Финское правительство пообещало дать комитету представительские права и консульские функции.⁸ В отношении Финляндии Струве исходил из того, что классовая ненависть финнов к большевикам возьмет верх над их национально-государственными интересами и это, в конечном счете, приведет их к походу на Петроград и Москву.⁹ Вместе с тем, Струве выступал за признание независимости Финляндии и заключение с финнами политического соглашения. Однако в отношении ее суверенитета он делал ряд оговорок, касавшихся безопасности Петрограда и прилегающих территорий, и отмечал сложность этого вопроса.¹⁰

В январе 1919 г., находясь у А. И. Деникина, лидер октябристов А.И. Гучков также рассматривал возможность борьбы с большевизмом, используя территорию Финляндии, однако без участия ее войск. По его мнению, запуганная своими большевиками и при нажиме союзников, она предоставит свою тер-

риторию для захвата Петрограда. При этом речь о независимости или компенсациях у него не шла.¹¹

За предоставление независимости Финляндии выступал и поверенный в делах в Англии К.Д. Набоков. В телеграммах в Омск он пытался убедить А.В. Колчака в том, что независимость Финляндии - это уже свершившийся факт, и в скором будущем ее признают великие державы. В связи с этим он предлагал русской дипломатии перехватить инициативу и путем переговоров с финляндским правительством, на базе признания суверенитета страны, заключить с ней такое соглашение, которое давало бы возможность России обеспечить свои военно-морские и экономические интересы. Однако ратификация такого договора, по его мнению, являлась прерогативой законной российской власти.¹² Следовательно, независимость предоставлялась на четко выраженных условиях и откладывалась на неопределенный срок.¹³

Признавала независимость Финляндии и группа кн. В. М. Волконского, находившаяся в Гельсингфорсе. Она выступала за немедленное и безусловное признание ее самостоятельности. По их мнению, только такая позиция подтолкнет финнов к походу на Петроград. Эти политические деятели хотели вместе с финской армией первыми войти в российскую столицу и образовать там правительство.

За признание независимости Финляндии и предоставление ей территориальных компенсаций за помощь в захвате Петрограда высказывался и бывший премьер-министр В. Н. Коковцов.¹⁴

Позиция генерала Н. Н. Юденича, находившегося в это время в Финляндии и пытавшегося начать отсюда борьбу с большевизмом в России, по отношению к независимости бывшего княжества имела сугубо прагматичную основу. В принципе, он готов был признать финляндскую независимость, но только в том случае, если ее правительство разрешит формирование на своей территории крупных русских воинских сое-

динений. Без получения такого обязательства признание независимости он считал недопустимым. Кроме того, Финляндии предлагалось стать абсолютно нейтральной и согласиться на перенесение границы от Петрограда с компенсацией в другом месте.¹⁵ 5 января 1919 г. произошла встреча Н. Н. Юденича с К. Г. Маннергеймом. За участие в освобождении Петрограда регент Финляндии потребовал безоговорочного признания независимости страны и территориальных уступок. Однако эти условия для русского генерала оказались неприемлемыми.¹⁶ Вместе с тем, в газетном интервью 20 февраля Юденич сказал, что русские не стремятся к повторному присоединению Финляндии.¹⁷

21 марта 1919 г. Юденич сообщил французскому правительству о возможности признания независимости Финляндии, при условии оказания последней помощи в борьбе с большевизмом.¹⁸ Однако уже в середине апреля в интервью финскому журналисту К.Ф. Тиандеру он заявил, что вопрос о финляндском суверенитете обсуждать еще рано, поскольку никто не уполномочен говорить от имени будущей России.¹⁹ Поэтому утверждение П. Б. Струве, которое нам известно в передаче К. Д. Набокова, о том, что «русские деятели, группирующиеся вокруг Юденича и Карташева, без оговорок стали на почву лояльного признания независимости Финляндии», выдавало, скорее, желаемое за действительное.²⁰

Позиция министра иностранных дел Всероссийского правительства С. Д. Сазонова по отношению к независимости Финляндии менялась в частности, в зависимости от военно-политической конъюнктуры, но в целом он твердо стоял на позиции территориальной целостности России. Исходя из того, что без помощи Финляндии Н. Н. Юденичу не удастся подготовить наступление на Петроград, Сазонов предлагал давать финнам такие обещания, которые бы не связывали руки будущему Национальному собранию, так как, по его представлению, только оно могло решить вопрос о её независимости.²¹ 3 марта в

очередной телеграмме Колчаку министр предложил адмиралу сделать заявление о том, что русское правительство не возражает против самостоятельности Финляндии «при условии обеспечения стратегических интересов России и защиты Петербурга».²²

В своем ответе Верховный правитель согласился поддерживать с Финляндией «самые дружеские отношения»,²³ но выступить с заявлением о признании ее независимости категорически отказался.²⁴ Результатом консультаций стало заявление правительства, опубликованное 15 марта 1919 г. В нем говорилось, что «Россия должна идти навстречу всем требованиям самостоятельной Финляндии, независимость которой она гарантирует при условии соблюдения русских стратегических и экономических интересов».²⁵ Таким образом, пожелание Сазонова, высказанное в телеграмме от 3 марта, было учтено.

Выполняя указания адмирала А. В. Колчака, С. Д. Сазонов 17 марта поручил поверенному в делах в Швеции К. Н. Гулькевичу «наладить с нынешним финляндским правительством дружественные отношения» и довести до его сведения, что решение вопроса о независимости возможно только Российским национальным собранием при условии обеспечения безопасности «русской государственной границы и Петербурга».²⁶ Сазонов считал, что независимость Финляндии можно признать на таких условиях, чтобы она никогда не могла бы выступить против России.²⁷

Как видно, и Колчак, и Сазонов хотели получить военную помощь от Финляндии для взятия Петрограда, обещая взамен только фактическое признание ее правительства.²⁸

Несмотря на некоторые различия в подходах к финляндской независимости, в военно-политическом руководстве белого движения возобладала официальная точка зрения, выраженная в заявлении Русского политического совещания в Париже (далее - РПС) от 9 марта 1919 г. В нем указывалось на недопустимость решения вопросов, связанных с судьбой нерус-

ских национальностей, проживавших в границах империи до 1914 г., без участия России, за исключением Польши.²⁹ Политическое совещание смотрело на Финляндию как на самовольно «отложившуюся» русскую провинцию, стремящуюся «сорвать» с ослабленной России максимум выгод.³⁰ К тому же оно было уверено в том, что Колчак и Деникин разобьют большевиков, и все хлопоты по привлечению Финляндии к походу на Петроград окажутся ненужными. В меморандуме по финляндскому вопросу Совещание заявляло, что «связь между Россией и Финляндией имела характер взаимного соглашения и что поэтому Финляндия не имела права порвать эту связь односторонним порядком без согласия русского народа».³¹ По мнению РПС, независимая Финляндия представляла для России определенную опасность, так как давала возможность для нападения на Россию со своей территории. Поэтому финнам предлагалась такая форма независимости, которая учитывала бы интересы как финского, так и русского народов.³²

Некоторые изменения политики в отношении Финляндии наметились в русских военно-политических кругах Парижа в апреле 1919 г. Это было связано с пересмотром планов на летнюю кампанию. Для скорейшего захвата Петрограда и разгрома большевиков начальник штаба военного представителя при союзных странах генерал Н. Н. Головин предложил образовать Северо-Западный фронт. Ради этого он считал возможным пойти на большие политические и материальные жертвы и заключить с Финляндией соглашение на основе признания ее самостоятельности. Тем самым он хоронил иллюзии о том, что союзники окажут давление на Финляндию и та двинет свои войска на Петроград.³³

Один из членов РПС Б. В. Савинков также считал необходимым привлечение финнов к захвату Петрограда. В связи с этим он соглашался не только на признание независимости Финляндии, но и на территориальные уступки, при санкционировании их будущим Учредительным собранием.³⁴

После крушения надежд на быстрые военные успехи А. В. Колчака РПС также несколько смягчило свою позицию по признанию суверенитета Финляндии. 24 апреля проект соглашения с Финляндией за подписью С. Д. Сазонова был отправлен в Омск. Окончательное решение вопроса о независимости оставалось за русским Национальным собранием и финским сеймом. До этого действующее правительство признавалось фактически существующим и самостоятельным «во всех вопросах внутреннего строения и управления страной». Вместе с тем, от Финляндии требовалось признание стратегических интересов России в Финском заливе. В отношении третьих стран ей рекомендовалось воздерживаться от военных и политических соглашений.³⁵ Для Финляндии, уже признанной Советской Россией и находившейся на пороге признания державами Антанты, такой вариант был неприемлем. Однако и в этих условиях в Омске усмотрели в представленном варианте отход от национальных интересов и не дали ему хода.³⁶

Несмотря на некоторые внешние послабления, суть политики министра иностранных дел оставалась неизменной. Сазонов полагал, что помощь со стороны Финляндии нельзя связывать с политическими и территориальными уступками.³⁷ «Финны просят многого, но они не получают ничего, абсолютно ничего», - заявлял он.³⁸ А встречаясь в мае 1919 г. в Лондоне с русским посланником К. Д. Набоковым, Сазонов говорил, что не уступит Финляндии «ни шиша».³⁹ Следовательно, политика Сазонова заключалась в том, чтобы, втягивая Финляндию в вооруженный конфликт с Советской Россией, не связывать себя реальными обязательствами по отношению к ней.

В апреле 1919 г. начинают меняться и взгляды генерала Н. Н. Юденича в отношении Финляндии. Если до этого его позиция колебалась между отказом и признанием независимости, то теперь генерал заговорил даже о территориальных уступках (Восточная Карелия и порт Печенга).⁴⁰ В марте–мае 1919 г. С. Д. Сазонов неоднократно напоминал Юденичу о том, что пере-

говоры по внешнеполитическим вопросам должны вестись в Париже, между тем, на свой страх и риск генерал начал диалог с К. Г. Маннергеймом в Гельсингфорсе.⁴¹ Предлагал идти на мучительные для национального самосознания уступки и председатель Особого комитета по делам русских в Финляндии А. В. Карташев. Однако его готовность ко всяким политическим жертвам в настоящем основывалась на том, что будущая сильная Россия вернет отданное обратно.⁴²

Крайне резко на предложение Н. Н. Юденича о территориальных компенсациях реагировал член РПС и посланник в Швеции К. Н. Гулькевич. Он считал, что территориальные компенсации не соответствовали той помощи, на которую рассчитывал генерал.⁴³ В дальнейшем его точка зрения не изменилась. «<...> При таких условиях, - писал Гулькевич, - остаётся только ожидать взятия Петрограда Колчаком».⁴⁴

И если в апреле 1919 г. в российской военно-политической элите наметились некоторые малозначительные подвижки в отношении к независимости Финляндии, то в мае ситуация поменялась. После того как Англия и США официально признали государственный суверенитет Финляндии, 8 мая РПС выступило с нотой протеста против этого шага Держав согласия.⁴⁵

В июне 1919 г., отвечая на заявление союзников о программе его правительства, Колчак подтвердил свою позицию по отношению к Финляндии. Она состояла в том, что окончательное решение вопроса об ее отделении от России должно было решить Учредительное собрание. В настоящее время предлагалось установить дружественные отношения с существующим правительством, предоставив ему полную независимость во внутреннем устройстве и управлении.⁴⁶

Тезис об утверждении независимости Финляндии будущим Учредительным (Национальным, Народным) собранием неоднократно встречался в высказываниях и официальных заявлениях военно-политических руководителей белого движе-

ния. В связи с этим встает вопрос о том, какой же практический смысл вкладывался в эту формулу. Вряд ли это была пустая формальность. Но тогда что же? Поскольку белое движение выступало под лозунгом воссоздания единой и неделимой России, то победа белых означала возвращение к унитарному государству. В то же время адмирал А. В. Колчак заявлял, что в будущее Учредительное собрание он пропустит только «государственно-здоровые элементы», то есть тех людей, которые не ставят под сомнение территориальное единство России.⁴⁷ Следовательно, в нем военно-политическое руководство белым движением видело тот шлагбаум, который встанет на пути наций, стремящихся к отделению и образованию самостоятельных государств. В этом, на мой взгляд, состояла суть этого положения.

Поскольку позиция по поводу официального признания Финляндии и территориальных уступок не нашла поддержки у руководителей внешней политики белого движения, то, чтобы не упустить время, генерал Юденич начал тайные переговоры с К. Г. Маннергеймом. Их результатом стал проект договора, основанный на финских условиях.⁴⁸ После ознакомления с документом А. В. Колчак и А. И. Деникин назвали его «неприемлемым», «фантастическим», «недопустимым», «не имеющим юридической силы», а С. Д. Сазонов предлагал даже отдать Юденича под суд.⁴⁹ Сторонником этого соглашения выступил командующий Вооруженными силами Северной области генерал Е. К. Миллер, поскольку предстоящий вывод английских войск с Севера делал положение его армии безвыходным. Однако его обращения к Верховному правителю с просьбой пойти на уступки Финляндии не нашли понимания у А. В. Колчака.⁵⁰

О безусловном признании независимости Финляндии писал в очередной раз 11 августа и посланник в Англии К. Д. Набоков, в противном случае он предрекал гибель Петрограда и катастрофу на Севере.⁵¹ Однако речь о территориальных компенсациях в телеграмме не шла.

Поскольку подписания соглашения между Н. Н. Юденичем и К. Г. Маннергеймом не произошло, то С. Д. Сазонов ограничился посылкой к Юденичу опытного дипломата, бывшего царского посла в Австро-Венгрии Н. Н. Шебеко, чтобы в дальнейшем исключить какие-либо внешнеполитические импровизации со стороны генерала. Позиция самого дипломата сводилась к «сочувствию» финляндской независимости при учете жизненных интересов России.⁵² В сентябре 1919 г. Шебеко уже говорил о «немедленном» признании независимости Финляндии и аккредитации полномочного представителя в Гельсингфорсе.⁵³ В начале октября, вернувшись в Париж, он, по словам В. А. Маклакова, стал «убежденным сторонником соглашения с Финляндией, даже ценой уступки им Печенги и Карелии».⁵⁴ В это же время посланник в Швеции К. Н. Гулькевич по-прежнему не допускал и мысли о том, чтобы помощь в освобождении Петрограда была куплена ценой каких-либо государственных жертв.⁵⁵

После июльских волнений, связанных с информацией о подписании соглашения между Н. Н. Юденичем и К. Г. Маннергеймом, в русско-финских отношениях наступило некоторое затишье. Новый всплеск интереса к Финляндии приходится на вторую половину октября 1919 г., когда войска Юденича под Петроградом стали терпеть поражение, и встал вопрос о спасении армии. Еще в конце сентября А. В. Колчак дал распоряжение С. Д. Сазонову «установить самые доверчивые и дружеские отношения с Финляндией и аккредитовать в Гельсингфорсе российского представителя».⁵⁶ Руководствуясь указаниями Верховного правителя, министр иностранных дел составил проект договора, который назвал «пределом нашей уступчивости».⁵⁷ В нем Сазонов соглашался на признание независимости Финляндии и взаимное аккредитование посланников. Соблюдение русско-финских интересов в Балтийском море следовало закрепить в отдельном документе. Территориальная неприкосновенность республики обеспечивалась вооруженными

силами договаривающихся сторон. Россия также обязывалась выполнить условия манифеста 1864 г. Все спорные вопросы следовало решать на основании взаимной договоренности. При ее отсутствии дело передавалось в Гаагский международный суд. Соглашение вступало в силу в день взятия Петрограда, а его окончательное утверждение оставалось за Учредительным собранием. В целом одоблив проект, тем не менее, А.В. Колчак предложил заменить пункт о признании независимости формулой «не нарушать фактической независимости».⁵⁸

Несмотря на ухудшение положения армии Н. Н. Юденича в конце октября, каких-либо существенных сдвигов в позиции С. Д. Сазонова не произошло. Так, на встрече с финляндским представителем во Франции К. Энкелем, происходившей 27 октября 1919 г., министр иностранных дел подчеркнул, что признание Финляндии будет зависеть от той помощи, которую она окажет Н. Н. Юденичу.⁵⁹ 25 и 27 октября Сазонов направил две телеграммы Верховному правителю. В первой он считал возможным аккредитование российского представителя в Финляндии при условии гарантии безопасности России в Балтийском море. Во второй высказывался за признание ее суверенитета с последующим утверждением Учредительным собранием. Он также предлагал возместить Финляндии финансовые издержки в размере 100 млн. франков.⁶⁰ В качестве реального шага со стороны русской дипломатии в отношении Финляндии стало направление в Гельсингфорс советника российского посольства в Швеции Н. А. Бера, однако никаких реальных результатов это не принесло.⁶¹

А. В. Колчак и А. И. Деникин по-прежнему твердо продолжали отстаивать идею единой и неделимой России. На телеграмме Н. Н. Юденича от 27 октября Верховный правитель оставил такую резолюцию: «Категорически заявляю, что ни при каких обстоятельствах я не дам со стороны своей заверения о признании независимости Финляндии. Деникин держится того же взгляда».⁶² Главнокомандующий Вооруженными силами

Юга России видел воссоздание России в прежних пределах.⁶³ Один из его тезисов гласил: «За помощь - ни пяди русской земли».⁶⁴

В дальнейшем, когда над Северо-Западной армией (СЗА) нависла угроза ликвидации, в позиции А. В. Колчака, в отношении Финляндии, произошли некоторые «изменения». Верховный правитель предложил С. Д. Сазонову выработать такую формулировку, которая бы не связывала волю Учредительного собрания в будущем. При этом предоставление суверенитета Финляндии ставилось в зависимость от помощи Н. Н. Юденичу и оказания содействия в случае перехода СЗА на её территорию.⁶⁵ В то же время Верховный правитель не допускал «никаких соглашений за счет русской территории».⁶⁶ Неуступчивость А. В. Колчака в финляндском вопросе исходила не из того, что он был принципиальным противником территориальных уступок, а из-за того, что он смог реально оценить возможности Финляндии и прийти к выводу о том, что в силу внутренних и внешнеполитических причин она не в состоянии участвовать в борьбе с большевизмом.⁶⁷ Вместе с тем в телеграмме от 5 декабря Сазонову и Деникину он писал: «Если Япония согласится помочь России в уничтожении большевизма, то она будет иметь право на территориальные компенсации».⁶⁸ Следовательно, за реальную поддержку адмирал мог наступить на горло собственной песне.

И если политики и дипломаты были достаточно осторожны в своих высказываниях о финляндской независимости, то генералы давали волю своим чувствам. Так, генерал А. П. Родзянко говорил, что, взяв Петроград, белая армия пойдет завоевывать Финляндию. А в мае 1919 г. он заявил, что не желает знать ни о каких ингерманландцах.⁶⁹ В октябре 1919 г., во время успешного наступления на Петроград, начальник 3-й дивизии полковник Д. Р. Ветренко сказал: «Сейчас возьмем Петроград, а потом Гельсингфорс».⁷⁰ Такие настроения охватили в это время не только военных, но и политиков.⁷¹ И хотя сам Н. Н. Юденич

таких заявлений не делал, его действия говорили сами за себя. Так, 18 октября 1919 г., считая, что взятие Петрограда предре- шено, он назначил генерала П.В. Глазенапа командующим войс- ками театра военных действий и генерал-губернатором, а гене- рала А. А. Гулевича, бывшего командующего 42-м армейским корпусом в Финляндии, своим представителем в этой стране. Этими назначениями он фактически упразднил Северо-Западное правительство С. Г. Лианозова, которое признало независимость Финляндии. Тем самым и обязательства этого правительства в отношении Финляндии теряли силу.⁷²

Рассмотрев отношение военно-политической и дипло- матической элиты белого движения к независимости Финлян- дии, следует сказать, что она исходила из единственно прием- лемой для нее идеи воссоздания единой и неделимой России. Отказ от этого фундаментального принципа означал крушение их жизненных идеалов. Политическая элита, взращенная в ус- ловиях буржуазно-помещичьей монархии, не могла мыслить в других категориях. На Финляндию продолжали смотреть как на часть империи. Все те предложения, которые делались рос- сийской элитой по признанию в той или иной форме государст- венной независимости Финляндии и территориальным уступ- кам, основывались на том, что в будущем окрепшая Россия вер- нет утраченное.

¹ *Смолин А. В.* Частные совещания Временного комитета Государственной думы и их роль в формировании идеологии белого движения // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы. Сб. статей / Под. ред. М.В. Ходякова. СПб., 2006. С. 171.

² *Петухова А. П.* «Финляндский вопрос» в системе внутривластных представлений российской правящей элиты в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 4. 2008. С. 56–65.

³ *Кукушкина И. А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости прибалтийских государств (1918–1920 гг.) // Россия и Балтия. Эпоха

перемен (1914–1924). М., 2002. Вып. 2. С. 172–173.

⁴ *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 92–93; *Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004. С. 75.

⁵ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 62.

⁶ Там же. С. 62, 65; *Андреев Л. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Вступ. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хеллмана.* М.–СПб., 1994. С. 12–13.

⁷ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 63–64.

⁸ Там же. С. 69–70.

⁹ *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 227–228.

¹⁰ Колчак и Финляндия // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 93; Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории Колумбийского университета (США) (Далее: БАР). Письма М.М. Карповича – С.А. Угету. 22 мая 1919. С. 9; Всероссийский национальный центр. М., 2001. С. 217, 301.

¹¹ Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 265.

¹² Колчак и Финляндия // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 93, 94, 97–98; Миронова Е.М. Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии (1918–1921) // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. Отв. ред. О.В. Чернышева. М., 2007. С. 152.

¹³ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 92.

¹⁴ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М., 1975. С. 99–100.

¹⁵ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 92.

¹⁶ Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 219.

¹⁷ *Андреев Л. S.O.S.* С. 516.

¹⁸ *Миронова Е. М.* Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии. С. 152–153.

¹⁹ *Андреев Л. S.O.S.* С. 514.

²⁰ Колчак и Финляндия. С. 93.

²¹ Там же. С. 95.

²² Там же. С. 95–96.

²³ Там же. С. 93, 96.

²⁴ Там же. С. 93, 95-96.

²⁵ *Кукушкина И. А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости прибалтийских государств. С. 165.

²⁶ Колчак и Финляндия. С. 100.

²⁷ *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории Российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. В 2-х кн. Кн. 2. Октябрь 1917 – ноябрь 1918 г. М., 1993. С. 411.

²⁸ *Миронова Е. М.* Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии. С. 151–152.

²⁹ *Колчак и Финляндия.* С. 100, 101; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. 1961. Т. 6. С. 72–73, 74–75; Голос всероссийской власти. Гельсингфорс. 1919. Вып. 1. С. 30; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. С. 100.

³⁰ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 93.

³¹ АГИВРиМ. Коллекция Н. А. Базили. Ящ. 9. Парижская мирная конференция. 1919. Краткий обзор заявлений, сделанных русской делегацией мирной конференции. С. 5; *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 108.

³² АГИВРиМ. Коллекция Н. А. Базили. Ящ. 9. Парижская мирная конференция. 1919. Краткий обзор заявлений, сделанных русской делегацией мирной конференции. С. 5; Всероссийский национальный центр. С. 129.

³³ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 106, 107.

³⁴ Там же. С. 107.

³⁵ Колчак и Финляндия. С. 103, 104.

³⁶ Там же. С. 107.

³⁷ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 111.

³⁸ Там же. С. 108.

³⁹ *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 262.

⁴⁰ Смолин А.В. Белое движение. С. 110, 111.

⁴¹ Там же. С. 111; *Миронова Е. М.* Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии. С. 153.

⁴² Материалы по истории контрреволюции // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 146; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России. С. 85–86.

⁴³ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 111.

⁴⁴ Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. // Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 61.

- ⁴⁵ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 101; Всероссийский национальный центр. С. 454; АГИВРиМ. Коллекция Н.А.Базили Ящ.9. Парижская мирная конференция. 1919. Краткий обзор заявлений, сделанных русской делегацией мирной конференции. С. 7.
- ⁴⁶ Правительственный вестник. Омск. 1919. 1 июня; Колчак и Финляндия. С. 117, 119–121.
- ⁴⁷ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 210–211.
- ⁴⁸ Подробнее см. *Смолин А. В.* Белое движение. С. 235–252.
- ⁴⁹ Там же. С. 247, 249; Колчак и Финляндия. С. 138–141, 144; *Миронова Е. М.* Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии. С. 154.
- ⁵⁰ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 248; *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 110□111, 114; Интервенция на Севере в документах. М., 1933. С. 74□75; Колчак и Финляндия. С. 137; Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. // Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 64□65, 130.
- ⁵¹ Колчак и Финляндия. С. 142–143.
- ⁵² *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 134.
- ⁵³ *Миронова Е. М.* Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии. С. 155.
- ⁵⁴ «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3-х томах. Т. 1 (август 1919 – сентябрь 1921) / Под ред. О. Будницкого. М., 2001. С. 121.
- ⁵⁵ *Миронова Е. М.* Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии. С. 155.
- ⁵⁶ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 371.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 373.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ *Миронова Е. М.* Становление русского антибольшевистского представительства в Финляндии. С. 156–159, 169.
- ⁶² *Смолин А. В.* Белое движение. С. 373–374.
- ⁶³ *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 132, 141.
- ⁶⁴ Там же. С. 167.
- ⁶⁵ *Смолин А. В.* Белое движение. С. 382.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 374–377; *Кукушкина И. А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости прибалтийских государств. С. 171.

⁶⁸ *Кукушкина И. А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости Прибалтийских государств. С. 172.

⁶⁹ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 101.

⁷⁰ Там же. С. 137–138.

⁷¹ Там же. С. 138.

⁷² *Смолин А. В.* Белое движение. С. 361; *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 137.

**ШВЕДСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР НАЧАЛА XX в.
ГЛАЗАМИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
МАРИИ ПАВЛОВНЫ-МЛАДШЕЙ
(СУДЬБА ГЕРЦОГИНИ СЁДЕРМАНЛАНДСКОЙ)**

Жизнь Марии Павловны похожа на авантюрный роман. Что только не пришлось ей пережить, но в любых ситуациях она сохранила несгибаемую силу воли и оптимизм. В год с небольшим она лишилась матери (ею была греческая принцесса Александра Георгиевна), в 12 лет осталась фактически без отца, создавшего новую семью. Вместе с братом Дмитрием она воспитывалась у родственников отца (Вел. кн. Сергей Алек-сандрович и Елизавета Федоровна).

Судьба, предназначившая Марии Павловне столь необычное и величественное окружение, лишила ее нормального воспитания. Она не испытала радости жизни в настоящей семье, а оттого никогда не была способна понять значения и истинную ценность своего дома. Русскую княжну растили чужие люди, её воспитывали в строгом соответствии со стандартами и правилами, которые существовали почти при всех дворах европейских монархов в конце девятнадцатого столетия.

Воспитанию как таковому придавалось мало значения, главным, по мнению наставников, было обучение началам православной веры и внушение норм нравственности. Об образовании особо не заботились и давали весьма поверхностные знания. В детстве её часто перевозили с места на место, а потому учителя и наставники постоянно менялись. Ребенок обучался в процессе общения с другими людьми, а, как признавалась сама Мария Павловна, у нее таких контактов было мало. «Не было даже библиотеки, где я могла бы забраться с книгой в удобное кресло. Книжные шкафы запирались на ключ, или же книги содержали одни статистические данные, и к ним никто

даже не прикасался»¹.

Воздействие обстоятельств обрекало членов императорской фамилии на некую обособленность, и, хотя их постоянно окружали люди, строй жизни семьи был чрезвычайно замкнут. Детям не доставало душевного общения, но никого это не заботило.

К тому времени как Мария Павловна вступила во взрослую жизнь, она, по ее собственным словам, «была скорее подготовлена для монастыря, чем для плавания по житейскому морю, и, чтобы избавиться от комплекса неполноценности, мне порой приходилось затрачивать много усилий»².

Хотя её и воспитывали с представлением о возможном замужестве из соображений политики, известие о предстоящей помолвке со шведским принцем Вильгельмом стало неожиданностью. «Стремительный натиск тёти, её поспешность выдать меня замуж и полное отсутствие всякой мысли о чувствах, лежащих в основе брака, вызывали во мне возмущение, казались чудовищными»³, - напишет она позднее в мемуарах.

Поспешность, с которой была устроена помолвка, привела в замешательство всех близких родственников, однако никто кроме брата Дмитрия не высказывался по этому поводу. Позднее Мария Павловна признавалась, что не чувствовала себя несчастной. От всего происходящего вокруг её персоны она начала получать некоторое удовольствие. «Мне льстило находиться в центре внимания. Я была слишком молода, чтобы заглядывать в будущее и предвидеть ту ответственность, которая грузом ляжет на мои хрупкие плечи»⁴. Тогда ей казалось, что возможное замужество позволит «освободиться» от предписаний, от прозябания, на которое была обречена в большом доме. «Я хотела жизни полнокровной, страстно желала освобождения, любых перемен»⁵.

Большое беспокойство у Марии Павловны вызывало то обстоятельство, что никто из близких не удосужился известить о предстоящей перемене в ее жизни её отца, жившего в Париже.

Поспешность, с которой распорядились судьбой его дочери, казалась ему непонятной. «Он считал, что я еще слишком молода для замужества, для того, чтобы ответственно подойти к такому важному в жизни событию. Он выразил глубокое сожаление, что все приготовления происходили без него, никто с ним не посоветовался и даже не сообщил ничего»⁶. Однако благодаря вмешательству высокопоставленных родственников (греческого короля Георга I) свадьбу пришлось отложить до весны 1908 г.

Время свадьбы неумолимо приближалось, и невесту все чаще стали одолевать сомнения, наконец, она написала принцу о своем желании расторгнуть помолвку. Но это оказалось невозможным, и в назначенный срок церемония состоялась. По этому случаю Николай II разрешил приехать в Россию отцу невесты – великому князю Павлу Александровичу с его второй семьей. Венчание проходило по православному и по лютеранскому обряду. Невеста была убрана великолепно (правда, от ее тяжёлого наряда, щедро украшенного драгоценностями, на теле потом долго сохранялись синяки, на банкете Мария Павловна сняла тяжелые серьги и просто повесила их на край бокала).

«Мне было дано все, но я чувствовала себя беспомощной. Меня всегда оберегали, опекали, наставляли, я не обладала собственной инициативой, не была готова к самостоятельному поведению. Переезжая из одной страны в другую, я не меняла своей среды. Я не видела столь желаемой существенной перемены, и это в высшей степени тяготило. Мне была неведома простая искренняя дружба, я так мало знала о том, что теперь покидаю - о России, ее жизни, ее величии, ее обширных пространствах, ее бесконечно разнообразных красотах. Несмотря на отсутствие глубоких связей с родиной, я почему-то испытывала преданность и любовь к своей громадной, таинственной стране. Не зная ее, я понимала ее инстинктивно, я чувствовала ее недостатки, ее безграничные возможности, ее безрассудство и ее мудрость и в душе на протяжении всей своей жизни продолжала

считать себя русской»⁷, - напишет она в воспоминаниях о своих чувствах накануне отъезда в Швецию.

В свадебное путешествие молодожены отправились по Европе: Германия, Италия, Франция и в конце прибыли в Стокгольм. «Меня, приехавшую из России, несколько удивляло отношение народа Швеции к королевской семье. Они, казалось, смотрели на нас с любовью, но воспринимали скорее как больших детей, любимых детей, чья жизнь, интересы и владения составляли особый мир, великолепный, волнующий и необходимый для красоты и полноты картины мира как такового. Любопытство, которое в Швеции вызывало каждое наше действие, даже самое незначительное, несомненно, было частью этой психологии толпы. Вся нация наслаждалась спектаклем. Наши характерные черты, хорошие и плохие, обсуждались с разных сторон безо всякого недоброжелательства, с добродушной усмешкой, как взрослые толкуют о выходках своих детей.

В России было иначе. Там император обладал полной и неоспоримой властью над страной и подданными. Он был, в известной степени, богом, и это распространялось на его семью. В России не было связанности этикетом, постоянного выставления себя напоказ, ограничения естественной потребности непринужденного общения с близкими людьми, как в Швеции»⁸, - приехав на родину мужа, великая княжна начала сравнивать отношение подданных к монархам двух стран.

Живой темперамент не позволял супруге принца долго выдерживать придворный этикет. Однако непрерывная череда развлечений, приемов и званых вечеров вызывала неодобрение короля. Густав V высказывал недовольство сыну, но никогда не бранил невестку. «Ко мне он всегда был исключительно добр. Я имела в нем настоящего друга, с ним я всегда чувствовала себя свободно. Мы испытывали друг к другу полное доверие. Мой свекор баловал меня, и мы были добрыми друзьями»⁹, - уверяла Мария Павловна в своих мемуарах. Порой сведения о развлечениях молодой принцессы просачивались в газеты, которые по-

давали их в сильно преувеличенном виде. Ряд авторов говорит, что Мария Павловна позволяла себе кататься «на серебряном подносе по лестницам дворца»¹⁰. Сама герцогиня Сёдерманландская в своих воспоминаниях рассказывает такой случай. «Однажды зимой, когда мы специальным поездом, в несколько вагонов, поехали кататься на лыжах в Далекарлиа, мне пришла мысль притвориться старушкой и поднести цветы королю. Мой план восторженно поддержали другие пассажиры нашего вагона, и я взялась за дело. Грима у меня не было, лишь немного пудры. Я изобразила морщины при помощи жженой пробки, а щеки натерла кусочками свеклы. Глаза я спрятала за темными очками, а голову покрыла большой шерстяной шалью. Затем я одолжила у одной из горничных подбитую мехом накидку и надела ее наизнанку. Все было готово. Проводник остановил поезд на первой станции, и я вышла, прихватив завернутые в газету три увядших тюльпана. Один из адъютантов, бывших в курсе затеи, сообщил королю, о желании старой женщины засвидетельствовать ему свое почтение. Меня допустили в его вагон. Когда я вошла, он встал и сделал несколько шагов навстречу. Я вручила ему цветы, пробормотав несколько слов дрожащим голосом. Но затем, видя нелепый букет в руках короля, ту серьезность, с которой он принимал меня, торжественный вид свиты, я не смогла дольше сдерживаться. Я упала на пол, даваясь от смеха и надеясь, что это будет принято за слезы. Король решил, что у старой дамы нервный припадок, повернулся к гофмейстеру, и с некоторым волнением попросил его вывести ее, поскольку она не в себе. Оторопевшие адъютанты отпустили старушку после того, как она назвала себя»¹¹. По ее мнению, розыгрыш замечательно удался.

Позднее герцогиня признавалась, что «подобные маленькие проделки создали мне в Швеции определенную репутацию. Меня называли сущей сорвиголовой, но меня это нисколько не задевало. Обо мне рассказывали самые разные истории, приписывая подвиги, о которых я никогда не помышляла. В своих

розыгрышах я никогда не переходила пределы допустимого, всегда знала, насколько далеко я могу зайти, чтобы никого при этом не обидеть»¹². Но пересуды, пусть даже ради развлечения, не проходят бесследно. Во время очередного визита в Париж великий князь Павел Александрович решил поговорить строго с дочерью об ее поведении. От него она с удивлением узнала, в каком свете выставлялось ее взбалмошное ребячество, и какую репутацию она заслужила.

«К жизни на чужбине я так и не могла привыкнуть. Моя тоска по родине усиливалась. В Швеции было много достойного внимания - ее великая цивилизация, дух порядка, высокая организованность. Но я оставалась лишь сторонним наблюдателем и, воздавая должное всему этому совершенству, мыслями стремилась домой, в свою огромную страну. Это высокоразвитая цивилизация, где индивидуальное усилие больше ничего не значило, где не было места для творческого воображения, давила на меня. Чем я больше узнавала Швецию, тем больше мечтала о России, такой географически близкой, но столь отставшей от современной жизни; я сознавала с некоторым чувством вины, что шведская принцесса я только по титулу»¹³.

«Бывая в России, я с каждым разом все более убеждалась, что здесь, среди возрастающего хаоса, я, наконец, могла бы найти свою область деятельности. Я приезжала как иностранная принцесса, и мне оказывали соответствующий прием. Меня влекло в Россию другое: я чувствовала, что с ней связана моя жизнь, моя судьба, что здесь, а не в Швеции, я могу найти истинное применение своим силам»¹⁴. Из приведенных отрывков видно, что семейная жизнь с самого начала не заладилась. Похоже, что супруги не сошлись характерами. Густав V решил попробовать наладить отношения между ними и направил в качестве представителей шведской короны на коронацию короля Сиам. «Не знаю, догадывался ли король о явной холодности в отношениях между мной и его сыном и потому предложил эту поездку в надежде, что все уладится, или же торговые

интересы Швеции в Сиаме действительно требовали присутствия принца для продвижения дел. Разумеется, последняя причина и была выдвинута нам и для публики»¹⁵.

Однако путешествие на восток привело к обратному результату: вместо того, чтобы сблизиться, супруги все более отдалялись друг от друга. Как писала Мария Павловна: «путешествие некоторым образом позволило мне самоутвердиться, оно расширило мои знания о людях, развило способность вырабатывать собственные оценки действительности. Я стала более уверенной в себе и не такой застенчивой. Мне ужасно не хотелось возвращаться домой. Отказаться от приобретенной независимости, вновь погрузиться в унылую рутину традиций и обычаев казалось мне невыносимым»¹⁶.

Она признавалась, что «несмотря на искреннее стремление приспособиться к обстоятельствам, я так и не смогла привыкнуть к жизни в Швеции, все, что меня окружало, казалось чужим. Страшила мысль о долгих годах, которые суждено провести здесь. Что же делать? Ничто не позволяло предпринять решительных мер, надо мной тяготели усвоенные в детстве принципы и прежде всего понятие о долге, государственных интересах, я не встретила бы понимания и поддержки со стороны своей семьи»¹⁷.

Опасения подтвердились во время приезда в Париж и свидания с отцом. «Он терпеливо выслушал меня, но категорически отверг мысль о разводе. Он считал, что если оставить в стороне все моральные и политические аспекты подобного шага, я не готова к самостоятельной жизни в этом мире, и МАЧЕХА решительно взяла его сторону»¹⁸.

Одно время в Европе существовал план сделать молодую чету королем и королевой Албании, но он не осуществился. В конечном счете, королевская семья решила отправить Марию на Капри к свекрови из-за слабого здоровья постоянно жившей там. Вернувшись, после нескольких месяцев пребывания там, в Швецию, Мария Павловна услышала от придворного врача А.

Мунте свой «приговор». «Холодная зима в Швеции губительна для меня. Участь моя была решена. Отныне каждую зиму - на Капри! Мне придется покинуть семью, дом и каждый год более шести месяцев проводить в чужой стране, обреченной на положение инвалида»¹⁹, - писала об этом она сама.

В начале 1913 г. герцогская чета присутствовала на торжествах, посвященных трехсотлетию дома Романовых. Вернувшись из Москвы в Стокгольм, Мария узнала, что ее жизнь на ближайшее время уже распланирована. Кроме того, путь пролегал не через Париж, а через Берлин, где принц должен был представлять страну на торжествах, посвященных столетию Лейпцигского сражения. Из Берлина Мария проследует в Италию, а принц вернется в Швецию. «Я не имела возможности повидаться с отцом»²⁰, - замечала она. Однако тайный визит доктора Мунте в Москву к великой княгине Елизавете Федоровне (тете Элле) за поддержкой подтолкнул Марию к действиям. Однако она никому ничего не сказала и поехала с мужем, как и планировалось, в Берлин, где и сообщила принцу о своем намерении проследовать не в Италию, а во Францию к отцу.

«В Берлине я с облегчением увидела, что Дмитрий (Вел. кн. Дмитрий Павлович - младший брат Марии. - *О.К.*) встречает меня на вокзале. Мы имели с ним долгий разговор, а вечером встретились на торжественном обеде, на котором я присутствовала вместе с принцем. На следующий день я уехала в Париж вместе с Дмитрием. Отец и мачеха встретили меня очень тепло, но не скрывали тревоги, они лучше меня знали все трудности, с которыми сопряжен подобный шаг. Отец настоятельно советовал мне одуматься. Мачеха, опасаясь, что моя выходка может задеть её, тоже вела со мной подобные разговоры. Но все было напрасно, и когда отец убедился, что решение моё окончательно и ничто не может заставить меня переменить его, он мужественно взял мою сторону и оказал неоценимую поддержку»²¹.

В заключение повествования о своем первом замужестве

Мария Павловна признавалась, что так и не поняла, каким образом столь важный вопрос решился так быстро и легко. «В Швеции о расторжении брака объявили в декабре, а в России - несколькими месяцами позже. То не была обычная бракоразводная процедура. Император издал два указа на этот предмет, один предназначался Сенату, другой - Синоду, как высшим государственным органам»²².

В начале 1914 г. Мария вместе с отцом и его второй семьёй вернулась в Петербург, где встретила с «тетей Эллой», которая поняла свою ошибку с поспешным замужеством своей воспитанницы. «Меня немного беспокоила неясность моего будущего. К личному беспокойству присоединялась и тревога из-за политических событий в Европе»²³. Казалось, в самом воздухе пахло грозой и катастрофой.

Принц Вильгельм прожил ещё долгую жизнь, проводя время за написанием стихов и путевых заметок. Через 35 лет после развода он случайно встретился с бывшей женой в Германии. Оба быстро преодолели смущение и довольно мило побеседовали друг с другом.

Таким образом, вторая попытка установить брачные узы между монархами двух стран окончилась неудачно, но и не самым худшим образом.

После развода с мужем Мария Павловна жила с отцом в Париже: посещала школу живописи, продолжала искать свой путь в жизни. Лето 1914 г. она провела в Царском Селе вместе с отцом, которому, наконец, было разрешено вернуться на родину, и с тетей Эллой.

После начала военных действий Мария поступает на курсы сестер милосердия, по окончании которых отправляется на фронт в Восточную Пруссию. После отступления русских армий она два с половиной года работает в госпитале в Пскове. Именно там её застаёт известие об отречении императора Николая II. Она пытается увидеться с ним, но её к нему не допустили. На следующий день во время богослужения в го-

родском кафедральном соборе, кто-то сунул ей в руку красный бант. Начинаясь новая жизнь.

Оставаться в Пскове члену императорской фамилии становилось небезопасно. Однако ей удалось относительно благополучно добраться до Петрограда. Но, столица по словам мемуаристики, вселяла в неё ужас, и она переехала в Царское Село к отцу. Там она узнала об аресте сводного брата Владимира и пыталась освободить его, дойдя до «самого» Керенского. Времена наступали смутные, тревожные, но для самой Марии Павловны они оказались счастливыми. В сентябре она обвенчалась с сыном дворцового коменданта князем Сергеем Путятиным. Новобрачные перебрались в Москву, куда супруга переправила свои драгоценности, опасаясь, что при очередном обыске их могут конфисковать.

Однако в первопрестольной они попали, как говорится, «из огня да в полымя». В Москве шли уличные бои между оставшимися верными Временному правительству частями гарнизона и отрядами Красной гвардии. Большевики устанавливали в городе советскую власть. Московская жизнь оказалась не легче петроградской, с большим трудом удавалось достать самые простые продукты. Поэтому как нельзя кстати оказалась посылка из Швеции, содержимое которой по тем временам было просто бесценно.

После рождения сына Романа, оставленного на попечение родителей мужа, они с Сергеем двинулись на юг. Будучи княгиней Путятиной, а не Великой княжной, ей удалось избежать ареста, и, после долгих мытарств, они оказались сначала в Одессе, где и было принято окончательное решение об отъезде из России, а потом и в Бухаресте.

Румынская королева, двоюродная сестра Марии Павловны, приняла их очень радушно. Но нельзя было вечно злоупотреблять гостеприимством, супруги решили перебраться в Лондон, где, как стало известно, уже находился брат Марии великий князь Дмитрий Павлович. Именно в британской столице Мария

Павловна получила назад свои драгоценности, которые она в середине 1917 г. отправила сначала в Москву, а затем в Швецию. Но продать их удалось совершенно за бесценок, - как и в случае с другими Романовыми, ювелиры искусственно снижали цену. Вскоре пришло известие о смерти маленького сына в Бухаресте. Все эти удары судьбы Мария Павловна перенесла со смирением, теперь надо было приспособливаться к новым условиям.

И она энергично берется за дело. Переехав в Париж, она создала фирму вышивки «Китмир» (причем сама прекрасно освоила швейное дело), которая просуществовала семь лет. Потом открыла небольшой парфюмерный магазин, профессионально занималась фотографией, несколько лет проработала в США консультантом в фирме модной одежды... Но гораздо большую известность ей принесли две книги мемуаров «В России» и «В изгнании», опубликованные в Нью-Йорке в 1932 г. В 2003 г. обе книги были опубликованы на русском языке в издательстве «Захаров» под общим названием «Мемуары».

В 1937 г. Мария Павловна получила шведское гражданство, до этого она имела только беженский «нансеновский» паспорт. Под предлогом, что она не хочет жить в стране, которая официально признала Советский Союз, переехала в Аргентину, в Буэнос-Айрес и занялась живописью. Часто встречалась с сыном Леннартом, который тоже стал профессиональным фотографом, рассказывала ему о своей жизни в Россию и выпавших на ее долю испытаниях. Скончалась Мария Павловна в Швейцарии в 1958 г, похоронена рядом с братом Дмитрием в часовне замка Майнау. Ее собрание русских книг поступило в дар кафедре славянских языков Стокгольмского университета.

¹ Мария Павловна. Мемуары. М., 2003 С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 83.

-
- ⁴ Там же. С. 86.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 88.
- ⁷ Там же. С. 103.
- ⁸ Там же. С. 113.
- ⁹ Там же. С. 117.
- ¹⁰ См. например: *Пчелов Е. В.* Монархи России. М., 2003. С. 609.
- ¹¹ Там же. С. 118.
- ¹² Там же. С. 119.
- ¹³ Там же. С. 120.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 124.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 129-130.
- ¹⁹ Там же. С. 133.
- ²⁰ Там же. С. 135.
- ²¹ Там же. С. 138.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 139.

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В 1920 - 1930-х гг.

«Найти приемлемые формы сотрудничества между государствами сегодня - настоящая необходимость для нашей маленькой планеты. Если таковое не будет осуществляться, мы рискуем в ближайшее время оказаться лицом к лицу с его прямой противоположностью»¹. Слова, принадлежащие министру иностранных дел Швеции Рикарду Сандлеру, отражают суть непростой ситуации, сложившейся на международной арене 15 лет спустя после заключения Версальского мира. Северная Европа за предыдущее столетие приобрела прочную репутацию мирного уголка планеты. В 1930-е гг., в обстановке возрастающих противоречий между великими державами и масштабности их экспансионистских планов, страны Северной Европы особенно остро испытывали тревогу за свою судьбу. Занимая до сих пор удобную нишу в установленном миропорядке, скандии-навы оказались поставлены перед необходимостью активизации своих усилий по поддержке международного равновесия и, наряду с этим, корректировки области приложения этих усилий. Одной из возможных и естественных альтернатив для скандинавских стран и Финляндии в этих условиях была попытка пересмотреть взгляды на отношения со своими ближайшими соседями в скандинавском регионе.

Чтобы оценить потенциал регионального сотрудничества северных стран, представляется необходимым кратко проследить основные направления и этапы складывания «северной общности» в короткий, но насыщенный событиями период с 1919 по 1939 гг. В качестве одного из факторов оценки успешности северного сотрудничества предлагается использовать анализ его

организационных форм, позволяющий структурировать данный исторический процесс.

Уже начиная с 1840-х гг., скандинавскими странами предпринимались шаги по организации сотрудничества в вопросах торговли, обороны, политики²: идеи сотрудничества со временем трансформировались, отходили в тень, однако не отвергались полностью³. 1920-е гг. стали началом нового этапа в северном сотрудничестве. Необходимой предпосылкой к этому послужило завершение в 1905-1917 гг. процессов государственного образования в Северной Европе: отныне Норвегия и Финляндия являлись, наравне со Швецией и Данией, равноправными, независимыми участниками международных отношений⁴. Таким образом, с выделением новых суверенных государств, североевропейский регион в течение первых двух десятилетий XX в. обрел стабильные геополитические рамки, что стало важнейшей базой для развития региональных отношений.

Вектор северного сотрудничества во внешней политике скандинавских стран и Финляндии получил в годы войны дополнительные стимулы. Успешная, проводимая параллельно политика нейтралитета стала своеобразной символической основой единства скандинавских стран. Усилившаяся скандинавская торговля, решившая вопросы товарного дефицита военного времени, внесла позитивные изменения в международный климат Северной Европы и позволила скандинавским политикам убедиться в практической пользе сотрудничества. В условиях завершения войны появилась возможность подойти к неоднократно поднимавшемуся вопросу о создании межнациональной региональной организации, используя недавний положительный опыт.

После закрепления мирового порядка и создания Лиги наций как гаранта достигнутой стабильности, в развитии идеи северного сотрудничества наблюдались неоднозначные тенденции. С одной стороны, в виду надежд скандинавских стран на равноправный и справедливый европейский диалог и веры в

силу новой международной организации, на высшем политическом уровне отмечалось значительное ослабление идеи северного союза. При этом в культурной, научной, социальной областях, то есть на общественном и гражданском уровнях, сотрудничество северных стран переживало невиданный бум⁵. По всей Скандинавии создавались разветвленные сети организаций, объединенных, как правило, общей сферой деятельности. Частым явлением в 1920-30-е гг. стала такая форма сотрудничества как северные конгрессы: работодатели, врачи, судовладельцы, чиновники, банкиры, фермеры, спортсмены, музыканты, учёные, издатели восприняли практику регулярных встреч с коллегами с большим энтузиазмом⁶. В 1920-е гг. сотрудничество профессиональных и предпринимательских организаций и групп в Северной Европе приобрело такой размах, что обнаружить области, не отмеченной им, практически невозможно. Важнейшее преимущество этих контактов заключалось в том, что, не влияя напрямую на официальную государственную политику страны, они сделали идею северного сотрудничества близкой частной жизни человека и ввели традицию взаимных консультаций и доверия в повседневную жизнь. Это не могло не отложить отпечаток на национальный менталитет и общественное восприятие Северной Европы как общего уютного дома, за процветание и защиту которого в равной степени ответственны все обитатели⁷.

Данные позитивные тенденции в общественной жизни северных стран требовали приведения их к единому знаменателю через создание региональной структуры на более высоком уровне. Такой организацией, приобретшей вскоре массовый характер, стали Северные Ассоциации («Нурден»), появившиеся за период 1919-1922 гг. во всех странах Северной Европы (позднее всех в Финляндии - в 1924). Единственной целью этих организаций декларировалось всемерное поощрение развития культурных, экономических и иных контактов с соседними странами, взаимной информированности и заинтересованности, в

чем усматриваются амбициозные намерения Северных Ассоциаций стать главной инстанцией, связывающей северные страны. Определенная сложность мотивации для создания новой организации заключалась в том, что к этому времени для обмена информацией на правительственном уровне уже существовал Северный Межпарламентский союз, функционирующий с 1907 г. на либеральных основах сотрудничества в интересах укрепления мира, действенного международного законодательства и межскандинавского взаимодействия, в основном, в социальной и коммерческой сферах⁸. Учитывая опасения норвежцев, а также в связи с возражениями некоторых ведущих скандинавских политиков по поводу неоправданного дублирования функций региональных органов (что означало в действительности нежелание выпускать Ассоциации из-под парламентского контроля)⁹, из сферы компетенции Ассоциаций были исключены политические вопросы и, вследствие этого, их пропагандистская деятельность сосредоточилась на образовательной и культурной областях.

Либеральный характер и новаторство Северных Ассоциаций определялись тем, что эти организации пытались объединить под своей эгидой высшие политические и экономические слои страны и гражданское население. Однако состав Ассоциаций, созданных по инициативе ведущих политиков, академиков, экономистов Скандинавии, в 1920-1930-х гг. продолжал иметь по большей части элитную окраску. Многие политики и общественные деятели Северных стран являлись их активными членами (роль вдохновителей сыграли такие ключевые в скандинавской истории фигуры как датчане А. Фосс и Н. Неергор, будущий премьер-министр Норвегии Й. Л. Мувинкель, бывший министр финансов Швеции К. Карлесон, шведский экономист Э. Хекшер и другие), а поднимаемые Ассоциациями проблемы скандинавского региона часто выносились на обсуждение парламентов, что даёт право говорить о своеобразном квази-правительственном статусе Ассоциаций. Одобрительное от-

ношение к их инициативам правительственных кругов способствовало широкому масштабу деятельности Ассоциаций, а народная поддержка стала залогом их популярности. При этом Ассоциации представляли собой суверенные единицы в национальных рамках каждой страны, принимающие решения на параллельной основе, и являлись организациями без центрального органа.

В создании Северных Ассоциаций в 1920-х гг. проявилось сочетание реальных государственных интересов северных стран с многочисленными идейными течениями о сути и формах северного сотрудничества - «нордизм», «новый скандинавизм», «балтийский скандинавизм», «паневропеизм», «интернационализм» были теми основами, с опорой на которые делались попытки определить территориальное измерение и политические схемы для возможного регионального союза¹⁰.

Несмотря на активную пропаганду ценностей возрождения тесных контактов со «скандинавскими братьями», существенный прогресс на пути северного сближения в 1920-е гг. наблюдался лишь на гражданском уровне. Северное сотрудничество не находилось в числе приоритетов «большой политики» малых северных стран: каждая из них продолжала выше всего ценить собственный суверенитет и национальную идентичность. Данные настроения укреплялись под влиянием общих тенденций демократизации послевоенного мира. С особенной подозрительностью и болезненным недоверием любое политическое сближение северных стран воспринималось в Норвегии. В связи с этим, а также учитывая благоприятную послевоенную ситуацию для безопасности Скандинавии, для решения совместных внешнеполитических задач в 1920-е гг. сотрудничество в рамках Лиги наций, куда скандинавские страны и Финляндия вступили в 1920 г., представлялось достаточным.

В период становления системы послевоенного мирового порядка правительства скандинавских стран активно выступали за создание масштабных международных органов. Закономер-

ным в этом случае представляется, что после создания таких органов, как Лига наций или Социалистический Рабочий Интернационал (СРИ), сотрудничество северных стран организовывалось уже под их эгидой. Это способствовало налаживанию ценных личных контактов северных политиков и дипломатических служб¹¹. В большой степени совместное представительство скандинавских стран и «этика взаимных консультаций»¹² формировали в сознании мировой общественности мнение о дружной «Антанте Северных стран» и о безусловных, общих для Северной Европы внешнеполитических интересах. Однако характерно, что Финляндия в этот период ассоциировалась с единой скандинавской линией гораздо реже. «Блок» скандинавских стран, ориентированный на Англию и ратующий за всеобщее разоружение и принципиально принудительный международный арбитраж, проводил в Лиге наций параллельную дипломатию¹³. Финляндия, за всей внешней политикой которой в межвоенное время стояли опасения по поводу намерений Советского Союза, напротив, поддерживала французскую линию и выступала за широкую международную систему безопасности, основанную на системе обязательных санкций¹⁴. Тем не менее, с начала 1930-х гг. позиция Финляндии, активно искавшей союзников для обеспечения гарантий собственной безопасности, постепенно сближалась со скандинавской¹⁵.

Налаживанию сотрудничества стран Северной Европы в межвоенный период препятствовало бремя неразрешенных противоречий в виде взаимных территориальных притязаний. Так, Гренландский конфликт и вопрос вокруг статуса Свальбарда накалял отношения Норвегии соответственно с Данией и Швецией. Наибольшую остроту в этот период приобрел Аландский конфликт между Швецией и Финляндией. Швеция, геополитические амбиции которой после Первой мировой войны находили практическое выражение в перспективе присоединения стратегически важных Аландских островов, поддерживала стремление населения Аландов к самоуправлению в составе Шведского

королевства, тогда как для ставшей независимой Финляндии сохранить территорию архипелага было, помимо прочего, делом национальной чести. Подписанная 20 октября 1921 г. Аландская конвенция, закрепившая особый статус Аландов как самоуправляющейся финской области, наряду с обострившимся в Финляндии языковым вопросом, тормозили финско-шведское сотрудничество в последующее десятилетие¹⁶.

Территориальные конфликты между странами Северной Европы в межвоенный период выносились на международный суд, авторитет решений которого признавался в данных случаях обеими конфликтующими сторонами¹⁷. Эта ситуация представляется важным показателем отношений между странами скандинавского региона, возможности которых в урегулировании проблем собственными силами были неадекватны вследствие непримиримости позиций, она способствует, между прочим, и корректировке представлений о региональном «северном единстве». Характерно, что Северные Ассоциации при решении внешнеполитических конфликтов северных стран проявляли несоответствующую их статусу пассивность, что вызывало возмущение и критику скандинавской общественности.

Наряду со своеобразной «идеологией северного единства», пропагандируемой Северными Ассоциациями, значительную роль в развитии северного сотрудничества на протяжении всего периода играли экономические мотивы. Наметившееся в годы Первой мировой войны движение к организации экономического сотрудничества, уже к началу 1920-х гг. прекратилось, а уровень скандинавского товарообмена скатился к довоенному: возможность осуществлять свободную торговлю представлялась более привлекательной, чем ориентация на ёмкий рынок соседних скандинавских стран. Однако, в начале 1930-х гг., в попытке преодолеть последствия Мирового экономического кризиса и воспрепятствовать растущим протекционистским тенденциям в торговой политике великих держав, вопрос о решении экономических проблем страны через регио-

нальное взаимодействие вновь стал актуальным. Северное сотрудничество развивалось здесь по двум основным путям: с одной стороны, происходило активное объединение промышленных компаний (в основном в области целлюлозно-бумажной, лесной и угольной промышленности) северных стран в международные картели¹⁸, с другой, экономическое взаимодействие осуществлялось под эгидой т.н. «группы Осло». Неофициальное название было определено заключенной в 1930 г. в Осло конвенцией между тремя скандинавскими странами и тремя странами Бенилюкса (Финляндия присоединилась в 1933 г.), с обязательством взаимного заблаговременного информирования о повышении существующих таможенных тарифов или о введении новых.

Существование группы Осло в первой половине 1930-х гг. воспринималось как основа для возрождения свободной торговли в Европе и стимулировало развитие экономических отношений между северными странами¹⁹. Однако по замечанию министра иностранных дел Великобритании А. Идена, «продукция стран группы Осло слишком схожа для того, чтобы этот блок удовлетворился во внешней торговле региональным рынком, поэтому группа Осло, в практическом смысле, – не более чем символическая декларация о необходимости возврата к свободной торговле»²⁰. Характерно, что «Комиссии соседних стран», исследовавшие возможности экономического сотрудничества Северной Европы внутри региона на протяжении 1934-38 гг., пришли к аналогичному выводу: эксперты заключили, что экономические ресурсы северных стран являются конкурирующими, а не взаимодополняющими²¹. Основные внешнеэкономические и коммерческие интересы северных стран оставались направленными в 1920-1930-х гг. вовне региона Северной Европы: для Скандинавских стран основной интерес, в качестве торгового партнера, представляли страны Западной Европы (для Финляндии - также и Восточной Европы). По этой причине «экономический скандинавизм» не привел в межвоен-

ный период к желаемым результатам, не имея постоянной движущей силы для организации и достаточно последовательной и однозначной поддержки в высших политических и экономических кругах. Инициатива стран Осло блокировалась в итоге сильным английским и германским противодействием.

Возникновение группы Осло стало важным событием не только в экономической жизни северных стран, существенно облегчив, через взаимное увеличение товарооборота, их положение в кризисный период развития мировых экономических отношений. В условиях всё большего ослабления международных связей, группа Осло явилась одним из немногих примеров устойчивого сотрудничества малых стран, которые, таким образом, на практике осуществляли главный принцип Лиги наций - конструктивного международного диалога в целях мирного сосуществования²². Без поддержки великих держав конечная цель группы Осло была, однако, неосуществима.

Если первым серьёзным фактором внешнего влияния на интенсификацию северного сотрудничества стал Мировой экономический кризис, то вскоре к нему добавился комплекс новых, более сложных и неблагоприятных для безопасности малых стран изменений в международных отношениях.

В 1920-е гг. создание дополнительных региональных органов для взаимодействия северных стран на высшем политическом уровне, учитывая тесные скандинавские контакты в Лиге наций, воспринималось как излишнее: эти настроения выразились, в частности, в прекращении в начале 1920-х гг. конференций министров иностранных дел Скандинавии и Финляндии. В новой ситуации, перед лицом растущей угрозы со стороны Германии и Советского Союза, произошел возврат к этой практике: за период с 1932 до 1939 гг. состоялось 13 официальных министерских конференций (Финляндия присоединилась к ним в 1934 г.), что отражало усилившуюся потребность северных стран в координации действий.

Наряду с восстановлением данного института межгосу-

дарственного взаимодействия, в 1930-е гг. функцию скандинавского международного форума «большой политики» выполнял также созданный в 1932 г. Северный комитет сотрудничества социал-демократических партий и профсоюзного рабочего движения (СКС). Этот политический комитет, проводивший встречи не реже раза в год, играл принципиальную роль для формирования идеи северного сотрудничества, апеллируя к сильным демократическим и антифашистским традициям в регионе²³. Социал-демократические правительства, пришедшие в течение 1930-х гг. к власти во всех северных странах, осуществляли в рамках СКС взаимодействие как по проблемам внутривластного характера, связанным с различными аспектами политики социал-демократических партий и рабочего законодательства, так и по важнейшим вопросам внешней политики и безопасности своих стран²⁴. В состав делегаций включались ведущие политики Северной Европы: так, председателями датской и шведской делегаций в комитете являлись в 1930-е гг. премьер-министры Т. Стаунинг и П. А. Ханссон. Высокий статус участников СКС, который накладывал отпечаток на программу встреч (на повестке находилась политика по отношению к СРИ, где члены СКС выступали сообща, системе санкций Лиги наций, растущей экспансии фашистских государств и др.), а также его метод - неформального и открытого политического диалога - составляли главное отличие СКС от других форм северного сотрудничества. Предложенная Стаунингом формула «северного союза на социалистической основе» стала важнейшим показателем трактовки идеи северного сотрудничества на государственном уровне и обусловила появление в 1930-х гг. тенденции «рабочего скандинавизма» в общественной жизни северных стран. СКС при этом не имел ни постоянного органа для поддержания контактов в периоды между встречами, ни уставных документов, ни четкой процедуры принятия решений - его существование определялось исключительно актуальными параллельными задачами и интересами

правлящей социал-демократии северных стран, которые представлялись в качестве общенациональных²⁵.

Необходимо заметить, что в целом за формулировкой «северное сотрудничество», закрепившейся в политической практике в 1920-30-х гг., крылась некоторая неоднозначность. Под участниками этого процесса в равной степени подразумевались скандинавские страны и Финляндия, однако участие Финляндии в северном сотрудничестве в межвоенный период обладало большей спецификой. Ориентированная в начале 1920-х гг. на сотрудничество с балтийскими странами и Польшей и создание т.н. Балтийской Лиги²⁶, Финляндия после провала этих планов сосредоточила усилия на получении международных гарантий безопасности от Лиги наций. Только в декабре 1935 г. правительством М. Кивимяки был официально провозглашен курс на «скандинавскую ориентацию» внешней политики страны²⁷.

Отказ Англии и Франции от применения санкций к Италии в 1936 г. и однозначного осуждения её агрессии в Абиссинии четко обозначил для четырех северных стран начало кризиса доверия Лиге наций, стимулировав их сотрудничество для дальнейшей совместной выработки нейтральной политики. Подписанная ими 1 июля 1936 г. декларация о необязательном, то есть, добровольном соблюдении статьи 16 Устава о санкциях стала прологом к активному диалогу о возможностях северного нейтралитета, участие Финляндии в котором отныне было не менее активным. Единственным фактическим итогом этих переговоров стало лишь подписание северными странами 27 мая 1938 г. новых совместных правил нейтралитета.

Вопрос безопасности являлся в 1930-х гг. определяющим для внешней политики каждой из северных стран. Различное понимание задач национальной обороны было при этом камнем преткновения в развитии их сотрудничества во второй половине 1930-х гг. и определяло неспособность повлиять на ситуацию в скандинавском регионе силами отдельных его участников²⁸.

Швеция стремилась превратить регион Северной Европы в общество безопасности, для чего предлагалось заключить северный оборонительный союз. Эта позиция нашла своё выражение в неоднозначной «северной политике» 1936-1939 гг. шведского министра иностранных дел Р. Сандлера. Изначально утопичная схема организации этого сотрудничества прекрасно, впрочем, осознавалась Сандлером, который, по всей видимости, маскировал под лозунгами вооруженного нейтралитета Северной Европы единственную реальную перспективу шведской региональной политики - сотрудничество с Финляндией²⁹. Норвегия придерживалась «активной политики мира», основанной на посреднической роли нейтральных стран как третьей стороны в урегулировании конфликтов великих держав. Лейтмотивом внешней политики Дании было поддержание добрососедских отношений с Германией, что задавало общий тон датскому отношению к северному сотрудничеству, и было метко охарактеризовано Т. Стаунингом в 1937 г. как нежелание служить «цепным псом Северной Европы на южных рубежах»³⁰. Для Финляндии, так же отчетливо, как Дания, осознававшей источник угрозы своей безопасности, главный смысл скандинавской ориентации заключался в том, чтобы заручиться в Швеции военными гарантиями на случай конфликта с Советским Союзом.

Наиболее конкретной попыткой организации северного сотрудничества второй половины 1930-х гг., за которым в реальности в это время стояло финско-шведское сотрудничество в сфере безопасности, стал т.н. «Стокгольмский план», касавшийся совместной защиты Аландских островов в случае войны. План, приобретающий свои очертания с середины 1938 г. и подписанный представителями двух стран в Стокгольме 7 января 1939 г., был предоставлен на утверждение Совету Лиги наций, но к маю 1939 г. оказался полностью блокирован вследствие советского вето³¹. Однако не в меньшей степени неудачу в построении совместных финско-шведских схем безопасности определили изначально противоположные оценки

значения этого сотрудничества самими участниками. Для Швеции оно означало превентивные меры, способные обезопасить регион от вторжения агрессора; для Финляндии война представлялась неизбежной и сотрудничество со шведами, в данном случае, преследовало совершенно конкретные военные цели³². Недопонимание позиций друг друга в отношениях между Швецией и Финляндией и однозначный отказ Норвегии и Дании от участия в региональных оборонительных проектах привели к полной разобщенности внешнеполитических ориентиров в регионе накануне мировой войны.

При объяснении сложностей процесса организации северного сотрудничества в межвоенный период важно учитывать следующий момент. На создание организаций или союзов, то есть на институциональное оформление процесса успешного сотрудничества, постоянно, в различной степени, влияют как внутренние, так и внешние, находящиеся вне сферы влияния участников, факторы³³. К основным внутренним факторам можно отнести объективные интересы участников, рациональный расчет ими рисков и затрат сотрудничества, к внешним - наличие экспансии или давления на позицию участников извне. В случае сотрудничества северных стран эти факторы взаимосвязаны особенно тесно. Несомненно, для создания общих межгосударственных органов нужна одинаковая заинтересованность (иными словами - позитивная прагматическая позиция) и поддержка проекта всеми участниками. Однако «рационализм северных стран» существенно корректировался в обстановке международной напряженности 1930-х гг. рационализмом стратегических планов великих держав относительно региона Северной Европы. Помимо этого ведущего фактора внешнего значения, при оценке потенциала сотрудничества северных стран важно учитывать уровень и направленность их предыдущих отношений. Здесь следует отметить, прежде всего, исторический опыт отношений Норвегии и Швеции как постоянный негативный фактор межскандинавского сближения (причина недоверия

норвежцев по отношению к «бескорыстности» шведских намерений), а также сложный исторический путь финско-шведского взаимодействия, особенности которого обусловили возникновение новой волны сильного анти-шведского националистического движения в Финляндии в 1920-х и начале 1930-х гг.

Определить роль идейного фактора в развитии северного сотрудничества в сравнении с реальными политическими интересами гораздо сложнее ввиду более тонкого механизма его воздействия. Нордизм, выросший из скандинавизма, хотя и совершил прорыв в межвоенный период, не подкреплялся в этот период политической мотивацией. Безусловность и естественность северного сотрудничества, о которой заявляли идеологи «единой Фенно-Скандии», разбивалась о рамки, установленные для малых европейских стран великими державами. По той же причине интернационализм, свойственный идеологии скандинавской социал-демократии, не мог стать основой для внешнеполитического сближения. Несмотря на это, укреплявшееся в межвоенный период представление об особой общности северных стран создавало необходимое пространство для ведения политического и экономического диалога, без которого уровень северного сотрудничества межвоенного времени был бы несравненно ниже.

Наибольшую эффективность, учитывая весь комплекс указанных факторов, в 1920-1930-е гг. имела такая форма организации сотрудничества как «скандинавские блоки» в Лиге наций, СРИ, на широких международных конференциях. Она была удобна, так как, лоббируя общие интересы, её участники в то же время не имели чётких взаимных обязательств. Северные страны, обособленные в рамках международного сообщества представительством общего региона, в определенной степени были избавлены от разрушающей силы собственных региональных противоречий и характеризовались более четким осознанием конечных задач сотрудничества и возможностей для их осуществления. Оказавшись, вследствие дискредитации Лиги

наций как международного арбитра, вынужденными решать региональные проблемы (главную из которых составлял вопрос безопасности), своими силами, северные страны не показали той сплоченности и организованности, которую демонстрировали до этого, в основном, в Лиге наций. Провал сотрудничества четырёх стран Северной Европы был обусловлен многократно возросшей в течение 1930-х гг. внешней угрозой для региона, определявшей развитие центробежных сил в их региональной политике, а также стремлением заручиться более «реальной» поддержкой великих держав.

Организация отношений северных стран в межвоенный период характеризуется, с одной стороны, попыткой избежать любой иерархии (и, в связи с этим, отсутствием единого надгосударственного органа межнационального сотрудничества), с другой - принципом параллелизма в процессе выработки внешнеполитических решений и согласованием собственной позиции с контекстом региональных отношений. Данная схема свидетельствует о стремлении северных стран к «гармонизации» отношений³⁴, что не обязывало участников заключать их в организационные рамки. Организация, напротив, зачастую воспринимались как нежелательный итог сотрудничества, способный ограничить свободную политическую волю и суверенитет участника. При этом участие в региональном сотрудничестве, основанном на общности интересов, оставалось не только крайне важным, но и наиболее комфортным для северных стран в 1919-1939 гг. способом международного диалога.

Международные отношения соседних стран далеко не всегда характеризуются гармоничным сосуществованием, тем более неочевидна их заведомая предрасположенность к каким-либо совместным акциям. Поэтому явные, на первый взгляд, мотивы регионального сотрудничества требуют дополнительного анализа и осмысления в зависимости от конкретной ситуации. Опыт регионального сотрудничества стран Северной Европы в межвоенный период является уникальным и важнейшим

прецедентом европейской истории, однако его оценка имеет свои сложности. Более понятная, на первый взгляд, логика поведения малых стран - иметь в опасной ситуации за спиной сильного союзника в лице могущественной великой державы, либо, наоборот, добиваться от международного сообщества признания своего строгого нейтралитета – казалось бы, не оставляет региональному сотрудничеству, как альтернативному способу решения проблемы безопасности малых стран, особенных шансов на успех. Тем не менее, при одинаковой заинтересованности в таком сотрудничестве всех участников и их готовности к определенной корректировке своих интересов и принятию его издержек, преимущества этого «среднего пути» для внешней политики стран региона Северной Европы могли бы быть реализованы ими с гораздо большей эффективностью.

Рассмотрение проблемы организации северного сотрудничества позволяет приблизиться к пониманию того, насколько непрочным, несмотря на многочисленные усилия межвоенного двадцатилетия, оказывалось политическое «северное единство» в преддверии Второй мировой войны. Однако, делая данный вывод, не следует пренебрегать важнейшим достижением северного сотрудничества 1919-1939 гг., которое заключалось в создании т.н. «сети стран Северной Европы»³⁵. Нити этой многослойной, разветвленной региональной структуры прослеживаются в последующей истории отношений северных стран на самых различных общественных и политических уровнях и определяют создание в 1952 г. первой масштабной региональной организации - Северного Совета.

¹ *Sandler R.* Svenska utrikesärenden. Anföranden 1934-1935. Stockholm, 1936. S.59.

² *Wendt F.* Cooperation in the Nordic countries: achievements and obstacles. Stockholm, 1981. P. 18-23.

³ В качестве идейной основы сотрудничества в XIX веке выступало поли-

тико-романтическое течение «скандинавизма». Однако после того, как идея политического северного союза выявила свою несостоятельность в датско-прусской войне 1864 года, скандинавизм продолжал развиваться в основном в культурной и экономической сферах. См.: *Andersson J. A. Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919-1953*. Lund, 1994. S. 34-50; *Holmberg Å. On the practicability of Scandinavianism: Mid-nineteenth-century debate and aspirations // Scandinavian Journal of History*, 1984. Vol.9, №1. P. 171-182.

⁴ Исландия, с 1918 года имеющая собственное управление, в сфере внешней политики оставалась зависимой от Дании вплоть до 1944 года, в связи в чем в данной статье её политика не получает специального освещения.

⁵ *Andersson J.A. Idé och verklighet. Föreningarna Norden genom 70 år*. Stockholm, 1990. S. 29-44.

⁶ *Wendt F. Cooperation in the Nordic countries: achievements and obstacles*. 89.

⁷ См. подробнее: *Janfelt M. Att leva i den bästa av världar. Föreningarna Nordens syn på Norden 1919-1933*. Stockholm, 2005.

⁸ *Larsen K. Scandinavian grass roots: from peace movements to Nordic Council // Scandinavian Journal of History*. Vol. 9, № 1. 1984. P. 185-198.

⁹ *Hansen S. O. Drømmen om Norden. Der norske foreningen Norden og det nordiske samarbeidet 1919-1994*. Oslo, 1994. S. 22-23.

¹⁰ *Lehti M. Baltoscandia as a National Construction // Relations between the Nordic countries and the Baltic nations in the XX century/ ed. By K. Hovi*. Turku, 1998. P. 22-52; *Janfelt M. Att leva i den bästa av världar*. S. 93-109; *Andersson J. A. Nordiskt samarbete... S. 69-71*.

¹¹ *Landqvist Å. Norden i Nationernas Förbund // Norden på världsarenan* (red. av Å. Landqvist). Stockholm, 1968. S. 76-85.

¹² Трактовку естественной для северных стран практики («этики») взаимных консультаций во всех областях, включая внешнюю политику и безопасность, приводит Н. Андрен, при объяснении динамики северной интеграции: *Andrén N. Nordic Integration // Cooperation and Conflict*, 1967; 2 (1). P. 10-14.

¹³ *Götz N. On the origins of "Parliamentary Diplomacy". Scandinavian "Bloc politics" and the delegation policy in the League of Nations // Cooperation and Conflict*. Vol. 40 (3). 2005. P. 263-279.

¹⁴ *Broms B. Finland and the League of Nations // Finnish foreign policy: Studies in foreign politics*. Helsinki, 1963. P. 84-98.

¹⁵ *Sélen K. Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisteen*

siirtyminen kansainliitosta Pohjoismaiseen yhteistyöhön 1931-1936. Helsinki, 1974.

¹⁶ *Tingsten H.* The Debate on the Foreign Policy of Sweden 1918-1939. Oxford, 1949. P. 147-149; *Kalela J.* Grannar på skilda vägar. Det finländsk-svenska samarbetet i den finländska och sveska utrikespolitiken 1921-1923. Helsingfors, 1971. S. 57-59.

¹⁷ См. подробнее: *Barros J.* The Åland question: Its Settlement by the League of Nations. New Haven, Conn., and London, 1968; *Nilson I.* Grönlandsfrågan 1929-1933. En studie i småstatsimperialism. Umeå, 1978.

¹⁸ *Olsson S.-O.* Nordic Trade Policy in the 1930s // Papers of the XVI International Economic History Congress, Helsinki, 21-25 August 2006, Session 91: The Nordic Countries and the Commercial Deglobalization of the Interwar Period. P. 14-17. – ([http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers 3/Olsson.pdf](http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers%203/Olsson.pdf))

¹⁹ Об истории группы Осло в предвоенное десятилетие см.: *Roon G. v.* Small States in Years of Depression: The Oslo Alliance 1930-1940. Assen; Maastricht, 1989.

²⁰ Цит. по *Nilson B.* Handelspolitik under skärpt konkurrens: England och Sverige 1929-39. Lund, 1983. S. 79.

²¹ *Kaukiainen L.* Joint Information Services as a Nordic Answer in the Crisis of the 1930s // Miscellanea. Helsinki, 1983. P. 24-27; *Lindgren R. E.* Norway-Sweden: Union, Disunion and the Scandinavian Integration. Princeton, 1959. P. 251-252.

²² *Lönnroth E.* Den svenska utrikespolitikens historia 1919-1939. Stockholm, 1959. S. 117.

²³ *Blidberg K.* Splittrad gemenskap. Kontakter och samarbete inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1931-1945. Stockholm, 1984; *Putensen D.* Nordeuropa und die SAI: zum internationalen Wirken der sozialdemokratischen Parteien Nordeuropas in der Sozialistischen Arbeiter-Internationale (SAI) und im nordischen Zusammenarbeitskomitee sowie deren Stellung zu Grundfragen des Kampfes um Frieden (1930-1940). Halle-Wittenberg, 1986.

²⁴ Протоколы встреч СКС в межвоенный период были опубликованы. См.: Samråd i kristid. Protokoll från den Nordiska Arbetarrörelsens Samarberskommité 1932-1946. Utg. genom K. Wahlbäck och K. Blidberg. Stockholm, 1986.

²⁵ *Blidberg K.* Socialdemokratin och Norden. Synpunkter ur ett nordiskt samarbetsperspektiv // Socialdemokratin och svensk utrikespolitik: från Branting till Palme (ed. B. Huldt, K. Misgeld). Stockholm, 1990. S. 186-187.

²⁶ Подробнее см.: *Lehti M.* A Baltic League as a Construct of the New Europe. Envisioning a Baltic region and small state sovereignty in the aftermath of the First World War. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1999.

²⁷ *Барышников В.Н.* К проблеме скандинавской ориентации Финляндии в 1930-е гг. // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999. С. 238-246; *Kaukiainen L.* From Reluctance to Activity. Finlands Way to the Nordic Family during 1920's and 1930's. // Scandinavian Journal of History, 1984. Vol. 9. № 1. Pp. 201-219; *Soikkanen, T.* Striden kring den nordiska orienteringen som Finlands utrikespolitiska linje (1934-39). Turku, 1996; и др.

²⁸ *Ørvik N.* From Collective Security to Neutrality. The Nordic Powers, The League of Nations, Britain and the Approach of War, 1935-1939 // Studies in International History: Essays Presented to W. Norton Medlicott (ed. by K. Bourne & D.C. Watt). London, 1967. P. 385-401.

²⁹ *Wahlbäck K.* Rickard Sändlers nordiska politik // Socialdemokratin och svensk utrikespolitik: från Branting till Palme. / Ed. B. Guldt, K. Misgeld. Stockholm, 1990. S. 29-45; *Юханссон А. В., Нурман Т.* Безопасность Швеции и всеобщий мир: социал-демократия и внешняя политика // Создавая социальную демократию. Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции (Под ред. К. Мисгельда, К. Мулина и К. Омарка). М., 2001. С. 431-435.

³⁰ Подробнее см., например: *Weibull J.* The politics of the Scandinavian States under the threat of Hitler // Neutralität und totalitäre Aggression: Nord-europa und die Grossmächte im Zwitter Weltkrieg / Hrsg. von R. Bohn. Stuttgart: Steiner, 1991. P. 3-8.

³¹ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. 1930-1950-е годы. М., 2005. С. 234-268; *Upton A.* The Crisis of Scandinavia and the Collapse of Interwar Ideals 1938-1940 // European Unity in Context: The Interwar Period. London and NY, 1989. P. 174-180.

³² Подробный анализ финско-шведских намерений осенью 1939 года, проведённый с целью выяснения, в какой степени Швеция обманула финские надежды накануне Зимней войны, представлен в статье: *Wahlbäck K.* Sveik Sverige Finland hösten 1939? // Historisk Tidskrift för Finland. № 74. 1989. P. 245-76.

³³ *Abrahamsson B.* Varför finns organisationer? Kollektiv handling, yttre krafter och inre logik. Stockholm, 1986. S. 281-287.

³⁴ *Etzioni A.* Political Unification: A Comparative Study of Leaders and Forces.

New York, 1965. P. 220-228.

³⁵ Концепция сотрудничества стран Северной Европы, в которой их многосторонние связи условно определяются как «паутина», пронизывающая всю структуру скандинавского общества, предложена Н. Андреном. См. подробнее: *Andrén N. Nordic Integration*. P. 1-25.

ВЫБОР ПУТИ ДЛЯ КАРЕЛИИ: К 90-ЛЕТИЮ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Один из возможных подходов к анализу системного кризиса российской государственности начала XX в. предлагает синергетическая теория, рассматривающая общество как неравновесную открытую систему, развивающуюся под влиянием взаимодействия множества малых факторов. Некоторое время такое развитие осуществляется устойчиво, линейно, в канале аттрактора. Но в какой-то момент система идет «вразнос», дестабилизируется, оказывается в состоянии бифуркации. Принципиальным отличием теории синергетики от большинства других методологических подходов к пониманию общества, помимо признания первостепенной важности малых взаимодействий - флуктуаций, является гипотеза множественности вариантов выхода из кризиса - бифуркации. Возникает несколько новых возможных аттракторов, и выбор того или иного оказывается достаточно случайным.

В рамках исторической науки использование синергетической теории, если исключить ее вульгаризацию, сдерживается тремя принципиальными обстоятельствами. Во-первых, в качестве субъектов, источников флуктуаций выступают люди, существа разумные (или, по крайней мере, претендующие на это), способные до некоторой степени контролировать и координировать свои действия. Это несколько снижает степень случайности происходящих событий. Во-вторых, мы не можем отрицать существенной роли закономерностей, причинно-следственных связей в развитии общества, хотя в отличие, например, от марксизма, по крайней мере, в его догматизированном варианте, не стоит абсолютизировать этот фактор. В-третьих, между теорией, методологией и конкретными научны-

ми исследованиями обязательно должна быть методика. В случае с синергетической теорией такой методики, на наш взгляд, пока не создано. Есть только отдельные попытки в этом направлении. Поэтому говорить о широком применении синергетического подхода в исторических исследованиях было бы преждевременно.

Однако учитывать наиболее принципиальные идеи этой теории можно и нужно. Прежде всего, это касается последовательно системного подхода, внимания к малым массовым взаимодействиям, понимания возможности нескольких вариантов выхода общества из периодически возникающих системных кризисов. Попытаемся применить эти принципы к анализу конкретной исторической ситуации: судьбы Карелии в условиях системного кризиса российской государственности начала XX в.

Напомним, для начала, что понятие «Карелия» применительно к этому времени носило не административный, а территориально-этнографический характер и подразумевало те части Архангельской и Олонецкой губерний, на которых компактно проживали карелы, прежде всего уезды, примыкавшие к границе Великого княжества Финляндского. Иначе говоря, это было приграничье, точнее говоря, квази-приграничье, поскольку Финляндия являлась в момент начала кризиса частью Российской империи. Граница существовала, но для карелов приграничных уездов в силу ее близости и полного отсутствия дорог, которые соединяли бы их с внутрироссийскими транспортными магистралями (прежде всего с только что построенной Мурманской железной дорогой), она являлась вполне условной, ничуть не препятствуя вынужденной бытовой контрабанде.

Общее запоздание процесса формирования наций в рамках Российской империи, находившегося к моменту революции 1917 г. в своей начальной стадии, в случае с карелами выглядит еще более очевидным. Существенные языковые различия между различными группами карелов, практически полное отсутствие интеллигенции - главного автора процесса фор-

мирования национальной идентичности, уже упоминавшееся отсутствие путей сообщения обусловили то обстоятельство, что самоопределение карелов как особой национальной общности началось уже в ситуации кризиса.

Преобразование Финляндии в самостоятельное государство, гражданская война и интервенция на Севере сделали Карелию объектом борьбы противостоящих политических сил. Финская политическая элита, отчасти движимая романтическими представлениями о необходимости помощи соплеменникам, отчасти зараженная за время пребывания в России имперскими амбициями, отчасти старающаяся цинично воспользоваться слабостью бывшей метрополии с целью приращения своей территории, начала оказывать политическую, экономическую, военную, моральную поддержку формирующемуся карельскому политическому мини-классу, стремясь привязать карелов к себе и добиться присоединения Карелии к Финляндии. Причем различные группы карелов воспринимались финнами по-разному. Если политика в отношении карелов Архангельской губернии была самой дружественной, покровительственной, тактичной, то Олонецкий поход сопровождался откровенным насилием, в том числе и по отношению к южным карелам. Соответственно и карелы по-разному относились к Финляндии и возможности присоединения к ней.

Архангельские правительства Н. В. Чайковского и генерала Е. К. Миллера свою политику по отношению к Карелии строили, исходя из принципа «единой и неделимой России», воспринимали карелов как возможный источник пополнения личного состава своих вооруженных формирований. Схожие позиции занимали представители Антанты, рассматривавшие первоначально Финляндию как регионального союзника Германии. Такое отношение встречало сопротивление, вплоть до вооруженного, со стороны карелов.

Большевики изначально не могли ни контролировать большую часть территории Карелии, ни предложить карелам

что-либо отвечающее их жизненным интересам. По большому счету, революция обернулась для карелов полным прекращением продовольственного снабжения из центра и лишением их возможности зарабатывать на жизнь самостоятельно, путем лесозаготовок. Обещания скорого наступления мировой революции слабо компенсировали эти потери и мало способствовали привлечению карелов на сторону Советской власти.

В этих условиях среди северных карелов большую популярность получила идея создания независимого карельского государства, нашедшая воплощение в решениях Ухтинского съезда 1920 г.

Таким образом, в условиях гражданской войны и интервенции на Европейском Севере сложились четыре возможных варианта дальнейшей судьбы Карелии: сохранение прежнего неопределенного территориально-этнографического статуса в рамках Северной области до момента восстановления Российской империи, аналогичный статус в рамках большевистской России, присоединение полностью или частично к Финляндии, образование независимого государства. Еще один вариант существовал в самом начале 1918 г., когда В. И. Ленин вполне серьезно рассматривал возможность передачи Карелии Красной Финляндии. Со временем и этот вариант, и вариант с Северной областью отпали. Но остальные были вполне реальны. При определенных условиях Карелия могла существовать самостоятельно, поскольку и до революции местное население, производя не более трети от необходимого количества продовольствия, все остальное зарабатывало само на лесозаготовках и лесосплаве. Поддержка со стороны Финляндии, пусть и не всегда бескорыстная, помогла бы решить проблемы с кадрами врачей, учителей, юристов и т. п. Нельзя было исключать и возможности варианта перехода Карелии к Финляндии по договору с Советской Россией. Брестский мир показал, что ради сохранения власти большевики были готовы идти на совершенно фантастические территориальные уступки, свято при этом веря, что в скорой ми-

ровой революции национальные государства со всеми своими границами исчезнут. В значительной степени этот вариант остался нереализованным не только в силу военных успехов Красной Армии, но и по причине недостаточной изощренности финляндской дипломатии, прежде всего личным свойствам Р. Холсти, явно уступавшего в этом Г. В. Чичерину.

В конце же концов был реализован совершенно неожиданный вариант, предложенный «красными финнами», предполагавший превращение Карелии в «альтернативную Финляндию» с высокоразвитой экономикой и социальной сферой, что позволило бы ей стать манящим примером для скандинавского пролетариата. И образование Карельской Трудовой Коммуны является ярким примером того, как малый фактор, случайная флуктуация при определенных благоприятных условиях может служить выбору того или иного канала аттрактора для всей системы.

«РУССКИЙ ФАКТОР» В ПРАВОРАДИКАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В ФИНЛЯНДИИ В 1920-1930-е гг.

Финляндия периода Первой республики (1919 - 1944 гг.) была одной из тех европейских стран, переживавших гражданскую войну, где горькая история недавнего прошлого сильно политизировала общество и подчеркивала его разделение на две части¹. 1920-1930-е гг. можно охарактеризовать как период бурного общественного волнения в стране. Характерным для нового государства стало, в частности, резкое укрепление национализма. На это коренным образом повлияли получение независимости и относительно свободная общественная жизнь, победа буржуазных сил в гражданской войне, а также общеевропейский прорыв национализма. Надо отметить, что вопросы национального самосознания начали господствовать в финском обществе уже в конце XIX в.² Но если финский национализм в то время в основном опирался на идеи национального освобождения, культурные ценности и либерализм, то характерными для финского национализма в Первой республике стали радикальность и нетерпимость. Он стал основой безусловно правой идеологии, которая часто выражалась в прямой ксенофобии и экспансивных планах. В Финляндии главным противником правых радикалов стали русские и их пособники - «красные» финны гражданской войны, участники рабочего движения, особенно представители его коммунистического крыла.

Очевидно, что финский национализм межвоенного периода имел и внешне- и внутривнутриполитические аспекты, - борьба против «внешнего» (русские) и «внутреннего» (крайне левые) врага. Объединяющим элементом этих аспектов являлся «русский фактор». Целью настоящей статьи является, с помощью от-

дельных примеров из деятельности следующих крайне правых организаций: Академическое карельское общество (АКС) (1922 - 1944 гг.), лапуаское движение (1929 - 1932 гг.) и его наследник - Патриотическое народное движение (ИКЛ) (1932 - 1944 гг.), выяснить, что конкретно представлял собой «русский фактор» и какую роль он играл в идеологии финского праворадикального движения в данное время. Пытаться определить, что Россия и русские в разных вариациях обозначали для представителей финского праворадикального движения, и почему их ненависть к русским в межвоенный период достигла такой категоричности, можно с нескольких точек зрения. Во-первых, вопрос может быть рассмотрен с геополитической точки зрения. В финнской историографии существует общепринятый термин «соседи против собственной воли», характеризовавший подозрительные и антагонистические отношения между Финляндией и Советским Союзом в межвоенный период³. Это определение также метко выражает положение финских крайне правых сил данного времени. При этом важно обратить внимание на то, как правые радикалы представляли себе особое геополитическое положение Финляндии. По их мнению, аванпост всей западной цивилизации находился в Финляндии. Таким образом, для них Финляндия являлась главным защитником Европы от «восточных варваров»⁴.

Весьма важным событием, повлиявшим на развитие крайне правого движения, стало подписание Тартуского мирного договора 14 октября 1920 г., который определил новую советско-финляндскую границу. В праворадикальном движении Финляндии мирный договор встретили с разочарованием, так как Финляндия должна была отдать Ребольскую и Поросозерскую волости, которые были захвачены ею в 1919 г. Однако, Финляндия получила порт Петсамо, что гарантировало ей выход к Северному Ледовитому океану. Крайне правые считали, что эта передача территории является предательством по отношению к соплеменным народам и, что не менее важно, тяжелым

поражением на пути создания «великой Финляндии»⁵.

Однако, надо заметить, что в крайне правых кругах прекрасно осознавали то, что Тартуский мир являлся результатом компромисса, что новая граница была искусственной, и, возможно, лишь временной. В праворадикальных организациях решили не останавливаться на достигнутом, а начали энергичную пропагандистскую деятельность с целью исправления этой несправедливости. Примером может послужить публикация 1923 г. Академического карельского общества «Проснись, Финляндия!», на страницах которой представление общества о естественной восточной границе Финляндии описывали следующим образом: «Пусть наша независимость и расцветающее величие будут основаны на той могучей скале, которую называют любовью к Отечеству, которая и есть ненависть... Положение этой страны (Финляндии. - *В.-Т.В.*) не будет стабильным до того, пока восточная граница не будет перенесена туда, где она естественно должна отделить народ Калева (финнов. - *В.-Т.В.*) от рюсса⁶. Только когда верный финский <...> сторож будет охранять берега Свири и Онежского озера, финн сможет отдохнуть, только тогда сможет отец спокойно закрыть глаза для вечного сна»⁷.

В праворадикальном движении считали, что экспансия Востока является главной угрозой независимости Финляндии не только территориально, но и идейно. Здесь важно не то, кто именно находится у власти в России, - является ли восточный сосед царским или советским, а то, что независимой Финляндии вечно угрожает восточный реваншизм⁸. Это во многом повлияло на то, что вопросы обороны сохранили немаловажное место в идеологии главных праворадикальных организаций Финляндии до конца их существования. С одной стороны, у крайне правых вызывало подозрение предполагаемое стремление советской власти получить выход к Атлантическому океану, а, с другой, вопрос о безопасности Ленинграда неизбежно обозначал территориальное давление в отношении Карельского перешейка и

островов Финского залива⁹.

Надо заметить, что в межвоенное время и в рядах финских правых радикалов также господствовали реваншистские идеи, в основном, в форме соплеменной идеологии и экспансивной политики «великой Финляндии», как это выразалось на страницах журнала молодежной организации Патриотического народного движения «Синимустат» («Синечерные»): «Лишь Великая Финляндия является настоящей Финляндией. В наших сердцах горит любовь к нашему угнетённому народу. Мы ненавидим Тартуский мир и тех, у кого не хватило смелости»¹⁰. Однако, в праворадикальном движении не могли отрицать полное отсутствие всех нужных для достижения упомянутой цели ресурсов. Поэтому главный акцент ставился на пропаганду с целью объединения, сначала финского, а потом соплеменных ему народов. Свойственным этой пропаганде было требование о том, чтобы финский народ видел во всех русских и всем русском нечто презренное и отторгаемое. В течение 1920-1930-х гг. у крайне правых также настойчиво сохранилось представление о том, что Восточная Карелия является ирредентой Финляндии¹¹. Хотя, в конечном счете, Советская Карелия осталась для них недостижимой мечтой, этот соплеменный аспект сохранил свою актуальность до конца существования данных организаций. В годы «войны-продолжения» (1941-1944) можно даже говорить о некоем возрождении идеологии «великой Финляндии».

В праворадикальных публикациях начала 1930-х гг. можно заметить новую активизацию антирусских и антисоветских высказываний. Это связано, прежде всего, с началом насильственной депортации ингерманландцев в начале десятилетия, известие о которой глубоко потрясло соплеменные круги Финляндии. Большинство этих протестов затрагивало также перспективы создания «великой Финляндии» и решение карельского вопроса с помощью оружия. Но, как отметил исследователь Тойво Нюгорд, во многом на эти настроения повлияло ошибочное предположение о том, что советское государство в

ближайшие годы рухнет¹².

Во-вторых, сущность «русского фактора» можно рассматривать с расовой точки зрения. Исследователь Кари Таркиайнен в некоторых своих трудах рассматривает средневековое представление о русских в общеевропейском масштабе. Уже в средневековой Европе образ русских воспринимали как нечто противоположное европейской религии, культуре и обществу. Русских часто описывали коварными, вероломными, распутными «стадными животными», которые проводили время, пьянствуя и воруя¹³. В 1920-1930-е гг. представление финских крайне правых сил о русских не отличалось коренным образом от упомянутых средневековых представлений европейцев.

Другой финский историк, Кари Иммонен, показывает в своем исследовании, которое посвящено формированию образа СССР в финской периодике в 1918-1939 гг., значение «белой» пропаганды. По его мнению, весна 1918 г. - последние месяцы гражданской войны - сыграла важнейшую роль для роста антисоветских настроений в Финляндии. В финляндской «белой» прессе большевиков описывали преступниками, жестокими варварами, и большевизм называли русским безобразием и сорняком, духовной развращенностью, мерзостью и ядом. Считалось, что уничтожение этого бесстыдства было исторической миссией «белых» финнов¹⁴. Однако, важно заметить, что эта всеобщая ненависть к русским почти никогда не была направлена на конкретные личности, русских всегда видели как некую совокупность. Надо также отметить, что в первые годы независимости Финляндии антирусские настроения господствовали не только среди «белых» активистов, а, как пишет исследователь Оути Каремаа, поддерживая мнение К. Иммонена, в результате усиленной «белой» пропаганды периода гражданской войны, в целом, в финском обществе к русским относились отрицательно. Даже некоторые учёные молодого государства в своих трудах поддержали негативные предрассудки о русских расовых свойствах, подавая их как вполне научные факты¹⁵.

В своей докторской диссертации «Враги, преследователи и кровопийцы. Ненависть к русским в Финляндии в 1917-1923 гг.» О. Каремаа называет 1920-1923 гг. периодом «мифологизации ненависти к русским»¹⁶. В этот период главным пропагандистом антирусских настроений, безусловно, стало Академическое карельское общество. В его деятельности это крайне отрицательное отношение к русским получило новые масштабы, оно было мифологизировано за счет финского патриотизма. Это весьма негативное отношение среди членов АКС можно легко понять: многие из пионеров общества были детьми периода русификации 1880-1890-х гг., которые видели в русских и России вечную угрозу Финляндии и финской культуре. Характерным для Академического карельского общества было акцентирование того, что бок о бок с настоящим патриотизмом всегда стоит ненависть к врагу, в частности, к русским¹⁷. Это лишь один пример противопоставлений, которые активно использовали в праворадикальной пропаганде. С помощью, например, таких антонимов, как нравственность - аморальность; праведность - нигилизм; христианство - безбожие; патриотизм - интернационализм, подчеркивалась незримая граница, которую отделяла финнов от русских.

Характерной чертой высказываний крайне правых о русских был кричащий, откровенный расизм. Красочно описывались негативные черты русских, они были, например, «хищниками в человеческом образе», «красными змеями», «марксистскими дьяволами» и «врагами человечества»¹⁸. В праворадикальном движении антирусские высказывания дошли до такой степени, что на страницах его многочисленных публикаций можно было встретить, например, пословицы следующего образца: «Господь совершил две ошибки: когда он творил крысу и русака»; «"Готово!" сказал черт, когда русака творил»¹⁹; «Какое животное более всего похоже на человека? - Ну, это же рюсся»²⁰ и «Троица гадких и мерзких: свинья, которую знают за неопрятность, гнилое яйцо, которое знают за отвратительный

запах, и рюсся, которую знают за первое, второе, и еще за кое-что»²¹. Можно также упомянуть одну из первых публикаций Академического карельского общества, которая называлась не менее провокационно «О русаках можно говорить лишь скрипя зубами»²². Многие члены общества подписывали свои письма, используя выражения «твой брат по ненависти к русакам» или «вечно ненавидя все русское». Лозунгом узкого круга АКС «Вихан Вельет» («Братья по ненависти») стал «Против черта и русака!»²³

В праворадикальном движении считали, что идеи ненависти ко всему русскому нужно распространять в финском обществе любым способом. Ненависти к большевикам было недостаточно, речь шла о всеобщей расовой ненависти к русским. Часто ссылались на губительное влияние коммунизма, но главную оценку давали расовым аспектам: говорили о «слабой славянской расе», «расовых особенностях русаков» и т.д.²⁴ В книжке «Великая Финляндия является Отечеством» писали следующее: «Рюссявиха является той силой, которая создала нашу свободу. <...> В течение уже тысячелетий страсть народа русаков представляет собой уничтожение нашего маленького народа. <...> Смерть всем русакам, несмотря на то, какого они цвета!»²⁵

Часто расовый аспект связывали с необходимостью найти общего врага для всех финнов. Это считалось важным для объединения народа. Хотя, на самом деле, русские в гражданской войне Финляндии значительной роли не играли, «белая» пропаганда сумела эффективно использовать образ «ужасного русского» для своих целей. В праворадикальной пропаганде русский стал неким существом, уже не человеком, а вечным злом. Надо отметить, что из-за гражданской войны старая дилемма о том, находится ли Финляндия по преимуществу в сфере влияния Запада или Востока, снова приобрела на рубеже 1910-х - 1920-х гг. былую актуальность. В «белой» литературе подчеркивалось стремление отличаться от

славянских элементов.

Противоположность Финляндии и России подчеркивали так усиленно, что даже противопоставление «красных» и «белых» осталось на заднем плане. «Странное красное поведение» стали объяснять восточной заразой, в которой «красные» финны не являлись виновными сами - они просто подверглись в своё время вредному влиянию русских. Таким образом, русских можно было также легко обвинить во вспышке войны и расколе общества.²⁶ Для мышления «белой» Финляндии не подходило понимание гражданской войны как классовой борьбы. С точки зрения «белых» война являлась именно освободительной, так как в ней участвовало также некоторое количество русских. Для «белых» стало удобно отождествлять «красность» с «русскостью». Таким образом, борьба против «красных» была на самом деле борьбой против «русскости», русских свойств²⁷. В дальнейшем, в течение следующих двух десятилетий общепринятой практикой для крайне правых стало отождествление коммунизма с «русскостью». Общественные противоречия истолковывались как национальные и расовые противоположности²⁸.

Наконец, некоторые черты «русского фактора» можно определить с точки зрения системы правления. Если (особенно с расовой точки зрения) отношение финских крайне правых к русским определяла ненависть, то, с точки зрения системы правления, важнейшей чертой стал её страх перед мощным восточным соседом. По мнению правых радикалов, коммунизм представлял собой главную угрозу мировому порядку²⁹. Особенно это подчеркивалось в политической деятельности лапуаского и Патриотического народных движений. Здесь противопоставление финнов и русских также занимало немаловажное место. С этой точки зрения, русский был не только «рюсся», грязный, лукавый, коварный, ужасный пьяница, а, в первую очередь, - марксист, большевик, коммунист³⁰.

Для сравнения, приведу любопытное описание типичного представителя Академического карельского общества от

1936 г. Член АКС должен был обладать воинской честью и лучшими качествами героев «Калевалы» Илмаринена и Куллерво. Он - человек энергичный, справедливый и честный, ему неизменно присуща культура, он ведёт безупречный образ жизни, в частности, отказываясь от чрезмерного употребления алкоголя³¹.

В первые годы после гражданской войны представление «красных» и «белых» о том, что такое Отечество, стало всё больше различаться. Это можно, наверное, назвать идеологическим наследием войны. В «белом» лагере считали, что им свойственны западная культура и христианское мировоззрение, то есть, такие черты, которые сыграли ключевую роль уже в идеологии фенноманов XIX в. А в «красных», у которых представление об Отечестве опиралось на социализм, начали видеть «рюсся» - представителей «внешнего врага». Это усилило страх перед распространением социалистической революции из России в Финляндию. Таким образом, именно система правления - советская власть - стала источником опасений для представителей праворадикального движения³². Начиная с первой половины 1920-х гг. правые радикалы стали лучше понимать какую силу и опасность в действительности представляла собой Советская Россия. До этого, как упоминалось выше, многие из них полагали, что власть большевиков является лишь временной, и хаос в соседней стране давал повод для выстраивания утопических экспансивных планов. Если в идеологии Академического карельского общества главным противником финнов были русские именно как представители «чужой славянской расы», то деятельность лапуаского движения находила своё крайнее выражение в бескомпромиссной борьбе против коммунистов - и финских, и русских. Лапуаское движение определило свою цель следующим образом: сначала запрещение деятельности левых рабочих организаций и изгнание из парламента левых депутатов, и, в конце концов, полное уничтожение коммунизма³³. Это крестьянское движение получило известность

прежде всего из-за своих нелегальных методов в борьбе против марксизма, оно также способствовало, например, принятию «антикоммунистических законов» 1930 г.³⁴

Лапуаское движение, как таковое, всегда являлось спорной проблемой в общественной жизни страны. Важно заметить, что, хотя, в общем, в Финляндии незаконные действия лапуасцев осудили, сама идея их борьбы против коммунизма получила широкое одобрение. Например, К.Г.Э. Маннергейм позднее отметил в своих мемуарах, что в данном случае внепарламентское давление со стороны лапуаского движения было нужным, так как без «руководства» этого движения государственная власть не приняла достаточных мер против таких сил (коммунистических. - *В.-Т.В.*), целью которых было уничтожение страны³⁵. Кстати говоря, здесь интересно заметить, как представители лапуаского движения нередко проповедовали нелегальные принципы коммунизма, когда они сами трактовали букву закона, исходя из собственных принципов. Впоследствии выражение «закон Лапуа» даже стало устойчивым. Под ним подразумевалось то, что лапуасцы определяли правоту поступков в зависимости от того, какое отношение они имели к антикоммунистической деятельности.

Летом 1930 г. основным видом деятельности лапуаского движения стали так называемые муйлутус («похищения»)³⁶. Людей, критиковавших действия лапуаского движения, похищали и перебрасывали через границу в Советский Союз. При этом их истязали, требуя ложных показаний и обещаний отречься от рабочего движения. В этих похищениях конкретизировался и внутри- и внешнеполитический характер лапуаского движения, который часто выражали словами начальника Шюцкора местечка Теува Онни Ораса: «У финнов есть два врага: внешний - рюсся, и внутренний - коммунизм»³⁷. Для лапуасцев коммунизм был мерзостью, которую надо было вернуть на ту свалку, откуда она первоначально начала свое распространение. У лапуасцев не было никакого понимания в отношении ком-

мунизма как теории коммунистов: «Нам надо добиться того, чтобы грязный коммунист, несмотря на то, где он находится, очутился в изоляции, как чумной. <...> Коммунизм не излечивают воспитанием и вежливым отношением, единственным лекарством против него являются сила и дисциплина»³⁸. Как отметил исследователь Юха Силтала, это была уже не только борьба «белых» против «красных», а борьба против «внутреннего врага»³⁹. ИКЛ продолжала тотальную линию лапуаского движения по отношению к социал-демократам и коммунистам. Многие члены партии заявляли, что между коммунистами и социалистами нет никакой разницы, потому что и коммунисты, и социалисты являются марксистами, «заклятыми врагами» финского государства. Эти нападки были основаны на том, что и идеология, и практическая деятельность социал-демократов увеличивают опасность для Финляндии, как суверенной страны⁴⁰.

Однако, можно вообще поставить под вопрос саму эту проблему: какую угрозу социал-демократы и коммунисты на самом деле представляли для независимости Финляндии. Как отмечали на съезде Коммунистической партии Финляндии в 1932 г., в это время она (партия) находилась в состоянии глубокого кризиса, и у неё не было возможности принимать конкретные меры в борьбе против этих «крестьянских фашистов»⁴¹. Кроме того, компартия находилась на нелегальном положении, и ей никак не удавалось привлечь значительное количество сторонников. В 1930-е гг. у неё было наибольшее число членов: в середине 1932 г. - 2180, но, например, в марте 1937 г. - лишь 839⁴². Что же касается социал-демократов, то надо отметить, что уже к 1923 г. общая линия Социал-демократической партии Финляндии опиралась не на марксизм, а на парламентский реформизм, целью которого было усиление народовластия в стране, а не революция⁴³.

В публицистике праворадикального движения особенно в 1930-е гг. стали популярными различные «отчеты очевидцев»

об ужасах жизни в Советском Союзе. В типичной статье такого рода писали, например, о том, что советские люди были одеты в какие-то тряпки, везде господствовали голод, страх и пр.⁴⁴ Особое внимание уделяли Советской Карелии, где условия жизни соплеменных народов беспокоили крайне правых финнов. Многословно описывали, как советская власть испортила жизнь карелам, для которых повседневность стала неотделимой от нищеты и страданий⁴⁵. Советский Союз обвиняли в повсеместной антирелигиозности. И это в то время, как одной из главных особенностей финского правого радикализма данного периода был религиозный пафос в нерушимом союзе с патриотизмом. Кстати, иногда в публикациях интересующих нас правых организаций можно отметить антисемитские высказывания, хотя антисемитизм (в Финляндии не имевший этнопсихологического основания), среди крайне правых нередко ассоциировался с марксизмом и безбожием⁴⁶. В частности, из-за страха перед мощным СССР важное место, особенно в последние довоенные годы, в идеологии Академического карельского общества и Патриотического народного движения получило германское направление. Финское праворадикальное движение традиционно опиралось на Германию, но, начиная с середины 1930-х гг., в противоположной коммунизму гитлеровской диктатуре была видна единственная серьёзная сила, способная справиться с возможным нападением СССР на Финляндию⁴⁷. Нужно отметить, что страх перед Советским Союзом и вопрос о выживании Финляндии в качестве её соседа при возможной войне волновали всё финское общество в довоенные годы. В этом смысле в стране сложилась интересная ситуация. Суть её заключалась в следующем. По мнению победителей 1918 г. - «белых» финнов - чтобы отразить внешнюю угрозу, нужно достичь внутреннего единодушия. Но, в то же время, они поняли, что слишком резкое требование единогласия могло ослабить способность к отражению внешней угрозы⁴⁸. А в отношении финского общества к Советскому Союзу подразу-

мевались как внешняя угроза, то есть, возможность нападения Советского Союза на Финляндию, так и внутренняя - если между бывшими противниками гражданской войны, «красными» и «белыми» финнами, не сложится единодушие и страна снова расколется надвое.

Итак, финское праворадикальное движение межвоенного периода представляло собой полное отрицание всего русского, и именно «русский фактор» определил общий курс деятельности крайне правых сил в тот период. При определении самого «русского фактора» необходимо подчеркнуть его многосторонний характер. Уже не повторяя вышеприведенную характеристику, а лишь подводя некоторый итог данному рассуждению, можно сказать следующее. Так или иначе, «русский фактор» являлся ключевым элементом в идеологии и практической деятельности Академического карельского общества, лапуаского движения и Патриотического народного движения. Его надо рассматривать как совокупность ряда геополитических, расовых и идеологических факторов, которые не исключают друг друга, но, в зависимости от сложившегося исторического контекста, проявляются различными способами.

¹ *Mylly J.* Porvarilliset puolueet ja suojeluskunnat. // Raja railona. Näkemyksiä suojeluskuntiin. Porvoo, 1998. S. 37.

² См. например: *Alapuro R.* Suomen synty paikallisena ilmiönä 1890-1933. Porvoo, 1994; *Herää Suomi.* Suomalaisuusliikkeen historia. Jyväskylä, 1980; *Sihvo H.* Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana. Helsinki, 1973; *Wuorinen J. H.* Suomalaisuuden historia. Porvoo, 1935.

³ См. *Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoaan. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan I. Lahti, 1966.

⁴ *Nygård T.* Venäläisvastaisuus ja Suur-Suomi-ajatus suomalaisen äärioikeiston ideologiassa. // *Mongoleja vai germaaneja?* Rotuteorioiden suomalaiset. Vammala, 1985. S. 465.

⁵ Хотя, в зависимости от времени, понятие «великая Финляндия» имело разные значения, принято считать, что финский поэт второй половины XIX в. Август Алквист в своем стихотворении «Власть Финляндии» дал

классическое определение «великой Финляндии». Согласно ему, помимо Восточной Карелии «великой Финляндии» принадлежали Ингерманландия, Лянсипохья, т.е. территория, заселенная финноязычным населением вблизи рек Торнионйоки и Муонионйоки в финской Лапландии и в Норботтене, и Руйа, т.е. норвежская Лапландия.

⁶ Центральным вопросом в деятельности финских крайне правых сил уже на рубеже 1910-1920-х гг. стала ненависть ко всему русскому - «рюсся-виха». Само слово «рюсся» (вероятно, от шведского - рюсс - русский) - финское оскорбительное слово для русских, а слово «виха» в финском языке - ненависть. Однако, буквальный перевод является слишком узким, так как «рюссявиха» содержит кроме русофобии и другие элементы.

⁷ Herää Suomi! Helsinki, 1923. S. 7.

⁸ *Eskelinen H.* Me tahdoimme suureksi Suomenmaan. Akateemisen Karjala-Seuran historia I. Tausta, organisaatio, aatteet ja asema yhteiskunnassa 1922-1939. Juva, 2004. S. 48-49.

⁹ *Klinge M.* Vihan veljistä valtiososialismiin. Yhteiskunnallisia ja kansallisia näkemyksiä 1910- ja 1920-luvuilta. Juva, 1983. S. 159-160.

¹⁰ Sinimusta 1/1935.

¹¹ *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu, 1978. S. 21-22.

¹² Ibid. S. 192.

¹³ *Tarkiainen K.* De ryska ”nationalegenskaperna” enligt svenk uppfatning i början av 1600-talet. Helsingfors, 1973. S. 21; *Immonen K.* Ryssästä saa puhua... Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918-1939. Keuruu, 1987. S. 38-43.

¹⁴ *Immonen K.* Ryssästä saa puhua... S. 99-100.

¹⁵ *Karemaa O.* Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917-1923. Helsinki, 1998. S. 147.

¹⁶ Ibid. S. 148.

¹⁷ Ibid. S. 148, 167

¹⁸ Kansallisarkisto (Далее: КА). Kerho 22 kokoelma (Далее: Kerho 22) B 7.

¹⁹ Kansa kalliolla. Maanpuolustusväen kultainen kirja. Porvoo, 1939. S. 168-172.

²⁰ Suojeluskuntalaisen lehti. 19.4.1923.

²¹ КА. Kerho 22 H 3.

²² Ryssästä saa puhua vain hammasta purren. Helsinki, 1922.

²³ КА. Suomen 1920- ja 1940-luvun historian säätien kokoelma. (Далее: Säätien) 24.

-
- ²⁴ Подробнее см.: *Alapuro R.* Akateeminen Karjala-Seura. Ylioppilasliike ja kansa 1920- ja 1930-luvulla. Helsinki, 1973. S. 92; KA. Säätiö 24; Herää Suomi! Helsinki, 1923.
- ²⁵ Ryssänviha // Suursuomi on yhtä kuin Isänmaa. Helsinki, 1923. S. 11-14.
- ²⁶ *Karemaa O.* Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. S. 98.
- ²⁷ *Klinge M.* Vihan veljistä valtiosotalismiin. S. 109.
- ²⁸ Ibid. S. 70.
- ²⁹ См. например: IKL 1/1937.
- ³⁰ *Immonen K.* Ryssästä saa puhua... S. 16.
- ³¹ KA. Kerho 22 H 3.
- ³² *Nygård T.* Venäläisvastaisuus ja Suur-Suomi-ajatus suomalaisen äärioikeiston ideologiassa... S. 465.
- ³³ KA. Säätiö 5.
- ³⁴ *Hannula U.* Me teemme mitä tahdomme. Helsinki, 1933. S. 67.
- ³⁵ *Mannerheim C.G.E.* Muistelmat I. Helsinki, 1951. S. 468.
- ³⁶ Такие похищения стали называться по имени братьев Муylу, которые первыми совершили похищения.
- ³⁷ *Siltala J.* Lapuan liike ja kyuditykset. S. 324-325.
- ³⁸ Sinimusta 10/1931.
- ³⁹ *Siltala J.* Lapuan liike ja kyuditykset. S. 320-321.
- ⁴⁰ Työväen Arkisto. SDP. DA4.
- ⁴¹ Kansan Arkisto. SKP. Mikrofilmi 13.
- ⁴² *Rentola K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937-1945. Juva, 1994. S. 80.
- ⁴³ *Siltala J.* Lapuan liike ja kyuditykset. S. 485.
- ⁴⁴ См. например: Luo lippujen! 2/1937.
- ⁴⁵ См. например: Suomen heimo 9/1932.
- ⁴⁶ Подробнее см. например: *Eskelinen H.* Me tahtoimme suureksi Suomenmaan... S. 238-242.
- ⁴⁷ KA. Säätiö 27 C 12.
- ⁴⁸ *Alapuro R.* Kertomus suomalaisista idän ja lännen välissä. // Suomi. Maa, kansa, kulttuurit. Jyväskylä, 1999. S. 103.

РОЛЬ СЕВЕРНОГО РАБОЧЕГО СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА В РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И «РАБОЧИЙ СКАНДИНАВИЗМ» 1920 - 1930-Х гг.

Региональное сотрудничество стран Северной Европы (Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии и Исландии) являлось одной из важнейших проблем и задач международных отношений Балто-Скандинавского региона в XX веке. Северные страны, которые зачастую представлялись в западноевропейском видении как далёкая периферия, приобрели в межвоенное двадцатилетие особый стратегический и экономический потенциал, что придавало планам их сотрудничества в вопросах внешней политики и обороны важность общеевропейского масштаба и привлекало к ним пристальное внимание как западноевропейских, так и советских стратегов. В условиях обострения международной ситуации и роста военной и экономической экспансии великих держав в 1930-е гг., предыдущие попытки Северных стран найти приемлемые организационные формы межгосударственного сотрудничества в регионе получили своё продолжение и новое, гораздо более интенсивное развитие. Осознавая собственные ограниченные возможности влиять на принятие решений на международной арене, сторонники регионального сотрудничества Северных стран рассматривали его как способ усилить свои позиции в экономическом, дипломатическом, политическом отношении через взаимные консультации и поддержку.

В межвоенный период проекты северного сотрудничества в различных сферах обсуждались на многих уровнях. Пропагандистская деятельность Северных Ассоциаций, общая дипломатическая линия скандинавских делегаций в Лиге Наций,

экономическая группа стран Осло по либерализации международной торговли являются главными вехами в предыстории институциональной организации северного сотрудничества. Важным этапом в сотрудничестве на национальном уровне стали возобновившиеся с 1932 г. конференции министров иностранных дел скандинавских стран, к которым в 1934 г. Присоединилась финские коллеги. При наличии многочисленных разногласий и оговорок относительно способов и целей северного сотрудничества уже в межвоенный период, полный международных кризисов, некоторые попытки по созданию стабильных совместных органов, деятельность которых имела своё продолжение и после 1945 г., имели определенные успехи.

Одним из примеров тенденции к сближению в отношениях, получившей развитие в странах Северной Европы в 1930-х гг., стала деятельность Северного комитета сотрудничества социал-демократических партий и лидеров профсоюзного рабочего движения (СКС). Данный комитет играл принципиальную роль для формирования государственной политики стран-участниц относительно северного сотрудничества. Социал-демократические правительства Северных стран в 1930-е гг. получили возможность координации своих действий в его рамках как по проблемам внутривнутриполитического характера, связанным с различными аспектами политики социал-демократических партий и рабочего законодательства, так и по важнейшим вопросам внешней политики и безопасности своих стран. Высокий политический статус участников СКС, который накладывал свой отпечаток на программу встреч (на повестке находились политика по отношению к Социалистическому Рабочему Интернационалу, системе санкций Лиги Наций, растущей экспансии фашистских государств и др.), а также его метод – неформального и открытого политического диалога - составляли главное отличие СКС от других форм межскандинавского сотрудничества¹.

Одной из особенностей политического развития стран

региона Северной Европы в межвоенный период являлись его сравнительно слабые связи с фашистским и коммунистическим движениями в соседних европейских странах и наличие сильных, пользующихся значительной общественной поддержкой социал-демократических партий. Общие внешнеполитические интересы, а также идейная и практическая обоснованность северного сотрудничества в начале 1930-х гг. заложили основу для сближения представителей скандинавского социал-демократического и рабочего движения Северных стран на государственном уровне².

Идея создания совместного органа рабочего движения Северных стран, вновь актуализировавшаяся в 1930-е гг., получила своё воплощение впервые ещё в XIX в. с созывом первого скандинавского рабочего конгресса в Гётеборге в августе 1886 г.³ С 1907 г. в работе конгрессов участвовали финские представители, а в 1912 г. впервые был поднят вопрос об учреждении специальной постоянной инстанции для поддержания контактов в период между конгрессами. Так, в октябре 1913 г. появился Комитет сотрудничества скандинавского рабочего движения (или Скандинавский комитет сотрудничества)⁴, задачей которого стало решение вопросов практической организации и тактики рабочего движения (таких, как помощь при забастовках, формирование центральных организаций профсоюзов, рабочее законодательство) и расширение сотрудничества в социальном секторе, а также экономическое взаимодействие с соседними странами.

С самого начала деятельность комитета была ориентирована в большей степени на совместное решение внутривнутриполитических задач собственной страны. В плане координации своей политики в рамках Второго Интернационала Скандинавский комитет, несмотря на первоначальные заявления о стремлении к совместному выступлению в вопросах международного сотрудничества и законодательства, в 1910-е гг. не стал организацией, способной добиться осуществления международных целей трех

стран, и носил в этом отношении ограниченный, совещательно-рекомендательный характер. В целом первая в XX в. попытка создать организованное политическое сотрудничество на региональном уровне выявила неготовность скандинавских рабочих организаций на данном этапе передать вышестоящему, наднациональному органу полномочия в принятии решений. Комитет по своему характеру был далёк от возможности эффективной и централизованной организации совместной политики, - ограниченность практических возможностей его решений усугубилась с началом Первой мировой войны.

В 1920-е гг. стремление к оформлению сотрудничества социал-демократических сил Северных стран в постоянных организационных рамках было приостановлено вследствие преобладания революционных тенденций в норвежском рабочем движении. На съезде НРП в июне 1919 г. большинством голосов было принято решение выйти из Второго Интернационала и примкнуть к новообразованному Коминтерну, в результате чего произошёл первый раскол партии. В 1921 г. правое крыло сформировало Социал-демократическую рабочую партию, вступившую, наряду с более стабильными шведской, датской и финской партиями, в образованный после распада Второго Интернационала Социалистический Рабочий Интернационал (СРИ). Левое крыло, поддерживающее политику Коминтерна, сохранило название «рабочей партии Норвегии».

Противоречия в отношении решений Исполкома Коминтерна и требование об обязательности этих решений для формулирования политических программ партий-участниц привели в ноябре 1923 г. к новому расколу НРП, в результате которого приверженцы политики Третьего Интернационала образовали Коммунистическую партию Норвегии, вошедшую в Коминтерн. НРП, таким образом, после второго раскола в 1920-х гг., оказалась вне обоих Интернационалов. Последовавшее лишь в 1927 г. объединение Социал-демократической рабочей партии Норвегии (СДРПН) и НРП вернуло рабочему движению Норвегии

относительную монолитность, однако только через 10 лет партия официально присоединилась к СРИ⁵. Следует заметить, что политика воссоединившейся после идейных расколов 1920-х гг. НРП воспринималась социал-демократами в соседних скандинавских странах, тем не менее, с настороженностью, которая во многом сохранялась в 1930-е гг.

События в норвежском движении привели к затуханию инициативы по организации единого скандинавского социал-демократического пространства. Конгресс Скандинавского комитета в январе 1920 г., в котором НРП уже официально не принимала участия, стал последним. На протяжении всего послевоенного десятилетия платформы для возобновления рабочего сотрудничества в намеченных в 1910-е гг. организационных рамках не существовало. Профсоюзные организации и социал-демократические партии скандинавских стран в 1920-е гг. продолжали поддерживать контакты на уровне личных связей, а также через участие в рабочих конференциях соседних стран.

Как в датском, так и в шведском партийном руководстве в 1920-е гг. был взят курс на сильную, влиятельную «национальную социал-демократию», с приоритетным развитием внутривнутриполитической программы⁶. Стабилизация идейной платформы НРП к началу 1930-х гг. обеспечила возможность для очередной попытки создания «скандинавского союза на социалистической основе», который видел в перспективе премьер-министр Дании Т. Стаунинг. Лидер датской социал-демократии, мнение которого имело значительный вес в политической жизни Северной Европы, употреблял данный термин не только применительно к сотрудничеству рабочего движения, но подразумевая под ним широкий спектр всестороннего политического взаимодействия с соседними странами, осуществляемый посредством постепенного проведения парламентских реформ в этом направлении⁷.

Такая трактовка была принципиальным новшеством в понимании мотивации северного сотрудничества, которая, пос-

ле провала попыток скандинавского политического союза в XIX в., основывалась на идеях традиционного «скандинавизма», с его приверженностью развитию теперь, по большей части, культурных и экономических связей Северной Европы. Значение понятия, обозначившего новое направление в развитии отношений Северных стран, - «рабочий скандинавизм»⁸ - было закреплено председателем Социал-демократической партии Швеции (СДПШ) П. А. Ханссоном в его докладе в 1934 г.. В него вкладывались «готовность считаться с интересами и правами другого, меньший национальный эгоизм и особое восприятие идеи единства», что определялось общим, социалистическим образом мышления⁹.

Таким образом, подчёркивалось отличие нового движения от иных форм северного сотрудничества: его специфической предпосылкой были общие цели рабочего движения в Северных странах. При том, что основная мотивация сотрудничества Северных стран в 1930-е гг. лежала в сфере экономики и национальной безопасности, «рабочий скандинавизм» преследовал дополнительную, в своей основе политическую цель - образование социалистических обществ в Северных странах и взаимная поддержка в этом деле. Актуальность новой линии сотрудничества была очевидна в условиях подъёма рабочего движения протеста в условиях ухудшившихся из-за экономического кризиса благосостояния масс и оплаты трудовой деятельности.

В начале 1930-х гг. социал-демократы в странах Северной Европы получили значительную поддержку на парламентских выборах и вскоре сформировали национальные правительства¹⁰. В это время в Северной Европе значительно усилилась роль центральных профсоюзных организаций (ЦОП), которые, пользуясь доверием рабочих, теперь имели гораздо более тесный контакт с правительствами и пользовались большим авторитетом. Необходимость практического приспособления и некоторой идейной переориентации политических формул социал-демократии в свете происходящих изменений в

мире в 1930-е гг. также способствовали сближению скандинавских партий: социал-демократия всё более воспринималась как не столько классовая, сколько народная идеология с широким социальным базисом. В соседних странах разрабатывались параллельные программы для борьбы с негативными последствиями мирового экономического кризиса. Поэтому представлялся необходимым обмен политическим и экономическим опытом для согласования и стабилизации политики социал-демократических партий и расширения их влияния в обществе.

Помимо внутривнутриполитической мотивации, отчетливо прослеживалась внешняя направленность нового регионального движения, а именно, регулирование отношений и создание своеобразного северного блока в рамках Интернационала. Общие взгляды на задачи социал-демократии в международных отношениях влияли на осознание в начале 1930-х гг. целесообразности их совместной координации. Стержнем этих взглядов была солидарность с интересами рабочего класса в других странах, разоружение и совместное разрешение проблем международных отношений, что отличало их «от буржуазного политического эгоизма и ограниченности»¹¹. Идеология международной рабочей солидарности стала к началу 1930-х гг., таким образом, благоприятным фактором для возобновления прерванного диалога социал-демократий Северных стран¹².

Однако северная социал-демократия преследовала в Интернационале и другую цель: выведение собственных реформистских идей на новый уровень и, таким образом, их «международную апробацию». Фашистская угроза в начале 1930-х гг. усиливала интеграционные тенденции социал-демократического движения в Северных странах: социал-демократия представлялась золотой серединой между двумя крайностями - коммунизмом и фашизмом, а их теоретические разработки - единственной эффективной идеологией, способной предотвратить распространение фашистских идей в обществе¹³.

Итак, стратегия «социализма как высшего достижения

демократии» в скандинавских странах являлась общим базисом социальной, экономической и внешней политики. В первой половине 1930-х гг. это способствовало сближению с соседними странами, где наблюдались аналогичные тенденции. В этом отношении стабильная датская социал-демократия, проводившая наиболее успешную и последовательную политику в 1920-е гг., играла роль примера для рабочего движения остальных Северных стран, как в идейном, так и в практическом отношении. Именно сформулированная датчанами «стратегия народной партии» получила впоследствии положительную оценку в политике П.А. Ханссона, что, в свою очередь, стало примером для норвежцев и финнов¹⁴. То, что инициатором возрождения официального органа социал-демократических партий Северных стран стал председатель датской партии Торвальд Стаунинг, предложивший своим коллегам возобновление сотрудничества в июне 1931 г., представляется в этом случае закономерным¹⁵.

Решение об образовании постоянного совместного органа - Северного комитета сотрудничества социал-демократического и рабочего движения (СКС) - было принято 10 августа 1932 г. на конференции в Копенгагене¹⁶.

В объяснение побудительных мотивов этого шага можно привести несколько причин. Во-первых, велики были надежды на то, что мнение нового «северного социал-демократического блока» будет иметь большой авторитет на международном уровне: «рабочий скандинавизм» обладал отчетливой внешней направленностью, т.е. одной из ведущих целей возобновляемого регионального сотрудничества была выработка совместной линии в рамках Интернационала¹⁷. Для этого логичным было наладить постоянное региональное взаимодействие в рамках специального комитета. Т. Стаунинг мотивировал свою инициативу в 1931 г. стремлением вывести руководство норвежского рабочего движения, преодолевшего идеологический и организационный кризис, из изоляции, в которой оно оказалось в предыдущем десятилетии.

Однако, вероятно, реальная цель Т. Стаунинга была иной: через сближение с социал-демократами соседних стран выработать комплекс экономических и социально-политических мер для борьбы с неблагоприятными экономическими и, главное, политическими последствиями Мирового кризиса, сохранив влияние социал-демократии в новых условиях¹⁸. Опасения Т. Стаунинга вызывал также рост радикальных левых тенденций, присущих, в частности, новой программе НРП: объединенные силы северной социал-демократии должны были справиться, по его мысли, и с этой задачей. К официальному участию в СКС в 1932 г. были приглашены представители Дании, Швеции, Финляндии и Исландии. Норвежской социал-демократии, вплоть до её присоединения к СРИ, предлагалось присутствовать на заседаниях СКС на правах гостя¹⁹.

«Реорганизованный» СКС явился, прежде всего, политическим форумом для лидеров социал-демократических партий и Центральных профсоюзных организаций. Однако, учитывая правительственный статус социал-демократии в Северных странах в 1930-х гг., важнейшим достоинством новой организации, по сравнению со Скандинавским Комитетом сотрудничества 1913 г., была способность участников СКС проводить принятые решения в жизнь на уровне официальной государственной программы правящей партии. Таким образом, была высока возможность практической реализации решений СКС.

Тесная взаимосвязь СКС с правительственными структурами в Северных странах представлялась несомненным преимуществом, однако она же определяла и пределы возможностей для принятия более радикальных решений и обязательств по их исполнению в условиях обострения международных отношений в Европе. Победа социал-демократии на парламентских выборах в Северных странах в 1930-е гг. требовала от партийного руководства более осмотрительной, чем ранее, согласующейся, в первую очередь, с национальными интересами позиции в отношении решений Интернационала. Это составляло отныне

важное отличие северной социал-демократии от остальных европейских партий: от скандинавских социал-демократов требовалось теперь заботиться не о политической борьбе с оппозицией, а об осуществлении государственного курса страны.

Специфическая роль социал-демократии в Северных странах объясняет, почему представители партии и профсоюзов одной и той же страны оказывались в 1930-е гг. на различных позициях при обсуждении вопросов в СКС. ЦОП, свободные от ответственности за управление страной, обладали большей свободой действий и могли позволить себе поддерживать более радикальные требования. При том, что решения Социалистического Интернационала были обязательны для его членов, рабочее движение и ЦОП Северных стран соблюдали в 1930-е гг. принцип международной солидарности Интернационала более последовательно и с меньшими оговорками, чем социал-демократические партии, и поэтому, закономерно, чаще выступали движущими силами в формулировании идей северной солидарности. Шведские профсоюзы в этом отношении играли роль связующего звена между норвежским, датским и финским рабочими движениями.

Необходимо заметить, что в 1930-х гг. в программах скандинавских социал-демократических партий, за исключением общего социал-демократического принципа интернациональной рабочей солидарности, не содержалось специальных установок относительно того, в каких формах следует осуществлять собственно региональное сотрудничество с соседними странами²⁰. Этот факт позволяет сделать вывод о характере регионального сближения рабочего движения: северное сотрудничество воспринималось как средство для достижения «высшей» цели, а именно международного рабочего единства, основанного на идеалах интернационализма. Отсутствие у членов СКС специальных установок относительно развития регионального сотрудничества может объясняться и тем, что региональное взаимодействие и контакты рабочего движения и социал-демо-

кратий в Северных странах воспринимались в общественном сознании как естественное и закономерное явление, не требующее дополнительных оговорок. Подобная позиция, тем не менее, не обеспечивала участникам сотрудничества конкретной стратегии действий²¹.

При подразумеваемой монолитности, в скандинавском рабочем движении уже в 1930-х гг. действовали серьезные разобщающие силы. Внутренние отношения между профсоюзными организациями и социал-демократическими партиями, при их декларируемых в рамках СКС и СРИ общих целях, имели свои специфические особенности в каждой из Северных стран. Так, норвежскому и датскому рабочему движению было присуще значительное идеологическое и политическое единение с политикой правящей партии. НРП, при полной поддержке отечественных профсоюзных организаций, проводила в 1930-е гг. радикальную линию международной солидарности для борьбы с фашистской угрозой. В Дании сплоченность партии и ЦОП при доверии сильному руководству во главе с Т. Стаунингом также являлась характерной политической чертой, однако важнейшей базой взаимопонимания ЦОП и партии была поддержка прежде всего внутренней, а не международной солидарности, национальных интересов страны. В шведском рабочем движении наблюдался существенный раскол на формулирующую официальную национальную политику СДПШ и идеологически оппозиционное ей рабочее движение в виде ЦОПШ²². Финские представители в рамках СКС проявляли меньшую активность, и противоречия между финской социал-демократической партией и рабочим движением были незначительными²³.

В обсуждениях СКС в 1930-х гг. можно выделить две основные линии. Внутренние вопросы развития рабочего движения представляли первую из них: к ним относились проблемы положения профсоюзов в каждой стране, вопросы поддержки рабочих организаций, сокращения продолжительности рабочего дня и ущемления прав рабочих, безработица, экономическая и

политическая помощь финскому и исландскому рабочим движениям со стороны более сильных скандинавских партий и др. Вторая линия была связана с международными вопросами.

Ведущей внешнеполитической задачей Комитета, как отмечалось, стало согласование линии, которую следовало проводить скандинавским социал-демократам в Социалистическом Рабочем Интернационале. В рамках этой линии закономерно требовалось обсуждение актуальных проблем международных отношений, среди которых рост фашистской угрозы представлял наиважнейшую. Международные вопросы, как правило, поднимались в СКС в связи с их резонансом в СРИ, когда необходимо было определить позицию стран Северной Европы в отношении конкретной ситуации. Наиболее острые международные проблемы в 1930-х гг., подразумевающие активную реакцию членов Интернационала (бойкот немецких товаров после прихода Гитлера к власти, применение санкций к Италии в связи с Итало-Абиссинской войной, Гражданская война в Испании), вызывали серьёзные разногласия между правящими партиями и рабочим движением. Представители наиболее авторитетных в СКС Дании и Швеции в этих дискуссиях исходили из интересов собственной национальной политики. Характерно, что их ведущие политики (П.А. Ханссон, Р. Сандлер, Т. Стаунинг), в своём неодобрении безоговорочной поддержки решений Рабочего Интернационала профсоюзами (особенно однозначной в вопросе торгового бойкота Германии в 1933 г.), выступали «от лица всей социал-демократии». Это превращало их позицию в единственно приемлемую для страны в данных условиях линию поведения, пренебрежение которой рассматривалось как опасное и вредное для национальных интересов.

Таким образом, тезис об обязательности рекомендаций Интернационала для участвующих в нем партий вступил в первой половине 1930-х гг. в Швеции и Дании (и только в конце 1930-х гг. - в Норвегии) в противоречие с правительственным статусом социал-демократических партий. Проведение в жизнь

его решений, обличающих европейских агрессоров, было сложно осуществимо в форме официальной линии внешней политики. Однозначное осуждение действий Германии, Италии, Японии не соответствовало реальным интересам Скандинавских стран как нейтральных государств, заинтересованных, с одной стороны, в торговых рынках великих держав, с другой - в предотвращении втягивания своих стран в международные конфликты. По замечанию виднейшего шведского социал-демократа, члена СКС Р. Лидстрёма, «международная политика партий Северных стран не добровольна, она является прямым следствием международной ситуации и исходит из национальных интересов, а потому может входить в противоречие с интересами международными»²⁴. Следовательно, решения Интернационала находились в понимании правящих партий в подчинённом положении по отношению к государственной политике нейтралитета; в глазах представителей рабочего движения, напротив, требования международной солидарности должны были превалировать во внешней политике правительства.

В 1930-е гг., в попытке сотрудничества для противодействия фашистской агрессии в Европе, члены СКС уделяли определённое внимание альтернативе сотрудничества социал-демократов с компартиями для создания единого антифашистского фронта. В отличие от единства в идеологической оценке фашизма, отношение к коммунизму не было однозначным: здесь различия наблюдались, прежде всего, между норвежским мнением и остальными участниками. Норвежцы бурно поддерживали идею организации сотрудничества между коммунистами и социалистами, - оно рассматривалось как логичное развитие с точки зрения рабочей идеологии, а также как имеющее большую практическую значимость для расширения возможностей борьбы с фашизмом. Шведская и датская партии были настроены скептически, что объяснялось, помимо прочего, внутривластной ситуацией в их правительствах, при которой социал-демократия формировала коалицию с буржуаз-

ными партиями, чуждыми любым проявлениям коммунистической идеологии.

Позиция большинства, радикально отличная от норвежской, была озвучена на встрече СКС в декабре 1937 г., при обсуждении вопроса о присоединении советского профсоюзного движения к Рабочему Интернационалу. Помимо обязательного требования обретения советским рабочим движением «самостоятельного, независимого от Советского правительства положения», П.А. Ханссон, поддерживаемый финской и датской сторонами, заявил о сомнительной политической и психологической основе для сотрудничества с коммунистами, поскольку «в действительности, коммунизм открывает путь к фашизму»²⁵. В 1930-х гг. правительства северных стран, скованные необходимостью осторожной дипломатии, не могли, да и не стремились предложить какие-либо эффективные антифашистские меры для совместного их осуществления на международном уровне. Наиболее показательной в этом отношении была позиция шведского правительства: чем более успешной была его антифашистская пропаганда во внутренней политике, тем меньше было оснований для любого международного сотрудничества в этой сфере. Стремления к международной солидарности против фашистской угрозы, что особенно чётко проявилось в реакции шведского правительства на Гражданскую войну в Испании, рассматривались теперь как практически противозаконные, так как они представляли прямую угрозу нейтралитету страны в случае европейской войны²⁶.

Начиная уже с 1933 г. международные аспекты, вследствие их остроты, заняли в СКС центральное место (вопросы рабочего движения, хотя и поднимались на каждой конференции в обязательном порядке, в плане интенсивности и продолжительности дискуссий постепенно отходили на второй план²⁷). В ходе обсуждения международных проблем отношение северной социал-демократии к проблеме регионального сотрудничества выявляется наиболее ярко. Здесь, как и в отношении

СРИ, во взглядах северных правительств преобладали национальные государственные интересы. Наиболее насущной, и, одновременно, неоднозначной темой обсуждений представляется безопасность Северной Европы. А именно проект Северного Оборонительного Союза, возможность формирования которого озвучил в 1933 г. датский премьер-министр Т. Стаунинг²⁸.

Данная идея получила развитие со стороны шведского министра иностранных дел Р. Сандлера после неадекватной реакции Лиги Наций на итальянскую агрессию в Эфиопии, в результате которой ориентация скандинавских стран на коллективную безопасность и разоружения потребовала пересмотра. В процессе разработки проблемы внешнеполитического сотрудничества, СКС в 1930-е гг. явился своеобразным дополнительным форумом к конференциям министров иностранных дел северных стран, хотя острые вопросы северной безопасности затрагивались в Комитете лишь в общем контексте международного положения и не выносились отдельной повесткой дня²⁹.

На конференции СКС в августе 1937 г. представители северных стран наиболее четко сформулировали своё отношение к военному сотрудничеству. Встреча происходила на фоне охлаждения датско-шведских отношений после знаменитой речи Т. Стаунинга в Лунде в марте 1937 г. В ней глава датского правительства, реагируя на критику шведской прессы, осуждавшей «датское противодействие расширению северного сотрудничества», в резких выражениях заявлял об утопичности идеи любых оборонительных проектов с соседними странами и нежелании Дании играть роль «цепного пса для Скандинавии»³⁰. На первой после этой знаменитой речи конференции СКС входящий в состав датской делегации министр обороны Дании и заместитель председателя социал-демократической партии Алсинг Андерсен призвал членов СКС «к открытому, реалистическому диалогу друг с другом», который имел место в секретной беседе представителей Северных стран о возможностях

северного сотрудничества. При обмене мнениями, все участники согласились с необходимостью принятия мер для предотвращения агрессии (ссылаясь на уже ведущееся сотрудничество генеральных штабов северных стран), однако, в основном, при этом подчеркивалась лишь возможность взаимного снабжения военными материалами.

Показательными представляются высказывания делегатов в отношении собственно оборонительного союза, гораздо более сдержанные и завуалированные. Шведские представители предлагали «определиться, чего конкретно мы хотим в этом вопросе», подчеркивая значение нерушимости нейтралитета. В. Таннер, представлявший Финляндию, полагал, что «вопрос об оборонительном союзе постепенно назреет по мере возрастания агрессии диктатуры», однако в настоящее время «ни одна из стран не готова придавать вопросу серьёзного значения». М. Транмель, выражая мнение норвежского правительства, указывал на то, что формулировка «оборонительный союз» некорректна и влечет за собой превратные представления о сути межскандинавских отношений. А. Андерсен, подводя итог под речью Т. Стаунинга, констатировал, что «возможности для налаживания военного сотрудничества невелики» и следует избегать «опасных иллюзий по этому поводу»³¹.

Хотя дискуссия завершилась утверждением, что «вопрос обсуждается на конференциях СКС не в последний раз», очевидно, что, при сложившихся обстоятельствах, в правительственных кругах стран Северной Европы не существовало ни политической возможности, ни заинтересованности в формировании оборонительного союза. Поэтому обсуждения вопросов совместной обороны, необходимость которых подчеркивалась многими членами СКС, не привели к разработке каких-либо совместных мер в этом направлении. Правда, за исключением подготовительных практических работ - таких, как налаживание торговли в условиях затрудненного товароснабжения и координации в обменах военными материалами. Иной альтернативы

членам СКС выработать не удалось³². Аншлюс Австрии в марте 1938 г., заставивший Данию чётко осознать свою изолированность перед германской угрозой, усугубил кризис идеи Северного Оборонительного Союза³³.

На повестке дня СКС, наряду с вопросами безопасности, находились и другие важные аспекты северного сотрудничества. При интенсификации (под действием созданной в 1932 г. группы Осло, а также при активной поддержке шведского министра иностранных дел Р. Сандлера) переговоров о северном таможенном союзе в 1934 г., экономические проблемы в СКС актуализировались. Так, на конференции в августе 1934 г., накануне создания т.н. Северных комиссий соседних стран для исследования возможности скандинавского экономического сближения, данный вопрос был поднят П.А. Ханссоном. Он подчеркнул, что следует стремиться к скандинавскому экономическому союзу³⁴. Экономические аспекты как одна из возможных областей сотрудничества Северных стран затрагивались, однако, в СКС в целом, довольно поверхностно, лишь в связи с конкретными решениями правительств. Уточнения, какие конкретно действия подразумеваются под «экономическим сотрудничеством», в речах участников СКС вообще отсутствовали³⁵.

В условиях крушения принципов международного сотрудничества в мире и подавления рабочего движения тоталитарными режимами, на первый план в скандинавских странах вышли вопросы национальной безопасности. А также скепсис относительно способности каждой из северных стран повлиять на улучшение своего положения посредством участия в международных организациях. Правящие социал-демократические партии Северной Европы отходили от идеи международного антифашистского фронта к изоляционизму и нейтрализму³⁶. По их мнению, национальные интересы в данной ситуации требовали одного: любыми средствами избежать конфронтации и ухудшения торговых и дипломатических отношений с великими

державами. Следует заметить, что переориентация во второй половине 1930-х гг. протекала в социал-демократических партиях северных стран неодинаково. Позиция председателя шведской партии и премьер-министра П.А. Ханссона имела сильное влияние на мнение финских политиков. Примат национальных интересов и строгий изоляционизм подчеркивался и датскими социал-демократами, которым резко противопоставлялись более радикальные взгляды норвежских интернационалистов³⁷.

Отсутствие заинтересованности, в сложившейся международной ситуации, в иных совместных декларациях, кроме нейтральных, делали затруднительным принятие членами СКС конкретных совместных решений. Цель формирования единого международного «социалистического фронта Северных стран», таким образом, во второй половине 1930-х гг. значительно трансформировалась. Необходимо учитывать, что возможности скандинавских социал-демократических партий в сотрудничестве по вопросам безопасности формировались под влиянием внешнеполитических ориентиров, поскольку именно социал-демократы в 1930-е гг. были ответственны за внешнюю политику своих стран. В этом смысле, основные разногласия в СКС имелись между норвежцами и остальными участниками, с одной стороны, и между партиями и рабочим движением с другой³⁸.

Вплоть до 1938 г., НРП (которую поддерживали зачастую, вразрез официальной политике своих стран, датские и шведские ЦОП) демонстрировала гораздо более радикальную, идеологически окрашенную политику по вопросам международной солидарности (в том числе и в отношении к сотрудничеству с коммунистами), чем её более прагматичные скандинавские коллеги. Норвежская позиция, таким образом, на протяжении 1930-х гг. в меньшей степени определялась теми рамками в отношении сотрудничества северной социал-демократии, которые были установлены для них международным положением их стран³⁹ и которые быстрее приняли во внимание правящие

партии Дании и Швеции. Во многом это объяснялось тем, что срок нахождения у власти НРП, формировавшей правительство только с марта 1935 г., был ещё сравнительно невелик. В работе СКС, декларировавшего стремление к единообразию политики северных социал-демократов на международной арене, во второй половине 1930-х гг. начала наблюдаться, таким образом, идеологическая разобщённость, определявшаяся различиями в политическом опыте социал-демократических партий в Северных странах.

Примат национальных интересов при выработке линии поведения в отношении международных кризисов 1930-х гг., ставил скандинавские социал-демократические правительства перед выбором между идеологической и прагматической линией поведения⁴⁰. Солидарность в рамках СРИ не могла обеспечить необходимой защиты странам, проводившим его радикальную антифашистскую линию на официальном, государственном уровне. К тому же, идеологические установки Интернационала во второй половине 1930-х гг. испытывали значительный кризис. Ведь СРИ поддерживал принципы коллективной безопасности, проводимые Лигой Наций, что, после дискредитации этой политики, вызвало неопределенность и очевидные противоречия между его членами относительно дальнейшей тактики. Политическая несостоятельность СРИ, таким образом, выявилась ещё до войны: раскол в европейском рабочем движении приобрел необратимые формы после Мюнхенского кризиса в сентябре 1938 г. Скандинавские рабочие партии в этой ситуации заняли нейтральную позицию, выступая за сведение действий Интернационала в антифашистском вопросе к функции международного информационного бюро. Эта позиция Северных стран была официально сформулирована в «Меморандуме северных социалистических партий» и принята секретариатом СРИ в Брюсселе в сентябре 1939 г.⁴¹

Расхождения в оценках перспектив обороноспособности своих стран, наряду с произошедшими изменениями в поло-

жении СРИ в 1938 г., непосредственно отразились в работе СКС накануне Второй мировой войны. Риск, неизбежный в данной ситуации при продолжении сотрудничества в вопросе обороны, не представлялся оправданным. С началом Второй мировой войны международная социал-демократическая солидарность превратилась в миф, и, соответственно, организованное региональное сотрудничество для проведения его идей потеряло свой прежний смысл. Координация внешнеполитических взглядов участников СКС после радикальных изменений в международной обстановке в Северной Европе осенью 1939 г. (и, ещё более, - весной 1940 г.) более не являлась необходимостью.

Диалог партийных лидеров Северных стран в 1939 г. характеризует значительная пассивность. Так, на конференции 4-5 декабря в отношении актуальнейших международных вопросов (в том числе, и касающихся непосредственно региона Северной Европы, - а именно начавшейся «зимней войны»⁴²) не было вынесено ни одного конкретного совместного решения⁴³. Более того, при обсуждении грядущей встречи СРИ, было принято решение, что участие социал-демократических партий Северных стран в ней возможно только при том условии, что оно не потребует принятия никаких политических резолюций. Готовность к сотрудничеству с соседними странами, таким образом, проявлялась отныне исключительно в тех вопросах, совместное решение которых соответствовало задачам национальной политики каждого конкретного участника и не имело прямого отношения к накалившейся ситуации в Европе. Иначе говоря, речь могла идти, по большей части, лишь о внутренних проблемах рабочего движения Северных стран.

Образование Северного комитета сотрудничества имело важное значение не только для практической координации линии Северных стран, но для идейной поддержки демократических принципов в Европе в целом: Комитет возобновил свою деятельность в период, когда демократическое рабочее движение во многих европейских странах переживало кризис

при расцвете тоталитарных режимов. Благодаря тому, что социал-демократические партии Скандинавии в 1930-х гг. являлись единственными правящими партиями подобного политического толка в Европе, СКС с 1932 г. являлся специфическим институтом как международного, так и скандинавского значения.

Во второй половине 1930-х гг. правительствам Северных стран представился уникальный шанс провести в жизнь уставки СРИ применительно к международным отношениям на официальном государственном уровне, что могло стать важным прецедентом в истории европейских международных отношений. Однако однозначное осуждение агрессии, определяемое приверженностью принципам интернациональной солидарности, могло иметь в данный период слишком опасные последствия для малых стран.

Главной причиной интенсификации сотрудничества социал-демократических сил Северной Европы в первой половине 1930-х гг. стали мотивы политического характера: стремление к эффективной реализации «национальной стратегии» социал-демократических партий во внутренней политике своих стран, продвижение этой стратегии в СРИ и, вместе с этим, борьба с леворадикальными тенденциями в европейском социал-демократическом движении. Общие социал-демократические программы были важнейшей внутренней предпосылкой для объединения Северных стран. Как заявил на очередной встрече СКС член норвежской делегации, виднейший социал-демократ Магнус Нильссен, «нашим социал-демократическим партиями необходимо объединиться, чтобы осознать - что у нас действительно общего», но в случае, «если мы потерпим в нашем сотрудничестве поражение, это будет на руку нашим политическим противникам»⁴⁴. Социал-демократы в Северных странах в 1930-е гг. формировали в большинстве случаев коалиционные правительства, что также заставляло их считаться с мнением оппозиции.

Данные мотивы обуславливали предпринимаемые скандинавской социал-демократией шаги на международном уровне. Возрождение региональных связей и северного сотрудничества для того, чтобы голос «северного блока» в СРИ был услышан, должно было оправдать и доказать правильность курса молодых социал-демократических скандинавских правительств. Конечные цели участников «рабочего северного сотрудничества» совпадали, но при этом национальные интересы Северных стран включали в себя решение проблем, специфических для каждой отдельной страны (в том числе, и специфических проблем ориентации внешней политики). «Общих национальных интересов» для региона в этом смысле слова не существовало. В связи с этим, сотрудничество, достигающее своего эффекта в первой половине 1930-х гг., уже спустя 5 лет после образования СКС не было столь уж желательным.

Таким образом, метко охарактеризованное П.А. Ханссоном стремление Северных стран «продемонстрировать сильную демократию перед лицом фашизма» получило в итоге двойственный результат: чрезвычайно эффективно справившись с подавлением нацистских тенденций во внутренней политике, социал-демократия Северных стран пренебрегла этой задачей на международном и региональном уровнях. Единой региональной политики по этому и другим международным вопросам выработать не удалось, так как наиболее влиятельные шведская и датская партия во второй половине 1930-х гг. напрямую саботировали решения СРИ⁴⁵.

Политике правительства каждой из Северных стран были присущи свои отличительные черты, задаваемые как местом социал-демократии во внутренней политической жизни, так и внешнеполитическим положением страны. В связи с этим позиции делегаций Северных стран в СКС были неравнозначны. Шведская и датская делегации, возглавляемые более авторитетными и харизматичными лидерами занимали в дискуссиях СКС доминирующее положение. Роль финской и исландской социал-

демократии в СКС, в силу их более слабых позиций в своих странах, была второстепенна, - в этом смысле определённый финский языковой барьер и исландская географическая удалённость тоже играли некоторую роль⁴⁶. Норвежцы держались с большей независимостью и чаще инициировали обсуждения по вопросам отношения СКС к международным конфликтным ситуациям, требуя в своих решениях следовать принципам интернационализма.

Накануне Второй мировой войны идеологические различия в политике социал-демократических партий Скандинавии сделались более чёткими, однако очевидно, что на протяжении всего межвоенного периода происходили теснейшее взаимовлияние и обмен мнениями по идеологическим и актуальным политическим вопросам.

Северное сотрудничество в политике СКС, таким образом, имело неоднозначный характер, и, в данном случае, его можно оценивать с двух противоположных сторон - как во внутреннем, так и во внешнем аспектах. Можно констатировать, что в обсуждении вопросов внутреннего характера, связанных с практической деятельностью партии и рабочего движения во внутренней политике, работа СКС давала реальный эффект. В деле укрепления социал-демократии у власти, улучшения социального положения рабочих и стабилизации парламентско-демократических отношений, происходившего в 1930-е гг. в Северных странах параллельно, международная поддержка со стороны других государств Северной Европы и взаимопомощь представлялись полезной и естественной мерой: развитие северного сотрудничества не вызывало здесь серьезных противоречий и было органичным.

Более сложной представляется трактовка северного сотрудничества в международном аспекте. Важно иметь в виду, что с идеологической точки зрения взаимодействие в рамках СКС воспринималось правительствами не как самоцель международной политики социал-демократии, а как средство осуществ-

вления сотрудничества на более широкой международной основе и как одно из воплощений принципов социалистического интернационализма⁴⁷.

Трактовка этих принципов социал-демократическими правительствами Северных стран, однако, во второй половине 1930-х гг. претерпела значительные изменения: концепция интернационализма была теперь несовместима со скандинавским нейтралитетом и национализмом, что отразилось и на региональном сотрудничестве. После дискредитации возможностей Интернационала в предотвращении мировой агрессии, социал-демократические правительства Северных стран на короткий период в 1939 г. обратились к СКС как к самостоятельному органу международного сотрудничества, независимому от политики СРИ. Подобное восприятие, однако, в тот период уже затмевалось сильными изоляционистскими настроениями в Северной Европе.

Это развитие событий может являться как результатом влияния неблагоприятного международного климата, так и подтверждением того, что региональное сотрудничество в «рабочем скандинавизме» не рассматривалось на протяжении 1930-х гг. как отдельная альтернатива международной политике партии и представляло ценность только как составная часть широкой международной программы рабочей интернациональной солидарности⁴⁸.

Несомненной предпосылкой к сближению между рабочими партиями Северных стран в 1930-е гг. и чертой, отличающей его от иных проявлений европейской рабочей солидарности, тем не менее, являлась специфическая *северная идея сотрудничества*. Так, важным моментом в датском восприятии «нордизма» было осознание культурной общности региона. Для финско-шведских отношений характерно было значительное взаимопроникновение как в смысле экономических отношений, так и в сфере идейного влияния. Однако «самоочевидная» идея особой северной идентичности никогда не получала специаль-

ного обсуждения в СКС и в целом не являлась движущей силой для «рабочего скандинавизма». Любопытно отметить, что изменение в её восприятии в 1930-е гг. происходило в определенной степени неосознанно. Продолжая подразумеваться в качестве одной из главных связующих нитей отношений между соседними государствами, по сути, она, чем далее - тем более не являлась таковой в мотивах участников СКС, а накануне войны стала явно политически неактуальной и неудобной.

История деятельности СКС в полной мере подтверждает, что понимание северной идеи во второй половине 1930-х гг. стало более прагматичным и зависимым от конкретных международных реалий, поэтому оно и не нашло своего политического применения. Характерно, что СКС ни в начале, ни позднее не сформулировал конкретных планов и стратегий по организации северного сотрудничества. В анализе этого процесса можно указать и на определенную роль личного фактора. В случае, когда идея находится в стадии брожения и не может получить по каким-либо причинам практического выхода, иногда требуется заинтересованное и активное лицо, способное взять на себя инициативу по её продвижению. Среди большинства членов СКС (как и в правительствах и парламентах Северных стран) не наблюдалось энтузиазма и воодушевленности мыслью о безусловном северном сотрудничестве.

При всём вышесказанном, СКС явился важным итогом и демонстрацией новых тенденций в отношениях между Северными странами в 1930-е гг., а именно готовности к диалогу друг с другом, необходимости открытого обмена мнениями, опытом и полной информацией⁴⁹. Сам факт периодических встреч ведущих политиков Северных стран, на протяжении предвоенного десятилетия, независимо от успешности их переговоров, уже можно рассматривать как определенный результат. В СКС (работа которого продолжается и в наши дни) следует видеть организацию, которая носила отпечаток новой государственной политики стран Северной Европы в XX в., в деятельности которой

отчетливо прослеживаются изменения во взглядах на международное и северное сотрудничество в 1930-е гг. не просто одной из альтернативных политических партий, но правительств Северных стран.

Сохраняя на протяжении 1930-х гг. свою главную, определенную при создании функцию в качестве политического форума северных социал-демократов, СКС не являлся официальной международной региональной организацией, как, например, впоследствии - Северный Совет. Систематический подход к выработке общих решений в СКС отсутствовал. Совместного наднационального аппарата для принятия решений не существовало, а члены комитета не были уполномочены на это правительством. Однако статус скандинавских социал-демократий как правящих партий в определенном смысле делал СКС равноценным совещательному органу межгосударственного северного сотрудничества - черта, которая в большей мере проявилась после 1945 г. После Северного Межпарламентского Союза (созданного с 1907 г.) СКС стал первой инстанцией, официально связавшей правительства Северных стран - многие вопросы, поднимаемые СКС, переходили для официального обсуждения далее, в правительства Северных стран. Это придает истории СКС большой интерес для исследователя.

Подводя итоги сотрудничества социал-демократических партий Северных стран к концу 1930-х гг., надо заметить, что в глубинном смысле оно достигло своей главной цели, которая, вероятно, с самого начала превалировала над идеей «единого северного социал-демократического фронта» - а именно способствовало стабилизации и укреплению политического и идеологических базисов партий, следовательно, расширению влияния социал-демократии в Северных странах, при успешной борьбе с леворадикальными тенденциями во внутренней политике.

«Победное шествие» скандинавской социал-демократии в XX веке берет свое начало именно с 1930-х гг. При всём

положительном взаимовлиянии и взаимопомощи во внутривнутриполитической практике, деятельность СКС иллюстрировала характерную черту отношений Северных стран в 1930-е гг. – разобщенность политических сил региона Северной Европы во внешнеполитических приоритетах. Это во многом объясняет малые практические итоги этой деятельности на международном уровне, как провал идеи северного сотрудничества на официальном государственном уровне в межвоенный период в целом. Однако важно иметь в виду, что в региональном масштабе СКС, более чем какая-либо иная сила, способствовал формированию идеи северного единства⁵⁰. Рабочее движение и социал-демократические партии в Северных странах являлись в 1930-е гг. движущей внутривнутриполитической силой, определяющей понимание северного сотрудничества. В дискуссиях, имевших место в рамках СКС, на высшем государственном уровне выкристаллизовывались его основные направления и принципы, возрождение которых наблюдается в отношениях между странами региона Северной Европы в послевоенные годы.

¹ Критический анализ сотрудничества социал-демократического и рабочего движения Северных стран представлен в монографии шведской исследовательницы Керсти Блидберг: *Blidberg K. Splittrad gemenskap. Kontakter och samarbete inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1931-1945*. Stockholm, 1984. Параллельно, с упором на международный аспект деятельности СКС, над темой работала её немецкая коллега Дорте Путенсен. См., например: *Putensen D. Nordeuropa und die SAI: zum internationalen Wirken der sozialdemokratischen Parteien Nordeuropas in der Sozialistischen Arbeiter-Internationale (SAI) und im nordischen Zusammenarbeitskomitee sowie deren Stellung zu Grundfragen des Kampfes um Frieden (1930-1940)*. Halle-Wittenberg, 1986.

² *Blidberg K. Splittrad gemenskap. Kontakter och samarbete inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1931-1945*. S.218.

³ На первом (как и на последующих) конгрессах декларировалось стремление к дальнейшему расширению сотрудничества (при благоприятных условиях конгрессы должны были получить статус общеевропейского международного форума) и закреплялся принцип регулярности встреч –

за период 1886-1914 гг. состоялось 8 конгрессов. См.: *Casparsson R.* LO under fem årtionden. Del. II. Stockholm, 1948. S. 552.

⁴ В состав комитета входили председатели и секретари Социал-демократических партий и главы Центральных организаций профсоюзов Дании, Швеции и Норвегии. Этот порядок членства сохранился и в 1932 г. при организации СКС, с некоторыми добавлениями: ЦОП могли теперь возглавляться заместителем председателя либо лицом с соответствующими полномочиями; при внесении в повестку особых вопросов на встречах могли дополнительно присутствовать компетентные представители партий, профсоюзов и правительств, вплоть до министров иностранных дел.

⁵ Отделившаяся в 1921 году СДРПН, наряду со шведской, датской и финской социал-демократическими партиями, вступила в СРИ с его образованием в 1923 году; при этом Центральная Организация профсоюзов Норвегии вошла в Интернационал только в январе 1936 года, а НРП (после воссоединения с СДРПН в 1920-х гг.) - в апреле 1938 года. Об истории норвежского рабочего движения в этот период см. подробнее: История Норвегии/ под ред. А. С. Кана и др. М., 1980. С.351-370.

⁶ Подробнее об особенностях параллельного экономико-политического развития, идеологии и организации скандинавского рабочего движения в 1920-е гг. см. *Elvander N.* Skandinavisk arbetarrörelse. Stockholm: Liber-Förlag, 1980. S.61-98.

⁷ *Blidberg K.* Socialdemokratin och Norden. Synpunkter ur ett nordiskt samarbetsperspektiv // Socialdemokratin och svensk utrikespolitik: från Branting till Palme (ed. B.Huldt, K.Misgeld). Stockholm, 1990. S. 186-187.

⁸ В исторической традиции понятие «рабочие скандинавизм» отсылает к скандинавской солидарности рабочего движения, имевшей место до 1919 года и базировавшейся как на таких исходных моментах, как организация рабочего движения и его роль в обществе в целом, так и на специфических вопросах практики - продолжительность рабочего дня, безработица и т.п. В названии данной статьи оно использовано в качестве удачной характеристики для определения процесса сотрудничества между социал-демократическими партиями Северной Европы, получившего своё продолжение и отчётливо политический характер в межвоенный период.

⁹ Цит. по *Blidberg K.* Ideologi och pragmatism - samarbetet inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1930-1955 // Den jyske Historiker. De Nordiske Fællesskaber. Myte og realitet i det nordiske samarbejde. S. 132.

¹⁰ В 1930-х гг. социал-демократы в Северных странах несколько раз возглавили коалиционные правительства: в Дании - с 1929 г., в Швеции - в 1932 и в 1936 г., в Норвегии - в 1935, в Финляндии - в 1937 г.

¹¹ *Hansson P.A. Socialdemokratin inför valet. Stockholm, 1932. S.21.*

¹² По выражению Т. Стаунинга, «северное сотрудничество в формах, которое оно имело до сих пор, должно согласовываться отныне и проистекать в рамках международного сотрудничества» (Protokoll vid sammaträde i Stockholm den 17 och 18 aug. 1934 // Samråd i kristid. Utgivna genom K. Wahlbäck och K. Blidberg. Stockholm, 1986. S. 37).

¹³ *Johansson A. W. Den svenska socialdemokratin och fascismen på trettioalet: nådra reflexioner // Utrikespolitik och historia: studier tillägnade Wilhelm M. Carlgren den 6 maj 1987 / (red. M. Bergqvist, A. W. Johansson och K. Wahlbäck). Stockholm: Militärhistoriska förl., 1987. S.93, 97.*

¹⁴ *Elvander N. Skandinavisk arbetarrörelse. Stockholm, 1980. S.98-100.*

¹⁵ О датской инициативе и ее мотивации см.: *Blidberg K. Splittrad gemenskap... Stockholm, 1984. S.42-44.*

¹⁶ Важнейшими источниками по истории деятельности Северного Комитета Сотрудничества в 1930-е гг. являются протоколы встреч комитета, изданные Королевским Обществом публикации рукописей по Скандинавской истории: Samråd i kristid. Protokoll från den Nordiska Arbetarrörelsens Samarberskommité 1932-1946. Utgivna genom K. Wahlbäck och K. Blidberg. Stockholm, 1986.

¹⁷ Подробнее о причинах и истории возникновения СКС см.: *Blidberg K. Splittrad gemenskap... S.39-51.*

¹⁸ *Putensen D. "SAI och SAMAK – växlande storlekar i den internationella och den nordiska dimensionen (1914–1945)" //Lokalt och internationellt. Dimensioner i den nordiska arbetarrörelsen och arbetarkulturen/ red. Pauli Kettunen. Tammerfors, 2002. S. 137.*

¹⁹ Как заметил на встрече в августе 1934 г. (где НРП приняла курс на содействие изменению международного положения партии) будущий датский министр обороны А. Андерсен: «Есть риск, что, если норвежцам будет позволено присоединиться к северному сотрудничеству без вступления в Интернационал, причины для всякой спешки в этом делем отпадут» (Samråd i kristid... Stockholm, 1986. S. 40). По сути, неформальное сотрудничество рабочих партий всех пяти стран было установлено уже к 1934 году.

²⁰ На учредительной встрече в 1932 г. вопрос о более широких формах северного сотрудничества - Северных конференциях или конгрессах - был

предложен к дальнейшему обсуждению в правительствах стран, однако конкретной реализации впоследствии так и не получил. См.: Protokoll over Kommitéens Møde i København den 10. August 1932 // Samråd i kristid. Utgivna genom K. Wahlbäck och K. Blidberg. Stockholm, 1986. S. 20.

²¹ *Blidberg K. Splittrad gemenskap... S.225.*

²² См. подробнее: *Johansson A. W. Den svenska socialdemokratin och fascismen på trettioalet: nådra reflexioner // Utrikespolitik och historia: studier tillägnade Wilhelm M. Carlgren den 6 maj 1987 / (red. M. Bergqvist, A.W. Johansson och K. Wahlbäck). Stockholm: Militärhistoriska förl., 1987. S.97.*

²³ Причину этому шведские историки видят как в затрудненных условиях развития социал-демократического движения в Финляндии в 1920-начале 1930-х гг., так и в некотором «языковом барьере» для финнов на встречах СКС. См.: *Andersson J. A. Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919-1953. Lund, 1994. S. 79; Blidberg K. Splittrad gemenskap... S.224.* Об отношении финской социал-демократии к СРП см. также: *Putensen D. Die Sozialdemokratische Partei Finnlands und die Sozialistische Arbeiter-Internationale// Jännittävä työväenhistoria, Hannu Soikkasen 60-vuotisjuhlakirja 4.8.1990. Työväen Arkiston Julkaisu No. 3. Helsinki 1990. S. 107-117.*

²⁴ Den nordiske samarbeidskomites møte i Oslo 15 til 17 mai 1938 // Samråd i kristid.... Stockholm, 1986. S.162.

²⁵ Protokoll vid sammaträde i Köpenhamn den 11-12 december 1934 // Samråd i kristid.... Stockholm, 1986. S.149.

²⁶ *Johansson A. W. Den svenska socialdemokratin och fascismen på trettioalet: nådra reflexioner // Utrikespolitik och historia: studier tillägnade Wilhelm M. Carlgren den 6 maj 1987 / (red. M. Bergqvist, A.W. Johansson och K. Wahlbäck). Stockholm: Militärhistoriska förl., 1987. S.98-99.*

²⁷ Превазирование политических вопросов в СКС привело к тому, что с 1937 г. члены ЦОП создали отдельный профсоюзный форум, вследствие чего с повестки дня СКС практически исчезла рабочая тематика, за исключением вопроса о сокращении рабочего времени, имеющего, впрочем, значительный политический характер. Представители профсоюзов, однако, продолжали присутствовать на встречах СКС.

²⁸ *Tingsten H. The Debate on the Foreign Policy of Sweden 1918-1939. Oxford, 1949. P. 225.*

²⁹ Характерно, что, даже если вопросы Северной безопасности поднимались в ходе встречи СКС, результаты этих обсуждений никогда не отражались в итоговом коммюнике.

³⁰ *Sjøqvist V. Peter Munch: Manden, Politikeren, Historikeren. København,*

1976. S.209-210; *Lönnroth E.* Den svenska utikespolitikens historia 1919-1939. Stockholm, 1959. S. 188-189.

³¹ См. заметки секретаря А. Нильссона к пункту 3 программы конференции 18-19.08.1937 в Стокгольме о строго секретной дискуссии по вопросу военного сотрудничества Северных стран: Samråd i kristid. Protokoll från den Nordiska Arbetarrörelsens Samarberskommité 1932-1946. Stockholm, 1986. S.128-131.

³² П. А. Ханссон уже в 1937 г. занимал осторожную и практически пассивную позицию по вопросу Северного оборонительного союза, не считая его решение немедленной необходимостью в свете отсутствия прямой военной угрозы: нахождение у власти в Северных странах «дружественных» социал-демократических партий рассматривалось шведским премьер-министром как гарантия и залог взаимной поддержки в случае вовлечения в войну (*Blidberg K.* Socialdemokratin och Norden... S. 188).

³³ *Seymour S.* Anglo-Danish Relations and Germany. 1933-1945. Odense, 1982. P. 60.

³⁴ Protokoll vid sammaträde i Stockholm den 17 och 18 aug. 1934// Samråd i kristid.... Stockholm, 1986. S.40-41.

³⁵ Об эволюции идеи северного экономического союза в СКС после 1945 года см.: *Blidberg K.* Ideologi och pragmatism – samarbetet inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1930-1955 // Den jyske Historiker. De Nordiske Fællesskaber. Myte og realitet i det nordiske samarbejde. S. 144-147.

³⁶ *Andersson J. A.* Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919-1953. S. 77-78.

³⁷ Интернационалисты, выразителем взглядов которых в СКС стал редактор норвежской «Арбайдербладет» М. Транмель, рассматривали северное и международное сотрудничество в неразрывной связи, как в отношении рабочих вопросов, так и во внешней политике и вопросах безопасности. Однако весной 1938 года, после Аншлюса Австрии, позиция норвежской партии также начала меняться в сторону нейтралистской политики и отдаления от Лиги Наций. См.: *Bjørgum J.* Martin Trammæl og det nasjonale spørsmål: Martin Trammæl og arbeiderbevegelsens posisjon i krysningfeltet mellom nasjonal tradisjon og arbeiderbevegelsens internasjonale ideologi // Lokalt og internasjonelt. Dimensioner i den nordiska arbetarrörelsen och arbetarkulturen/ red. Pauli Kettunen, Tammerfors, 2002. S. 78-103.

³⁸ *Blidberg K.* Ideologi och pragmatism - samarbetet inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1930-1955. S.218-221.

³⁹ До весны 1938 года в Норвегии сильное движение «интернационалистов», сторонников антифашистских мер, противопоставлялось «активной политике мира» Х.Кута. В СКС, где норвежская сторона была в значительной степени представлена интернационалистами, их линия солидарности накладывала явный отпечаток на любые обсуждаемые междуна-родные вопросы.

⁴⁰ Противоборство двух ценностных систем в политике скандинавской социал-демократии подчеркивается во всех работах К. Блиндберг. См., к примеру: *Blidberg K. Ideologi och pragmatism - samarbetet inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1930-1955* // *Den jyske Historiker. De Nordiske Fællesskaber. Myte og realitet i det nordiske samarbejde*. S. 132-150.

⁴¹ Подробнее о политике Северных стран по отношению к СРП см.: *Die Sozialdemokratischen Parteien Nordeuropas und die Sozialistische Internationale// Nordeuropa in der internationalen Klassenauseinandersetzung*. Berlin, 1982. S. 183-205; Putensen, D. “SAI och SAMAK - växlande storlekar i den internationella och den nordiska dimensionen (1914–1945)” // *Lokalt och internationellt. Dimensioner i den nordiska arbetarrörelsen och arbetarkulturen* (red. P. Kettunen), Tammerfors, , 2002. S. 129-149.

⁴² Финским коллегам (которые отсутствовали на встрече) решено было послать телеграмму «с дружественным приветом». Подробнее: *Das nordische Zusammenarbeitskomitee der sozialdemokratischen Parteien und der Winterkrieg* // *Finnland und Deutschland. Forschungen zur Geschichte der beiden Länder und ihrer Beziehungen*. Hamburg 1996. S.147-158.

⁴³ См. Protokoll vid sammaträde i Stockholm den 4 och 5 december 1939// *Samråd i kristid...* S. 192-195.

⁴⁴ Protokoll vid sammaträde i Stockholm den 17 och 18 aug. 1934// *Samråd i kristid....* S.39.

⁴⁵ См. *Blidberg K. Ideologi och pragmatism - samarbetet inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1930-1955*. S.51-69.

⁴⁶ Необходимо учитывать, что СКС возобновил свою деятельность до того, как парламенты стали выделять специальные государственные субсидии для поездок и встреч лидеров рабочего движения. Даже в рамках Скандинавского региона, участие в конференциях было достаточно дорогостоящим: это явилось одной из причин относительно редких встреч СКС в 1930-е гг.

⁴⁷ Вопрос не обсуждался на заседаниях СКС, однако, исходя из общей постановки задач социал-демократическими партиями Северных стран при образовании Комитета, такой вывод представляется правомрным.

⁴⁸ Как отмечает К. Блиндберг, если бы северное сотрудничество для большинства в комитете было целью, а не только средством, различия во взглядах делегации могли бы быть значительно легче устраняться осознанием этой общей цели (*Blidberg K. Ideologi och pragmatism – samarbetet inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1930-1955. S.225*).

⁴⁹ Встречи комитета предварялись отчётами участников о политическом и рабочем положении в своей стране.

⁵⁰ *Andersson J. A. Nordiskt samarbete: som det är skapat och format // Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri. № 71. Stockholm, 1995. S. 334-335.*

**РОЛЬ КАРЕЛИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТЕРИЙОКСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ («ЗИМНЕЙ»)
ВОЙНЫ 1939-1940 гг.**

Весной и осенью 1939 гг. в Москве проходили переговоры между СССР и Финляндией по пограничным вопросам. Советская сторона, мотивируя необходимость обеспечить безопасность Ленинграда, поставила вопрос о взаимном обмене территорий. По этим предложениям Финляндия должна была бы передать СССР Карельский перешеек и несколько островов в Финском заливе, получая взамен вдвое большую территорию Советской Карелии.

После всех безуспешных попыток добиться согласия на свои предложения советское руководство встало на военный путь решения проблемы. В северо-западном регионе страны началась мощная пропагандистская кампания по идеологической подготовке военной акции против Финляндии. Особое внимание при этом уделялось Карелии и её населению, так как по советским предложениям, ряд районов республики, населённых по преимуществу карелами, должны были войти в состав новой демократической Финляндии.

Газеты и радио Карелии, сотни пропагандистов и агитаторов республики развернули широкую работу по разъяснению политики Советского руководства по отношению к Финляндии. На многих предприятиях, в леспромхозах и учреждениях республики прошли массовые митинги и собрания под лозунгами: «Нашему терпению приходит конец», «Будем бить врага беспощадно», «Смести с лица земли финских авантюристов» и др.

Эта работа принесла результаты. Подавляющее боль-

шинство, как военнослужащих частей Ленинградского военного округа, так и гражданского населения Карелии накануне советско-финляндской войны было уверено в справедливости решения Советского правительства о применении силы при разрешении конфликта с Финляндией. Эту уверенность надо было подкрепить деятельностью Народного правительства Финляндии во главе с О. В. Куусиненом.

История этого правительства, созданного в период «Зимней войны», вот уже почти 70 лет интересует исследователей. Следует отметить, что единственным источником, из которого советская и мировая общественность узнавали о правительстве О. В. Куусинена, была центральная советская печать. Уже 2 декабря 1939 г., на третий день войны, газета «Правда» опубликовала сообщение о том, что в финском городе Терийоки (ныне - Зеленогорск), только что освобожденном Красной Армией, по соглашению ряда левых партий и восставших финских солдат, создано Народное правительство Финляндии во главе с О.В. Куусиненом.

Народное правительство выпустило Декларацию, в которой обратилось к правительству СССР с предложением «заключить пакт взаимопомощи между Финляндией и Советским Союзом и удовлетворить вековую национальную надежду финского народа на воссоединение родственного с ним карельского народа в едином и независимом финляндском государстве».

Печать сообщала, что «Куусинен обратился к Президиуму Верховного Совета СССР с предложением об установлении дипломатических отношений. Тот принял это предложение и 2 декабря 1939 г. в Москве В.М. Молотовым и О.В. Куусиненом был подписан Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой сроком на 25 лет»¹.

На следующий день был опубликован текст этого Договора. Он включал в себя восемь статей и в основном удовлетворял требования, которые выдвигал СССР на переговорах с

Финляндией в октябре-ноябре 1939 г. Финляндия соглашалась отодвинуть свою границу с Советским Союзом на Карельском перешейке, передавая территорию в размере 3 970 кв. км. Взамен этого СССР отдавал Финляндии территорию Советской Карелии к западу от Кировской железной дороги общей площадью 70 000 кв. км, населенную преимущественно карельским населением. Газеты поместили и карту, на которой были заштрихованы районы Карельской АССР, отходящие к Финляндии, и территория Финляндии, переходящая к СССР.

Создавая терийокское правительство, советское руководство надеялось, прежде всего, ввести в заблуждение общественное мнение, показать, что СССР не только не ведёт агрессивную войну против Финляндии, а, напротив, заключив военный союз с демократической Финляндией, помогает, как сообщалось в газетах, «финскому народу в его борьбе за освобождение Финляндии от шайки хельсинских белобандитов». Предполагалось также, что правительство Куусинена разложит ряды противника, парализует его сопротивление Красной Армии.

С первых дней боевых действий советская пропаганда продолжала свою линию. Она пыталась убедить местное население в необходимости войны с Финляндией. Справедливый характер войны она пыталась подтвердить тезисом о том, что СССР не покушается на национальную и политическую независимость финского народа, а стремится лишь ликвидировать антисоветский военный плацдарм, созданный в Финляндии. В советской печати широко распространялась мысль, что «Красная Армия призвана оказать помощь финскому народу освободиться от власти тех, кто вверг страну в войну с Советским Союзом, и вновь обрести мир»². Газеты публиковали многочисленные письма о поддержке позиции советского руководства.

Вполне вероятно, что некоторые письма, публиковавшиеся в печати, готовились профессиональными пропагандистами и несли идеологическую нагрузку. Однако нет сомнения в

том, что население северо-западного региона СССР было уверено в справедливости и обоснованности действий Красной Армии против Финляндии по обеспечению безопасности советской территории, в необходимости поддержки Народного правительства Финляндии во главе с О. Куусиненом. При этом главная роль отводилась Карелии и её партийной организации, так как по договору между СССР и Финляндской Демократической Республикой «новому демократическому государству» передавались некоторые районы Карелии. Из Москвы поступило указание провести разъяснительную работу среди населения республики о необходимости этого шага.

Карельский обком ВКП(б), выполняя распоряжения центра, с первых дней зимней кампании развернул широкую пропагандистскую деятельность по разъяснению населению смысла «Декларации Народного правительства Финляндии» и «Договора о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой». При этом особое внимание уделялось тому пункту договора, где говорилось «о необходимости воссоединения карельского народа с родственным ему финским народом в едином Финляндском Демократическом государстве».

Митинги и собрания, посвященные этим вопросам, прошли во многих городах и селах республики. Принимавшиеся на них резолюции носили сугубо пропагандистский характер и походили одна на другую. Так, колхозники из колхоза «Заря» Лумбушского сельсовета Медвежьегорского района Карелии заявляли в своей резолюции: «Мы единодушно приветствуем Декларацию Народного правительства. Одобряем мудрую политику Советского правительства о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом и надеемся, что поддержанное всеми трудящимися Финляндии Народное правительство обеспечит мир и дружбу финляндского трудового народа с великим советским народом. Мы поможем совместно с доблестной Красной Армией трудящимся Финляндии освобо-

даться от гнета буржуазии и построить свою жизнь по-новому»³. Подобными резолюциями были полны страницы республиканских и районных газет Карелии.

Однако единодушия, на самом деле, не было. Анализ архивных документов показывает, что на митингах и собраниях были случаи недовольства принятыми решениями, звучали вопросы: почему советское правительство не спросило карельский народ, желает ли он воссоединения с Финляндией? В ряде мест (особенно в южных районах республики - Олонецком и Пряжинском) не просто высказывалось недовольство передачей районов в состав демократической Финляндии, но и отмечалось желание людей уехать из этих районов в Советский Союз. Причем такие высказывания принадлежали не только русским, но и карелам⁴.

Но самая большая задача, которая была поставлена Советским правительством перед партийной организацией Карелии в период «зимней войны», состояла в обеспечении деятельности Народного правительства Финляндии. С этой целью были созданы группы представителей правительства О. Куусинена, в которые вошли члены партийного и советского актива Карелии, владевшие финским языком.

Первые недели боёв, хотя и не дали запланированных темпов продвижения, все же позволили Красной Армии вторгнуться вглубь финской территории на 50-70 километров. Финское население, в основном уходило вместе с отступающей армией. В районах восточной Финляндии, занятых частями Красной Армии, осталось всего чуть более 2 тыс. мирных жителей.

Народное правительство Финляндии, выполняя установки центра, приняло решение об организации комитетов Трудового народного фронта из этих жителей. Комитеты должны были избираться на общих собраниях граждан и выполнять, по мнению организаторов, две главные функции. Во-первых, являться органами народного восстания против буржуазного пра-

вительства и оказывать влияние на трудящихся по другую линию фронта, чтобы те тоже организовывали население и создавали такие же органы в Финляндии. Во-вторых, они должны были стать и органами самоуправления, налаживая хозяйственную и культурную жизнь в своей местности.

Предполагалось, что после окончания войны комитеты Трудового народного фронта составят политическую основу «демократической независимой» Финляндии, возглавляемой правительством О. Куусинена и не входящей первоначально в состав СССР. В дальнейшем на них возлагалась задача подготовить народ Финляндии к установлению советского строя.

В обеспечении деятельности терийокского правительства и комитетов Трудового народного фронта руководство СССР решающую роль отводило партийно-советскому активу Карелии. Создание местных комитетов стало главной обязанностью министра по делам Карелии Пааво Прокконена (Павел Степанович Прокопьев - в начале войны его карельская фамилия Прокопьев была заменена на финскую - Прокконен) - единственного гражданина СССР в правительстве О. Куусинена. Все остальные члены Народного правительства были финскими революционерами-иммигрантами. Следует отметить, что П. Прокконен был самым молодым членом терийокского правительства - в период «зимней войны» ему исполнилось только 30 лет. Постоянную помощь П. Прокконену должен был оказывать первый секретарь Карельского обкома партии Г. Н. Куприянов, и, прежде всего, в подборе лиц, способных успешно выполнять функции представителей Народного правительства: «подготовить народ Финляндии к установлению советского строя».

Под руководством П. Прокконена, прибывшего в занятые Красной Армией районы Финляндии, первоначально удалось создать семь комитетов Народного правительства, состоящих из 3 - 5 человек, не проявлявших, между прочим, особой активности. Деятельность этих комитетов была направлена, в первую очередь, на нормализацию хозяйственной жизни, обеспечение

безопасности жителей своей местности, восстановление работы школ, организацию торговли. Для оказания помощи комитетам направлялись специальные уполномоченные Народного правительства. Ими стали члены партийного и советского актива Карелии, владевшие финским языком.

Финское население подвергалось усиленной идеологической обработке. Агитаторы рассказывали об образовании Народного правительства, разъясняли Декларацию этого правительства и Договор о взаимопомощи и дружбе между Финляндской Демократической Республикой и СССР. Они распространяли газету «Kansan Valta» - («Народная власть», орган правительства Куусинена). С жителями встречались представители Народного правительства. Главная цель всей этой деятельности состояла в том, чтобы оказать влияние на финское население по другую линию фронта, убедить его в необходимости поддержки Народного правительства.

Основную нагрузку в этой работе нес Карельский обком ВКП (б). Его члены не только вели пропагандистскую деятельность среди населения, но и готовили проекты обращений финских военнопленных с их портретами к солдатам армии Финляндии, которые затем в виде небольших по формату листовок забрасывались в тыл финской армии.

В середине декабря 1939 г. в Петрозаводске состоялось заседание партийного актива, на котором специально рассматривались вопросы оказания помощи Финляндской Демократической Республике и Правительству О. Куусинена. Выступая на нем, секретарь обкома ВКП (б) Г.Н. Куприянов заявил: «Чем шире будет распространена Декларация Народного правительства и обращение ЦК Финской Компартии, тем скорее окончательная гибель каяндеров. Народ Финляндии должен знать правду. Это облегчит продвижение вперед частей Красной Армии»⁵.

Документы показывают, что не все партийные работники «уяснили свои задачи». Некоторые из них пытались уехать из районов, отходящих к Финляндии по договору между Финн-

ляндской Демократической Республикой и СССР, писали заявления о нежелании остаться в Финляндии. Во время партактива Г. Куприянов обрушился с резкой критикой на таких людей: «Стремление удрать из районов, отходящих к Финляндии, не может не расцениваться иначе, как позорное дезертирство, стремление уйти от трудностей. Это пренебрежение интересами партии и Родины»⁶.

И далее он подробно разъяснял, что речь идет не о присоединении к каяндеровской Финляндии, чего так боялись некоторые руководители, а о присоединении к народной Финляндии. В конечном итоге, на партактиве пришли к выводу, что складываются необычные условия. Когда в одной части государства будет социализм, а в другой капитализм, то надо (...будет? ...уже сейчас?) работать, чтобы быстрее добиться победы социализма во всей Финляндии.

Карельский обком партии отправил в Финляндию два типа представителей. Одни должны были заниматься вербовкой добровольцев в армию О. Куусинена. Так, в удостоверении под № 3, подписанном министром по делам Карелии в правительстве О. Куусинена П. Прокконеном 17 декабря 1939 г. и заверенном печатью Финляндской Демократической Республики, говорилось: «Финляндское народное правительство направляет Окунева в Восточную Финляндию для вербовки добровольцев в Народную армию Финляндии». Представители второго типа должны были «выяснять положение и нужды населения и распространять Декларацию правительства».

Докладывая 30 декабря 1939 г. секретарям ЦК ВКП(б) Маленкову и Жданову о работе среди населения Восточной Финляндии, занятой частями Красной Армии, Г. Н. Куприянов писал: «Сейчас на территории Финляндии, занятой нашими войсками (8-й и 9-й армий. - С. В.), работают в качестве представителей Народного правительства 25 человек коммунистов. Подобран резерв 56 человек, с удостоверениями и личным оружием, который мы будем посылать по мере продвижения частей

Красной Армии вглубь Финляндии»⁷. Обязательным условием зачисления в состав этой спецбригады было знание финского языка.

Первый комитет Трудового народного фронта (КТНФ) был учрежден в деревне Хаутаваара 9 декабря 1939 г. Во второй половине января 1940 г. насчитывалось в общей сложности уже 15 комитетов, в том числе в районе Петсамо. Кроме того, в 13 деревнях действовали уполномоченные КТНФ. В основном, в их состав входили представители бедных и средних слоев крестьянства.

В отчёте Карпова, руководителя бригады представителей Народного правительства Финляндии в Суоярви от 28 января 1940 г., направленного им на имя председателя правительства О. Куусинена, отмечалось, что в районе Суоярви создано 12 комитетов Трудового народного фронта, в том числе в крупных населённых пунктах: в деревне Хаутаваара (население - 120 чел.); в деревне Мойсенваара (население - 280 чел.); в деревне Игнойла (население - 175 чел.)⁸.

В начальный период «зимней войны» руководство СССР поставило перед Карельским обкомом ВКП (б) и другую задачу - подготовить кадры для создания нового государственного аппарата демократической Финляндии. Он должен был формироваться из партийных и советских работников республики, владевших финским языком. В этой связи с декабря 1939 г. во всех пограничных районах Карелии были организованы кружки для партийно-советского актива по изучению финского языка.

Несмотря на важность идеологической деятельности, которая ставилась перед терийокским правительством, на практике Народное правительство Финляндии и созданные им комитеты Трудового народного фронта должны были, в первую очередь, решать насущные экономические проблемы, связанные с организацией повседневной жизни населения. Интересно, что одними из первых, кто поставил эти вопросы, стали представители Госбанка СССР в Ленинграде Шенглер и Каганов.

Уже 10 декабря 1939 г. они направили на имя председателя правления Госбанка СССР Н. А. Булганина докладную записку «Об организации советской торговли и валютного обращения на территории Карельского перешейка, отошедшей к СССР», в которой отмечали, что особо стоит вопрос о торговле на территории Финляндской Демократической Республики. «В связи с продвижением советских частей и организацией Народного правительства на этой территории уже организуется торговля. Мы считаем, что торговля с финским населением должна осуществляться на финскую валюту по существующим ценам»⁹.

И это предложение было оперативно выполнено: через три дня - 13 декабря 1939 г. за подписью Председателя СНК СССР В. М. Молотова и Управляющего делами СНК СССР М. Хломова выходит постановление СНК СССР № 2041-578с «О торговле на территории Карельского перешейка». В нем отмечалось: «СНК постановляет: 1. Разрешить Наркомторгу СССР и местным ленинградским торгам производить на территории Карельского перешейка, отошедшей к СССР, продажу товаров населению как на советскую валюту, так и на финские марки по курсу: 1 финская марка = 10 копейкам. Торговлю осуществлять по ценам, установленным для г. Ленинграда. 2. Предложить Госбанку открыть в г. Териоки отделение Госбанка для операций по обслуживанию торговых организаций и осуществлению обмена финских марок на советскую валюту по указанному курсу»¹⁰.

13 декабря 1939 г. А. Жданов, О. Куусинен и П. Прокконен направили телефонограмму на имя зам. Председателя СНК СССР, председателя Экономического совета при СНК А. Микояна, в которой говорилось: «В целях удовлетворения потребности товарами первой необходимости населения Восточной Финляндии и своевременной переброски этих товаров просим выделить Наркомторгу Карелии фонды следующих товаров: муки - 200 тонн; крупы - 20 тонн; сахара - 40 тонн; кофе - 5 тонн; чая - 1 тонну; спичек - 300 ящиков; махорки - 15 тонн; керосина - 15 тонн; соли - 30 тонн. Выделить для переброски этих товаров из

Петрозаводска на место 10 грузовых машин и 50 тонн горючего. Карелторгу, на базе которого развертываем торговлю, просим выделить для пополнения оборотных средств 500 тыс. рублей. Торговля на территории Финляндии *будет проводиться уполномоченными Народного правительства Финляндии* (выделено в телефонограмме. - С. В.) с использованием торговой сети Карелторга»¹¹.

На следующий же день А. Микоян ответил, что Экономический совет при СНК СССР принял все предложения и дал распоряжение Наркоматам СССР: Наркомторгу (Смирнов А. И.), Наркомзагу (Субботин К. П.), Наркомпищепрому, Наркомлесу, Наркомнефти, Наркомсредмашу, а также Госбанку СССР удовлетворить ходатайство КАССР¹². Все было выполнено в кратчайшие сроки.

Анализ архивных документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) показывает, что на первом этапе советско-финляндской войны - в декабре 1939 г. - январе 1940 г. - практически все просьбы О. В. Куусинена в адрес руководства СССР об оказании экономической и финансовой помощи Народному правительству по проведению работы среди населения на занятой финской территории были удовлетворены. Так, 12 декабря 1939 г. О. В. Куусинен получил от А. А. Жданова 3 млн. руб. наличными для Народного правительства. Деньги были выделены Нарком-фином СССР (А. Г. Зверев) и Госбанком СССР (Н. А. Булганин). О получении этих денежных средств О. В. Куусиненом в фонде А. А. Жданова в РГАСПИ имеется отдельная расписка¹³.

Деятельность комитетов Трудового народного фронта Народного правительства Финляндии была развернута на всей территории Восточной Финляндии, занятой частями Красной Армии. В течение декабря 1939 г. - января 1940 г. комитеты Трудового народного фронта активно работали среди населения района Суоярви в южной части Восточной Финляндии. В очередной За-

писке П. Прокконена на имя О. Куусинена, составленной в конце января 1940 г., отмечалось, что комитеты во всех деревнях этого района оказали помощь 321 человеку, нуждающемуся в хлебе. А также прикрепили к жителям бесхозный скот для ухода и, одновременно, для получения молока, предоставили жилую площадь неимущим; детям, обучающимся в школах, выделили обувь и одежду. С 23 по 30 января 1940 г. в районе работала передвижка, которая обслужила 405 человек.

Жители деревень Мойсенваара, Суурисельга и Игнойла впервые смотрели звуковые картины (фильмы «Богатая невеста», «Человек с ружьем» и др.), они вообще плохо представляли, что такое кино. После киносеансов во всех населенных пунктах были организованы танцы под баян. Конечно, при этом не забывали проводить и массово-политическую работу. В конце января 1940 г. в деревнях Игнойла, Хюрсюля и Хаутаваара представители Народного правительства провели собрания, на которых разъясняли жителям возможность получения работы в лесу, в Игнойле также обсудили вопрос об открытии школы и приняли текст письма беженцам. В деревне Суурисельга на собрании приняли обращение к солдатам Финской армии¹⁴.

Отход от первоначального плана деятельности спецбригад Народного правительства на всем фронте боевых действий обозначился уже в декабре 1939 г. и был обусловлен сложившейся к тому моменту военной обстановкой. Комитеты Трудового народного фронта вынуждены были заниматься не столько агитационной, сколько административно-хозяйственной работой. Более того, они перестали играть предназначенную им роль местных органов власти, поскольку командование Красной Армии перестало считаться с ними.

Несмотря на сложную ситуацию на советско-финляндском фронте, связанную с неудачами Красной Армии в начальный период войны и переходом ее частей в конце декабря 1939 г. к обороне, а также тем, что финское население на занятых территориях оказалось крайне немногочисленным, Народное прави-

тельство Финляндии предполагало продолжить свою деятельность и в дальнейшем. Как отмечают Н. И. и В. Н. Барышниковы, О. Куусиненом был представлен план работы на февраль 1940 г. «по обслуживанию населенных пунктов», подведомственных Народному правительству. В соответствии с этим планом, предполагалось развивать «экономическую, медицинскую и культурно-образовательную работу», появилась даже идея создать «народную милицию»¹⁵.

Кроме того, в центральных и карельских архивах нами были обнаружены планы работ на февраль 1940 г. бригад Народного правительства по обслуживанию населенных пунктов. Так, в плане работы бригадира по направлению Суоярви Карпова значилось 10 пунктов. В том числе: уточнить земельные площади в населенных пунктах и провести распределение бесхозной земли среди не имеющих земли середняков и бедняков, установить наличие семян и искусственных удобрений у населения и фактическую потребность для проведения весеннего сева, разрешить вопрос о тягловой силе (для безлошадных) и др.¹⁶ Для выполнения всех этих мероприятий был составлен график выезда представителей правительства О. Куусинена в феврале 1940 г. в населенные пункты Суоярвского района.

Однако всем этим планам не суждено было сбыться. 30 января 1940 г., перед началом февральского наступления советских войск, Главный Военный совет Красной Армии издал директиву, согласно которой предусматривалось переселение финских граждан на восток, вглубь территории СССР¹⁷. На основе этой директивы всё население с территории Восточной Финляндии в начале февраля 1940 г. было выселено в приграничные районы Карелии в процессе общей эвакуации всего гражданского населения республики из приграничной 40-километровой полосы. В этой связи, деятельность комитетов Трудового народного фронта в первой половине февраля 1940 г. Практически была свернута.

После этого стала затухать работа и членов самого

терийокского правительства. Информация о нем всё реже появлялась в советской печати. Одним из последних сообщений стала публикация в конце февраля 1940 г. в центральных газетах обращения Народного правительства к наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову по случаю празднования Дня Красной Армии. О последних днях работы правительства Куусинена Н. И. и В. Н. Барышниковы пишут следующее: «Из отдельных воспоминаний (членов терийокского правительства. - С. В.) известно, что “премьер-министр” все еще продолжал много работать, взбадривая себя с помощью кофе. Но остальные не собирались, как прежде, на общие заседания, поскольку в этом почти не было необходимости. Их встречи чаще всего происходили во время эпизодических лыжных прогулок в ближайших окрестностях Териоки. Правда, по рассказам Инкери Лехтинен, несмотря на то, что в последнее время правительство вело незанятой образ жизни, все же рассматривались отдельные вопросы по мере того, как они возникали»¹⁸.

Официально правительство О. Куусинена просуществовало до конца «Зимней войны». 12 марта 1940 г. переговоры в Москве между делегациями СССР и Финляндии завершились подписанием советско-финляндского мирного договора. В результате, правительству не осталось ничего иного, кроме как самораспуститься. Правда, документ о роспуске Народного правительства до сих пор не обнаружен в российских архивах. Вполне возможно, что это решение было принято Сталиным устно, без соответствующего письменного оформления.

Судя по архивным документам, почерпнутым нами из фондов архивов С.-Петербурга и Петрозаводска, население Северо-Запада России в связи с заключением мира задавало много вопросов представителям власти: «Где сейчас Народное правительство Финляндии и что с ним будет?», «Почему договор о мире подписан с правительством в Хельсинки, а не с Народным правительством?», «Будет ли оставаться в силе договор, заключенный Правительством СССР с Народным правительством Фин-

ляндии?» и т. д.¹⁹ После окончания Советско-финляндской войны 1939 - 1940 гг. О. В. Куусинен и ряд бывших членов его правительства продолжили свою деятельность в созданной 31 марта 1940 г. новой союзной республике в составе СССР - Карело-Финской ССР.

События «зимней войны», решение присоединить часть территории Советской Карелии к новой Демократической Финляндии показывают, что руководство СССР действовало, исходя из своих политических целей без учета мнений самого карельского населения. Впрочем, эта практика существовала как до, так и после окончания Советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Новая союзная республика - Карело-Финская ССР была образована официально «по просьбам трудящихся», но ни с жителями республики, ни даже с ее руководством никакого совета не было.

¹ Правда, 1939, 3 декабря.

² Зимняя война 1939-1940. Кн.1. Политическая история. М., 1998. С.220.

³ Карельский государственный архив новейшей истории (далее – КГАНИ). Ф.3. Оп.5. Д.288. Л.11.

⁴ Там же. Л.36-38, 45.

⁵ Там же. Д.448. Л.14.

⁶ Там же. Л.16-18.

⁷ Там же.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 14.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5446. Оп.24а. Д.1459. Л.6.

¹⁰ Там же. Л.9.

¹¹ Там же. Оп.23а. Д.1497. Л.1.

¹² Там же.

¹³ РГАСПИ. Ф.77. Оп.4. Д.47. Л.60-61.

¹⁴ Там же. Ф.522. Оп.1. Д.46. Л.49.

¹⁵ *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939 - 1940 гг.). СПб., 2003. С. 208.

- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 522. оп. 1, д. 46, л. 43.
- ¹⁷ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 34980, оп. 5, д. 51, л. 3.
- ¹⁸ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939-1940 гг.). СПб.-Хельсинки, 2003. С. 208.
- ¹⁹ Центральный государственный архив историко-политической документации (ЦГАИПД). Ф. 24. Оп. 26. Д. 4327. Л.105-108.

¹ Правда, 1939, 3 декабря.

² Зимняя война 1939-1940. Кн.1. Политическая история. М., 1998. С.220.

³ Карельский государственный архив новейшей истории (далее – КГАНИ). Ф.3. Оп.5. Д.288. Л.11.

⁴ Там же. Л.36-38, 45.

⁵ Там же. Д.448. Л.14.

⁶ Там же. Л.16-18.

⁷ Там же.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 14.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5446. Оп.24а. Д.1459. Л.6.

¹⁰ Там же. Л.9.

¹¹ Там же. Оп.23а. Д.1497. Л.1.

¹² Там же.

¹³ РГАСПИ. Ф.77. Оп.4. Д.47. Л.60-61.

¹⁴ Там же. Ф.522. Оп.1. Д.46. Л.49.

¹⁵ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб., 2003. С. 208.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 522. оп. 1, д. 46, л. 43.

¹⁷ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 34980, оп. 5, д. 51, л. 3.

¹⁸ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939-1940 гг.). СПб.-Хельсинки, 2003. С. 208.

¹⁹ Центральный государственный архив историко-политической документации (ЦГАИПД). Ф. 24. Оп. 26. Д. 4327. Л.105-108.

**«СУЩЕСТВОВАЛО ЛИ В ИЮНЕ 1941 г. ИЗНАЧАЛЬНО
ФИНСКО-ГЕРМАНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ
СОГЛАШЕНИЕ О ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ?»**

Вопрос: «существовало ли в июне 1941 г. изначально финско-германское политическое соглашение о военном сотрудничестве?», направленное против Советского Союза, был одним из ключевых в момент проходившего в 1945-1946 гг. в Хельсинки судебного процесса над финскими главными военными преступниками¹. Действительно, ответ на него позволял более ясно представить степень причастности Финляндии к готовящейся нацистской Германией агрессии. Более того, признание факта существования данного соглашения означало, что финское руководство, тем самым, грубо нарушило Московский мирный договор 1940 г. с СССР, поскольку в нем содержалось обязательство «не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»².

Естественно, опрашиваемые высшие государственные и военные чиновники того времени в один голос утверждали, что такого соглашения не было и никто и «никогда не слышал о существовании такого соглашения и тем более не видел его»³. Эти заявления президент Финляндии Р. Рюти подтверждал еще мыслью, что «от финского правительства не зависело развитие событий, а в войну мы попали, поскольку избежать её в тех условиях не было никакой возможности»⁴. В результате, представители финского руководства превращались лишь в своеобразных заложников складывавшейся в Европе ситуации, при которой они становились абсолютно беспомощными и не способными влиять на судьбу своей страны. Подобную точку зрения дружно подхватили в конце 1940-1950-е гг. финские историки,

подчеркивая, что Финляндия оказалась в войне помимо своей воли, будучи «захваченной мощным течением, направление которого не было возможности предусмотреть»⁵.

Однако эти утверждения затем начали подвергаться весьма обстоятельной критике как в самой Финляндии, так и за рубежом⁶. Исторические факты, которые всё более и более становились известными о финско-германском военном сотрудничестве в 1940-1941 гг., позволяли сделать очевидным, что в Хельсинки в это время сознательно выбрали для страны путь, по которому предполагалось движение Финляндии к новой войне против СССР. Не случайно потом, в 1960-е гг., президент У. К. Кекконен вообще позволил себе заявить, что «даже абсолютный болван не может больше отрицать того, что небольшая финская руководящая группа заключила с нацистской Германией секретное соглашение об участии Финляндии в агрессивной войне Гитлера летом 1941 года»⁷.

Это начали подтверждать и финские государственные деятели высшего ранга периода войны. Так, премьер-министр Финляндии 1943-1944 гг. Э. Линкомиес в своих мемуарах прозрачно намекнул, что «какая-то предварительная договоренность о присоединении Финляндии к войне, несомненно, имела». При этом он тут же заметил, что «эта договоренность, естественно, не имела характера обязывающего государственного соглашения», но «была заключена не только между военными»⁸. Подобные откровения ставили уже серьёзный знак вопроса в отношении факта отсутствия реального соглашения о финско-германском военном сотрудничестве накануне нападения на СССР.

Тем не менее, известные тогда факты, доказывающие существование именно политического соглашения между Финляндией и Германией, продолжали носить исключительно предположительный характер. Конкретно полагалось, что данная договоренность могла быть достигнута 20 мая 1941 г. в момент визита в Финляндию и встречи здесь с президентом Р. Рюти

представителя немецкого правительства К. Шнурре. Именно тогда, как можно допустить, Берлин уже официально готов был предложить финскому президенту заключить соглашение, по которому официально на договорной основе «военные руководители Финляндии и Германии приступили бы к обсуждению совместного курса в случае возникновения войны между Германией и Советским Союзом»⁹.

Действительно, в это время в Рейхе полным ходом шла непосредственная подготовка к нападению на СССР. Практически за полмесяца до посещения К. Шнурре Финляндии, в конце апреля, Гитлер окончательно определил точную дату начала войны с СССР - 22 июня 1941 г. Поэтому, естественно, сразу же после этого в Берлине отдали распоряжение продолжить «официальные переговоры об участии в войне против Советского Союза» финской армии¹⁰. Причем тогда предварительное военное планирование совместных с Финляндией боевых действий против советских войск находилось в значительно более продвинутом состоянии, чем, скажем, аналогичные действия в отношении к другим союзникам Рейха на границах с СССР: Румынии и Венгрии¹¹.

В новых условиях требовалось уже участие в переговорах не только военных, но дипломатических представителей тех стран, которые должны были принять участие в войне. Вследствие этого, с целью придания процессу подготовки к началу войны более широкого характера, 12 мая из руководства вермахта в имперское министерство иностранных дел ушла информация о том, что «настало время для детальных переговоров о военном сотрудничестве с Финляндией»¹². Было решено, что пора уже пригласить ответственную финляндскую делегацию для достижения окончательных договоренностей по военной линии, и доверялось это сделать именно представителям германского МИДа.

И вот как раз тогда, 20 мая 1941 г., из Германии в Хельсинки прибыл посол по особым поручениям Карл Шнурре.

Главной целью этого визита стала личная встреча немецкого дипломата с президентом страны. Причём условием этих переговоров было то, что о них не должны были знать даже высокопоставленные чиновники министерства иностранных дел Финляндии. Более того, по непонятным причинам, об этой поездке нет донесений в финских архивных фондах, так же как не упоминает о ней в своих воспоминаниях и немецкий посланник в Хельсинки В. Блюхер¹³. Все это явно указывало на то, что данный визит имел тогда исключительно секретный характер. В результате, до сих пор единственным источником о состоявшихся переговорах, фактически, являются дневниковые записи финского президента. Однако они выполнялись в достаточно фрагментарном виде и не могут раскрыть сути происходивших тогда переговоров¹⁴.

Именно после завершения этого таинственного визита началась финальная стадия наиболее интенсивных германо-финских отношений, которые непосредственно предшествовали началу агрессии против СССР. Она выражалась как в военных, так и в политических переговорах.

Причем политические контакты между Германией и Финляндией, как представляется, имели тогда не менее важное значение, чем военные, поскольку позволяли определить общую степень взаимодействия и взаимопонимания между двумя странами. Показательным в этом плане стало то, что тогда между Р. Рюти и германским руководством начался обмен мнениями относительно весьма важного дела - определения по итогам войны с СССР будущих границ Финляндии на востоке. В частности, в конце мая финский президент дал задание посланнику в Берлине Т. Кивимяки «представить немецкому внешнеполитическому руководству пожелание Финляндии о том, чтобы финнам были возвращены старые границы, а также стратегические и этнографические границы Восточной Карелии»¹⁵. При этом самой смелой из различных вариантов, которые тогда были переданы в Берлин, являлась идея проведения новой границы по

линии от Белого моря к Онежскому озеру и далее по реке Свирь через Ладугу к Ленинграду¹⁶. Подобная координация с Германией своих территориальных претензий явно указывала на агрессивность готовящейся со стороны Финляндии войны и появление откровенных союзнических отношений у двух стран.

Естественно, начавшийся обмен мнениями Рюти с германским руководством являлся далеко не личной инициативой финского президента. Данный вопрос обсуждался на традиционном совещании «узкого круга» лиц, которые тогда, собственно, и решали дальнейшую судьбу страны. А определение конкретных территориальных приобретений, которые Финляндия стремилась достигнуть в готовящейся войне против СССР, по мнению посланника Т. Кивимяки, играло важную роль, поскольку здесь, прежде всего, «вопрос заключался в сближении с интересами Германии». Финский посланник сразу же, с получением данного задания, отправился в немецкий МИД. Передавая атмосферу того периода, он писал: «С внесёнными сообщениями надо было спешить... Я сразу же, захватив с собой документы и карты, направился к Вайцзекеру»¹⁷.

Общие интересы с Германией финское руководство начало выражать ещё и тем, что оно тогда разорвало дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Польши и Югославии, стран, которые были оккупированы нацистами¹⁸. Причем разрыв отношений, скажем, с эмигрантскими кругами Польши происходил в условиях, когда до этого зимой 1939-1940 гг. представители польского эмигрантского правительства были даже готовы направить часть своих бывших военнослужащих, оказавшихся на Западе, на помощь Финляндии в войне против СССР.

Что же касается военной составляющей начавшегося нового этапа финско-германского процесса сотрудничества, то она выразилась в том, что начальник генштаба финской армии генерал Эрик Хейнрикс и начальник оперативного отдела полковник Кустаа Тапола в сопровождении еще трёх представи-

телей вооруженных сил Финляндии прибыли тогда в Германию для окончательного согласования планов совместных военных операций с германской армией. Переговоры были крайне деловые и весьма стремительные. Они проходили в Зальцбурге и Цоссене. С немецкой стороны, германскую делегацию возглавляли фельдмаршал Вильгельм Кейтель, генералы Альфред Йодль и Франц Гальдер. Сам же визит занял всего четыре дня.

Кейтель в своих заметках, сделанных уже во время нахождения в тюремном заключении и на судебном процессе в Нюрнберге осенью 1946 г., отмечал: «С начальником генерального штаба финской армии генерал-лейтенантом Хейнриком я в мае 1941 г... заключил в Зальцбурге основополагающее соглашение (...) с целью допуска на территорию Финляндии армии “Норвегия”». Далее Кейтель отмечает: «Ни я, ни Йодль даже и не предполагали, что наша миссия являлась всего лишь подтверждением предварительных переговоров ОКХ (главного командования сухопутных войск. - В.Б.)...»¹⁹.

Что имелось в виду под «основополагающим соглашением»? Об этом всё еще трудно сказать. Из материалов генерала Хейнрикса, представленных Маннергейму по поводу данного визита, не следует, что он вообще вел обстоятельные переговоры с Кейтелем²⁰. Там всё сводилось лишь к рассмотрению чисто оперативных вопросов.

Возвратившись в Финляндию, Хейнрикс подробно проинформировал «узкий круг» в лице Рюти, Манергейма и Вальдена об общих итогах переговоров, после чего правительство было поставлено в известность о необходимости осуществления подготовительных мероприятий к ведению войны и установлении соответствующих сроков для этого. В данном случае, показательным опять оставалось то, что политическое руководство страны фактически опять формально не участвовало в процессе принятия решений, которые за него принимали военные. Весь этот процесс выглядел тогда, как вполне естественный. Более того, даже не возникало вопроса о каком характере войны идет

речь, хотя было предельно очевидно, что готовилась самая настоящая агрессия.

В целом, характер последних перед войной встреч на высшем уровне между германским и финским военным руководством полностью доказывал, что речь шла уже исключительно об окончательных согласованиях последних вопросов перед началом войны. Германия, по крайней мере, о финских перспективах в этот период особо не волновалась²¹. Это доказывает отданное 28 мая Гитлером указание, в котором финляндскому руководству можно было передавать сведения о планирующихся немецких операциях против СССР, но, «лишь о тех, которые им необходимо знать для взаимодействия» с немецкими вооруженными силами²².

При этом, естественно, процесс развития военно-политического сотрудничества между Германией и Финляндией перед началом войны не закончился. Вскоре, 3-6 июня, состоялась новый раунд военных переговоров. Он прошел уже в Хельсинки. Во главе немецкой делегации был полковник Э. Бушенхаген, а также начальник Восточного отдела разведки генштаба сухопутных войск Германии полковник Э. Кинцель. Что же касается финнов, то делегация уже целиком состояла из представителей высшего оперативного командования, и ее возглавлял начальник генерального штаба Э. Хейнрикс.

Результат этих переговоров лаконично был определен в телеграмме, которая ушла уже 3 июня 1940 г. из Хельсинки немецкому военному командованию: «Финляндия по каждому пункту сотрудничества готова»²³. Таким образом, важнейшие межгосударственные вопросы решились без ведома парламента на уровне офицеров, которым поручалось достигнуть соответствующей договорённости, а страна при этом уже окончательно выходила на «финишную прямую», после которой уже предстояло собственно начинать боевые действия.

В итоге, после прошедших на рубеже конца мая - начала июня 1941 г. договоренностей, теперь события стали развиваться

ся с молниеносной быстротой.

Уже 7 июня генерал А. Йодль отдал приказ о транспортировке немецких войск в финские порты на Балтике²⁴. И сразу же туда было направлено громадное количество судов, на борту которых находились военнослужащие двух немецких дивизий. Всего в июне 1941 г. на более чем 70 транспортных кораблях перевезли свыше 21 тысячи германских солдат, которых затем эшелонами по железным дорогам стали пробрасываться в финскую Лапландию в район Рованиеми. Параллельно туда же из Норвегии маршем начали прибывать и первые механизированные части дивизии СС «Норд». Вообще же, в те дни, группировка немецкой армии в районе Рованиеми увеличилась на более чем 40 тысяч солдат²⁵. К тому же, III-й финский армейский корпус, дислоцировавшийся в Лапландии, тоже перешел в оперативное подчинение командованию немецких войск.

Одновременно в распоряжение немецкой авиации был предоставлен ряд финских аэродромов, что позволяло серьёзно приблизить места германского авиационного базирования к жизненно важным районам северо-западной части СССР. Далее, уже за десять дней до начала войны, 12 июня в финские территориальные воды вошёл отряд боевых кораблей, состоящий из лучших торпедных катеров Германии²⁶. Эти суда должны были вместе с финскими кораблями с началом войны постараться перекрыть выход советского Балтийского флота из Кронштадта.

В период с 15 по 19 июня генштаб финской армии внёс окончательные уточнения в план наступательных операций в северном Приладожье и на Ка-рельском перешейке²⁷. При этом немецкие войска уже 18 июня на севере Финляндии стали выдвигаться к советской границе²⁸. За день до начала этой передислокации финскому военному командованию уже чётко сообщили, что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня. После получения этой информации, генеральный штаб финской армии вынужден был уже срочно провести совещание команди-

ров оперативных отделов корпусов, на котором было проинформировано об ожидаемом развитии событий. Как отметил затем 19 июня в своем дневнике генерал П. Талвела: «Предварительный приказ о наступлении получен»²⁹.

Иными словами, вооруженные силы Финляндии, в данном случае, действовали вполне согласованно с вермахтом, что не могло не свидетельствовать о союзнических, по своей сути, отношениях между двумя странами. В результате, за день до нападения Германии на Советский Союз, 21 июня, вооруженные силы Финляндии были приведены в состояние полной боевой готовности. Теперь оставалось лишь начать тиражировать приказ, заблаговременно составленный маршалом Маннергеймом о переходе финской армии в наступление и находящийся уже в типографии генштаба, и официально объявить его в войсках³⁰.

К тому же, тогда финляндские подводные лодки и германские минные заградители, располагавшиеся в шхерах, направились в территориальные воды Советского Союза для постановки мин. Причём показательным в данном случае было то, что эти боевые по своей сути действия выполнялись с санкции не военного командования, а президента Финляндии³¹.

Все эти события свидетельствовали, естественно, только об одном, что Финляндия и Германия действовали строго по выработанному единому стратегическому плану, который, очевидно, должен был опираться на межгосударственный союзный договор о совместной войне против СССР. Однако реального письменного документа, доказывающего достигнутое германо-финское соглашение, так и не обнаружено, а подтверждением его возможного существования остаются лишь конкретные действия двух армий в момент начала войны, а также косвенные ссылки на возможность существования подобного договора. Показательным же при этом является то, что намёки на существование данного документа в основном исходили лишь исключительно из германских источников.

Ярким примером в данном случае является то, что ещё в

период хельсинкского судебного процесса стало известно, что А. Гитлер, накануне нападения Германии на СССР, 21 июня 1941 г. направил президенту Финляндии Р. Рюти письмо. Из его содержания можно ясно увидеть факт существования между «немецким и финским военным руководством договоренностей», связанных с началом войны против Советского Союза³². Далее же фюрер, уже 22 июня, публично, без всяких условий, заявил, что в едином строю с немецкими войсками на Севере находятся «финские братья по оружию», которых «возглавляет маршал»³³. Любопытным, при этом стало то, что К. Г. Маннергейм и министр иностранных дел Р. Виттинг были заранее ознакомлены, в частности, с текстом речи Гитлера о начале вместе с Финляндией войны Германии против СССР, и не высказали со своей стороны возражений по поводу её содержания³⁴. Более того, заявление фюрера подтвердил ещё и командующий группировкой войск в Северной Финляндии немецкий генерал Х. Фалькенхорст, указавший, что подчинённая ему «германо-финская армия присоединяется к этому наступлению»³⁵.

Всё это, несомненно, не могло не указывать на существование соответствующего соглашения между немецким и финским руководством о совместной войне против СССР. Хотя, как было отмечено на заседаниях хельсинкского судебного процесса 1945-1946 гг., ссылка на наличие этих договорённостей всё же не находит своего подтверждения в реальном документе, поскольку вообще «в рукописном виде его не найдено»³⁶. Это, как раз, и создавало главную проблему в доказательстве наличия данного соглашения. В результате, тогда, по итогам судебного разбирательства, «в решении суда над военными преступниками не утверждалось, что между Финляндией и Германией был реально оформлен военный союз»³⁷. Однако, наряду с этим, в заключении суда также указывалось еще и то, что «едва ли можно удивляться тому, что Советский Союз посчитал Финляндию противником с начала того момента, когда Германия осуществила нападение»³⁸. И это заключение дела-

лось уже с учётом конкретных событий, которые происходили летом 1941 г. в политическом и военном сотрудничестве между Финляндией и Германией, создавая, таким образом, достаточно двойственную ситуацию в оценке факта существования финско-немецкого военно-политического соглашения накануне начала войны.

Столь своеобразное и где-то противоречивое заключение суда, безусловно, объяснялось отсутствием прямых доказательств наличия финско-германского соглашения. Но это не стало препятствием для мирового сообщества, которое признало всё же Финляндию союзником фашистской Германии, по крайней мере, *де-факто*. Об этом свидетельствуют как решения 1945-1946 гг. Совета министров иностранных дел победивших в войне держав, так и сам Парижский мирный договор, подписанный странами антигитлеровской коалиции со всеми европейскими партнерами нацистов в Европе. Финляндию тогда четко квалифицировали как союзное Германии государство.

Что же касается СССР, то реальные действия Финляндии в начале войны ясно указывали советскому командованию о сложившихся у Рейха на практической основе союзнических с финским руководством отношениях. Они выражались в том, что Финляндия, объективно не объявив Советскому Союзу войны, уже позволила Германии с финской территории разворачивать против СССР боевые действия. Они вначале выражались в проведении немецкой армией воздушных и морских операций, которые явно предполагали нанесение серьезного ущерба потенциалу советских вооруженных сил, поскольку проявлялись в начавшихся авиационных налетах на военные объекты и минировании советской акватории Финского залива.

Все это выглядело вполне достаточным, чтобы в Москве сделали адекватные выводы из реально происходивших на северо-западе СССР событий. Поэтому, когда на второй день войны в позиции Финляндии стало всё предельно ясно, а нарушения советской границы превращались в весьма регулярные по

своей сути действия, имеющие характер развертывания прямых боевых операций, было принято решение дать всё-таки соответствующий отпор. Это решение принималось в Москве несмотря на то, что войскам Ленинградского военного округа ранее давалось категорическое указание, чтобы они «не шли на провокации»³⁹.

По неопубликованным воспоминаниям начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, он 23 июня в 12 часов дня доложил о действиях финнов Г. К. Жукову, который тогда являлся заместителем наркома обороны СССР и начальником Генштаба. Как пишет Никишев, он позвонил ему и сообщил о систематических фактах нарушения границы со стороны Финляндии. Ответ был категоричным. Жуков твердо сказал: «Бейте эту сволочь» и положил трубку»⁴⁰. Это означало, что для военных загадок тогда уже не было. Боевые действия Финляндии на границе с СССР явно указывали на то, что финны вступили в войну на стороне Германии и по этому поводу требуются адекватные действия.

Таким образом, ответ на вопрос: «существовало ли изначально в июне 1941 г. финско-германское политическое соглашение о военном сотрудничестве?», очевидно, следует искать не в письменных подтверждениях этого соглашения, а в реальных военных и политических действиях, благодаря которым можно чётко зафиксировать, что летом 1941 г. уже явно существовали непосредственные договорённости на военном и политическом уровне. При осуществлении анализа конкретных шагов Германии и Финляндии в начале их военного сотрудничества и в момент организации военного нападения на СССР, вопрос о наличии или отсутствии письменных союзных обязательств двух сторон объективно становится уже лишним.

¹ Ulkoasiainministeriön arkisto (Далее: UM). 110. G 12. Suomen ulkopoliittikan selvittelykomitean kysymyksiä.

-
- ² Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. М., 1946. С. 495.
- ³ См.: UM. 110. G 12. Suomen ulkopoliittikan selvittelykomitean kysymyksiä. E. Heinrichsiin vastaus Suomen Ulkopoliittikan selvityskomitealle, 9.04.1945; UM. 110. G 12. R. Rytin vastaus Suomen Ulkopoliittikan selvityskomitealle, 11.04.1945.
- ⁴ Ibid. Muistio: Suomen ja Saksan välisestä sotilasliitosta sotasyölysoikeuden käynnin valossa (15.11.1945).
- ⁵ См.: *Korhonen A.* Toisen maailmansodan aika // Suomen historian käsikirja. Porvoo-Hels., 1949. S. 662-663.
- ⁶ См.: *Барышников В. Н.* Зарубежная историография проблемы вступления Финляндии в войну против СССР в 1941 г. // Клио, № 3 (38). 2007.
- ⁷ *Kekkonen U.* Kirjeitä myllystäni. Hels., 1976. S. 196.
- ⁸ *Linkomies E.* Vaikea aika. Hels., 1970. S. 84.
- ⁹ UM. 110. G 12. Muistio: Suomen ja Saksan välisestä sotilasliitosta sotasyölysoikeuden käynnin valossa (15.11.1945).
- ¹⁰ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 98.
- ¹¹ См.: *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940-1941 гг. СПб., 2005. С. 178-200.
- ¹² *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo- Hels.,-Juva, 1984. S.78.
- ¹³ См.: *Korhonen A.* Barbarossa – suunnitelma ja Suomi. Porvoo-Hels., 1961. S.253.
- ¹⁴ «Käymme omaa erillistä sotaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940-1944. Hels., 2006. S.89-90.
- ¹⁵ KA. Risto Rytin kokoelma. Oikeudenkansleri virasto.
- ¹⁶ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriviivat. Hels., 1980. S. 63-69; Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S.296.
- ¹⁷ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo, 1965. S. 207.
- ¹⁸ См.: UM. 110. G 12. Suomen ulkopoliittikan selvittelykomitean mietintö, 12.07.1945.
- ¹⁹ *Кейттель В.* Взгляд в прошлое накануне смертного приговора // Новая и новейшая история. 1991, № 2. С.199.
- ²⁰ SA. PK 1172/15. Kenraali Heinrichsin kokoelma. Muistinpajoja Saksan matkoilta, 1941.
- ²¹ См.: *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S.102-103.
- ²² *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S.84; ; *Korhonen A.* Barbarossa – suunnitelma ja Suomi. S.275.
- ²³ Цит. по: *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S.100.

-
- ²⁴ *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S.93.
- ²⁵ *Ibidem*; *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977. С.145.
- ²⁶ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S.459; *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S.108.
- ²⁷ См.: *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S.427.
- ²⁸ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S.108.
- ²⁹ Цит. по: *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S.430.
- ³⁰ Tiedonantaja. 1979, 16.02.
- ³¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S.573-574; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. S.205-206.
- ³² *Ibidem.*
- ³³ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 153.
- ³⁴ См.: *Upton A. F.* Välirauha. Hels., 1965. S. 386-387.
- ³⁵ Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939-1944. Lahti, 1967. S. 77.
- ³⁶ UM. 110. G 12. Muistio: Suomen ja Saksan välisestä sotilasliitosta sotasyllisyysoikeuden käynnin valossa (15.11.1945).
- ³⁷ *Ibidem.*
- ³⁸ *Ibid.* Suomen ulkopolitikan selvittelykomitean mietintö, 12.07.1945.
- ³⁹ Архив штаба Ленинградского военного округа. Ф. 47. Оп. 47/127. Д. 24 (2). Воспоминания Д.Н. Никишева.
- ⁴⁰ Там же.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В области культуры между Северной Европой и Россией в Новое время установилось довольно тесное сотрудничество. Среди широкого разнообразия культурных контактов наибольший интерес представляют взаимоотношения России и Финляндии, как ближайших соседей. Россия и Финляндия представляют мировому сообществу бесценный политический опыт строительства межгосударственных отношений в XX в.: от противостояния и войны до перманентного и прочного состояния мира, дружбы и сотрудничества.

Для выявления специфики двустороннего сотрудничества в области культуры на современном этапе необходимо проследить эволюцию российско-финляндских контактов. Финны и финские племена проживали на территории, которая сейчас частично входит в состав России. Столетиями финны находились на перекрестках дорог между Россией и Швецией, ведя торговлю с русскими, а довольно часто и воюя против них.¹

Духовная жизнь народов России и Финляндии с давних времен развивалась во взаимодействии культурных явлений, которое в тот или иной исторический период принимало различные формы и шло с разной степенью интенсивности. Примерно с конца XVIII в. Финляндия приняла на себя благородную миссию посредника в сближении скандинавских и русских культурных традиций.² Уже в начале XIX в. начали предприниматься первые попытки взаимных контактов в области культуры, которые получили успешное продолжение в XX столетии, не остановившись в развитии и в XXI в. Русское влияние оставило неизгладимый отпечаток в культуре Финляндии. Все северяне знакомы с такими именами, как Достоевский, Толстой, Бродский, Солженицын. Из художников в Финляндии наиболее

известен Репин. В музыке наиболее широкое распространение получили имена Чайковского, Рахманинова и Шостаковича. Финское влияние на русскую культуру также заслуживает особого внимания. В России знают таких финских художников, как Аксель Галлен-Калелла, Альберт Эдельфельт. Произведения финского композитора Сибелиуса неоднократно исполнялись в России. Своим вкладом в национальную архитектуру известен Алвар Аалто.

В 1809 г. Финляндия на началах широкой автономии вошла в состав России, получив статус Великого княжества,³ после чего начала активно развивать сотрудничество сопредельных регионов. Так, Санкт-Петербург занимает особое место в российско-финляндских отношениях, что обусловлено общей границей и многолетним опытом совместной работы. Финны в XVII в. появились в большом количестве на территории, где ныне расположен Петербург, когда эти земли находились под властью Швеции. Это так называемые финны-ингерманландцы, их связи с Петербургом в XVIII - XIX вв. были достаточно тесными.⁴

Развивая свою экономику, Финляндия к концу XIX столетия стала процветающей частью империи. Однако конец столетия ознаменовался началом русификации, рост которой шел параллельно с усилением финского национализма. В декабре 1917 г. Финляндия провозгласила свою независимость и вскоре была признана мировым сообществом как суверенное государство.

Анализируя характер взаимоотношений между Советской Россией и Финляндией после обретения последней независимости, необходимо отметить, что результатом двух военных кампаний в период с 1939 по 1944 гг. стала вынужденная адаптация Финляндии к более сильному Советскому Союзу. Последняя война с Советским Союзом (1941-1944), получившая в Финляндии название «война-продолжение»,⁵ окончилась подписанием перемирия между Финляндией и СССР.

На первоначальном этапе послевоенные отношения с Советским Союзом осуществлялись через Союзную контрольную комиссию. Официальные дипломатические отношения были возобновлены после подписания в 1947 г. Парижского мирного договора. Через финские поставки Советскому Союзу по репарациям открылся путь к финляндско-советской внешней торговле, которая имела существенное значение для обеих сторон. Внешняя политика Финляндии на этом этапе отличалась некоторой парадоксальностью: интеграцию в западные структуры можно было осуществить только через тесное сотрудничество с Москвой.⁶ На официальном уровне российско-финляндские отношения в области культуры на фоне разделения Европы являлись примером поступательного развития сотрудничества. Однако на практике количество взаимных проектов сводилось к минимуму.⁷ Тем не менее, подобный характер культурного взаимодействия не повлиял на успешное развитие российско-финляндских экономических отношений, которые послужили стимулом для активного сотрудничества в различных областях общественной жизни, в том числе в области культуры.

Новые культурные связи строились, в отличие от прошлого, в большинстве случаев через официальные учреждения. Уже в 1944 г. было вновь создано Финляндско-советское общество дружбы. Соответствующее общество дружбы «Советский Союз - Финляндия» было основано в Москве в 1958 г.⁸ Вследствие распространенной практики в Европе, различные города Финляндии обрели советские «города-побратимы». Например, городом-побратимом Турку стал Ленинград, побратимом Тампере - Киев и т.д. Они организовывали поочередно обмены визитами своих делегаций, различные культурные мероприятия.

Для содействия культурным финляндско-советским связям и изучения СССР в 1947 г. в системе Министерства просвещения и культуры Финляндии был создан Институт культурных связей между Финляндией и Советским Союзом (ныне это

Институт России и Восточной Европы). Позже, в изменившейся ситуации, когда в Советском Союзе начался процесс разрядки и расширения гласности, Институт получил возможность углубленного научного изучения СССР/России.⁹

Подписанное в 1955 г. Советско-финляндское соглашение о научно-техническом сотрудничестве привело к большому разнообразию в культурном обмене. Финляндцы получили возможность учиться в Москве. Национальный архив Финляндии смог изготовить микрофильмы с хранящихся в архивах СССР материалов, касающихся Финляндии, и это имело важное значение для исследований до тех пор, пока в 1990-х гг. российские архивы не стали более доступными.

Из взаимного обмена научной мыслью можно, в качестве примера, привести симпозиумы историков, проводившиеся раз в два года. На них для обеих сторон появилась возможность излагать свои представления о проблемных вопросах общей истории.¹⁰

Большое значение для развития культурных связей Финляндии с Россией и другими республиками СССР имели финляндско-советские соглашения и протоколы, так или иначе касавшиеся сотрудничества в области культуры, науки и образования, издательского и архивного дела, радио и телевидения. Таких соглашений и протоколов лишь в период с 1960 по 1983 г. было около двадцати. Первое «Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Финляндской республикой» было подписано 27 августа 1960 г. Далее последовали «Соглашение о сотрудничестве в области кинематографии между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики от 6 июня 1984 года» и «Программа сотрудничества в области культуры, науки и образования между СССР и Финляндией на 1988 - 1993 годы от 6 октября 1987 г.»¹¹

Финляндия признала Россию в качестве государства-правопреемника СССР 30 декабря 1991 г. В январе 1992 г.

заключен российско-финляндский «Договор об основах отношений», действие которого в 2001 г. было автоматически продлено до 2007 г.¹² В настоящее время между Россией и Финляндией действуют более 80 межгосударственных и межправительственных документов, регламентирующих практически все сферы двустороннего взаимодействия.

В феврале 1995 г. между министерствами образования России и Финляндии был подписан «Меморандум о сотрудничестве», который содержит перечень конкретных проектов. Они характерны весьма широким и разнообразным спектром соответствующей деятельности: от стимулирования изучения русского и финского языков и культур до экологического воспитания.¹³

Много нового появилось, в последнее время, в форме и содержании двусторонних культурных связей. Они, как и раньше, регулируются межправительственным соглашением от 11 июля 1992 г., однако основная часть культурного обмена осуществляется в рамках совместных проектов на уровне отдельных территорий, заинтересованных организаций и лиц.¹⁴

Продолжают развиваться многолетние отношения сотрудничества между Московской консерваторией и Академией музыки им. Сибелиуса, Большим театром и Финской национальной оперой, Государственным музеем искусства Хельсинки и ведущими музеями Москвы и Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербурге начинает развивать свою деятельность Институт Финляндии - аналог Российского центра науки и культуры, активно работающего в Хельсинки уже с 1977 г.

Регион Северо-Запада России в силу исторических, географических и гуманитарных причин проявляет активный интерес к Северным странам. Успешное развитие контактов неотделимо от знания языков. После падения Советского Союза изучение северных языков приобрело поистине широкий размах. В Санкт-Петербургском Государственном Университете давно уже ведется преподавание датского, норвежского, шведского и

финского языков, теперь эти же языки можно освоить в десятках других высших учебных заведений и курсов.

Примером активного сотрудничества в области культуры может послужить проведение российско-финляндских форумов, деятельность которых началась в 2000 г. Наряду с проведением такого рода культурных встреч, происходит обмен российскими театральными коллективами и делегациями творческих работников с коллегами из городов Хельсинки, Турку, Котка, Ювяскюля, Миккели и др.

Распад Советского Союза не лишил финнов возможности искать идеи и вдохновение в русской культуре, науке и русском искусстве. И здесь сотрудничество между финнами и россиянами стало более свободным и естественным. Исчезают политические и идеологические стереотипы, растет роль человека. Прекрасным тому примером может послужить открытие Института Финляндии в Санкт-Петербурге, Информационного бюро Совета Министров Северных стран, где Финляндия представлена широким спектром образовательных и культурных программ.

Последние десятилетия характеризуются активным обменом туристами между обеими странами. Благодаря растущему туризму, как финны, так и россияне получают возможность ознакомиться с соседней страной. В частности, финны, среди иностранных туристов в Петербурге, самые многочисленные.

Таким образом, взаимосвязи между финнами и русскими имеют давние традиции. Нередко новые веяния европейской культуры распространялись в Финляндию через посредство России. Перемены, которые происходили в течение последних лет, открыли для культурного взаимодействия много новых возможностей. Наши современники сохраняют традиции сотрудничества России и Финляндии предыдущих столетий, активно развивая взаимный диалог в различных областях общественной жизни.

-
- ¹ *Люра М.* Финны и русские // *Международная жизнь*, 1998, №2, С. 5.
- ² *Venäjä ja Suomen kulttuurisuhteet.* Helsinki, 1998. S. 29.
- ³ *Killinen K.* Kansainvälinen politiikka. Porvoo, 1958. S. 12.
- ⁴ *Siikala K.* Suomen kansainväliset kulttuurisuhteet. Helsinki, 1976. S. 37.
- ⁵ *Цуммербергер С.* Финляндия после 1917 года. Кеуру, 1995. С. 18.
- ⁶ *Люра М.* Финны и русские // *Международная жизнь*, 1998, №2, С. 6.
- ⁷ *Siikala K.* Suomen kansainväliset kulttuurisuhteet. Helsinki, 1976. S. 52.
- ⁸ *Карвонен Т.* Советский союз и Финляндия: сотрудничество, добрососедство. Москва, 1977. С. 31.
- ⁹ Институт России и Восточной Европы: <http://www.rusin.fi/info/infoRUS.html>
- ¹⁰ *Jutikkala E.* Suomen historia. Helsinki, 2002. S. 34.
- ¹¹ Культурное взаимодействие России и Финляндии в XIX-XX вв. http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/r_f_vved.shtml
- ¹² Российско-финляндские отношения (справочная информация) <http://www.ln.mid.ru/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/fc1b3c070e2b571c43256db1005187a2?OpenDocument>
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Отрешко С.* Наука, культура и образование // *Международная жизнь*. 1998, № 2. С. 99.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО И. П. ШАСКОЛЬСКОГО С СЕВЕРОМ

Вероятно, самое большое влияние на Игоря Павловича, на выбор им жизненного пути оказал его отец, Павел Борисович Шаскольский.

Павел Борисович родился в 1882 г. в семье провизора, торговца аптекарскими товарами, сумевшего создать крупную торговую фирму, которая получила название по имени основателя - «Торговый дом Борис Шаскольский». Торговому дому принадлежало несколько аптекарских магазинов, дольше всех просуществовала аптека по адресу Невский пр., 27 (рядом с Казанским собором). Помимо торговли аптекарскими товарами торговый дом с начала XX в. занимался производством и распространением по всей России знаменитой минеральной воды «Боржом».

В семье было четверо сыновей. Но именно Павел Борисович взял на себя обязанности продолжателя семейного дела. К этой карьере он очень серьезно готовился: закончил естественный факультет Санкт-Петербургского университета, курс фармации в Марбургском университете, имел диплом провизора. Стал ближайшим сотрудником своего отца, а после его смерти (в 1910 г.) фактически возглавил фирму.

Кроме того, что Павел Борисович был деятельный и успешный предприниматель, он был очень образованный человек. Знал несколько языков, глубоко знал историю, очень любил и специально изучал искусство, архитектуру. В молодости много путешествовал по Европе. Участвовал в деятельности общества «Старый Петербург».

С 1916 по 1921 г. Павел Борисович был на военной службе, служил сначала матросом Балтийского флотского экипажа,

затем фармацевтом в госпиталях.

После Октябрьской революции имущество торгового дома было национализировано, торговля прекращена. Но как только, с началом НЭПа, появилась возможность - Павел Борисович вновь открыл аптекарский магазин на Невском, 27. В 20-е гг. аптека не приносила больших доходов, но доставляла очень много хлопот и неприятностей. Правила ведения дел для частных предпринимателей часто менялись, налоги росли. Детство Игоря Павловича прошло под постоянные разговоры о том, что вот «придут и опишут». И действительно, несколько раз приходили судебные приставы и описывали домашнее имущество. И во всем частнопредпринимательском деле, как позже писал в своих письмах Павел Борисович, уже был «дух тления и безнадежности». Но Павел Борисович не мог позволить себе закрыть дело. Он считал себя в долгу и перед семьей, и перед жителями города: ведь уже на протяжении многих лет для петербуржцев-ленинградцев было привычно обращаться в аптеку Шаскольского на Невском.

И все же в 1929 г. частный аптекарский магазин был закрыт, и Павел Борисович с облегчением вернулся к своей специальности химика-фармацевта. Он понимал, что ему, с его прошлым, лучше держаться подальше от столиц, от Ленинграда. В 1930 г. он стал техническим руководителем Йодного бюро на Мурмане.

В это время потребность йода за счет производства внутри страны покрывалась менее чем на десять процентов. Была поставлена задача: создать йодное производство из местного сырья. Способ производства йода из морских водорослей давно был известен, и в небольшом объеме йодный промысел уже существовал на Севере. Для организации нового завода был выбран остров Кильдин в Баренцевом море, на расстоянии 1,5 км от Мурманского побережья. Кильдин был выбран потому, что он имеет пологие берега, на которых возможно организовать сбор морских водорослей. Это небольшой остров, длиной

семнадцать с половиной, шириной в семь км. На острове – тундровая растительность. Пролив (по-местному «сальма») не замерзает. Там были небольшие местные поселения, в том числе несколько норвежских семей. Местных жителей планировалось привлечь к работе на йодном производстве, завозились и рабочие с материка.

Основные работы развернулись в 1930 г.: завод на острове Кильдин входил в число 518 предприятий, которые должны были быть построены в третьем, решающем году первой пятилетки. На острове были построены помещения для конторы, лаборатории, общежития и столовая для рабочих. Были построены 4 печи для пережигания морских водорослей и помещение для каждой. Завод открылся в дни октябрьских праздников в 1931 г. А в 1934 г. объединение «Северойод» произвело уже более 4,5 тонн йода.

На острове Кильдин Павел Борисович провел четыре года, в достаточно суровых условиях. Он часто и подробно писал домой. Сохранились его многочисленные письма, из которых видны, прежде всего, два обстоятельства. Во-первых, разлука с семьей - с женой и детьми - была для него очень тяжела. Сыну он писал отдельно, и сохранил, и привез с собой в Ленинград все детские письма, написанные в ответ. И не каждый отец, живущий с сыном в одной квартире, находит время для таких серьёзных и доверительных бесед, какие содержатся в этой переписке. Во-вторых, он был очень увлечен своей работой, совершенно поглощен своим делом.

Одновременно с организацией завода, с развитием йодного производства на Кильдине, возникла совершенно противоположная идея дальнейшего развития острова, а именно: устроить на острове Кильдин песцовый заповедник. Для этого предполагалось всякое производство прекратить, а главное - вывезти все население, не только новое, но и тех, кто там обосновался давно. Вот это бесцеремонное желание грубо вмешаться в жизнь людей, лишить их права на обжитые места, прекратить

начавшееся развитие производственной жизни на острове - это все вызывало протест.

Павел Борисович участвовал в различных совещаниях, где рассматривались вопросы о судьбе острова, причем готовился очень серьезно, изучал литературу. Вот что он пишет в своем письме от 10 августа 1930 г.: «я порылся в книгах..., на днях купил... редкую книгу... с очень сухим названием - Лоция Мурманского берега. Там я нашел замечательные сведения, что еще в XV веке новгородцы из Архангельского края на ладьях ходили в Норвегию «через море-акиян да через Мурманский нос» (Нордкап); что в XVI веке, когда голландские экспедиции Баренца через Ледовитый океан ходили к Сибири - искать дорогу в Индию и Китай, отход, т.е. сбор кораблей, был назначен у Кильдина, что тогда еще на Кильдине было становище лопарей и русских, что одним словом не Пушносиндикату производить после 2 лет своих опытов деколонизацию этого единственного в своем роде здесь оазиса растительности и жилья».

На некоторое время (до 1937 г., когда остров был превращен в военную базу) идея промышленного развития острова победила. Павел Борисович работал на Кильдине до 1934 г., затем - на Чимкентском химфармзаводе. Последним местом его работы стал завод «Фармакон» в Ленинграде. Как многие тысячи ленинградцев, он погиб блокадной зимой 1942 г.

В 1933 г. к Павлу Борисовичу на Кильдин приехал подросший сын Игорь и провел там целый счастливый месяц. Пока отец был занят в лаборатории, мальчик бродил по острову, знакомился с людьми, с немногочисленными своими сверстниками. С отцом и его сослуживцами выходил в море на боте. Наблюдал, как ловят треску на пустой крючок. Вел долгие беседы с отцом. И об этом сентябре до конца жизни сохранил самые дорогие воспоминания. Вероятно, именно тогда начался его интерес к Северу, к его людям, его истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....5

Кривошеев Ю. В. , Соколов Р. А.

К вопросу о датировке русско-норвежских переговоров 50-х гг. XIII в. (спор о датировке И. П. Шаскольского)31

Шаскольский И. П., Возгрин В. Е., Шрадер Т. А.

Грамоты Великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской Земле.41

Лугинин Л. М.

Прорыв Россией «восточного барьера» и формирование российско-шведского союза в первой четверти XVII в.57

Кобзарева Е. И.

«Война подступила к горлу»: русско-шведские пограничные переговоры 1676 г.65

Кротов П. А.

Численность русской кавалерии в Полтавской битве.73

Возгрин В. Е.

Южный фронт российской внешней политики накануне и после Полтавы.80

Анисимов М. Ю.

Русско-шведская конвенция о безопасности торговли на Балтике в годы Семилетней войны.109

Бугашев С. И.

Англо-русское сотрудничество в Швеции в конце 60-х - начале 70-х гг. XVIII в.120

Сексте Я. А.

Русско-шведская война 1788 - 1790 гг.: малоизвестные страницы истории России и Швеции XVIII в.132

Давыдов Р. А.

Краткий обзор судоходства и внешней торговли России в Евро-Арктическом регионе в годы Крымской войны.148

Сафонов М.М.

Екатерина II и дело камер-юнгферы М. Жуковой.154

Коваленко Г. М.

Новгород глазами шведских и финских ученых и путешественников XVIII - нач. XX вв.165

Шрадер Т. А.

Кем были норвежцы-колонисты в России?168

Мусаев В. И.

Миф о русской угрозе в Скандинавии в XIX - нач. XX в.193

Стогов Д. И.

Дискуссии о целесообразности русификации Финляндии в высших правительственных кругах России конца XIX - нач. XX в.204

Смолин А. В.

Финляндский вопрос в представлениях военно-политической и дипломатической элиты белого движения в 1918-1919 гг. 212

Кузнецова О. Н.

Шведский королевский двор начала XX в. глазами русской великой княжны Марии Павловны–младшей (Судьба Герцогини Сёдерманландской).230

Катцова М. А.

Проблема организации в региональном сотрудничестве стран Северной Европы в 1920-1930-х гг.242

Бутвило А. И.

Выбор пути для Карелии: к 90-летию Карельской Трудовой Коммуны262

Васара В.-Т.

«Русский фактор» в праворадикальном движении в Финляндии в 1920-1930 гг.267

Катцова М. А.

Роль Северного рабочего социал-демократического комитета в развитии сотрудничества стран Северной Европы и «рабочий скандинавизм» 1920-1930-х гг.282

Веригин С. Г.

Роль Карелии в обеспечении деятельности терийокского правительства в период советско-финляндской («зимней») войны 1939-1940 гг.315

Барышников В. Н.

«Существовало ли изначально в июне 1941 г. финско-германское политическое соглашение о военном сотрудничестве?».331

Балашова К. С.

Динамика развития российско-финляндских культурных связей345

Шаскольская Т. И.

Первое знакомство И. П. Шаскольского с Севером.352

CONTENTS

Preface.5

Krivosheev Y.V., Sokolov R.A.

On the Issue of Dating of the Russian-Norwegian Negotiations in the 50-th of the XIII Century (Dispute on Chronology Given by I.P. Shaskolsky).31

Shaskolsky I. P., Vozgrin V. E., Shrader T. A.

Charters of Grand Duke Vasiliy III to the Collectors of a Tribute in Lopsky Land.41

Luginin L. M.

The Breakthrough of “East Barrier” by Russia and Formation of Russian-Swedish Union in the First Quarter of the XVIIth Century. ...57

Kobzareva E. I.

«War has Risen to a Throat»: the Russian-Swedish Boundary Negotiations of 1676.65

Krotov P.A.

Strength of Russian Cavalry in the Battle of Poltava.73

Vozgrin V. E.

Southern Front of the Russian Foreign Policy before and after the Battle of Poltava.80

Anisimov M. Y.

The Russian-Swedish Convention on Safety of Trade on the Baltic Region during the Seven Years' War.109

Bugashev S. I.

English-Russian Cooperation in Sweden in the Late Sixties - the Beginning of Seventies of the XVIIIth Century.120

Sekste J. A.

The Russian-Swedish War of 1788 - 1790: Little-known Pages of the History of Russia and Sweden in the XVIIIth Century.132

Davydov R. A.

A Brief Review of Navigation and Foreign Trade of Russia in Euro-Arctic Region during the Crimean War.148

Safonov M. M.

Catherine II and the Case of M. Zhukova.154

Kovalenko G. M.

Novgorod through the Eyes of the Swedish and Finnish Scientists and Travellers of the XVIIIth - the Beginning of the XXth Centuries
.....165

Shrader T. A.

Who was Norwegian Colonists in Russia?168

Musaev V. I.

A Myth about Russian Threat in Scandinavia in the XIX - the Beginning of the XX Century.193

Stogov D. I.

Discussions in the Higher Governmental Circles of Russia about Necessity of Russification of Finland at the End of the XIX - the Beginning of the XXth Century.204

Smolin A. V.

The Finnish Question in the Ideas of Military, Political and Diplomatic Elite of White Movement in 1918-1919.212

Kuznetsova O. N.

The Swedish Royal Court at the Beginning of the XXth Century

through the Eyes of Russian Grand Duchess Maria Pavlovna Jr. (Destiny of the Duchess Syodermanlandsky).	230
<i>Kattsova M. A.</i>	
A Problem of Organization in the Regional Cooperation of the Countries of Northern Europe in the 1920-1930th.	242
<i>Butvilo A. I.</i>	
A Choice of the Way for Karelia: to the 90-th Anniversary of the Karelian Labour Commune.	262
<i>Vasara V.-T.</i>	
«The Russian Factor» in the Right Wing Radical Movement in Finland in the 1920-1930th.	267
<i>Kattsova M. A.</i>	
A role of Northern Working Social-Democratic Committee in Development of Cooperation of the Countries of Northern Europe and «the Worker's Scandinavism» of the 1920-1930 th	282
<i>Verigin S. G.</i>	
The Role of Karelia in Maintenance of Activity of the Terioky's Government during the Soviet-Finnish («Winter») War of 1939-1940.	315
<i>Baryshnikov V. N.</i>	
«Whether There was Initially in June, 1941 a Finnish-German Political Agreement on Military Cooperation?».	331
<i>Balashova K. S.</i>	
Evolution of Development of the Russian-Finnish Cultural Relationships.	345
<i>Shaskolskaya T. I.</i>	
The First Acquaintance of I.P.Shaskolsky with the North	352

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ И СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: ОТ
СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ И. П. ШАСКОЛЬСКОГО)

Печатается без издательского редактирования

Оригинал макет - Б. П. Заостровцев

Подписано в печать 15.12.2009. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,6.

ООО «АИК»
195279, Санкт-Петербург, а/я 91,
тел 8 (812) 9450922
post@arculture.ru

